

Бхагван Шри Раджниш. Ошо. Это имя давно уже не нуждается в оценке, признании, рекламе. Скорее, это наш читатель нуждается в серьезном знакомстве с Ошо. До сих пор на русском языке публиковались лишь отдельные его книги, к тому же интерес к ним у неинформированного читателя был изрядно нейтрализован профессионально изготовленными сплетнями.

«Мессия» — это весь Ошо: это широко распахнутая дверь в его необъятный духовный мир. Эта книга не оставляет сомнений: перед нами — одна из высочайших вершин человеческого духа.

В сущности, здесь три книги: во-первых, это цитаты в начале глав, которые составляют полный текст поэмы «Пророк» великого арабского поэта Халиля Джебрана (1883—1931); во-вторых, комментарии Раджниша к поэме — блестящий образец толкования сложной восточной поэзии и философии; в-третьих, сам Раджниш: глубокий — и радостный, непринужденный, язвительный — и уязвимый, взволнованный — и мудрый, и неизменно ясный, как солнечный день.

Ошо Раджниш. Мессия. Том II.

Мессия?

Не торопитесь с иронией. Кто знает?..

THE MESSIAH

commentaries by Bhagwan Shree Rajneesh

on Kahlil Gibran's "The Prophet"

Volume Two

The second of two volumes

ОШО

мессия

КОММЕНТАРИИ К «ПРОРОКУ» ХАЛИЛЯ ДЖЕБРАНА

ТОМ II

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении многих лет Ошо Шри Раджниш говорил о религиозных писаниях, включая Библию, Упанишады и Бхагавадгиту индусов, Алмазную Сутру и другие тексты буддизма. Он говорил о высказываниях греческих мистиков Гераклита и Пифагора, о «Дао Дэ Цзин» Лао-цзы, о поэзии Чжуан-цзы, хайку мастеров дзэн и стихах Кабира. Он комментировал также поэзию Лоуренса, Элиота, Кольриджа, Шекспира и Уолта Уитмена.

В самом начале 1987 года в своем ашраме в Пуне, Индия, Ошо говорил об известной книге Халиля Джебрана «Пророк». Перед вами второй из двух томов его комментариев, озаглавленных «Мессия».

По существу, Ошо «использует» хорошо известные и всеми любимые литературные произведения как способ выразить свое собственное понимание человека и свое отношение к жизни. Когда его опыт соответствует высказываниям других мистиков и поэтов, Ошо подтверждает их; а там, где, как он чувствует, они «не дотягивают» или искажают истину, он, не колеблясь, говорит это. Но, поддерживает Ошо или критикует, — его любовь к тем, кто посвятил свои жизненные силы поискам истины и выражению своих открытий, очевидна.

«Мне грустно и досадно всякий раз, когда приходится критиковать такого столь прекрасного во многих отношениях человека, как Халиль Джебран, — говорит Ошо. — Моя любовь к нему огромна, и благодаря своей любви я имею право критиковать его. Из-за своей любви я не могу поддерживать его, когда он не прав.

Есть много случаев, когда он не прав, поэтому я чувствую и сострадание. У него есть потенциальная способность подняться гораздо выше, но он не знает дороги. Он остается большую часть времени поэтом, мечтателем. Его поэзия прекрасна, его мечты прекрасны, но это не та истина, которую мы ищем...»

Различие между Джебраном и Ошо — это различие между поэтом, с его редкими проблесками прозрения, и мистиком, у которого такие прозрения — обыденные факты его мистической жизни. Джебран мог написать: «Ваша повседневная жизнь — это ваш храм и ваша религия». А кто из нас не хотел бы, чтобы это было так? Однако собственная жизнь Джебрана не была трансформирована его видением; его размышления не стали ни его пониманием, ни реализацией его собственного неопровержимого опыта, ни интегральной частью его существа.

Комментируя эту особую тему, Ошо говорит: «У Бога нет своего собственного лица... у него нет собственных рук, у него нет собственных глаз. Но если вы тихи, умиротворенны, любящи, — внезапно ваши руки начинают вибрировать новым источником энергии. Ваши руки становятся Божьими руками; ваши глаза начинают смотреть совершенно иначе — они становятся глазами Бога. Все остается тем же, и все же все изменяется, потому что *вы* изменились.

Бог — это образ жизни, стиль жизни, жизнь в созвучии с сущим. Бог — не личность, а просто определенный способ попасть в созвучие с сущим, влюбиться во все, что окружает вас. Подлинная религия — это не что иное, как любовь — несвязанная, нескованная...»

Помните, что его слова — это импровизация и что жесты говорящего — его движения, его голос, его глаза — все отражает саму сущность того, что пытаются передать его слова. Он *и есть* эта «созвучность» с сущим. Для мистика не бывает поздних ночных часов тяжелого труда — за пишущей машинкой, в муках творческого горения. Вечером накануне лекции, из которой взят этот отрывок, Ошо отправился спать рано, по своей привычке встал рано поутру, искупался, пришел к своим ученикам в лекционную аудиторию — и в продолжение полутора часов говорил о поэзии Джебрана без передышки.

Разумеется, миру нужны мечтатели — художники, поэты, скульпторы, танцоры и музыканты. Без них мы были бы духовно бедны. Они хороши; как сказал бы Ошо, они идут далеко, но они не идут достаточно далеко. Мистик начинает там, где поэт вынужден закончить. Если Джебран был радугой, то Ошо — золото в конце радуги. Если видение Джебрана было прекрасным миражом, то Ошо — оазис. Если Джебран был зовом, то Ошо — ответ на него.

Ма Прем Маниша. Пуна, Индия Июнь 1987.

1. В ЭТОМ БЕЗМОЛВИИ

20 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просил оратор: «Скажи нам о Свободе». И он ответил: «У городских ворот и у ваших очагов я видел, как вы простираетесь ниц и поклоняетесь своей свободе, — так рабы унижаются перед тираном и восхваляют его, хотя он и убивает их.

Да, в храмовой роще и в тени крепости я видел, как самые свободные из вас носят свою свободу, как ярмо и наручники.

И сердце мое обливалось кровью, ибо вы можете стать свободными, лишь тогда, когда даже само желание искать свободу станет для вас уздой, и вы перестанете говорить о свободе как о цели и осуществлении.

Истинно свободными вы станете не тогда, когда лишены забот будут ваши дни и когда ваши ночи будут избавлены от нужды и горя, но лишь когда ваша жизнь будет повита ими, а вы подниметесь над ними нагие и без оков.

И как вам подняться над днями и ночами, не разорвав цепей, в которые вы заковали свой полдень на заре своего постижения?

Воистину, то, что вы зовете свободой, — самая прочная из этих цепей, хотя звенья ее блестят на солнце и ослепляют ваши глаза».

Свобода не имеет ничего общего с внешним миром. Подлинная свобода — не политическая, не экономическая: она духовна. Политическую свободу можно отнять в любой момент; экономическая свобода может исчезнуть, словно роса на раннем утреннем солнце. Они не в ваших руках. А то, что не у вас в руках, не может быть названо подлинной свободой.

Подлинная свобода всегда духовна. У нее есть нечто общее с вашим сокровенным существом: его тоже не заковать в цепи, на него не надеть наручники, его не посадить в тюрьму.

Да, ваше тело может страдать от всего этого, но вашей душе присуща свобода. Вам не надо просить ее, вам не надо бороться за нее. Она уже здесь, в этот самый миг. Если вы обратитесь внутрь, все цепи, все тюрьмы, все виды рабства исчезнут — а их множество. Свобода только одна, рабств — множество; совсем как истина — одна, а обманов могут быть тысячи.

И просил оратор: «Скажи нам о Свободе».

Оратор только произносит слова. Он говорит о свободе, о любви, о красоте, о добре, но он только говорит; его ораторство — не что иное, как тренировка ума. Оратор не касается действительности. Его мир состоит только из слов, которые — бессильны, в них нет никакого содержания, и его искусство — управлять теми бессильными и бессодержательными словами так, чтобы вы в них поймались.

Очень уместно оратор просил Альмустафу:

Скажи нам о Свободе.

В чем же именно сокровенная сущность свободы? — Она в том, что вы свободны от прошлого, что вы свободны от будущего. У вас нет воспоминаний, привязывающих вас к прошлому, тянущих вас всегда назад, — они противны сущему: ничто не движется назад. Вы свободны также и от воображения, желания, страсти — они тянут вас к будущему.

Так же, как не существует прошлого, не существует и будущего.

Все, чем вы располагаете, — это настоящее.

Человек, живущий в настоящем, не обремененный прошлым и будущим, знает вкус свободы. У него нет цепей — цепей воспоминаний, цепей желаний. Это настоящие цепи, которые сковывают вашу душу и никогда не дают прожить мгновение, которое принадлежит вам.

Что касается меня, то я не вижу, как без медитативного ума можно освободиться.

В Индии то, что вы называете на Западе раем, известно под названием *мокша*. Мокша означает: свобода; рай (Paradise) не означает свободу, рай происходит от персидского слова Phirdaus — «обнесенный стеной сад». Но не забывайте, что этот сад *за стеной*; может, это и сад, но это — тюрьма.

Библейская история гласит, что Бог, раздраженный Адамом и Евой, вышвырнул их из Эдема. Во что? Куда? Хотите знать мое мнение — это было проклятие, открывающее величайшую свободу; это было величайшее благословение. Они выбрались из тюрьмы, и это стало началом человечества. Теперь им принадлежало все небо и вся земля, однако на этом все и закончилось. К несчастью, они не были в состоянии создать свободный мир. Каждая нация снова оказывается в стенах тюрьмы — даже не в стенах сада.

В маленькой школе учитель религии рассказывал детям о библейском начале мира. Мальш поднял руку, чтобы задать вопрос. Учитель спросил: «Что у тебя за вопрос?»

Тот сказал: «У меня такой вопрос: Библия гласит: «Бог отправил Адама и Еву». Какую модель автомобиля он использовал?» [Игра слов: to drive out — выгнать; управлять автомобилем]

Это, очевидно, был «форд» первой модели — «модель-Т фورد». И я думаю, что бедный Бог все еще водит «модель-Т фورد» без всяких усовершенствований, ведь ни его сын Иисус Христос, ни Святой Дух, ни сам Он не являются механиками.

Христиане думают, что Бог наказал человека. Мое понимание и интуиция говорят мне: Бог, может быть, и думал, что он наказал их, но реальность такова, что это Бог все еще в заключении за стеной сада.

И стало неявным благословением то, что он сделал человека свободным. Его замысел не был добрым, но результатом оказалась вся эволюция человека. И если эволюция не происходит с должной быстротой, то только потому, что священники Бога всех религий мешают этому.

Когда Галилео обнаружил, что это не Солнце движется вокруг Земли, что такова видимость, а не реальность... Реальность прямо противоположна: Земля движется вокруг Солнца. Когда он написал трактат, поясняющий его доводы, основания, доказательства, аргументы, он был совсем старым — семидесяти или семидесяти пяти лет — и больным, прикованным к постели, почти умирающим. Но христианская любовь такова, что люди Папы вытащили его из постели и повели на суд к Папе.

Папа сказал: «Ты совершил серьезнейшее преступление, поскольку Библия гласит — и каждому известно, — что Солнце движется вокруг Земли. Либо тебе придется изменить свое мнение, либо смерть станет твоим наказанием».

Галилео, даже в своем преклонном возрасте, больной и умирающий, был, очевидно, безмерно прекрасным человеком, человеком с чувством юмора.

Он сказал: «Ваше Святейшество, никакой проблемы. Я могу написать то, что вы говорите. Только одно я хочу пояснить вам — моих писаний не прочтут ни Солнце, ни Земля. Они будут продолжать свой прежний путь как всегда. Земля будет все так же двигаться вокруг Солнца. Можете сжечь мою книгу, или, если хотите, я изменю этот параграф».

Папа сказал: «Измени параграф».

Галилео изменил параграф и написал: «Согласно Библии, согласно Папе и согласно простому человеку, получается, что Солнце движется вокруг Земли». А в примечании написал: «Истина прямо противоположна. Ничем не могу помочь — я не могу убедить Землю следовать

Библии, я не могу убедить Солнце следовать Библии: они не христиане». Примечание обнаружили лишь после его смерти, иначе он был бы распят христианами — теми самыми, которые поднимают столько шума вокруг распятия Иисуса.

Я разговаривал с одним из наиболее значительных христианских миссионеров, Стэнли Джонсом, и спросил: «Что вы думаете об этом? Зачем было Папе настаивать? Если наука открыла это, Библию следовало исправить».

Стэнли Джонс сказал мне: «Это могло повлечь за собой слишком многое. Если одно утверждение в Библии ошибочно, то где гарантия, что другие утверждения не ошибочны?»

А Библия — это святая книга, исходящая прямо от Бога. Ничего нельзя изменить в ней, ничего нельзя отредактировать, ничего нельзя добавить в нее. Но за прошедшие триста лет человек обнаружил множество вещей, которые противоречат Библии.

Действительно, если ваше осознание растет, вы обязательно обнаружите, что написанное две тысячи лет назад или пять тысяч лет назад нужно все время совершенствовать. Должны быть выпущены новые издания. Но каким религиям хватит смелости стать на сторону истины? И таковы не только христиане, то же самое с индуистами, мусульманами, иудеями, буддистами, джайнами. Нет никакой разницы в их мышлении.

Человек свободы свободен от прошлого. И человек свободы свободен также от будущего, ибо вы не знаете, чему предстоит произойти в следующий миг. Как вы можете продолжать желать?..

Умирал старик. Это был еврей; его четверо сыновей, которые жили в отдельных домах, были, разумеется, чрезвычайно богатыми людьми. Услыхав, что отец умирает, они бросились к нему.

Отец умирал, испуская последний вздох на кровати, и, сидя прямо рядом с кроватью, сыновья принялись обсуждать, как доставить его тело на кладбище. Их заботой был не отец — еще несколько минут, и он должен будет уйти навсегда; никогда больше им не встретиться, не узнать друг друга... но не это их беспокоило. Их заботило: «Когда он умрет, как нам транспортировать его тело?»

Младший предложил: «Он всю жизнь хотел иметь «роллс-ройс». И у него достаточно денег, и у нас достаточно денег; ему незачем страдать и подавлять невинное желание. Давайте хотя бы наймем «роллс-ройс», чтобы перевезти его тело на кладбище. В своей жизни он лишен был «роллс-ройса», пусть получит его хотя бы со смертью».

Другой сказал: «Ты слишком молод и не понимаешь денежных расчетов. Это суцая растрата. Он мертв — доставишь ты его в «роллс-ройсе» или в грузовике — какая ему разница? Он не сможет узнать об этом, так зачем транжирить деньги?» Не так уж дорого стоило взять напрокат «роллс-ройс», речь не шла о покупке, но он сказал: «Мое предложение таково: дешевый грузовик так же хорош, как и любой «роллс-ройс», — для мертвого это не имеет значения».

Третий сказал: «Ты тоже еще незрел. К чему заботиться о грузовике, когда грузовик муниципальной корпорации бесплатно забирает любого нищего, когда тот умирает? Вынесем его на улицу! Утром муниципальный грузовик с мусором бесплатно заберет его. А нам того и надо! И какое это имеет значение для мертвого — муниципальный это грузовик, взятый напрокат грузовик или "роллс-ройс"»?

В этот самый миг старик открыл глаза и сказал: «Где мои туфли?» Они были обескуражены: «Что ты собираешься делать с туфлями? Зачем выбрасывать пару туфель? Так или иначе, ты собрался умирать».

Он сказал: «Я пока жив и, возможно, имею в запасе еще несколько вдохов. Подайте туфли; я сам пойду на кладбище. Это самый дешевый и самый разумный способ. А вы все — пижоны и

моты».

У людей могут быть деньги, и деньги становятся их оковами. У людей может быть престиж, и престиж становится их оковами. Похоже, все прошлое человечества было совершенствованием: как сделать цепи получше. Но даже если цепи сделаны из золота, все равно это цепи. Внешняя свобода есть просто нескончаемый обман всего человечества политиками.

Свобода — это ваше личное дело.

Она совершенно субъективна.

Если вы выбросите весь хлам прошлого и все желания и амбиции будущего, в этот самый миг вы свободны — словно птица в полете: все небо ваше. Быть может, даже и небо не предел.

Почему же оратор, не раб, спрашивает его? Было бы гораздо уместнее спросить рабу: *Скажи нам о Свободе*. Нет, оратор спрашивает о свободе более квалифицированно, с большей выразительностью.

Он не заинтересован в том, чтобы быть свободным. Его желание — стать великим глашатаем свободы, ведь все в цепях разных видов, поработены религиями, политиками, родителями, обществом. Оратор хочет просто приукрасить свои речи, это не подлинный вопрос. Но ответ гораздо более подлинный. Альмустафа ответил:

У городских ворот и у ваших очагов я видел, как вы простираетесь ниц и поклоняетесь своей свободе.

Что вы делаете, когда идете в индуистский храм, мусульманскую мечеть, христианскую церковь или синагогу? — вы поклоняетесь вещам, которые сами же создали. Это демонстрирует полную глупость человека: вначале вы высекаете статую Бога, а потом простираетесь перед ней ниц. Это и есть ваша религия. Почему бы вам, не начать касаться собственных стоп? Разницы нет.

Мусульмане были в затруднении, потому что Мохаммед четырнадцать веков назад обнаружил, что люди Аравии поклонялись тремстам шестидесяти пяти статуям. Кааба была их храмом, и каждый день шло поклонение одной статуе. Даже необразованный Мохаммед смог увидеть глупость этого — вы делаете статуи, а потом вы поклоняетесь им — поэтому он уничтожил все те триста шестьдесят пять статуй.

Я не в восторге от его разрушения. Взамен... то же самое началось снова. Он сам начал это, потому что обнаружил: человек настолько влюблен в собственное страдание, что ему непонятна идея свободы — ведь быть свободным — это быть свободным и от страдания.

В той же Каабе, где существовало триста шестьдесят пять статуй, был также большой прямоугольный камень. Это был не обычный камень, это был астероид. Каждую ночь вы видите падающие звезды — но звезды не падают, и с их стороны хорошо, что они не падают, ведь они так велики, что если бы упали на Землю, то вся Земля исчезла бы, будто ее никогда и не существовало. То, что вы видите и называете падающими звездами, не что иное, как небольшие камни.

Когда Луна отделилась от Земли... В начальные дни Земля не была такой твердой. Она не тверда даже сегодня, ведь если продвинуться глубоко внутрь, то там оказывается пылающая лава. Время от времени она извергается вулканом, но верхняя корка остается прочной. Итак, вначале она не была твердой, и когда жидкая Земля только начинала двигаться вокруг своей оси...

Двадцать четыре часа длится оборот вокруг оси. Прибавьте к этому движение вокруг Солнца — на это требуется триста шестьдесят пять дней. При таком двойном движении части жидкой коры отваливались здесь и там. Там, где вы найдете сегодня большие океаны, — это те места, где отваливались большие куски Земли. Соединившись вместе, они сделались нашей

Луной. Эта Луна продолжает двигаться вокруг Земли, но ни в одном религиозном писании мира нет ни слова об этом. Иногда, из-за того, что почти три тысячи камней падают каждые двадцать четыре часа на Землю... Днем вы не увидите их из-за яркого Солнца, но ночью можете видеть. Камень, движущийся к Земле, притягивается гравитацией с такой скоростью, что сгорает от трения; так вы видите свечение и считаете его звездой.

Но иногда падают и большие камни, и Кааба — один из самых больших упавших камней. Из-за того, что он свалился сверху, люди, которые поклонялись тремстам шестидесяти пяти статуям, подумали, что, то был дар от Бога, и поместили его в середину храма. Храм был огромным — естественно, вместить триста шестьдесят пять постояльцев — это был целый пятизвездочный отель! И было просто совпадением, что камень Каабы упал именно там. Мохаммед уничтожил все статуи, но он не смог уничтожить человеческих воспоминаний, он не смог уничтожить человеческих представлений. Не находя больше статуй, люди стали поклоняться тому большущему камню.

Похоже, что человек боится быть свободным. Он хочет какого-то отца в небесах, по крайней мере, для жалоб и молитв. Ему нужен Бог как отец на небесах, который будет заботиться о нем. Без Бога в небесах человек чувствует себя потерянным ребенком. Говоря языком психологов, это фиксация на отце.

Альмустафа говорит: «Я видел, как вы поклоняетесь и простираетесь ниц; определено, вы поклоняетесь себе — косвенным путем». Простейший способ был бы просто повесить зеркало, стать перед зеркалом и со сложенными руками повторять любой вид молитвы — еврейскую, санскритскую, арабскую, греческую, латинскую. Не используйте известный вам язык, потому что, когда вы знаете язык, ваша молитва выглядит совсем обычно. Когда вы не знаете языка, она таинственна.

...Так рабы унижаются перед тираном и восхваляют его, хотя он и убивает их.

Вы поклоняетесь, словно рабы, восхваляющие тирана, который низвел их от человечества к рабству. И он может убить их в любой миг, ведь раб — это имущество, не личность.

Да, в храмовой роще и в тени крепости я видел, как самые свободные из вас носят свою свободу как ярмо и наручники.

Тысячи лет всевозможного рабства сделали вас такими трусами перед свободой, которая есть ваше право по рождению и которая есть ваше окончательное блаженство. Ваши так называемые храмы, синагоги, мечети и церкви — не символы свободы, это символы вашего рабства, ваших мертвых тиранов. Но даже разумные люди продолжают заниматься тем же самым.

Например, я хотел бы рассказать вам... Махатму Ганди восхваляли по всему миру. Возможно, я единственный, кто смог увидеть его отсталость: он проповедовал ненасилие всю свою жизнь, и в то же самое время поклонялся Шримат Бхагавадгите, индусской библии, единственной святой книге в мире, которая учит насилию. И я не могу представить, как он не видел противоречия.

Кришна в Бхагавадгите постоянно говорит Арджуне: «На то Божья воля, чтобы ты шел на войну и уничтожил своих врагов». Но так как это была семейная ссора — они были двоюродными братьями, сражающимися между собой, Арджуна и Дурьодхана, — то это было очень странное сражение. С обеих сторон у них были родственники. Это была одна семья — даже деду пришлось выбирать, на чьей стороне быть; даже их мастер, который обучил их обоим искусству лучников, должен был выбирать.

Бхишма известен как один из великих людей Индии, потому что он соблюдал безбрачие всю свою жизнь. А Дронаचारья, мастер-лучник, любил Арджуну за то, что тот способен был самостоятельно стать мастером-лучником. Но все же оба они, мудрый Бхишма и великий лучник

Дронаचार्या, решили выступать против Арджуны и его братьев — ведь тех было всего пятеро, а другая сторона насчитывала сто братьев. Выбор Дронаचारья и Бхишмы — выступить за другую сторону — демонстрирует не мудрость, но лишь деловой ум. Видя, что у ста братьев силы больше... всегда хорошо примкнуть к сильным.

Почти вся страна была разделена на две части. Были друзья на той стороне, были друзья на этой стороне. Даже Кришна находился в затруднении — он был духовным руководителем всей семьи. Поэтому он нашел способ и оставил выбор за Арджуной и Дурьодханой: «Один может взять меня, а другой может взять мое войско. Выбирайте». Естественно, Дурьодхана выбрал его большую армию, а Арджуна выбрал самого Кришну своим возницей.

День битвы настал. Обе стороны, миллионы людей, собрались на поле боя, лицом друг к другу. Странное сражение — все они были связаны тем или иным образом друг с другом. Видя все это, Арджуна сказал: «Я не чувствую никакой ценности в этой победе. Убивать родных... ведь на другой стороне тоже мои родные — мой дед, мой учитель, мои друзья, мои родственники — и на моей стороне тоже мои друзья. Все будут убиты.

Даже если я стану победителем над миллионами трупов, сидя на золотом троне, я не буду счастлив. Это люди, которых я любил, это люди, для которых я жил. И только ради королевства и золотого трона?.. Мне очень горько видеть истину своими собственными глазами, я хочу отречься от мира, стать саньясином и уйти в Гималаи. Пускай правят мои двоюродные братья — по крайней мере, никто не пострадает.

Как я могу убить собственного мастера, который на другой стороне? Как я могу убить своего деда, который на другой стороне?»

А Кришна продолжал и продолжал убеждать его: «Религия война — это битва. Ты делаешься слабым, ты делаешься мягким. Воину вообще не нужно сердце».

Но никакой аргумент не мог убедить Арджуну. Наконец, как последнее средство, Кришна сказал: «На то воля Бога: ты должен участвовать в войне». Если бы на месте Арджуны был я, то не потерял бы столько времени — почему это Бог должен говорить Кришне, а не Арджуне! «Если такова Его воля, Он должен сказать это прямо мне. Я чувствую, что все это совершенно нелепо, и намерен принять саньясу и уйти в горы медитировать».

Но мы всегда признавали посредников: Бог говорит через Папу, Бог говорит через Иисуса Христа, Бог говорит через Кришну. У него определенная разновидность почтовой системы; Он никогда не говорит прямо.

Вся Бхагавадгита наполнена аргументами в пользу насилия — даже Бог за насилие. Меня ставило в тупик, что Махатма Ганди, обучающий ненасилию, постоянно носил с собой Бхагавадгиту. Он поклонялся Бхагавадгите, каждое утро ее часть декламировалась в ашраме Махатмы Ганди. И он никогда не осознавал того факта, что это единственная книга в мире, которая выступает так открыто за насилие, и даже Бога втягивает в это.

Слепота человека, похоже, безгранична.

Поэтому за тысячу лет, что вы пробыли в цепях, наручниках, вы, очевидно, начали верить, что это украшения, что это воля Бога. Ваши родители не могут быть вашими врагами. Если они берут вас в церковь или храм, они берут вас потому, что любят. Но на самом деле они берут вас потому, что их брали их родители. Это роботообразный процесс, механический. И мало-помалу рабство проникло в вашу кровь, в ваши кости, до самого мозга костей.

Так что если кто-то говорит против Кришны, вы тотчас готовы сражаться с ним: он высказался против вашего Бога! — но он высказался только против ваших цепей.

Это и есть причина, по которой меня осудили все страны мира, все религии мира, — ведь я высказываюсь против их рабства. Оно отшлифовано, украшено, и они всегда жили в нем. Их родители и родители их родителей... длинная линия рабов. Как они могут отбросить свое

наследство? Вы берете в наследство не что иное, как рабство. Даже если вы не принимаете его серьезно, это все равно серьезно.

Рассказывают, что однажды трое рабби вели беседу о своих синагогах. Первый рабби сказал: «Моя синагога самая передовая, потому что у меня в синагоге, когда я читаю проповедь, людям позволено курить, сплетничать, разговаривать. Я даю им полную свободу».

Двое других рабби рассмеялись. Второй сказал: «Это ты называешь — передовая? Приходи ко мне в синагогу. Я разрешил им свободно пить спиртное, а когда они напьются, они кричат, вопят, дерутся, а я продолжаю свою лекцию. Вот это свобода».

В синагоге женщины и мужчины не могут сидеть рядом; между ними есть занавеска. И второй рабби добавил: «Занавес убрали. Теперь женщины и мужчины сидят вместе. Я даже не интересуюсь, со своей женой вы сидите или нет. Парочкам разрешается заниматься даже всякими любовными шпучками — целоваться, обниматься, — а моя лекция продолжается. Мы вступили в эру свободы».

Третий рабби сказал: «Вы оба идиоты. Вам надо когда-нибудь прийти ко мне в синагогу. Я поместил перед синагогой доску, объявляющую, что в каждый еврейский праздник синагога будет оставаться закрытой. Вот это свобода. Зачем людям тратить время? По крайней мере, в праздник пускай они получают все виды доступных развлечений».

Но это не свобода. Они все еще иудеи. Пока вы не отбросите свой иудаизм, индуизм, джайнизм, ислам, пока вы полностью не очиститесь от прошлого, пока вас не перестанет тиранить мертвое прошлое и сковывать непредсказуемое будущее, вы не свободны. Свобода здесь и сейчас — не вчера, не завтра, но в этот самый миг.

Человек понимания разгружает себя.

И все цепи, которые были тяжелы его сердцу — хотя он и привык к этой тяжести, — исчезают.

Я говорю это вам с полным правом, потому что это мой опыт. В тот миг, как ваши цепи исчезают, у вас начинают расти крылья для неба. Тогда все небо, полное звезд, ваше.

И сердце мое обливалось кровью, ибо вы можете стать свободными, лишь тогда, когда даже само желание искать свободу станет для вас уздой...

Очень глубокое изречение: само желание свободы может стать оковами. Все желания связывают вас; свобода не исключение... по той простой причине, что все желания живут в будущем. Человек, который свободен, даже не знает ничего о рабстве или свободе, он наслаждается своей свободой. Это само качество его бытия.

И сердце мое обливалось кровью, ибо вы можете стать свободным лишь тогда, когда даже само желание искать свободу станет для вас уздой, и вы перестанете говорить о свободе как о цели и осуществлении.

Все цели обязательно в будущем, а все желания исполнения в будущем — не что иное, как прикрытие вашего страдания в настоящем. Ваши «завтра» продолжают давать вам обещания — только один день, и это пройдет; завтра я стану свободным.

Но завтра никогда не приходит, и никогда не приходило. Вы никогда не станете свободными. «Завтра» — это только утешение. Вместо того чтобы нести вам свободу, оно несет вам смерть. А все прожитые вами дни вы жили как раб, потому что вас никогда не заботило настоящее.

Я говорю вам, что настоящее — это единственная реальность. Будущее — это ваше воображение, а прошлое — ваша память. Их не существует. Что существует, — так это настоящий миг.

Быть полностью alertным в настоящем, собрать свое сознание из прошлого и будущего и сконцентрировать в настоящем — это и значит узнать вкус свободы.

Истинно свободными вы станете не тогда, когда лишены забот будут ваши дни и ваши ночи будут избавлены от нужды и горя...

Похоже, человек попал в такую западню. Он не свободен даже так, как птицы небесные или дикие животные из леса. На нем столько оков, и он принял их. Но на самом деле, какая у вас забота сейчас? О чем вы тревожитесь сейчас? Что у вас за боль сейчас?

В этом безмолвии вы абсолютно свободны.

Когда ваши дни свободны от забот, ваши ночи обязательно будут без горя, ведь тот же день отражен в ваших ночах. Если целый день вы волнуетесь, беспокоитесь, жаждете, желаете и чувствуете расстройство, ваши ночи будут кошмарами. Но если вы проживаете каждый миг в его полноте, интенсивно, целостно, — ваши ночи будут спокойными, безмятежными, тихими и умиротворенными. Даже сновидение не беспокоит вас, потому что сновидение приходит от неосуществленной жизни, от подавленной жизни.

Западная психология совершенно упустила этот момент, особенно психоанализ; он продолжает анализировать ваши сновидения, не заботясь об источнике. Источник этот — ваши часы бодрствования, но вы в таких оковах и в заключении у своей религии, у своей морали, этикета, манер, что вы не можете жить. Все эти неживые мгновения будут возвращаться к вам, когда вы спите, потому что все неживое пробирается в ваше бессознательное. Если же вы живете полно...

Фрейд, очевидно, был бы очень удивлен, если бы приехал на Восток и пошел посмотреть аборигенов, которые живут глубоко в лесах... Я навещал их, и самой удивительной вещью было то, что у них не бывает никаких сновидений. Они знают настоящую глубину и покой жизни. Естественно, утром они более живы, более молоды, более свежи, — они снова готовы встретить день и прожить его весь. Состояние цивилизованного человека прямо противоположно. Он видит сны не только ночью. В любое время сядьте на свой стул, расслабьтесь, закройте глаза, и какое-то сновидение выплывет.

Вы не живете.

Вы только хотите жить.

Вы надеетесь жить когда-нибудь, надеетесь, что эта ночь не навсегда, что когда-то должен быть рассвет. Но для раба нет рассвета. Ему приходится жить во тьме, даже не осознавая, что есть такая вещь, как свет.

Не считайте свою так называемую жизнь нормальной. Это не жизнь вообще. Вы должны пройти через революцию; и эта революция не имеет ничего общего, ни с какой политикой, ни с какой экономикой. Она связана с вашей духовностью и осознанием — когда ваша сокровенная сущность полна света, ваш наружный свет тоже начинает отражать его.

Истинно свободными вы станете не тогда, когда лишены забот будут ваши дни и ваши ночи будут избавлены от нужды и горя,

Но лишь когда ваша жизнь будет повита ими, а вы подниметесь над ними нагие и без оков.

Из-за того, что это ваши старые-старые компаньоны, они будут снова и снова стараться закабалить вас. Но вы должны всегда быть готовыми стать выше, превзойти их. Вы должны замечать их появление и уметь распрощаться с ними навсегда. Это, по-моему, неотъемлемая суть саньясы. Тогда вдруг вы станете частью этих замечательных деревьев... прекрасных роз, огромных звезд — они все свободны.

За исключением человечества — не существует рабства в мире. И выйти из него не трудно. Дело не в том, что ваше рабство держит вас. Реальность такова, что вы цепляетесь за свое рабство.

Однажды случилось так: я был возле большой реки в половодье, а что-то вроде одеяла двигалось вниз по реке. Один человек, рыбак, сразу же бросился, чтобы поймать одеяло, но, едва

схватив его, заорал: «Спасите, помогите!»

Я не мог понять, я сказал ему: «Не понимаю; если одеяло такое тяжелое, брось его».

Он ответил: «Это не одеяло, это живой волк, а я увидел только его спину и решил, что это одеяло».

Я сказал: «Тогда оставь меня в покое».

Но ситуация с вашим рабством не та, что у рыбака; так не бывает, чтобы ваше рабство цеплялось за вас. Рыбак же попал в затруднение потому, что теперь волк вцепился в него.

Ваши цепи — на *вашей* ответственности.

Вы приняли их; они есть. С полным осознанием скажите им: «Прощайте, вы долго были с нами. Довольно, мы уходим».

Необходимо простое осознание, чтобы обрести свободу, но есть некоторые шкурные интересы, цепляющиеся за ваше рабство.

Я преподавал в университете и почти двадцать дней в месяц не был в городе, разъезжая по стране. Такой большой отпуск невозможен, но за десять дней я каждый раз завершал месячный курс со студентами. Я спросил их: «Есть у вас какие-нибудь жалобы?»

Они отвечали: «Мы благодарны, потому что на небольшой курс тратилось два года, а вам потребовалось не более шести месяцев».

Но проректор забеспокоился, так как снова и снова он обнаруживал, что меня не было в университете.

Я изобрел одну хитрость: там были прекрасные деревья, но почему-то все они посохли — осталось только одно дерево, которое все еще зеленело и давало тень, так что обычно я парковал свой автомобиль под тем деревом. Было известно, что никто не должен парковать там свою машину. Раз или два охотчие находились, но я просил моих студентов убрать машину.. пусть едет куда угодно, но это место зарезервировано. Поэтому всякий раз, как я выбирался из города, я обычно присылал машину с моим шофером, и проректор, видя мою машину под деревом из своего окна, был спокоен: я здесь.

Однажды он обходил весь университет и обнаружил мой класс пустым. Он спросил студентов: «Преподаватель должен быть здесь, и его машина припаркована точно под деревом. А я-то недоумеваю: я часто читал о его лекциях — то в Калькутте, то в Амритсаре, иногда в Мадрасе — и меня всегда ставило в тупик то, что его машина здесь».

Обычно я сам водил машину, поэтому я сказал моему шоферу: «Запирай машину и отдыхай час или два в саду, а потом отводи машину домой».

Он сказал: «Но какой в этом смысл?»

Я ответил: «Не беспокойся об этом; это не твоя забота».

Итак, когда я однажды вернулся из Мадраса, проректор вызвал меня и объявил: «Похоже, вы хозяин сам себе. Вы никогда не просите отпуска, вы никогда даже не считаете нужным сообщать мне».

Я сказал: «Дайте мне лист бумаги», — и написал заявление об увольнении.

Он спросил: «Что вы делаете?»

Я сказал: «Это и есть мой ответ. Разве мои студенты хоть как-нибудь страдали от моего отсутствия? Или они говорили вам, что их курс неполон? Это же явный нонсенс, тратить два их года. Моя работа — преподавать им полный курс. Не имеет значения, за сколько дней я делаю это».

Вечером он пришел ко мне домой и сказал: «Не уходите от нас». Я сказал: «То, что случилось, — случилось, я не могу войти в ваш университет по простой причине... смотрите, я сжег все свои сертификаты, потому что не хочу мостов с прошлым. Мне никогда больше не понадобятся эти сертификаты. Теперь я необразованный человек». Он сказал: «Я никому ничего

не скажу».

Я ответил: «Не в этом дело. Я действительно хотел уволиться, но я просто ждал — это должно было исходить от вас, не от меня». Альмустафа говорит:

А лишь когда ваша жизнь будет повита ими, но вы подниметесь над ними, нагие и без оков.

Мой отец встревожился, мои друзья встревожились. Мои студенты приходили, просили: «Пожалуйста, заберите назад свое заявление».

Я сказал: «Это невозможно. У меня нет никакой квалификации, чтобы быть дальше вашим преподавателем».

Мой отец говорил мне: «Даже если ты и уволился, какой смысл сжигать все свои удостоверения и сертификаты?»

Я сказал: «Какой смысл хранить их? Хранить их означает, что где-то подспудно желание все еще есть... может, они вам еще пригодятся, и вы держитесь за них. Я теперь совершенно свободен от всего этого образования, которое не дало мне ничего, и я не хочу носить эти раны — это не сертификаты — всегда с собой».

Через два года проректор попросил меня: «По крайней мере, время от времени вы можете прийти, обратиться ко всему университету». Что же, я пошел. Он проводил меня в свой кабинет, к окну, откуда обычно видна была моя машина. Он сказал: «Удивительно — только то дерево было зеленым. Теперь оно тоже посохло».

Я сказал: «Жизнь таинственна. Возможно, дерево было влюблено в меня, возможно, дерево жило только для меня, ведь девять лет непрерывно моя машина ожидала под деревом, и я очень подружился с ним. Дело было не только в парковке машины под ним — я всегда благодарил дерево. Иногда, когда мой шофер бывал со мной и сидел сзади, он мог сказать: «Ты действительно безумец — благодаришь дерево?»

Я отвечал: «Это дерево меня любит! Из всех деревьев в ряду это самое прекрасное дерево — гулмарг с красными цветами. Когда наступает весна, на нем едва видны листья; цветов столько, что все дерево становится красным». Такие деревья уже все умерли, но оно оставалось живым со мной девять лет. По-прежнему кто-то парковал свою машину там, но, наверное, он даже и не подумал поблагодарить дерево, не высказал своей признательности дереву.

В тот миг, когда вы свободны от прошлого и будущего, сядьте рядом с деревом, шепните что-то дереву, и скоро вы узнаете, что оно отвечает. Конечно, его ответ будет не в словах; может, оно покажет вам свои цветы; может, станцует под ветром. А если вы сидите совсем близко, касаясь спиной дерева, вы почувствуете некоторое новое ощущение, какого никогда не знали прежде. Дерево вибрирует любовью к вам.

Все сущее наполнено любовью, наполнено свободой, — кроме несчастного человека; никто не в ответе за это, кроме вас. И вы не сможете избавиться от этого постепенно...

Многие люди приходили ко мне и говорили: «Мы понимаем вас; постепенно мы избавимся...» Но от рабства никогда не избавиться постепенно: либо вы поняли и свободны, либо не поняли и только претендуете на понимание.

Свобода не приходит по частям, так же и рабство не уходит частями. Когда вы вносите свет в темную комнату... вы наблюдали это? — разве темнота уходит по частям: небольшая часть, потом другая, по очереди выходят из комнаты? Или свет, разве он приходит частями: немного света, потом больше и больше? Нет, в тот миг, как вы вносите свет, — темноты уже нет. Само понимание того, что есть свобода... и вы свободны. Нет и речи о времени или постепенности.

И как вам подняться над днями и ночами, не разорвав цепей, в которые вы заковали свой полдень на заре своего постижения?

Не бывает другого пути. Все те цепи вы начали ковать с самого своего детства... возможно, во имя послушания, во имя вашей любви к своим родителям, во имя веры в ваших священников,

во имя уважения к вашим учителям — хорошие названия. Всегда пытайтесь убрать ярлык и посмотреть, что содержится внутри, и вы будете удивлены: рабство продавали каждому ребенку под прекрасными именами. Вам будет трудно избавиться, если вы не увидите что, то, к чему вы были привязаны, — даже не рабство, а ярлык, приклеенный к нему.

У меня была постоянная борьба с отцом. Он был любящим человеком, очень понимающим, но все же мог сказать: «Ты должен делать это». А моим ответом всегда было: «Ты не можешь говорить мне: «Ты должен делать это» — ты можешь только посоветовать: «Если тебе нравится, можешь делать это; если не нравится, ты свободен». Это должно быть, по-настоящему, моим решением, а не твоим. Я послушен истине, свободе. Я могу пожертвовать всем для истины, для свободы, для любви, но не для рабства, каким бы оно ни было. Твое «должен» пахнет рабством».

Скоро он понял, что я не отношусь к послушным или непослушным. Я не говорю: «Я не буду делать этого» — я просто говорю: «Возьми назад свое "должен". Дай мне простор решать, хочу я сказать "да" или "нет", и не чувствовать, что совершаю преступление, если говорю "нет"».

Это моя жизнь, я должен прожить ее, и я имею полное право жить по-своему. У тебя гораздо больше опыта; ты можешь предложить, можешь посоветовать, но я не собираюсь выполнять ничьи указания. Чего бы это ни стоило, каковы бы ни были последствия, я не намерен выполнять ничьи указания».

И мало-помалу он отбросил свое «должен». Он стал говорить: «Есть проблема. Если чувствуешь, что это так, можешь помочь мне; если не захочется помогать, решение за тобой».

Я сказал: «Такой настоящая любовь и должна быть». *Воистину, то, что вы зовете свободой, — самая прочная из этих цепей, хотя звенья ее блестят на солнце и ослепляют ваши глаза.*

Что вы называете свободой? — главным образом политическую, экономическую, — внешнюю свободу, которая не в ваших руках, которая была дана вам. Ее можно отнять. Только то, что выросло у вас внутри, не может быть отнято у вас; поэтому Альмустафа говорит:

Воистину, то, что вы зовете свободой, — самая прочная из этих цепей, хотя звенья ее блестят на солнце и ослепляют ваши глаза.

Это произошло в Уругвае: президент читал мои книги, слушал мои пленки и с радостью пригласил меня стать постоянным жителем Уругвая. Все анкеты были готовы. Он выдал мне годовой постоянный билет на проживание, так что все бюрократические процедуры были выполнены, и никто не мог бы сказать, что мне покровительствуют. Он сказал: «Со временем я хотел бы выдать вам трехлетний постоянный билет на жительство, который автоматически станет вашим гражданством».

Уругвай страна небольшая, но очень красивая. Я спросил его: «Почему вы заинтересованы во мне? — ведь все правительства выносят решения, запрещающие мое пребывание в их странах. Даже мой самолет не может приземляться в их аэропортах».

Он сказал: «Они не понимают вас».

В день, когда президент собирался подписать анкеты, американский посол непрерывно наблюдал, и американские правительственные ищейки из ЦРУ и ФБР следовали за мной повсюду. Их самолет был либо впереди, либо позади моего. Когда они увидели, что он собирается утвердить мое постоянное жительство, которое могло автоматически стать гражданством, они тотчас сообщили Рональду Рейгану.

Рональд Рейган позвонил президенту Уругвая и сказал: «Мое послание не большое: либо депортируйте Бхагвана за тридцать шесть часов из своей страны, либо я аннулирую все уже согласованные займы на будущее» — составляющие миллиарды долларов — «и потребую назад все доллары, которые мы давали вам займы в прошлом. Если вы не сможете уплатить, то их тарифная норма будет удвоена. Вы совершенно свободны выбрать».

Я никогда не встречал такого мягкосердечного человека. Со слезами на глазах он сказал: «Бхагван, я совершенно беспомощен. Впервые ваш приезд в Уругвай заставил нас осознать, что мы не свободны. Наша страна — экономический невольник. Наш суверенитет, наша свобода просто фальшивка. Видите, какие альтернативы мне дали.

Я спросил Рональда Рейгана: «Что за необходимость депортировать Бхагвана? Я могу просто попросить его уехать — ведь для депортации, если у него есть один год постоянного жительства, он должен совершить ужасное преступление, вроде убийства, тогда только он может быть депортирован. Но Рональд Рейган настаивал: "Я сказал то, что хотел сказать, — он должен быть депортирован"».

Секретарь президента прибежал ко мне и сказал: «Лучше, чтобы ваш самолет улетел из малого аэропорта, не из международного, потому что американский посол здесь и увидит, депортировали вас или нет».

Это было совершенно незаконное требование, преступное требование — человеку, который не покидал своей комнаты... все те дни я провел там.

Я спросил: «На каких основаниях вы можете депортировать меня?»

Он сказал: «Вопрос не в требовании, вопрос не в каком-нибудь законе. Похоже, что для вас закона не существует».

Президент уладил мой вылет только потому, что чувствовал себя очень виноватым. Он собирался предоставить мне гражданство, а теперь депортирует меня вообще без причины. Но те американские правительственные ищейки, увидев, что мой самолет уходит с международного аэропорта... куда еще он мог деваться? — они тотчас же прибыли в малый аэропорт и заставили президента прислать все необходимые бумаги для депортации. Меня задержали на два часа. Должны были прийти бумаги, их следовало заполнить для демонстрации, что меня депортируют; в моем паспорте должен стоять штамп, что я депортирован.

Мой паспорт действительно вещь историческая. Я попросил моих людей сохранить его. Двадцать первый век наступает, и именно двадцать одна страна депортировала меня безо всякой причины.

Прибежал мой адвокат. Он сказал: «Это абсолютно незаконно, мы можем бороться в суде».

Я сказал: «Я не буду воевать с человеком, у которого в глазах слезы и который так ранен и унижен: "... ведь мы не можем уплатить долги, и мы не в состоянии позволить себе отказ от будущих займов"».

Политические империи исчезли не из-за вашей освободительной борьбы, а оттого, что империалисты нашли более легкий способ держать вас в рабстве, позволяя вам думать, что вы цветущая, независимая, свободная страна.

Все эти люди пользуются очень красивыми словами — они «помогают». Сначала бедные страны обычно называли — всего три года назад — «неразвитыми странами», но это слово, «неразвитые», задевает эго. Теперь их называют «развивающиеся страны». Всего лишь слово изменили, и «развивающиеся страны» — скрывает рану.

Все они экономически порабощены.

Человеческая жизнь коротка.

Не растрачивайте ее ни на какой другой сорт свободы.

Будьте решительны в этом: вы должны быть свободны в своей душе, потому что это и есть единственная свобода.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

2. НАСТОЯЩАЯ СВОБОДА

20 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Что, как не частицы самих себя хотелось бы вам сбросить, чтобы обрести свободу?

Если это и несправедливый закон, который вы хотели бы отменить, то закон этот был начертан вашей же рукой на лбу вашем.

Вам не стереть его, даже если вы бросите в огонь книги законов; вам не смыть его со лбов ваших судей, даже если вы на них выльете целое море.

А если это деспот, которого вы хотели бы свергнуть с престола, то посмотрите прежде, разрушен ли его престол, воздвигнутый внутри вас.

Ибо как может тиран управлять свободными и гордыми, если нет в их свободе тирании и нет в их гордости стыда?

Если это забота, от которой вы хотели бы избавиться, то эта забота скорее была избрана вами, чем навязана вам.

И если это страх, который вы хотели бы изгнать, то сидит этот страх в вашем сердце, а не в руке устрашающего.

Истинно, все в вашем естестве движется в неизменном полюбъятии, — желанное и ужасающее, отталкивающее и заветное, то, что вы преследуете, и то, от чего сами бежали бы.

Все это движется внутри вас, как свет и тень, парами.

Когда тень бледнеет и исчезает, угасающий свет становится тенью другого света.

Так и ваша свобода, теряя оковы, сама становится оковами большей свободы.

Человек рождается с душой, но не с Я. Хотя все словари и будут говорить, что эти два слова — «душа» и «Я» — синонимы, это не верно. Душу, вы приносите вместе с собой. «Я» создано обществом как заменитель, чтобы вы не чувствовали отсутствия индивидуальности — потому что поиски души могут потребовать долгих лет паломничества, исследований и исканий, и было бы невозможно вынести безымянность, пустотность, ничтожность.

Замысел создать Я исходил из любви, чтобы с самого начала вы почувствовали, кто вы; иначе как вам жить? Как вас направить? Люди, которые создали идею Я, были исполнены добрых намерений, но из-за того, что они понятия не имели о своей собственной душе, они остались искусственными Я и умерли как искусственные Я. Они так никогда и не узнали, что сущее создало их, и зачем. Ваша душа — часть сущего. Ваше Я — общественное учреждение.

Поэтому первое, что надо запомнить: это различие несоединимо! Если вы хотите исследовать и узнать, кто вы на самом деле, вам придется пройти через радикальную перемену — разрушение вашего собственного Я, потому что если вы не разрушите свое Я и случайно придете к открытию души, вы не будете *единым*. Психологи называют это «шизофренией».

Вы будете раздвоены. Иногда вы будете вести себя как Я, а иногда — как душа. Вы будете в постоянном напряжении. Ваша жизнь станет просто глубокой болью и тревогой — но невозможно жить такой жизнью. Поэтому общество, система образования, родители, священник — все вокруг вас стараются любым путем создать такое сильное Я, чтобы вы никогда не осознали скрытой души. Путешествие будет недолгим, но, несомненно, очень трудным.

Я — вещь не простая, это настоящий комплекс. Вы — брамин, вы — доктор, вы —

проректор, вы — президент; вы прекрасны, вы самый знающий, вы богаты, сверхбогаты — все это измерения Я.

И Я продолжает накапливать больше денег, больше власти, больше престижа, больше респектабельности — его амбиция неутолима.

Вы продолжаете творить все больше и больше слоев Я.

Это и есть несчастье человека, основное несчастье.

Человек не знает, кто он, он все еще продолжает верить, что он — то или это. Если вы доктор — это ваша функция, но не ваша реальность; если вы президент — это ваша функция, так же как еще кто-то делает обувь. Ни башмачник, ни премьер-министр не знают своего Я. Родители начинают с самого начала, с самого первого дня... и это ложное эго, Я, или как бы вы его ни называли, почти становится вашей реальностью — а настоящая реальность забыта.

Английское слово «грех» очень значительно — не в том смысле, как его используют христиане, не в том смысле, как его понимают во всем мире; в своих первоисточниках оно имело совершенно другое значение. Оно означает забывчивость. У него нет ничего общего с вашими действиями, но оно имеет нечто общее с вашей забытой реальностью.

Из-за того, что вы забыли свою реальность и живете с фальшивкой, подменой, все ваши действия становятся лицемерными. Вы улыбаетесь, но улыбка не исходит из вашего сердца. Вы плачете, вы рыдаете, но слезы, весьма поверхностны. Вы любите, но любовь ваша не имеет корней в вашем существе. Все ваши действия — как будто у сомнамбулы, человека, ходящего во время сна.

В Нью-Йорке случилось так, что один сомнамбула... есть столько людей сомнамбул, что вы не поверите — десять процентов всего человечества. Они встают ночью, идут к холодильнику; они едят то, что врач запретил им, становятся все толще и толще и приближают собственную смерть, совершают медленное самоубийство. Днем кое-как им удается подавить желание, а; ночью сознательный ум крепко спит — бессознательное не упустит удобный случай. Оно знает дорогу, и они ходят с открытыми глазами; даже в темноте они не спотыкаются.

Они обеспокоены, их врач обеспокоен, их семья обеспокоена: «Мы сократили твое питание, мы не даем тебе никакого сахара, и все же ты продолжаешь толстеть!» И они к тому же обеспокоены исчезновением продуктов из холодильника. Всем невдомек, что виновен сам тот человек, ведь утром он не помнит вообще ничего.

Но это нью-йоркское дело стало известно во всем мире. Тот человек жил в пятидесятиэтажном здании, на последнем этаже. Ночью он обычно вставал, шел на террасу и перепрыгивал на другой дом, который стоял рядом. Дистанция была такой, что никто бы не отважился сознательно проделать этот прыжок — но это повторялось ежедневно!

Скоро люди узнали и стали собираться смотреть, затаив дыхание, потому что это было почти чудом. Толпа становилась все больше и больше, и однажды, когда человек как раз приготовился прыгнуть, в толпе громко закричали, окликая его. Это разбудило человека, но было слишком поздно — он уже прыгнул. Он не смог достичь другой террасы — хотя каждый день он перепрыгивал на нее, возвращался, уходил к себе в квартиру и засыпал. Но из-за того, что он пришел в сознание и увидел, что делает — прыгает... — он упал вниз с пятидесятого этажа, и его тело разбилось о тротуар.

«Я» человека — это его сон.

Душа — его пробуждение.

И для сохранения Я общество дало вам определенные правила и распорядки. Например, каждого маленького ребенка делают честолюбивым. Никто не говорит никому: «Будь собой». Все дают ему великие идеалы: «Стань Гаутамой Буддой, или Иисусом Христом, или Альбертом Эйнштейном... но стань кем-то! Не продолжай оставаться собой — ты ничто».

Вашему Я нужно много степеней, вашему Я нужны признание, почести. Это его пища; оно живет этим. И даже люди, которые отвергают мир — становятся саньясинами, монахами, — не отвергают свои Я. Легко отвергнуть мир; очень трудно отвергнуть Я, потому что вы не знаете ничего другого о себе. Вы знаете свое дело, вы знаете свое образование, вы знаете свое имя — а вам очень хорошо известно, что вы пришли без имени. Вы пришли чистым листом; ничего не было записано на вас, а ваши родители, ваши учителя, ваши священники начали записывать на вас.

Вы продолжаете верить в Я всю свою жизнь. Оно очень обидчивое, потому что очень слабое. Слабое в том смысле, что оно ложное. Вот почему эгоисты очень обидчивы.

Обычно я гулял по утрам, когда был преподавателем в университете. Там был один старик, я понятия не имел, кто он, но просто из уважения к его возрасту говорил ему «Доброе утро» — нас было только двое в тот ранний час, в три утра. Однажды утром я забыл поздороваться с этим человеком, и он сказал: «Эй, вы забыли?»

Я сказал: «Вот странно! Я не знаю вас совсем; это было просто выражение учтивости к пожилому человеку, бывшему в возрасте моего дедушки, поэтому я обычно и говорил вам "доброе утро". Но это же не контракт, который я обязан выполнять ежедневно».

Он требовал этого, потому что это уже составляло определенную часть его Я. Я и понятия не имел, кто он, но он имел полное понятие обо мне, и его задело то, что я не сказал: «Доброе утро, сэр».

Я сказал: «Я никогда больше не скажу этого ни вам, ни какому-либо другому старику просто из учтивости, потому что я отравил ваш ум».

Вас не удивляло: вы вошли в мир без имени, но если кто-нибудь говорит что-то против вашего имени, вы готовы воевать, не сознавая того, что пришли в мир без имени; это имя — фальшивый ярлык.

Вы не имеете никакого имени, безымянность — вот ваша реальность.

Людям, которые отвергают мир, поклоняются как святым, но никто не видит, что их эго становится еще более тонким и сильным, чем когда-либо прежде.

Я слышал, что далеко в горах было три христианских монастыря, однажды трое монахов, по одному из каждого монастыря, совершенно случайно встретились на дороге. Они утомились, возвращаясь из города, поэтому расположились на отдых под деревом.

Первый монах сказал: «Я горжусь моим монастырем. Мы, может быть, и не такие знатоки, как люди, живущие в ваших монастырях, но вы не можете состязаться с нами в строгости жизни».

Второй монах рассмеялся. Он сказал: «Забудь все о строгих правилах! Аскеза — не что иное, как самоистязание. Настоящее дело — это знание наших древних писаний. Никто не может состязаться с нами. Наш монастырь самый старейший, у нас есть все писания, и наши люди в высшей степени образованны. Что за строгости — то, что ты постишься, что не ешь ночью, что ты ешь только раз в день? Подумаешь! — все это может делать любой идиот. А какую мудрость ты приобрел?»

Третий монах слушал молча. Он сказал: «Вы оба, возможно, правы. Один идет очень трудным и суровым путем, принося в жертву свое тело; и другой может тоже быть прав — в том, что его люди великие ученые».

Они оба спросили: «А как же ты и твой монастырь?»

Он сказал: «Как я и мой монастырь? Мы — вершина смирения».

Вершина смирения! Это так трудно... Теперь они вырастили для своего Я религиозные одеяния. Оно становится сильнее. Поэтому я и говорю: даже грешники могут достигать высших пределов жизни — но не святые... ведь грешник знает, что он не живет ни в строгости, ни в

знании, ни в смирении; он только обычная личность, которая не знает ничего. И, пожалуй, он — более религиозная личность, потому что у него меньше Я, он приближается к своей душе.

Альмустафа касается очень важных вещей; потому не просто выслушивайте, но и слушайте — он говорит:

Что, как не частицы самих себя, хотелось бы вам сбросить, чтобы обрести свободу?

Настоящая свобода — ни политическая, ни экономическая, ни социальная; настоящая свобода духовна. Если бы это было не так, то Рамакришна не смог бы стать тем, чем он стал — светом самому себе, — потому что страна жила в рабстве у британских правителей. Тогда у Рамана Махарши не могло бы быть такой славы, такого покоя и такого благословения, ведь британский империализм все еще держал страну в рабстве. Духовная свобода не может быть задета. Ваше Я может быть сделано рабом, но не ваша душа.

Ваше Я продажно, но не ваша душа. Альмустафа говорит, что если вы хотите узнать, что такое настоящая свобода, вам придется продолжать отбрасывать частицы своего Я — забывая, что вы брамин или шудра; забывая, что вы христианин, а просто человеческое существо; забывая о вашем имени — зная, что это лишь обычное приспособление, но не ваша реальность; забывая все о своем знании — зная, что все оно заимствовано, что это не ваш собственный опыт, не ваше достижение.

Весь мир может быть полным света, но глубоко внутри вы живете во тьме. Какая польза от мира, полного света, когда внутри у вас нет даже небольшого пламени, которое постепенно озаряет как догадка, что все присоединенное к вам после рождения — не ваша подлинная реальность.

И когда частицы Я исчезают, вы начинаете осознавать огромное небо, такое же безбрежное, как небо снаружи... потому что сущее всегда в равновесии. Внешнее и внутреннее в гармонии и в равновесии. Ваше Я — это не то, что ограничено вашим телом; ваша настоящая душа — это то, что не сгорит, даже если сжечь ваше тело.

Кришна прав, когда говорит: «Наинам чинданти шастрани» — «Никакое оружие не может даже коснуться меня...» «Наинам дахати правака» — «Также и огонь не может сжечь меня». Он не говорит о теле, рассудке, Я — все это будет разрушено, — но есть кое-что в вас нерушимое, бессмертное, вечное. Оно было с вами до вашего рождения, и оно будет с вами после вашей смерти, потому что это и есть вы, ваша неотъемлемая сущность. Знать это - значит, быть свободным от всех тюрем: тюрем тела, тюрем ума, тюрем, которые существуют снаружи вас.

Если это и несправедливый закон, который вы хотели бы отменить, то закон этот был начертан вашей же рукой на лбу вашем.

Законы продолжают меняться, конституции продолжают меняться. Это показывает, что нет закона окончательно верного, нет конституции навсегда. Когда понимание человека растет, он меняет свои законы, свои конституции, свои правительства — меняет все.

Но Альмустафа говорит: Не осуждайте никого, ведь закон, который выглядит несправедливым... например, закон индусского общества, который делит его на четыре касты, — абсолютно незаконный, несправедливый. Нет оснований поддерживать его — я видел идиотов, рожденных в браминской семье. Только то, что вы родились в семье брамина, — не причина, чтобы требовать преимуществ.

Я видел очень умных людей, которые родились в низшей категории индуистского закона, — шудр, неприкасаемых; когда Индия стала независимой, человек, создавший конституцию Индии, доктор Бабасахиб Амбедкар, был шудрой. Не было равных ему по уму, когда речь шла о законах — он был мировым авторитетом.

Браминов не позвали; шанкарачарьев не позвали и не сказали: «Вы высшие существа — вы должны создать конституцию этой страны» — позвали человека, который просто случайно

вырвался из мучительного, незаконного, несправедливого разделения индусского общества. Кто-то заметил в мальчике огромный потенциал и послал его в Англию учиться, потому что в Индии ни один шудра в те дни не допускался ни в какую школу, колледж или университет. От самых корней их разум разрушали.

Амбедкар получил образование в Англии и вернулся всемирно известным авторитетом в вопросах конституции. Когда он вернулся, Индия уже стала! свободной; выбора не было: никто не мог даже сравниться с ним...

Но уже пять тысячелетий индийское общество оставалось неподвижным; никакое движение не допускалось. Даже Гаутама Будда не принят как брамин; он по-прежнему принадлежит ко второй категории — ниже, чем брамины, а брамины не были в состоянии создать ни одного Гаутаму Будду. Но человек, который писал свод законов индуизма, Ману, был брамином, и естественно, предвзятым. Поэтому для браминов там есть все льготы, а для низших — тех, кто работает тяжелее всех, кто выполняет всю грязную общественную работу... На самом деле они заслуживают большего уважения, ведь общество может существовать без браминов, но оно не может существовать без тех несчастных. Они совершенно необходимы — и все же их отвергают.

Даже животные лучше; шудры же ниже животных. Даже их тень, если случайно падает на вас, оскверняет: вы должны совершить омовение. И это продолжается, по сей день.

Все знают, что невозможно доказать разумность, найти оправдание этому странному, застывшему делению на касты. Никакое образование, никакое понимание, даже просветление не может переместить вас внутри фиксированной структуры общества; вы не можете пойти выше.

А те, кто выше по рождению, могут быть и преступниками. Они *и есть* преступники, ведь все, что они делают, — пустяки. Но они эксплуатируют все общество, поскольку сами несозидательны, непродуктивны. Они сидят у каждого на шее и сосут кровь, и все же вы должны почитать их, вы должны касаться их стоп.

Альмустафа говорит: «Однако пять тысяч лет тому назад, когда Ману писал этот индуистский закон, вы были точно так же вовлечены в него» — ведь ту же самую кровь, те же кости, ту же сущность продолжает наследовать каждый. Поэтому вы не в силах просто освободиться от ответственности — мол, это другие натворили что-то несправедливое, — вы также чувствуете ответственность. Он хочет показать, что человеческое общество — органичное целое, и поэтому что бы ни делалось одной частью — сделано всеми. По крайней мере, поддерживаете вы или молчите, — вы не противостоите.

Конечно, вас не было там в том же самом теле, но вы, очевидно, присутствовали где-то в каком-то другом теле. Следовало противостоять Ману, но ему не противостояли уже пять тысяч лет. И если я противостояю ему сегодня, я противостояю своим собственным предкам, никому иному.

Меня осуждают. Мне приказывают никого не критиковать, но я продолжаю критиковать все несправедливое, ведь я тоже часть этого — как бы далеко оно ни было. Иисус мой двоюродный брат. Видя любую несправедливость и не критикуя ее, я тоже становлюсь соучастником. Никто не будет знать об этом, но те, кто понимает глубочайшую суть человеческого существа, — те не простят мне. Так слушать мне полицейского комиссара Пуны или слушать свою собственную душу?

Я не критикую никого другого; я критикую только мое собственное наследие. Даже если вы заблудились утром, а вечером возвращаетесь домой, вы не должны считаться заблудившимся. Если я могу, я исправляю несправедливое, пусть ему и пять тысяч лет, значения не имеет: я принимал участие в этом, активно или молча. Но теперь я осознаю, что все человечество — не только современное человечество, но все человечество прошлого и будущего — одно единое целое... Поэтому, когда я критикую кого-то, я критикую беспощадно по той простой причине,

что критикую себя.

По мне, мусульманин или индуист, джайн, буддист или христианин — безразлично; это искусственная дискриминация. Внутри меня также есть часть Моисея, как и Заратустры и Махавиры. Они не чья-то собственность. Никто не может монополизировать Гаутаму Будду; он ваш, равно как и мой.

И если я не буду беспощаден, будет невозможно разрушить несправедливость, беззаконие, безрассудство того, что мы унаследовали. Мне хочется сжечь это все! И помните, сжигая это, я сжигаю что-то в себе тоже.

Вам не стереть его, даже если вы бросите в огонь книги законов; вам не смыть его со лбов ваших судей, даже если вы на них выльете целое море.

Просто сжигая книги законов, ничего не измените; или даже если вы выльете целое море на своих судей, этим все-таки не смыть всех преступлений, которые мы совершили во имя религии, во имя нации, во имя богатства. Любого предлога, кажется, достаточно. Люди могут воевать так легко — похоже, они просто смотрят по сторонам в поисках какого-то предлога.

В суде был случай... Даже судья удивился, потому что те двое людей были известны во всей округе как сердечные друзья. Что случилось? — они подрались, разбили до крови головы друг другу... Он не мог поверить этому. Он спросил: «Что произошло, вы же были идеалом дружбы?»

Оба стояли пристыженные в суде, и каждый говорил: «Объясни, что случилось». Но другой отвечал: «Сам объясняй».

Судья сказал: «Не имеет значения кто, объясните мне, что произошло».

Они отвечали: «Нам неловко». Один из них отважился и рассказал всю историю: «Мы сидели на берегу, и я сказал, что собираюсь купить буйвола».

Он только *собирался* покупать буйвола — он еще не купил его.

Другой сказал: «А я собираюсь купить замечательную землю под участок и предупреждаю тебя, что твой буйвол никогда не должен заходить на мое поле. Дружба дружбой, но я не в силах смотреть на свой урожай, уничтоженный твоим буйволом. Я убью его!»

Обстановка накалилась, другой сказал: «Ты убьешь моего буйвола? Посмотрим!»

На прибрежном песке он начертил небольшое поле и сказал: «Вот твоя возделанная земля». А другой сказал: «Согласен. Теперь пусть войдет твой буйвол». Первый, тем же пальцем, которым он изобразил поле, начертил линию и сказал: «Это мой буйвол заходит на твое поле. Что ты можешь сделать? Дотронься до моего буйвола!»

Конечно, обида была так велика, что буйвол и поле исчезли и забылись совершенно: «Мы принялись колотить друг друга и закончили в вашем суде; вот отчего нам неловко. Ни у меня нет никакого поля, ни у того идиота нет никакого буйвола. Мы не только разрушили нашу дружбу, мы показали нашу глупость. Мне нечего сказать, простите нас».

Судья, очевидно, был человеком разумным. Он сказал: «Все драки похожи на эту, реальны они или воображаемы. Дело не в том, по какому поводу вы подрались — достаточно любого повода».

Люди горят желанием драться, будто в их сердце есть только ненависть, насилие; будто они никогда не вкушали никакой любви, никакой дружбы.

Так что, просто сжигая писания, делу не поможешь, — ведь те писания, не *снаружи* вас. Вы можете сжечь Манусмрити — основу всей индуистской идеологии о социальной системе, социальной структуре; вы можете сжечь святой Коран, без которого не могут жить миллионы мусульман; вы можете сжечь святую Библию... почти половина человечества верит в нее.

Так что, сжигая книги, ничего не добьешься. Те книги вошли в вашу кровь, они вошли в ваши сердца; и если вы не готовы разрушить Я, которое содержит их, — индуистское, мусульманское или христианское, не имеет значения, — если вы не готовы сжечь свое ложное

Я, то не состоится никакая настоящая революция в мире.

А если это деспот, которого вы хотели бы свергнуть с престола, то посмотрите прежде, разрушен ли его престол, воздвигнутый внутри вас.

Дело не только в том, что тысячелетиями человеческие существа с аукциона распродавались на базаре как рабы. Хотя теперь этот вид рабства и не существует, посмотрите чуть поглубже — оно только переменяло свою форму. Сейчас у вас рабы лучше и расходов меньше.

Чтобы иметь раба, сначала вам надо купить его. Это капиталовложение. Далее, вам придется держать пищу для него; иначе как он будет работать? Вам придется обеспечивать жилье, одежду; иначе как он будет служить? В случае его болезни вы должны позаботиться о нем, вызвать врача, найти лекарства: ведь если он умрет, пропадет весь ваш вклад. Не раба вы стараетесь спасти; вы стараетесь спасти свой вклад. Это дело очень дорогостоящее.

Иметь слуг проще, легче, более экономично — и, на первый взгляд, выглядит более человечным. Пойти на человеческий аукцион, на базар — это выглядит ужасно, человек же не товар. Но если кто-то ищет работу, вам не нужно приобретать раба. Это кажется более человечным, хотя это только усовершенствование. Это более благоразумно — он просит сам, и капиталовложения не требуется. Если он заболит, вы можете избавиться от него. Если он состарится, вы можете избавиться от него. Самое большее — и только в передовых странах — он может получить оклад за один или два месяца либо аванс; и это все. Это рабство в новой форме, никоим образом не благоприятное рабам; оно по-прежнему выгодно хозяевам.

Индия была два тысячелетия в рабстве. Хозяева менялись, рабы оставались теми же. Вся моя семья была вовлечена в борьбу за свободу; каждого наказывали и сажали в тюрьму. Я воевал беспрестанно — ведь я был слишком молод — со своими дядями, со своим отцом; я говорил: «Неужели вы не видите простой вещи? Уже две тысячи лет страной — это не страна, а континент, такой огромный, что вся Европа может разместиться на нем, — управляют и правят небольшие страны вроде Англии, не превышающие большого округа Индии. И это не единственный пример: турки приходили, монголы всех разновидностей приходили, гунны приходили. Для каждого, кто желал, эта страна была доступной, готовой к порабощению».

Я считал, что настоящая проблема — не борьба с людьми, которые становятся вашими правителями. Настоящая проблема — борьба внутри себя, с тем, кто становится рабом. Как иначе можно себе это представить? Как может небольшая группа людей прийти и править всей страной? Совершенно очевидно: раб должен был стать сущностью каждого.

И вы можете видеть это даже сегодня. После сорока лет свободы, что вы получили? Когда Китай посягнул на свободу Индии, первый премьер-министр Джавахарлал Неру был крайне раздражен. Войска были посланы — и потерпели поражение, Китай забрал тысячи миль прекрасных Гималаев. А когда их разбили, Джавахарлал Неру сказал: «Та земля была бесполезной — даже трава не растет там». Тогда зачем было посылать всех тех людей на резню и смерть? Спасать землю, где ничего не растет, даже трава?

С той поры никакой индийский президент или премьер-министр даже не вспоминает об этом, не говорит: «Как же те тысячи миль прекрасных Гималаев? Когда вы собираетесь возвращать их?»

Пакистан отобрал часть Кашмира. Человек, который командовал индийскими войсками, генерал Чавдхури... Его жена очень интересовалась мною и моими идеями. Она рассказала мне скрытую подоплеку. Генерал Чавдхури был готов и хотел атаковать перед восходом солнца, прежде чем пакистанские войска пробудятся. Его логика была абсолютно верной: «Мы должны не только взять нашу часть, которую забрал Пакистан, нам нужно идти глубже, по направлению к Лахору, который расположен неподалеку. Мы должны взять и Лахор тоже».

Тогда можно было бы одержать верх на переговорах: «Мы можем оставить вам ваш Лахор; оставьте нашу часть нам». Иначе как вы собираетесь вести переговоры? Для чего? Не отдавая ничего, вы просто просите что-то. Уже в течение сорока лет непрерывно Индия просит: «Часть, которую вы отобрали, должна быть возвращена». Но, вместо того чтобы вернуть, они сделали ее конституционно частью Кашмира. Теперь это не захваченная область, теперь это неотъемлемая часть Кашмира. А индийские лидеры промолчали, никто даже не протестовал.

Генерал Чавдхури все время звонил: «Позвольте мне выступить». Но Джавахарлал Неру и его кабинет не могли решиться; они сказали: «Подождите, пока взойдет солнце». И вы будете удивлены, узнав, что если бы он дождался восхода солнца, весь Кашмир оказался бы в руках Пакистана.

Он не стал ждать — он был настоящим смелым человеком — но они задержали его настолько, что ему пришлось начать атаку перед самым восходом солнца, не дождавшись приказа премьер-министра. Благодаря его смелости Пакистану удалось отобрать только небольшую часть — но самую прекрасную и самую стратегически важную — потому что эта небольшая часть позволяет Пакистану соединиться с Китаем. Эта небольшая часть очень важна — без нее границы Китая и Пакистана были разделены. Пакистан забрал ее, а теперь Китай построил тысячемильную высокогорную трассу, до самого Лахора. Оба — враги Индии, и теперь они соединились.

Чавдхури настаивал: «Позвольте мне действовать! Забудьте о той части, потому что Пакистан сосредоточен на том, чтобы забрать ее. Пускай берет — не тратьте время. Разрешите мне, и я возьму Лахор, их самый важный город», — а он был лишь в пятнадцати милях, операция могла быть проведена за несколько минут. Но кабинет все обсуждал и обсуждал — у нас страна очень умная, когда дело доходит до дискуссий; столетиями обсуждается все, а не делается ничего.

Когда до них дошло, что Чавдхури собрался брать Лахор, они остановили его: «Без наших указаний? Кто ты такой?» — и Чавдхури был наказан, уволен в отставку досрочно. Его жена позвонила мне: «Если бы ему позволили взять Лахор, мы сразу же решили бы проблему. Пакистан не решился бы потерять Лахор, ведь Лахор соединил бы нас с Афганистаном и Советским Союзом».

Концепция Чавдхури была совершенно ясной — они не могли рискнуть, чтобы Индия соединилась с Советским Союзом дорогой, железнодорожными поездами. Они бы сразу пошли на переговоры: «Можете брать часть, которую мы забрали, и отдайте то, что забрали вы».

Эта страна научилась за два тысячелетия пребывать в рабстве. Поэтому, хотя и прошло сорок лет свободы, свободы нет нигде, только в словах конституции; иначе как посмел бы полицейский комиссар препятствовать мне и приказывать покинуть Пуну за тридцать минут на том основании, что я противоречу?

Я просто хочу знать: разве существовал кто-нибудь в целом мире, кто имел хоть какое-то значение и *не был* противоречивым? Иисус Христос разве был непротиворечивым? Если бы он оставался со своим отцом в его мастерской, я не думаю, что люди распяли бы его. Они же не распяли его отца.

Был ли Будда непротиворечив? Но разве ему приказывало какое-нибудь королевство?.. Индия была разделена на две тысячи королевств в его время, а он свободно передвигался из одного королевства в другое; даже визы не спрашивали, даже паспорта, хотя никто не может быть более противоречащим, чем Гаутама Будда, потому что он был против Вед — основ индуистской религии. Он был против браминов — священнослужителей и законодателей индуизма. Тем не менее, никто не препятствовал ему только из-за того, что он противоречил.

Кажется, мы сделали такими рабами в своих мыслях, что написали конституцию, которая

просто копирует все лучшие конституции мира; мы выбрали фрагменты здесь и там. Как подумаю об индийской конституции, так всегда неизменно вспоминаю небольшую историю. У Дарвина был день рождения, и соседские детишки захотели подарить ему что-нибудь, так как он был самым знаменитым человеком и, конечно, самым оппозиционным Человеком своего времени. Он очень дружил с детьми и обычно играл с ними; все они были его друзьями.

Они долго думали, что же подарить ему на день рождения. Поскольку он профессионально изучал животных, птиц, изучал, как жизнь возникла, почему она приняла так много форм, — дети придумали вот что (дети очень умны, пока их не испортят старшие): они собрали нескольких насекомых и разрезали их на части; взяли крылья от одного, ножки от другого, тело от третьего, голову от четвертого — все от разных насекомых, — склеили их и сделали новое насекомое. Им хотелось узнать, сможет ли определить Чарльз Дарвин, величайший эксперт по насекомым, животным и птицам, что *это* за насекомое.

Они очень волновались, когда вечером принесли ему подарок. Сам Дарвин ума не мог приложить. Он видел всякое, за всю свою жизнь он обошел мир, но эти маленькие соседские детишки... где они нашли такое оригинальное насекомое? Потом он присмотрелся поближе — а он был уже пожилым — и попросил: «Принесите-ка мои очки... я никогда не видел такого насекомого».

А когда он надел очки, дети сказали: «Теперь назови нам это насекомое».

Он воскликнул: «Это называется — надувательство!»* Индийская конституция — это надувательство: кое-что из советской конституции, кое-что из американской, больше всего из английской, а от всякой другой страны все, что им удалось найти хорошего, хорошо звучащего — свобода индивидуальности, никакой дискриминации, свобода выражения, правительство от людей, из людей, для людей. Заимствовано все. Звучит хорошо, когда читаешь, но — неприемлемо.

Из-за того, что я против, я должен покинуть Пуну в течение тридцати минут. Куда мне идти? — ведь я буду неуютен всюду, где бы я ни был! И если быть против — преступление, то для меня нет места нигде в моей родной стране, которая продолжает хвастать на весь мир, что она, и есть самая демократическая.

Вот такой оказалась свобода, за которую вся моя семья боролась, сидела в тюрьмах, мучилась. Поскольку старшие моей семьи пострадали, то в доме оставались только женщины; заработка не было. Мы были детьми, маленькими детьми, и мы страдали, потому что не стало даже денег, чтобы платить за школу. И это свобода, за которую не только моя, но и тысячи других семей пострадали, тысячи людей погибли.

И все они противоречили... Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Мухаммад Али Джиннах, доктор Амбедкар — все были противоречащими людьми. Если у вас есть хоть немного разума, вы обязательно будете противоречить.

Игра слов: *hum bug* — жужжащий клоп, *humbug* — надувательство.

И не только в армии ваш разум подавлен и уничтожен, так что вы не в силах сказать нет, даже если заметите что-то не так. Вас выдрессировали говорить да, при всех обстоятельствах.

Я не солдат, а также и не святой, потому что святые тоже очень боятся полемики; вся их репутация... Как раз сегодня я узнал, что одна молодая джайнская монахиня — ей всего двадцать один год, но, должно быть, она очень отважна, — сбежала. И все подумали — это произошло в Индоре, городе, где джайнизм господствует, — все подумали, что кто-то похитил ее. Но это было не так, потому что вскоре пришло ее письмо: «Никто не похищал меня. Теперь я взрослая; мне исполнился двадцать один год. Я имею право выбирать себе жизнь. Я не хочу оставаться джайнской монахиней. Я полюбила молодого человека и хочу жить так, как мне хочется.

И не пытайтесь разыскивать меня; в противном случае я всем расскажу, как бесчеловечно

обращались со мной и что происходит за сценой, за ширмой. Все, о чем джайнские монахи и джайнские монахини продолжают рассказывать людям как о дурном, — все это делается за ширмой. Но я не хочу подвергаться мучению.

Если вы попытаетесь найти меня, я расскажу все. И тогда уж не обессудьте. Сначала заставили меня стать монашкой, когда я была совсем молодой и не могла понять, чем вы занимаетесь...»

Джайны очень разгневаны; они хотят, чтобы девушка предстала перед Верховным судом. Видя ее письмо, я чувствую, что она способна разоблачить их; а если нет, я приглашаю ее прийти ко мне. Я появлюсь с ней в Верховном суде и буду разоблачать бесчеловечное отношение, продолжающееся за стенами, — все виды сексуальных извращений. Те же люди учат, что безбрачие божественно — и никто из них не соблюдает безбрачие. Если кто-нибудь соблюдает безбрачие, пусть покажется, пусть пройдет медицинскую комиссию. Без этого... одного его слова не достаточно. Я знаком с ними очень хорошо — одно и то же во всем мире.

В одном христианском монастыре Европы половина монахов воюет с другой половиной, и монастырь поделен теперь надвое, потому что половина монахов утверждает, что все в монастыре — гомосексуалисты. Другая половина пытается спасти свое лицо и заявляет, что это не так. Но если вы заталкиваете столько молодых людей, полных сексуальной энергии, в одно место и не позволяете им никаких контактов с другим полом, то чего ожидать от них? Да, они будут учить безбрачию, но вести себя станут прямо противоположно собственному учению.

Так что настоящее дело не в том, чтобы жечь писания.

Настоящее дело — сжечь себя, того, который несет в себе писания, традицию, прошлое, все виды гнили и суеверий. Мертвые люди, оказывается, очень хитры: они продолжают господствовать над живыми. По какому праву кто-либо может господствовать над детьми будущего?

Меня спрашивают снова и снова: «Как же будущее? Что произойдет с саньясинами и их детьми, когда вы уйдете? Вам надо написать для учеников кодекс, этику; вам надо дать им идеалы».

Но я умру, и я против того, чтобы мертвые управляли живыми. Живые должны найти свою собственную жизнь, свою собственную дисциплину, свою собственную этику. И они будут жить в разные времена, в разные эпохи, в разной атмосфере. Никто не должен смотреть назад, и никто не должен пытаться контролировать даже тех, кто еще не родился.

Живите своей жизнью и радуйтесь ей и празднуйте ее как дар Бога. Танцуйте с деревьями под солнцем, под дождем и ветром. Ни у деревьев, ни у животных нет никаких писаний; у звезд нет ни писаний, ни святых. Кроме человека, никого не преследуют мертвые. Это наваждение я называю одной из величайших ошибок, которые были совершены за тысячелетия. Пришло время прекратить это полностью.

Каждому новому поколению оставлено открытое пространство, чтобы они искали и находили истину, потому что в готовой истине меньше счастья, чем в поисках ее. Не достижение храма, а паломничество — вот настоящее дело.

Ибо как может тиран управлять свободными и гордыми?..

Помогите своим детям быть гордыми, не покорными, не рабами. Помогите им быть свободными. Учите их, что не бывает ценности выше, чем свобода жить и свобода выражаться. Научите их готовности: если возникнет нужда, то лучше умереть, чем согласиться на любой вид рабства.

Но это не делается. А пока это не делается, вам не спасти мир от Адольфов Гитлеров, Иосифов Сталинов, Мао Цзедунов, Рональдов Рейганов, — вам не спасти человечество от тиранов, диктаторов. Фактически, вы подспудно желаете их. Подспудно вы хотите, чтобы кто-то

диктовал условия и образ вашей жизни. Вы так напуганы своими ошибками... ведь если вы свободны, естественно, вы будете совершать много ошибок. Но помните, таков путь жизни.

Много раз вы упадете. Это не повредит. Поднимайтесь снова и учитесь не падать. Будьте более бдительны. Вы будете совершать ошибки, но не совершайте одних и тех же ошибок снова. Так и приходит мудрость. Так становятся индивидуальностью, гордым человеком, который, словно кедр, стремящийся ввысь, достигает звезд.

Не будьте пигмеями. Старайтесь достичь предельной высоты, на которую вы способны.

Если это забота, от которой вы хотели бы избавиться, то эта забота скорее была избрана вами, чем навязана вам.

Что у вас за тревоги? Какие проблемы терзают вас? Вы выбрали их; они не были навязаны вам. Кто приказывал вам завидовать кому-то более разумному, кому-то более сильному, кому-то богатому? Почему вы выбрали зависть? Ваша зависть будет истощать вашу энергию понапрасну. Чем завидовать, лучше узнайте, что вы можете сделать со своей энергией, что вы можете создать.

И я говорю вам, что нет ни единого человека, пришедшего в мир без определенной способности, которая делает его гордым; человека без внутреннего содержания, способного дать рождение новому и прекрасному, сделать сущее богаче. Нет ни единого человека, который приходит в мир пустым.

Вы видели новорожденных детей? Их руки сжаты. Сжатые руки, кулаки — это тайна: неизвестно, что спрятано внутри. А видели вы мертвого человека? Когда кто-то умирает... вы видели мертвого человека со сжатыми кулаками? Это невозможно. У мертвого человека рука раскрыта, пуста, исчерпана. Это лишь метафоры. Я говорю, что ребенок рожден полным возможностей — у него нет нужды завидовать кому-либо.

Я никогда не испытывал зависти к другим, как бы велики они ни были — Лао-цзы или Моисей, Кришна или Будда — я не испытывал к ним зависти. Я просто был безмерно счастлив, что хоть несколько человек реализовали свой потенциал.

Это придавало мне силы: «Ты тоже человек, относящийся к той же самой расе. Если Будда мог подняться на такую высоту, то и ты где-то сможешь подняться на такую же высоту. Скорее всего, ты поднимешься выше, ведь двадцать пять столетий не прошли впустую. Ты богаче, чем любой Будда, ведь двадцать пять столетий учебы, опыта, двадцать пять столетий с тысячами достижений тех же высот — Кабир, Нанак, Иисус, Рабиндранат — почему ты не сможешь?» Кроме вас самих, никто не препятствует вам.

И если это страх, который вы хотели бы изгнать, то сидит этот страх в вашем сердце, а не в руке устрашающего.

Что можно отнять у вас? Самое большее — вашу жизнь, которая в любом случае исчезнет однажды. И если кого-то можно сделать счастливым, зачем упускать шанс? Позвольте ему быть счастливым! И нечего бояться.

Я обошел весь мир сам, без какого-либо оружия, и я боролся с людьми, у которых есть ядерное оружие. И странно, боялись *они*; я не боялся. Порой я даже удивлялся: либо они безумны, либо я безумен. У них было все, чтобы уничтожить меня.

Я не верю в уничтожение, чего бы то ни было, даже муравья. Всю мою философию можно назвать благоговением перед жизнью.

Почему они боятся? Местонахождение страха — в их собственном сердце. Уже один год, больше чем год прошел с тех пор, как они уничтожили мою коммуны в Америке. Но они уничтожили ее только после того, как арестовали меня и заставили покинуть Америку, ведь они прекрасно знали, что если я там... В течение двух лет они намеревались прийти, но... Мы посылали им приглашения — президенту Америки, генеральному прокурору Америки,

губернатору Орегона: «Приглашаем вас; приходите и смотрите. Не выносите решения по слухам».

Никто из них не отважился даже навестить коммуны. А коммуна находилась в пустыне — ближайший американский город был в двадцати милях; нас, в сущности, не было в Америке. Мы ничего не делали им, и все же на границе коммуны они собрали тысячи вооруженных гвардейцев. Станный народ.

Генеральный прокурор, мистер Миз, сейчас обеспокоен — каждый, кто совершил преступление против невинных людей коммуны, обязательно беспокоится. Каждая причина создает свой результат. Этот человек, генеральный прокурор Америки, был причиной. И на пресс-конференции представитель его ведомства признал: «Нашей первой задачей было уничтожить коммуны». Но почему? Почему это должно быть вашей задачей — уничтожить коммуны?

Спросили: «Почему вы не отправили Бхагвана в тюрьму?» — Он сказал: «Во-первых, мы не хотели превращать его в мученика».

Желание, конечно, было; но был также и страх, что если они посадят меня в тюрьму, то все их посольства по всему миру могут поджечь; для каждого американца стало бы проблемой проживание вне Америки.

Делая из меня мученика, они помогли бы моей работе, потому что мои люди укрепились бы и собрались с силами. А те, кто всегда симпатизировал и любил, повыходили бы из своих темных нор, чтобы поддержать меня.

И в-третьих, он сказал: «Бхагван не совершал никакого преступления. Мы не располагаем никакими уликами, никакими доказательствами». Тот же самый человек выступал против меня в суде и заставил судью оштрафовать меня на четыреста тысяч долларов, это около шестидесяти лакхов рупий. Он, видимо, думал, что если у меня нет даже карманов, то откуда же мне взять четыреста тысяч долларов? Он был шокирован, когда мои люди, присутствовавшие в зале суда, собрали деньги за десять минут.

Тюремщик говорил мне: «Ваши люди поразили всех нас. Даже богатейший человек страны оказался бы в затруднении, ведь все его деньги вложены».

Четыреста тысяч долларов ваши люди собрали и швырнули их на стол перед судьей».

Теперь это становится странным: он признает, что я не совершал никакого преступления. Тогда за что же меня наказывали? Просто за то, что я критиковал христианство? — Рональд Рейган фанатичный христианин. Я бросил вызов ему, я бросил вызов Папе.

Все они могут собраться; меня одного довольно для открытия публичных дебатов по основам христианства, которые столь идиотичны, что никто не сможет разумно, логично обосновать их.

Как вы можете поддерживать идею, что Иисус рожден от матери-девственницы? Предъявите еще одного ребенка от матери-девственницы. Вы выступаете против всей медицины... Что Иисус единорожденный сын Божий. Что произошло с Богом? Он стал заниматься контролем рождаемости? Или может, Он сделался импотентом? А может, прав Фридрих Ницше, что Он умер? Что же случилось — почему должен быть только один ребенок? Даже нищие в Индии делают дюжины детей.

И в христианской троице нет женщины: Бог Отец, Бог Сын — Иисус Христос — и какой-то странный парень Святой Дух. Чем эти трое приятелей занимаются без женщины? Это очень уместные вопросы сегодня. Конечно, это группа «голубых».

Им придется доказывать... У них вся власть. Теперь вот уже год как премьер-министр Италии постоянно говорит моим людям: «Мы выдадим визу на следующей неделе». Вот уже целый год! А как раз на днях один саньясин прибыл из Италии и рассказал: «Теперь он говорит,

что необходимо новое заявление. Мы сожалеем, но время... целый год прошел». Но по чьей вине? И не то чтобы мы не напоминали ему. Наши саньясины просиживают там целыми днями вот уже год!

Но Папа — вот проблема! — настоял, чтобы меня не допускали в Италию. И эти могущественные люди, премьер-министры и президенты... я не обладаю властью, но они втайне опасаются: у меня ведь есть полное право, я прошу только трехнедельную туристическую визу. Премьер-министр боится: страна католическая, выборы близятся, и если не послушать Папу, то голоса католиков ему не достанутся. Что это за власть, которая зависит от кого-то? Из-за того, что они могут не отдать вам свои голоса, вы — нищий и в постоянном страхе.

Сейчас в Италии это превратилось в большую проблему, поскольку сто пятьдесят знаменитостей — нобелевские лауреаты, ученые, художники, поэты, актеры и актрисы с мировой известностью — подписали петицию в мою защиту, заявив, что это грубое нарушение свободы выражения и свободы передвижения. Теперь премьер-министр в гораздо большем затруднении, так как эти сто пятьдесят человек — мировые знаменитости, они тоже имеют вес. Если все они пойдут против него на выборах, то даже Папа будет не в состоянии спасти его.

Вот почему он говорит: «Новое заявление, еще немного времени...» В действительности он хочет, чтобы время миновало, чтобы эти выборы миновали: тогда пять лет он не будет бояться. Но он ошибается.

Когда бы я ни прибыл в Италию, я брошу вызов Папе. И я не требую, чтобы он прибыл сюда или к моим людям — у меня много саньясинов в Италии, — я хочу открытой дискуссии с ним в Ватикане перед всеми католиками. Так что ему не из-за чего тревожиться: все его люди будут там, а я приду один.

Я знаю, у истины своя собственная власть. Этот Папа-поляк, конечно, знает, что у него нет ответов для меня, и лучше избежать поединка, так как мое предложение выглядит просто: если я потерплю поражение, я стану католиком; но если поражение потерпит он — я становлюсь Папой! Простое предложение. И тогда Ватикан становится моим царством.

И даже если я получу визу, могу предсказать: на те три недели он убежит из Италии. Я просто закрою двери, чтобы он не мог убежать.

Истинно, все в вашем естестве движется в неизменном полуобъятии, желанное и ужасающее, отталкивающее и заветное, то, что вы преследуете, и то, от чего бежали бы.

Ваша жизнь — это ад, по простой причине: в вас нет ничего целого; все разделено. Ваша жизнь состоит из противоречий. Вы желаете чего-то и в то же самое время боитесь желать этого. Вы чувствуете, как что-то очень притягательно, но вы также и боитесь, и половина вас говорит: это отвратительно. *То, что вы преследуете, и то, от чего бежали бы...* Вы делаете обе вещи сразу.

Понаблюдайте за собой. Когда вы осуждаете, загляните внутрь себя; там должно быть некое одобрение. А когда вы любите — прямо за этим, как тень, следует ненависть.

Поэтому не случайно, что пары все время сражаются и любят. Фактически каждое сражение оканчивается любовью. Со временем это становится настолько обусловленным, что если они не сражаются, то не могут и любить — совсем как малые дети. Они продолжают таскать своего плюшевого медвежонка — грязного, замызганного, с виду как итальянский Папа. Они хотят избавиться от него, но они так привыкли к нему, что не могут спать без него. Только когда они обнимают своего медвежонка, они могут уснуть.

Муж может воевать с женой, но пока не произойдут какие-то переговоры, он не почувствует мира и покоя. Он принесет мороженое, цветы, новое сари. Он почувствует облегчение, лишь когда жена даст знак, что пора бросать сражение: «Поздно, нам пора спать». Они оба становятся плюшевыми медвежатами друг для друга.

В одном дворе все воевали, каждая пара сражалась... Вы замечали, что, когда женщина швыряет что-нибудь в вас — блюдо, чашку, — она никогда не попадает. Она не хочет задеть вас, а если и ранит, то тут же бросится искать мазь и... Но зачем вредить бедняге? Мужья и жены нашли очень хороший способ сражаться — подушками. Они не повредят друг другу; они швыряют подушки друг в друга и кричат друг на друга.

Все соседи недоумевали: почему этот Сардарджи, проживающий в одной из квартир... почему из его квартиры никто никогда не слышал визга и воплей, наоборот — каждый вечер они слышали только смех. Они не могли поверить: это действительно муж и жена, или он похитил чью-то жену? Почему они все время смеются? Над чем?

Однажды все соседи обступили Сардарджи, когда он выходил из такси — он был водителем такси, — и спросили: «Мы больше не в силах противиться искушению: в чем секрет? Когда *мы* приходим домой, начинается сражение и продолжается до поздней ночи, а вы — исключение: только смех! Расскажите нам ваш секрет, мы тоже хотим смеяться».

Сардарджи сказал: «Было бы лучше вам не спрашивать, но если уж вы так любопытны, я расскажу вам правду. Секрет в том, что когда она швыряет что-то в меня и промахивается, смеюсь я, а если попадает в меня, смеется она. Таково соглашение. Поэтому вы все время и слышите смех; но мы в одной и той же лодке, разницы нет никакой».

Человек разделен внутри себя. Вы никогда ничего не делаете от всего сердца — все в полуобъятии. Такое состояние не может создать мир, тишину, радость.

Все это движется внутри вас, как свет и тень, парами...

Здесь свет; сразу снаружи поджидает темнота.

Когда тень бледнеет и исчезает, угасающий свет становится тенью другого света...

Внутри вас находятся пласты и пласты. Вы снимаете кожуру одного слоя — еще один свежий слой открывается.

Так и ваша свобода, теряя оковы, сама становится оковами большей свободы.

Это безмерно важные изречения. Путешествие вечно; никогда не думайте, что паломничество где-то заканчивается. Вы избавляетесь от одной вещи, и вдруг видите — поджидает еще одна. Опять вы связаны; как только вы избавляетесь от этого, вы обнаруживаете что-то еще более неуловимое, чего вы никогда не видели прежде.

Это правильные изречения, но Халиль Джебран не знает ничего за пределами ума. Он уходит в ум глубже всех — глубже любого Зигмунда Фрейда, Юнга, Адлера или Ассаджиоли, — но он никогда не выходит за пределы ума. А у нас на Востоке подход совершенно иной. Мы знаем, что ум вроде луковицы: слой на слое. Зачем тратить время? — просто идите за его пределы. Пятнадцать лет непрерывного психоанализа, — а человек, каким был, таким и остается; ничего не изменяется.

Но лишь небольшое усилие в медитации... а медитация — это просто шаг за пределы ума. Оставьте ум позади; нет нужды продолжать снимать его слои.

Вы не есть ум, так же как вы не есть тело.

Вы часть бессмертной жизни.

Ваше тело, ваш ум полностью сосредоточены вокруг ложного Я. Как только вы выходите за пределы Я, то внезапно обнаруживаете небо, которое не имеет пределов. Некоторые звали его Богом, некоторые звали его Брахмой, но лучшее слово использовано Махавирой и Гаутамой Буддой: они называли его *мокша*. Мокша означает «тотальная свобода» — свобода от всего того, что связывает вас, свобода от всего ложного, свобода от всего, что должно умереть. И как только вы освобождаетесь от всего ложного и смертного, двери бессмертия уже открыты для вас.

Веды провозгласили вас *амритасья путрах*: сыновья и дочери бессмертия. И, за исключением медитации, никогда не было никакого пути, и никогда не будет никакого пути.

Те, кто упускает медитацию, полностью упускают танец жизни. Я надеюсь, что никто из вас не упустит этот танец, эту песню, эту музыку вечности.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

3. КАЖДЫЙ МИГ

21 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Заговорила жрица и просила: «Скажи нам о Разуме и Страсти». И сказал он в ответ:

«Часто ваша душа — поле битвы, где разум и рассудок ведут войну против страстей и влечений.

Если бы я мог стать миротворцем в душе вашей, если бы мне удалось превратить разлад и соперничество ваших частиц в согласие и гармонию!

Но как мне достичь этого, если вы сами не станете миротворцами, возлюбившими все частицы свои?

Ваши разум и страсть — руль и паруса вашей плывущей по морю души.

Если ваши паруса порваны или сломан руль, вы можете лишь носиться по волнам и плыть по течению либо недвижно стоять в открытом море.

Ибо разум, властвующий один, — сила ограничивающая; а страсть без контроля — пламя, сжигающее само себя.

Потому пусть ваша душа вознесет ваш разум на вершину страсти, чтобы он мог петь; и пусть она направит вашу страсть разумно, чтобы страсть жила, каждый день воскресая, и, подобно фениксу, возрождалась из пепла.

Хотел бы я, чтобы вы считали ваш рассудок и ваши влечения двумя дорогими гостями в своем доме. Ведь не будете вы оказывать одному гостю больше почестей, чем другому; ибо тот, кто более внимателен к одному, теряет любовь и доверие обоих.

Когда вы сидите среди холмов, в прохладной тени серебристых тополей, разделяя мир и спокойствие с дальними полями и лугами, — пусть тогда ваше сердце промолвит в тишине: «Бог покоится в разуме».

Когда разразится буря, и могучий ветер начнет сотрясать деревья в лесу, а гром и молния возгласят величие неба, — пусть тогда ваше сердце воскликнет в трепете: «Бог движется в страсти».

И раз вы дыхание в Божьем мире и лист в Божьем лесу, то и вы покойтесь в разуме и двигайтесь в страсти.

Человечество страдало из-за жизни в разделении больше, чем по любой другой причине.

Человек — единое органичное целое.

Это должно быть вашим фундаментальным пониманием: нет способа отсечь любую из своих частей и все же оставаться счастливым. Да, все те части следует привести в гармоничное целое, совсем как оркестр... столько людей играют на различных инструментах, и если они не знают, как все эти разные инструменты должны слиться и стать одним, одной музыкой, тогда музыке не бывать совсем — только шум, который станет не утешением вашей душе, а беспокойством.

Вся человеческая история — это история разделений. Отбрасывая это, отбрасывая то и цепляясь за одну часть своего существа... вы будете оставаться в несчастье, потому что блаженство рождается, когда все ваши части танцуют вместе в глубокой гармонии, без всякого конфликта.

Зачем человек создал это шизофреническое состояние ума? Не без причины. Те, кто хочет

господствовать над вами, те, кто хочет эксплуатировать вас, те, кто хочет, чтобы вы остались в рабстве навсегда, — это их затея. Цельного человека невозможно угнетать, невозможно эксплуатировать и невозможно низвести до раба. Но есть люди, чья единственная амбиция — власть. Власть, по-видимому являющаяся единственным смыслом их жизни.

Фридрих Ницше умер в доме умалишенных. Досадный факт: в то время как врачи объявляли его сумасшедшим, священники объявляли его сумасшедшим, его собственные друзья и семья объявляли его сумасшедшим, — он писал свою величайшую книгу, в доме умалишенных. Называется книга «Воля к власти».

Глядя на книгу и зная о ее величии, каждый понимает, что все те люди, которые отправили его в дом умалишенных, просто старались избавиться от человека, каждое слово которого было стрелой. Они не в состоянии были вынести масштаб его личности. Они хотели, чтобы о нем совершенно забыли, чтобы о нем никто не знал. Конечно, он не был сумасшедшим; иначе величайшая книга его жизни не была бы написана в доме умалишенных. Сам он так и не увидел свою книгу — ее опубликовали после его смерти.

Я просмотрел все его работы. Мне кажется, в «Воле к власти» он собрал все то, что было разбросано во многих написанных им книгах. Каждое утверждение настолько содержательно... безумец не может так писать. Она так логична, так глубока, что если вы сможете прочесть ее без предубеждения, вы будете изумлены: одна из лучших книг в мире была написана сумасшедшим, в доме умалишенных!

Его единственная вина была в том, что он не покорился обществу и его устаревшим порядкам, гнилым правилам. Его преступление состояло просто в том, что он был индивидуальностью по своему собственному праву, — а рабы не могут терпеть человека, который знает свободу и живет свободным.

Его поступки и его слова — от свободы, но рабы раздражены, раздосадованы, потому что не могут даже понять, о чем он говорит. Он кричит с вершины горы людям, которые ползают в темных долинах своего так называемого комфорта. Их большинство, но этот человек беспокоит их во всем, за что они цеплялись как за мудрость. Он доказывает, что все это суцая глупость.

Халиль Джебран был под огромным впечатлением от Фридриха Ницше. В своей работе «Воля к власти» тот раскрыл сердце человечества — почему там нет музыки, а только страдание?

Причина в том, что священники всех религий и политики всех разновидностей идеологий стремятся к власти и не желают, чтобы человечество слушало человека, который говорит о единстве, внутренней гармонии, о неразделенном существе, едином и целом.

Да, должны быть перемены, потому что все в вашем существе общество расставило таким образом, что там царит беспорядок: слуга стал господином, с господином обращаются как со слугой.

Сердце не может кричать, оно лишь шепчет; громко кричащий ум совершенно не дает возможности сердцу передать вам свое послание.

Эти очень важные изречения Халиль Джебран вкладывает в уста вымышленного поэта-мистика и философа Альмустафы. Меня всегда удивляло, почему он не захотел говорить прямо; сейчас это мне совершенно ясно: он не хотел испытать ту же судьбу, которую испытал Фридрих Ницше, — ведь никто не принимает всерьез поэзию. Фридрих Ницше пишет прозу, хотя его проза так прекрасна, что можно назвать ее поэзией. Но он разговаривает с человечеством непосредственно.

Альмустафа создан вымыслом, и Халиля Джебрана никогда не объявляли сумасшедшим, никогда не принуждали жить в доме умалишенных просто потому, что он всего лишь писал беллетристику; самое большее — составитель поэм. Он обезопасил себя, прячась за

Альмустафой. Поэтому я хочу, чтобы вы помнили: все, что говорит Альмустафа, — это слова Халиля Джебрана.

Вновь заговорила жрица и просила:

«Скажи нам о Разуме и Страсти...» — об уме и сердце, о логике и любви... Веками человек считал их противоположными друг другу. Практические интересы подсказывали ему, что прислушиваясь к обоим, он неминуемо сойдет с ума: они противоречивы; необходимо выбирать. Те, кто выбирает разум, имеют все возможности быть могущественными в мире, но пустыми внутри. Те редкие души, которые выбирают страсть, любовь, сердце, — воспламеняются изнутри красотой, блаженством, благоуханием, но в окружающем мире они не властны.

Жрица задает один из фундаментальных вопросов:

Скажи нам о Разуме и Страсти...

Как вы подходите к этим двум вещам? Обе существуют в человеке и кажутся — по крайней мере поверхностно — противоречивыми. Выбор должен быть сделан; в противном случае человек будет ехать на двух конях, и окончательным результатом может быть только бедствие.

Она не знала, что пронизательность Халиля Джебрана гораздо глубже, чем у жрецов и жриц, политиков и людей, у которых есть власть благодаря деньгам или престижу.

И сказал он в ответ:

«Часто ваша душа — поле битвы...» потому что вы никогда не двигались к корням своего существа.

Разум говорит одно, сердце стремится к чему-то другому, и что бы вы ни выбрали, вы будете страдать, вы будете несчастны, поскольку половина вашего существа остается измученной, голодающей. Мало-помалу дистанция между разумом и сердцем станет такой огромной... как если бы вас перерезали электропилой на две части.

Эти раздвоенные люди ведут внутри себя сражение, они становятся полем битвы. Это стратегия, и очень хитрая стратегия: если человека поставить в ситуацию, в которой он сражается сам с собой, у него не будет ни энергии, ни времени, чтобы восстать против рабства, против гнета, против эксплуатации; его внутренняя борьба так ослабит его, что каждый сможет господствовать над ним. Это искусный способ психологической кастрации.

Из человека сделали импотента, и цель этого совершенно ясна. Если вы собранны и едины, то у вас есть целостность, индивидуальность и энергия, чтобы бороться против всего, что посягает на вашу свободу; и если все человечество обретет такую целостность, диктаторы исчезнут. Политикам нет места в справедливом человеческом обществе. В культурном обществе, что за нужда в законах, судах? Судьи, полицейские комиссары потеряют всю свою власть. Поэтому, чтобы не утратить власть, они держат вас в разделении.

Ницше говорил прямо и пострадал из-за этого. Ницше — одна из величайших жертв, понесенных человечеством из-за жадных к власти людей. Но эти люди не беспокоились насчет Халиля Джебрана: его будут читать как поэта: прекрасное развлечение, и ничего более.

Часто ваша душа — поле битвы, где разум и рассудок ведут войну против страстей и влечений. Если бы я мог стать миротворцем в душе вашей, если бы мне удалось превратить разлад и соперничество ваших частиц в согласие и гармонию! Но как мне достичь этого, если вы сами не станете миротворцами, возлюбившими все частицы свои?

Все, что дается вам существованием, не бывает без скрытой цели. У вас есть разум. У разума есть глаза, способность думать, находить нужную часть. У вас есть сердце со всеми его страстями. Но сердце знает, как петь, как танцевать, как любить. Как сердце не может создать науку и технологию, так же и разум не может создать любовь, мир, тишину — все те качества, которые позволяют превзойти обычное человечество.

Сердце может дать вам крылья для выхода за пределы и полета одинокого к одинокому.

Сердце — это дверь, за которой можно обнаружить Бога.

Разум на это совершенно не способен. Он может делать деньги, он может создавать тысячи других субъективных вещей, но он не обладает способностью войти в свой внутренний мир.

Тут не должно быть никакого конфликта. Разум действует в объективном мире, а сердце действует в субъективном мире. И если вы бдительны, медитативны, вы можете легко поддерживать равновесие между ними.

Я назвал ваше сердце Зорбой, а полет вашего разума — который есть не что иное, как утонченная энергия мысли — Гаутамой Буддой. До сих пор Зорба и Будда боролись. Оба в проигрыше, потому что Будда не дает тотальной свободы Зорбе; но и Зорба не дает Будде никакой собственной жизни.

Так вот, были Зорбы в мире... все их улыбки, вся их радость — без какой-либо глубины; даже не глубже кожи. И были Будды, радость которых глубока, бездонна — но с постоянным беспокойством от Зорбы, потому что Зорба не хочет умирать от истощения. И не так уж трудно свести их ближе, создать между ними дружбу и, в конце концов, глубокое единство.

Есть одна древняя притча. Было двое нищих, один был искалечен и не мог ходить, а другой был слепым, но мог идти... Конечно, они конкурировали. Нищенствование — это бизнес, там тоже идет беспрерывная конкуренция — вы даже не замечаете, как нищий овладевает вами. Когда я узнал об этом, я очень удивился. Поскольку я путешествовал постоянно, я приходил на железнодорожную станцию так часто, что один старый нищий привык — просто начал считать само собой разумеющимся, что когда я возвращался из поездки или уезжал, он всегда по праву получал свою одну рупию.

Сначала он неизменно благодарил. Когда я в первый раз дал ему рупию, он не мог поверить глазам — индийцы не дают рупий нищим. Но постепенно эта милостыня стала сама собой разумеющейся. Теперь и речи уже не было о благодарности, это стало рутиной. И я мог видеть по его глазам, что если я не дам ему рупию, он рассердится — я лишаю его одной рупии.

Я никогда не лишал его, но однажды я был удивлен: старик исчез, а молодой человек, сидевший на его месте, заявил: «Не забывай про одну рупию».

Я спросил: «Как ты узнал об одной рупии?»

Он сказал: «Ты не знаешь... Я женился на дочери старика нищего».

Я все же не мог понять: «Пусть ты женился, но где старик?»

Тот ответил: «Он отдал мне всю округу железнодорожной станции как приданое и дал мне все имена, и твое имя — первое имя. Ты давал ему одну рупию каждый раз, приходил ты на станцию или уходил».

Я сказал: «Это открытие, что у нищих есть свои территории».

Они владеют ими, и могут отдавать как приданое своим зятям!

Я сказал: «Вот это да! Где же старик?»

Тот ответил: «Он нашел другое место, возле госпиталя, так как нищий, который обычно сидел там, умер. Он выглядит старым, но он очень крепкий человек. Никто не захочет драться с ним».

Нищие тоже в бесконечных конфликтах за обладание клиентами, покупателями...

Так вот, те двое нищих были рождены врагами, но однажды... Жили они за городом в лесу. Среди ночи лес загорелся, и не было никого, кто мог бы спасти их. Калека знал, что огонь подходит все ближе и ближе, и все деревья загорелись, но он не мог ходить. А слепой чувствовал возрастающий сильный жар. Так и случилось, что впервые они заговорили по-дружески: «Что происходит? — у тебя есть глаза, ты же можешь видеть». И они пришли к компромиссу, забыв все свои прошлые стычки.

Слепой сказал калеке: «Сядь ко мне на плечи, и мы станем как один человек. У меня

хватит силы нести тебя, а у тебя есть глаза, ты видишь, куда идти, где найти дорогу из этого все нарастающего огня». И они оба спаслись.

Весь город проснулся и беспокоился о нищих, но ни у кого не хватило отваги пойти в лес разыскивать их. Все знали, что один не мог ходить, все знали, что другой не мог видеть, но никто не учел возможности для них - стать одним. А когда все увидели их, выходящими из лесу живыми, никто не мог поверить своим глазам. Что за чудо произошло!

Это старая, очень старая притча. В Индии есть одна из самых древних книг притч Панча Тантра; из Панча Тантры и взята эта история. И это история ваша, про вас. Дом в огне, смерть все ближе, но вы все еще не цельная индивидуальность; у вас внутри — поле битвы.

Разум может видеть, но от одного зрения помощь невелика. Сердце может чувствовать, но только чувствовать — не много толку. А возможно ли такое: зрение и чувство больше не конкуренты, а соединяются в совместном предприятии — поиске смысла жизни?

Это и есть то, что говорит Халиль Джебран: «Я знаю средство, но... если вы сами не станете миротворцами, возлюбившими все частицы свои... то такое чудо невозможно».

Поэтому я и провозгласил нового человека как Зорбу-Будду, который есть встреча Востока и Запада, который есть встреча науки и религии, который есть встреча логики и любви, который есть встреча внешнего и внутреннего. Только в этих встречах внешнего и внутреннего — только в этих встречах — вы обретете мир; иначе вы останетесь полем битвы. Если вы несчастны — помните, что несчастье возникает от внутреннего сражения, которое продолжается днем и ночью.

Бывали великие Зорбы в мире. «Ешь, пей и веселись, — вот их простая философия. — Нет жизни по ту сторону смерти. Бог — не что иное, как выдумка хитрых священников. Не трать свое время на ненужные вещи; жизнь коротка».

У нас в Индии есть целая философия — система Чарваки. Пожалуй, Чарвака — самый красноречивый Зорба; послушайте его, он очень убедителен: «Нет ни доказательства, ни очевидца какого бы то ни было Бога или жизни после смерти. Нет ни доказательства, ни опыта того, что существует бессмертная душа. Не попадайтесь на эти слова, которые были придуманы просто, чтобы создать конфликт внутри вас и сделать из вас христиан, индуистов, джайнов, буддистов, мусульман».

Индия знала также и великих Будд. Они говорят: мир иллюзорен; все подлинное внутри, а все неподлинное снаружи. Не тратьте своего времени на желания и амбиции; они — та же самая материя, из которой сотканы сны. Воспользуйтесь тем небольшим временем, которое есть в вашем распоряжении, для движения как можно глубже внутрь, чтобы обрести храм Бога — вашу божественность.

Если вы слушаете Будд, они кажутся убедительными. Если вы слушаете Зорб, они кажутся убедительными, — и вы уже в беде, потому что у вас внутри они оба.

Я хочу, чтоб вы были миротворцем, не полем битвы.

Пусть будет глубокая дружба между вашим разумом и вашей страстью, чтобы вы могли наслаждаться тем, что доступно снаружи... а доступно многое. Оно не иллюзорно, поступки Будд удостоверяют это. Им нужна пища — она не растет внутри. Им нужна вода — они должны искать и найти ее вовне. И все же они продолжают заявлять: «Все то, что вовне, иллюзорно».

А Зорбы, хотя они и говорят, что живут только внешним, просто неразумны — ведь внешнее может существовать, только если есть внутреннее. Они нераздельны. Видели вы что-нибудь, у чего есть только наружное и нет внутреннего? Видели вы монету только с одной стороной? Какой бы тонкой вы ни сделали ее, обе стороны будут оставаться вместе.

Первый шаг к пониманию: важнейшая установка — расслабиться и быть в любви со своим телом, со своим сердцем. Не создавайте никакого конфликта, сведите их ближе, — ведь

столетия сделали их такими несоединимыми. Но когда они сблизятся и станут одним, вы будете не просто Зорбой и не просто Буддой, вы будете Зорбой-Буддой. Вы будете тотальным человеком. И в вашей тотальности будет красота, блаженство, истина.

Ваши разум и страсть — руль и паруса вашей плывущей по морю души.

Когда вы осознаете их единство, и они больше не в конфликте, внезапно вы почувствуете, как новое пространство возникает в вас: вы видите свою душу. Теперь нет конфликта в вашем теле, в вашем разуме, в вашем сердце; у вас есть время, спокойствие и пространство, чтобы увидеть нечто запредельное — душу.

Вы, по существу, треугольник: разум, сердце и душа. Но совсем немногие люди достигли души, потому что поле битвы не исчезает. У вас совершенно нет времени для исследования: Зорба продолжает тянуть вас наружу, а Будда продолжает тянуть вас внутрь. Это чуждая вам борьба, ее навязали все те, кто хочет, чтобы вы были слабыми, кто хочет, чтобы вы были бездушными — просто машинами, роботами.

Он говорит: *Ваши разум и страсть — руль и паруса вашей плывущей по морю души.*

Если ваши паруса порваны или сломан руль, вы можете лишь носиться по волнам и плыть по течению... — и это то, чем занимается почти все человечество — носится по волнам и плывет по течению... *либо недвижно стоять в открытом море* — некая разновидность смерти перед смертью.

Ибо разум, властвующий один, — сила ограничивающая.

Разум имеет свои пределы. Он не может принять то, что беспредельно.

А страсть без контроля — пламя, сжигающее само себя.

Ваша страсть — это ваш огонь, огонь вашей жизни. Но беспризорный, непослушный, невежественный, огонь уничтожает сам себя. И тот же самый огонь мог бы быть использован разумом для разрушения границ, для сожжения тюремных ограничений — и все небо стало бы вашим.

Потому пусть ваша душа вознесет ваш разум на вершину страсти.

Страсть не знает границ. Ваша энергия — это неиссякаемый источник, потому что ваша энергия — это энергия целой вселенной.

Пусть ваша душа вознесет ваш разум на вершину страсти, чтобы он мог петь.

Благословен человек, чей разум начинает петь и танцевать, — ведь разум знает лишь любопытство, сомнение, вопросы; ему не известно ничего о пении, танце, праздновании — о том, что относится к вашему сердцу. Но если ваша душа, ваше осознание сведут их вместе, они станут партнерами по танцу, партнерами по песне, настолько глубоко созвучными, что вся их двойственность исчезнет.

По-моему, это исчезновение двойственности и есть начало новой жизни, в которой нет места конфликту, нет места полю битвы. Ваша жизнь начинает превращаться в сад Эдема. Всех ваших энергий достаточно для создания рая внутри вас.

Вам говорили, что если вы последуете неким условиям как христианин, индуист или мусульманин, вы войдете в рай. Но я говорю вам: никогда вам не войти в рай. Это рай входит в вас, в тот миг, когда поле битвы исчезает, и ваше сердце и разум танцуют в созвучии. Рай ждет того мгновения, когда он сможет войти. В этой радости, тишине и спокойствии рай обязательно придет к вам.

Вся идея вашего стремления к раю бессмысленна. Не бывает рая вне вас, и не бывает ада вне вас. Вы живете в аду — когда вы в конфликте, сражаетесь с собой. И в вас есть небеса — когда там абсолютная тишина, а в вашем существе возникает песня тотальности, органичного единства.

И пусть она направит вашу страсть разумно, чтобы ваша страсть жила, каждый день

воскресая...

То, что Халиль Джебран говорит... никогда не забывайте — это не только слова, это зерна, которые могут преобразить вас в прекрасный сад, где птицы будут петь, цветы будут распускаться, и рай ожидает момента постучаться к вам в двери: «Я пришел — ты готов?»

Он говорит о том, что первым делом разум должен быть вознесен вами, вашим осознанием на высоту страсти, «чтобы он мог петь». И вторая часть, более значительная:

И пусть она направит вашу страсть разумно... — так, чтобы вы не заблудились, нащупывая дорогу вслепую. На вершинах без глаз очень опасно, лучше оставаться в долине со всеми другими слепыми людьми. Хотя при падении вы и не умрете — возможны ссадины или переломы, но не смерть.

Пусть разум направит вашу страсть, пусть он станет глазами вашего сердца, и тогда вы узнаете, почему христиане говорят, что после распятия было воскресение. Его, может, и не было — возможно, это не исторический факт, — но в нем бездна психологической и духовной глубины.

Каждое мгновение ваша страсть умирает, потому что страсть не знает ничего в прошлом и ничего в будущем — это накопления разума. Страсть знает только миг настоящего; каждый миг она умирает, и, если направлена глазами разума, каждый миг будет воскресать. Она будет умирать, и она будет воскресать — свежее, моложе, лучше, вновь очищенной.

...и подобно фениксу возрождалась из пепла.

Мифологическая птица феникс — это, на самом деле, способ рассказать вам, что вы должны научиться умирать каждый миг и рождаться снова каждый миг. Ваша жизнь должна быть непрерывной смертью и непрерывным воскресением, и вы останетесь свежими до самого последнего дыхания; в противном случае пыль будет накапливаться, и вы умрете, лет на тридцать-сорок раньше, чем люди скажут: «Этот парень мертв».

Хиппи обычно говорили: никогда не доверяй никому, кто прошел тридцатилетний рубеж; потому что в возрасте тридцати или около того личность умирает, а потом живет сорок или пятьдесят лет посмертной жизнью, поскольку воскресение не сбывается.

Но хиппи были только реакцией, вот почему вы не найдете ни одного старого хиппи. Они все умерли в возрасте тридцати; теперь они живут своей посмертной жизнью на базаре, и весьма умело. Они совсем забыли о том, что было просто грезой, через которую проходит каждый молодой человек; теперь они смеются над этим — это не что иное, как затухающая память.

Я искал старого хиппи — мне так и не повезло.

Старых хиппи нет просто потому, что они не знают: дело не в реакции на общество. Дело во внутренней трансформации, в постижении алхимии того, как мирно умереть и дать энергии воскреснуть — словно феникс — из собственного пепла.

Это одна из самых модных и значительных метафор. Я не встречал другой метафоры, столь же важной и сильной. Это целая философия религии: умирая и возрождаясь, вы всегда остаетесь свежими, вы всегда остаетесь в потоке; вы не просто стареете — вы растете.

Стареть — не велика важность; все животные стареют, все деревья стареют. Только человек имеет привилегию, прерогативу — расти и оставаться таким же свежим и молодым — даже в преклонном возрасте, — каким он был до тридцати лет. Полный грез о запредельном, даже на смертном одре он не грустит о том, что оставляет эту землю; напротив, он в крайнем волнении от нового паломничества, которое собирается начать, потому что ему известно: смерть — это не смерть, всякая смерть — это и воскресение тоже. Однако это становится истиной лишь тогда, когда ваш разум и ваша страсть едины, когда ваши Зорба и Будда не сражаются, а обнимают друг друга.

Хотел бы я, чтобы вы считали ваш рассудок и ваши влечения двумя дорогими гостями в

своем доме. Ведь не будете вы оказывать одному гостю больше почестей, чем другому; ибо тот, кто более внимателен к одному, теряет любовь и доверие обоих.

Я слышал о человеке, который любил двух женщин. Обе женщины хотели уверенности и гарантии: «Будь честным и скажи, на ком ты собираешься жениться». А для бедняка это было трудной задачей, потому что одна из них, очень красивая женщина, была совсем бедна, а другая, весьма невзрачная, была безмерно богатой, и все это богатство доставалось ему. Можете представить себе его положение.

Они поехали кататься на лодке, наслаждались морем и солнцем. Вдруг богатая женщина сказала ему: «Останови лодку здесь, посреди океана. Я не могу ждать дольше. Ты должен решить. Скажи нам, кого ты любишь?»

Этот человек, видимо, был очень разумным. Он сказал: «Что за вопрос ты задаешь? Я люблю каждую из вас больше, чем другую». И обе женщины были бесконечно довольны.

Когда вы сидите среди холмов, в прохладной тени серебристых тополей, разделяя мир и спокойствие с дальними полями и лугами, — пусть тогда ваше сердце промолвит в тишине: «Бог покоится в разуме».

Когда разразится буря, и могучий ветер начнет сотрясать деревья в лесу, а гром и молния возгласят величие неба — пусть тогда ваше сердце воскликнет в трепете: «Бог движется в страсти».

И раз вы - дыхание в Божьем мире и лист в Божьем лесу, то и вы покойтесь в разуме и двигайтесь в страсти. Это величайший синтез, который необходим человеку — и необходим немедленно, потому что все человечество прошлого упустило этот синтез, эту синхронизацию. Но я хочу, чтобы мои люди наслаждались Богом всегда: днем Бог — свет, а ночью Бог — темнота. Не создавайте никак конфликтов.

Когда-нибудь вы перестанете быть полем битвы, вы станете храмом, и вы не будете покупать Божью статую, чтобы лелеять ее в храме. Живой Бог всегда входил в существо человека, который превратился в святое место, которое стало священным.

У вас есть все необходимые составляющие.

У вас есть все требуемые возможности.

Если вы упустите их, никто иной не будет отвечать за это, кроме вас.

Бог просто ждет у двери, но вы в таком беспорядке, что кому захочет войти внутрь? И даже если Он стучит к вам в дверь, вы не услышите... там по-прежнему столько борьбы, что вы и не собираетесь прислушиваться к слабому стуку в дверь. Нет сильного электрического звонка на вашей двери, который бы Бог мог нажимать... Он все еще пользуется старым человеческим способом — стучать Своей собственной рукой. Это показывает Ему, подготовлены ли вы, готовы ли воспринять Его — или не готовы; стали ли вы хозяином — чтобы Он мог стать гостем?

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

4. РАКОВИНЫ ПРОШЛОГО

21 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом просила женщина: «Скажи нам о Боли».

И он сказал: «Ваша боль — это раскалывание раковины, которая заключает ваше понимание.

Как косточка плода должна расколоться, чтобы ее сердцевина предстала солнцу, так и вы должны познать боль.

Если бы ваше сердце не уставало изумляться каждодневным чудесам жизни, то ваша боль казалась бы вам не менее изумительной, чем ваша радость;

И вы приняли бы времена года своего сердца, как всегда принимали времена года, проходящие над вашими полями. И вы безмятежно смотрели бы сквозь зимы своей печали. Многие из вашей боли выбрано вами самими.

Это горькое зелье, которым лекарь в вас исцеляет ваше больное Я.

Поэтому доверьтесь лекарю и пейте его лекарства в молчании и спокойствии:

Ибо его руку, пусть тяжелую и жесткую, направляет заботливая рука Незримого,

И хотя обжигает вам губы чаша, которую он подносит, она сделана из глины, которую Гончар смочил своими святыми слезами».

Оказывается, очень трудно, даже человеку масштаба Халиля Джебрана, оставить глубоко укорененную мужскую шовинистическую позицию. Я говорю это потому, что его изречения — устами Альмустафы — в некотором смысле справедливы, но все же в них упущено кое-что очень существенное.

Альмустафа забывает, что вопрос задан женщиной, — и его ответ, слишком общий, применим и к мужчине, и к женщине. Но истина в том, что боль и страдания, через которые прошли женщины мира, в тысячу раз сильнее тех, которые когда-либо знал мужчина. Вот почему я говорю, что Альмустафа отвечает на вопрос, но не тому, кто его задал. А если отвечают не вопрошающему, то ответ остается поверхностным — как бы глубоко он ни звучал. Мне хочется, чтобы вы всегда помнили: везде, где я вижу, что маленькая фраза, а иногда только слово, могут углубить его, сделать более правдивым, более сострадательным...

Ответ оказывается академичным, философским. В нем нет понимания того, что мужчина натворил с женщиной, — а это вопрос не одного дня, а тысячелетий. Он даже не упоминает об этом. Напротив, он продолжает делать то же самое, что священники и политики делали всегда, — давать утешения. За прекрасными словами нет ничего, кроме утешения. А утешение не может заменить истину.

Просила женщина...

Разве не удивляет, что из всей толпы никакой мужчина не спросил о боли? Просто случайность? Нет, безусловно, нет. Очень уместно, что женщина задала вопрос: «Скажи нам о боли», — потому что одна женщина знает, сколько ран она перенесла, сколько рабства — физического, умственного и духовного; она страдала, и до сих пор страдает. Женщина задета в глубочайшей сердцевине своего существа. Никакой мужчина не ведает глубины боли, могущей войти в вас и уничтожить ваше достоинство, вашу гордость, саму вашу человечность.

Альмустафа сказал:

«Ваша боль — это раскалывание раковины, которая заключает ваше понимание».

Очень бедное изречение — настолько поверхностное, что мне даже стыдно за Халиля Джебрана. Любой идиот может сказать такое. Это не Достойно Халиля Джебрана:

Ваша боль — это раскалывание раковины, которая заключает ваше понимание. Слишком простое и общее утверждение.

Как косточка плода должна расколоться, чтобы ее сердцевина предстала солнцу, так и вы должны познать боль.

Я ненавижу это изречение; в нем утверждается та идея, что вы должны испытывать боль. Это трюизм, но не истина. Это простой факт — зерно должно пройти через великое страдание, потому что пока зерно не умрет в своем страдании, дерево ни за что не родится, и замечательная листва красота цветов никогда не войдут в существование. Но кто помнит, то зерно - это его решимость умереть ради того, чтобы неведомое родилось?

То же самое верно, если *раковина, которая заключает ваше понимание*, проходя через страдание, ломается, дает свободу вашему пониманию тут есть определенная боль.

Но что такое раковина? Вот так поэты бежали от распятий; он должен был объяснить, что такое раковина, — все знания, вся ваша обусловленность, весь процесс вашего воспитания, ваше образование, ваше общество цивилизация — это они составляют раковину, которая держит вас и ваше понимание в заключении. Но он не упоминает ни единым словом о том, что он подразумевает под «раковиной».

Очевидно, никакая религия не осуждала Халиля Джебрана. Если бы он был более искренним и честным, он и сам узнал бы, что такое боль. Его только хвалили за его прекрасные поэтические сказания, но за этой похвалой есть какая-то слабость; что-то от труса все еще таится во мраке его души.

Если бы он сказал: «Ваша религия, ваша философия, ваша политическая идеология, ваша национальность, ваша раса — все это составные части вашего тюремного заключения», — тогда вместо международного почета уважения он был бы осужден всеми религиями, всеми нациями, всеми расами — то есть почти всем миром. Я проходил через такую боль всю свою жизнь, поэтому, когда я говорю это, то говорю на основании своего собственного опыта.

Сделайте хоть одно заявление против тех, кто извлекал выгоду, низводя все человечество к рабству, и все власть имущие будут против вас. А массы слепы, массы не разумны, массы бедны; они не будут слушать меня — что я могу дать им? Я могу дать им понимание, но они не могут есть понимание, они не могут прожить на понимании. А их собственная обусловленность, все то, чему они были обучены, — это и есть их мудрость.

Так что не только власть имущие, но и те, кого эксплуатируют, чью силу отняли власть имущие, — иначе, откуда им брать силу? — те тоже последуют за ними.

Власть имущие — это пастухи, и они низвели все человечество до уровня овечьего стада.

Это почти невероятно, что те, кто мог поднять человечество и его сознание к такой красоте, мудрости и радости, никогда не были услышаны, хотя они и кричали с крыш. Все усилия были приложены, чтобы или заставить их молчать, или распять их. Те, кто не имел мужества, видя все это, оставались молчаливыми; но даже и молча — вы тоже участвуете в страдании, через которое проходит все человечество.

Лишь немногие люди говорили — и они были отравлены, распяты, убиты, зарезаны. Вы убивали своих друзей. Вы убивали тех, кто любил вас так сильно, что был готов пожертвовать своей жизнью, но не оставаться молчаливым. И вы шли за своими врагами, которые сосут вашу кровь каждый миг.

Когда я заговорил впервые о контроле рождаемости и легализации аборт, меня осуждали все. Если бы они послушали меня в то время, сегодня Индия могла бы быть богатой, потому что

когда я начал говорить людям: «Этот рост населения убьет вас, уничтожит вас», — тогда было только четыреста миллионов людей в Индии. Через тридцать лет их стало девятьсот миллионов — появление пятисот миллионов человек можно было предотвратить, и страна не погибала бы от голода.

И все же они не согласились выслушать меня. Они до сих пор слушают шанкарачарьев, которые против контроля рождаемости, они слушают Мать Терезу, которая против контроля рождаемости. Они и есть ваши враги. Но, кажется, вы так слепы, что не можете видеть простые факты.

Альмустафа говорит: *Ваша боль — это раскалывание раковины, которая заключает ваше понимание.* Это верно, но было бы более понятно, если бы он объяснил, что подразумевать под «раковиной», потому что все зависит от смысла слова «раковина»: что это такое — раковина?

Люди будут читать это просто как выдумку, поэзию, и никто даже не обратит внимания на слово «раковина», которое содержит все ваше прошлое. А если вы не готовы порвать со своим прошлым — будет больно, это же ваше прошлое; нелегко просто бросить его. Это не одежда, которую вы можете сменить, — это как содрать свою кожу. Но без прохождения через эту боль невозможно никакое понимание.

Это верно и для мужчин, и для женщин, но более верно для женщин, потому что все прошлое создано мужчиной; женская роль — быть просто тенью, чем-то не очень существенным. Все индуистские воплощения Бога — мужчины; это так удивляет и шокирует: они признают животных как инкарнацию Бога, но они не признали ни единой женщины как инкарнации Бога.

Женщиной полностью пренебрегали, с нею не считались вообще. Женщины составляют половину мира, и тысячелетиями у них не было права голоса. В Китае верили, что женщина не имеет души, и таким образом вопрос боли не возникал. Если вы ломаете свою мебель, неужели мебель будет так уж сильно страдать? Будет здесь боль? Если вы ударите по столу, будут слезы? Китай веками относил женщин к вещам; отсюда, по китайской морали, убить собственную жену — не преступление. Это ваша жена, это ваше имущество; вы можете делать с ней все, что захотите.

В Индии... Гаутама Будда — мужчина, его великие ученики — Махакашьяпа, Шарипутта, Моггальян — все мужчины. Была ли хоть одна женщина, которая смогла подняться к тому же сознанию? Но сам Гаутама Будда отказывался инициировать женщин, словно они не из рода человеческого, а из какого-то дочеловеческого состояния. Зачем беспокоиться о них? — пускай, сначала достигнут мужского состояния.

Гаутама Будда утверждал, что мужчина — это перекресток, с которого можно двигаться куда угодно — к просветлению, к окончательной свободе. Женщина не упоминается вовсе. Она не перекресток, а совершенно темная улица, где муниципалитет даже не установил фонарей; она не ведет никуда. Мужчина — это суперавтострада; поэтому сначала пусть женщина придет на суперавтостраду, пусть станет мужчиной, родится в мужском теле, тогда для нее будет какая-то возможность стать просветленной.

Говорит Альмустафа: *...так и вы должны познать боль*, — но чего ради? Если женщина не может стать просветленной, зачем ей нужно идти через боль? Она не из золота, чтобы, проходя сквозь огонь, становиться чище.

Если бы ваше сердце не уставало изумляться каждодневным чудесам жизни, то ваша боль казалась бы вам не менее изумительной, чем ваша радость...

Это верно, но иногда истина может быть очень опасным, обоюдоострым мечом. С одной стороны она защищает, с другой — разрушает. Это верно, что если в ваших глазах сохраняется способность к изумлению, то вы поразитесь, узнав, что даже боль имеет свою сладость, свое

собственное чудо, свою собственную радость. Она не менее изумительна, чем сама радость.

Но удивительный факт: женщина всегда была более похожа на ребенка, более полна изумлением, чем мужчина. Мужчина всегда за знание, — а что такое знание? Знание просто означает избавление от изумления. Вся наука старается демистифицировать существование, а слово «наука» означает знание. И это самый простой факт: чем больше вы знаете, тем меньше изумляетесь.

Пойдите утром на прогулку с маленьким ребенком... Мой отец обычно поднимал меня с кровати рано утром, в пять часов. Это бывало за час до восхода солнца, повсюду еще было темно. И я говорил ему много раз: «Не могу понять, что за арифметика такая? Когда я хочу бодрствовать, меня заставляют идти спать. Когда ночное небо в звездах и я хочу пойти на реку, мне не разрешают. А потом, когда звезды исчезают, солнце еще не взошло, и я сонный, — меня заставляют идти на утреннюю прогулку. Ты тащишь меня! — разве это утренняя прогулка? Я просто хочу понять логику этого».

Каждый ребенок чувствует это — каждый без исключения, ведь семья хочет избавиться от него: «Иди спать». Не беспокой нас. И они хотят, чтобы ребенок вставал рано утром.

Мой отец любил цитировать древнее изречение, которое существует на всех языках во всем мире: «Рано ложись и рано вставай, и ты сохранишь здоровье и мудрость».

Я говорил: «Странная логика».

Но делать было нечего; он так настаивал, что мне приходилось идти. А когда исчезала темнота и птицы начинали петь... утренняя свежесть... и прекрасный восход, как будто приходит новое солнце — старое умерло прошлой ночью, — я задавал ему много вопросов. Он говорил: «Во время прогулки ты должен молчать».

Я сказал: «Я могу молчать лишь при одном условии».

Он спросил: «При каком?»

Я ответил: «Мое условие таково: не тревожь мой сон утром. Ты можешь выбирать. Если ты разбудишь меня, ты разбудишь также и мой разум. Хорошо, что люди в Англии берут на прогулку своих собак: я же не собака! Так или иначе, ты должен сам отправляться на свою прогулку; куда бы ты ни захотел идти — иди... Даже если ты не захочешь вернуться, никто не будет беспокоиться об этом. Однажды ты уйдешь и не возвратишься — это может произойти в любой день. Но если ты вытаскиваешь меня из кровати, то будь готов к моим вопросам. А мои вопросы не от любопытства... Я чувствую непрерывное изумление от всего, что вижу».

Он сказал: «Я не могу оставить тебя спать. Я закладываю основание для всей твоей жизни. Это здоровая привычка, потому что воздух свежий, солнце молодое, все спят, повсюду тишина. И птицы поют лишь время от времени; их пение не нарушает тишину — напротив, оно углубляет ее».

Я ответил: «Согласен».

Он предложил: «Давай найдем компромисс».

Я сказал: «Не верю в компромиссы. Либо я прав, либо ошибаюсь. Что за компромисс? Что ты подразумеваешь?»

Он ответил: «Тебе не нужно делать ничего; это все мое дело. Я буду брать тебя на утреннюю прогулку, ты можешь задавать любые вопросы, какие захочешь, и столько вопросов, сколько захочешь, но я не буду отвечать».

Я сказал: «Очень хорошо».

И это была действительно радость! Я дергал его за рубашку, толкал его, задавая вопросы. Пять минут он сохранял молчание, а потом раздражался. Он говорил: «Что за мальчишку я взял? Ты не даешь мне наслаждаться моей прогулкой!»

А я говорил: «А как насчет моего сна?»

В конце концов, он махнул рукой: «Ты спи, а я буду ходить на прогулку»

Когда вы стареете, вы теряете чувство изумления, вы становитесь все более и более вялыми. А причина этого в том, что теперь вы знаете все. *Не знаете* ничего, но ваш ум полон заимствованных знаний, и вы даже не подозреваете, что под этим нет ничего кроме темноты и невежества.

В Индии было только две личности, известные как *махатма*, великая душа. Один был Махатма Ганди, другой — Махатма Бхагвандин. Махатма Бхагвандин обычно останавливался в моей семье — он постоянно путешествовал. Я никогда не встречал человека таких обширных знаний; он знал столько, что был почти девятым чудом света! С ним я обычно ходил на утреннюю прогулку. Он нуждался во мне, потому что был переполнен знаниями и хотел, чтобы кто-то задавал ему вопросы.

Мой отец сказал: «Странно. Я устал от тебя, но всякий раз, как приезжает Махатма Бхагвандин, он не приглашает в компанию никого другого, он берет только тебя. Мне раньше приходилось вытаскивать тебя из кровати, но когда он здесь, то *ты* вытаскиваешь *его* из кровати. Не в пять, а в четыре, даже в три часа просишь: «Давай пойдем, погуляем».

Порой он, бывало, говорит: «Сейчас слишком рано!»

Я отвечаю: «Ничего не рано. Чем раньше, тем мудрее ты становишься».

Но он наслаждался моей компанией, потому что я непрерывно спрашивал обо всем. Он знал названия всех деревьев, знал их медицинское применение. Он сам был чудом. Но однажды наша дружба закончилась, потому что я задал не тот вопрос; он его, однако, понял перед смертью...

Я был у него за три дня до его смерти, и он признался: «Ты был прав, прости меня. Я знаю, моя жизненная энергия исчерпана, это вопрос нескольких часов, самое большее нескольких дней. Ты прибыл вовремя, чтоб повидать меня. Я ждал тебя, потому что должен извиниться перед тобой».

Я спросил: «О чем ты говоришь?»

Я совершенно позабыл. Прошло много лет с тех пор, как он разгневался из-за того, что я спросил: «Я понимаю, ты знаешь много о деревьях, звездах, о земле, ты знаешь много всего, и о чем бы я ни спрашивал, ты никогда не говорил: я не знаю; но теперь я хочу спросить: ты знаешь себя? И не обманывай ребенка, ведь это будет настоящий грех. Я спрашиваю потому, что люблю и уважаю тебя.

А во-вторых, все эти знания, что ты собрал, — помогут ли они тебе познать себя? И разве это не заимствованные знания? Что за смысл в твоём знании латинского названия дерева, медицинского употребления его листьев, коры, корней, цветов? Это твоё собственное открытие, или ты просто насобирали информации?»

Он разгневался. Я сказал: «Твой гнев — исчерпывающий ответ. Ты никогда прежде не гневался, поскольку я спрашивал о том, о чем ты собрал информацию. Ты ходячая Британская Энциклопедия — согласен. Но как же насчет *тебя*? Все это знание исчезнет, когда смерть постучится в твою дверь, и тебе это не поможет».

Он был так разгневан, что сказал моему отцу: «С завтрашнего дня я отправляюсь на утренние прогулки один».

Мой отец сказал: «Я же советовал вам это с самого начала. Зачем было брать лишнюю заботу на себя?»

Тот сказал: «До сих пор с ним не было никаких хлопот, но сегодня он определенно довел меня. Прошел целый день, но его вопрос все еще не выходит у меня из головы».

И вот прошло много лет, и перед тем как он умер — это было где-то около 1960 года, я по чистой случайности возвращался из Варды.. Сын Махатмы Ганди, Рамдас очень

заинтересовался мною, потому что, как он выразился, «вы единственный человек, который критиковал моего отца, все остальные поклонялись ему. Я замечал не раз, что он сбивается на слишком нелогичные, суеверные вещи, но он был человеком огромного влияния. Лучше было помалкивать — ведь что случилось с моим старшим братом Харидасом? Его вышвырнули из дому, а матери было сказано: "Если ты позволишь ему хоть раз войти в дом, запомни: ты последуешь за ним!"»

Харидас так никогда и не смог войти в дом снова. Еще двадцать лет прожил Махатма Ганди и всегда отказывал сыну, заявляя, что не хочет даже видеть лицо Харидаса. А в чем было преступление Харидаса? Его преступление заключалось в том, что он хотел стать образованным. Ганди был против образования, он был против всего нового, современного. Поэтому, естественно, другие дети очень боялись его.

Рамдас очень заинтересовался мной, потому что я раскритиковал Ганди по всем пунктам, и никакой гандист не осмелился ответить мне хоть что-нибудь — они и не могли ответить. Поэтому, когда Ганди умер и Рамдас стал главой его ашрама, он обычно приглашал меня время от времени.

Итак, я ехал из Варды, а Махатма Бхагвандин жил в Нагпуре, это как раз по дороге. Прямо в поезде, случайно, один из моих друзей, также очень близкий с Махатмой Бхагвандином, рассказал мне: «Тебе известно, что он может умереть не сегодня завтра? Задержись здесь хоть на день».

Я отправился в госпиталь. Я никогда не видел такого ужасного состояния — от Бхагвандина остались одни кости, просто скелет, покрытый кожей, и он беспрерывно кашлял, отхаркивая слизь. Его легкие могли отказать любой миг. И доктор сказал: «Это ужасно, но у нас нет никакого средства».

Увидя меня, Бхагвандин улыбнулся и сказал: «Я надеялся, что кто-то сообщит вам, потому что хочу, прежде чем покинуть мир, извиниться за свой гнев. Вы были правы: все мои знания бесполезны. Можно знать весь мир, но если не знаешь себя — это пустое знание, бремя, которое тащишь напрасно».

Он сказал: «Я умираю; и все же я не знаю, как ответить вам. Ваш вопрос стоял передо мной все эти годы, но я не знаю, как познать себя. И сейчас слишком поздно — возможно, завтра меня не станет».

Я сказал: «Никогда не слишком поздно. Каждого из нас может не стать завтра; даже юноша, совершенно здоровый, может погибнуть от сердечного приступа. Вам будет трудно... Я вижу — вы не можете даже говорить, вы кашляете и отхаркиваете мокроту, и ваше тело превратилось в скелет; но даже в этом состоянии простая медитация, випассана, может помочь, открыт дверь».

А как только вы поняли, что все ваши знания бессмысленны, вы почти готовы к прыжку в безмолвие, в свой внутренний центр — единственное, что уходит с вами. Прежде чем вы оставите тело, по крайней мере, познакомьтесь с этим. Небольшое знакомство с собой может дать вам новую жизнь на более высоком уровне».

Альмустафа не упоминает о том, что женщины всегда остаются более похожими на детей, чем мужчины; это одна сторона их красоты — их невинность: они не знают. Мужчина никогда и ничего не позволял им знать. Им известны незначительные вещи — как содержать дом и кухню, как заботиться о детях и муже, — но это не то, что может защитить... Это не великое знание; это легко отшвырнуть в сторону.

Вот почему всякий раз, когда женщина приходит слушать меня, он слушает меня более внимательно, более сердечно, с большей любовью. А когда мужчина впервые слышит меня — он очень стоек, бдителен, опасается возможного влияния, вреда, если мои слова не соответствуют его знаниям. Или, если он очень хитер, то интерпретирует все, что говорится, в соответствии с

собственным знанием и затем заявляет: «Я знал все это, здесь ничего нового». Это его способ защитить свое эго, сохранить прочную раковину. И пока раковина не расколота, а вы не обрели способность изумляться как ребенок, у вас нет возможности даже побывать в пространстве, которое мы всегда называли душой и которое является самой вашей сущностью.

Я наблюдал это во всем мире — женщина слушает, и можно видеть блеск изумления в ее глазах. Это не поверхностное, это коренится глубоко в ее сердце.

Но Халиль Джебран не упоминает об этом, хотя вопрос задан женщиной. На самом деле мужчина настолько малодушен, что боится задавать вопросы, ведь ваш вопрос выдает ваше невежество.

Вы обнаружите, что все лучшие вопросы в «Пророке» задают женщины - о любви, о супружестве, о детях, о боли, — подлинные, настоящие... не о Боге, не о какой-нибудь философской системе, а о самой Жизни. Они могут и не выглядеть великими вопросами, но на самом деле это — величайшие вопросы, и человек, способный разрешить их, вступает в новый мир. Но Альмустафа отвечает так, будто вопрос был задан кем угодно, любым XYZ — он отвечает не вопрошающему. *А мой* подход всегда таков: истинный вопрос — это сам вопрошающий...

Почему вопрос возник у женщины, а не у мужчины? Потому что женщина испытывала рабство, женщина испытывала унижение, женщина испытывала экономическую зависимость, и сверх всего этого она была постоянно беременной — испокон веков. Она жила болью, болью и болью. Растущий в ней ребенок не давал ей есть — она всегда чувствовала отвращение, рвоту. Когда ребенок дорастает до девяти месяцев, происходит его рождение — это почти смерть женщины. Она еще не оправилась от одной беременности, как муж готов сделать ее беременной снова. Кажется, что единственная функция женщины — быть фабрикой по производству толп.

А какова функция мужчины? Он не принимает участия в ее боли. Десять месяцев она страдает, при рождении ребенка она страдает, а чем же занимается мужчина? Что касается мужчины, то он попросту использует женщину как объект для удовлетворения своей страсти и сексуальности. Он совсем не озабочен последствиями для женщины, и по-прежнему продолжает свое: «Я люблю тебя». Если бы он действительно любил ее, мир не был бы перенаселенным. Его слово «люблю» совершенно пустое: он обращается с ней почти как со скотом.

И вы приняли бы времена года своего сердца, как всегда принимали времена года, проходящие над вашими полями.

Верно, и все же не абсолютно верно: верно, если вы забываете вопрошающего, но не верно, если вы помните вопрошающего. Только как философское утверждение это правильно.

И вы приняли бы времена года своего сердца...

Иногда удовольствие, иногда боль, а иногда просто равнодушие — ни боли, ни удовольствия. Он говорит: «Если вы принимаете времена года своего сердца, как всегда принимали времена года, проходящие над вашими полями...»

С внешней стороны это правильно. Принятие чего угодно дает вам некоторый мир, некоторое спокойствие. Вы не слишком обеспокоены, вы знаете: это тоже пройдет. Но что касается женщины, различие есть. Она постоянно живет в одном сезоне — боль и боль. Сезоны не изменяются от лета к зиме... или к дождям. Жизнь женщины действительно тяжела.

Она не так тяжела сегодня, но это лишь в передовых странах. В так называемых развивающихся странах, которые в действительности не развиваются, которые в действительности — неразвитые страны... Единственное слово изменили; их прежде называли «неразвитыми» странами. Это и есть хитрость человеческого ума, так как слово «неразвитые» задевает — отсюда «развивающиеся страны», чтобы скрыть тот факт, что ничто не развивается.

Восемьдесят процентов населения Индии живет в деревнях, где вы видите настоящую

нужду, через которую проходит женщина. Она проходила через такую нужду веками, и для нее сезон не меняется. Если вы учтете этот факт, то такое изречение становится антибунтарским, оно становится утешением: «Прими рабство от мужчины, прими муки от мужчины».

Вас удивит, что один из великих святых, которому поклоняются индуисты, Тулсидас, — его книга о жизни Рамы, наверное, самая читаемая у индусов — говорит: «Так же, как вы не можете производить звуки, не ударяя в барабан...» Конечно, Ниведано подтвердит, что в барабан нужно бить, иначе звуков не будет. А Тулсидас относит женщину к той же категории — барабаны, неприкасаемые, животные и женщина: если вы не будете бить ее, ваша жизнь станет несчастной. Время от времени женщину нужно бить — неважно, есть какой-нибудь предлог для этого или нет, — чтобы знала свое место.

Этот человек, Тулсидас, считается одним из величайших святых индуизма — и меня просили не критиковать его! Этот человек — преступник. Это не критика; это просто факт, что человек, который помещает женщину в категорию барабанов... Хорошо, что Ниведано не читал его, а то жизнь Гайяны была бы постоянной практикой битья: «Если тебе наскучил барабан, бей Гайяну — только так сможешь ты держать женщину под контролем». Что за люди, что за выражения?..

И это была его собственная жена... без нее Тулсидас никогда не стал бы известным миру. Эта история так значительна, мне хочется, чтобы вы поняли ее, а это позволит вам понять и изречение — это, в сущности, его насилие, его гнев на свою жену. Тулсидас, очевидно, был очень страстным человеком, слишком сексуальным. Его жена уехала на несколько дней в дом своих родителей, а Тулсидас не мог прожить без нее даже несколько дней.

Это был сезон дождей; дом его тестя был недалеко — на другом берегу реки. Но река была горной, а дождь лил целыми днями, и река превратилась в безбрежный океан; не было видно другого берега.

Среди ночи Тулсидас так переполнился воображаемым, мысленным сексом, что прыгнул в реку; по реке плыл труп... Страсть делает человека слепым: он подумал, что это кусок дерева. Уцепившись за труп, как за бревно, он пересек реку. Конечно, он побоялся входить через переднюю дверь среди ночи, поэтому обошел дом сзади. Он был безмерно счастлив, что там висела веревка, — его жена жила на втором этаже, но теперь не надо никого беспокоить: можно ухватиться за веревку и взобраться на второй этаж. Но это была не веревка, это была змея. Вот какова слепая страсть.

Все же он влез на второй этаж и постучался в дверь, где спала жена. Она вышла с фонарем и увидела змею. Она воскликнула: «Что ты натворил? Это же змея, это не веревка! И почему ты приходишь среди ночи? Река взбесилась, такой поток!»

Он сказал: «Боже мой, наверное то, что я использовал для поддержки, чтобы перебраться через реку, не было дерево: оно воняло, как труп». Его жена сказала ему: «Если бы ты полюбил Бога, если бы ты полюбил истину с такой страстью, как любишь меня, ты стал бы преображенным человеком. Стыдись! Возвращайся, потому что мне стыдно, что мой муж не может прожить нескольких дней без меня, и настолько слеп, что не заметил труп, не заметил змею! А что скажет моя семья, когда тебя обнаружат в доме утром? Как я буду выглядеть днем? Подумай и обо мне тоже! Возвращайся и помни: с такой большой энергией, с такой большой любовью ты можешь обрести Бога, — а ты ослеплен бедной, обыкновенной женщиной».

Оскорбленный, он пошел назад, но не к себе домой. Он отправился в Варанаси, святой город индусов. Он отверг мир — он стал святым, потому что отверг мир, — и написал замечательную книгу о жизни Рамы. И эта книга настолько проста, что даже необразованным крестьянам под силу понять ее. Поэтому она и стала одной из самых известных книг у индусов, а он стал великим святым.

Вам видна уродливость его поведения? Ведь это его жена спровоцировала в нем поиски истины, ведь это его жена сделала из него святого, но он стал святым в гневе. Его изречения показывают его гнев по отношению к своей жене, но ему не достает мужества сказать ясно: «Я говорю о своей жене». Он осуждает всех женщин.

Вот как функционирует человеческий ум: один человек обманывает вас, а вы перестаете доверять всему человечеству. Ему следовало бы поклоняться женщине. Но он так уродлив, что мстит не только своей жене, но всему Женскому, относя их к барабанам, к животным, к неприкасаемым: «Бейте их! — чем лучше вы побьете их, тем более покорными они будут, тем больше они будут у вас в руках».

Женщина жила такой болью... и все же Альмустафа совершенно забывает, кто задает вопрос. Можно принять смену сезонов — но не десять тысяч лет рабства. Сезон не меняется...

Женщине нужен мятеж, неприятие.

Мужчина — самое похотливое животное на земле. У всякого животного есть сезон, когда самец заинтересован самкой. Иногда сезон — всего несколько недель, иногда — месяц или два, а потом на целый год они полностью забывают о сексе, они полностью забывают о воспроизведении. Вот почему у них нет ситуации перенаселения. Только мужчина сексуален круглый год, а если он американец, то он сексуален и ночью, он сексуален и утром. И вы просите женщину принять боль?

Я не могу просить моих людей принимать такую боль, боль, которую навязывают вам другие.

Вам нужна революция.

И если мужчина обращается с вами как с барабаном, то вы должны также обращаться со своим мужчиной как с барабаном. Вы имеете равные права: бейте своего мужчину так, чтобы до него дошло.

И вы безмятежно смотрели бы сквозь зимы своей печали.

Почему? Если мы можем изменить это, то почему должны наблюдать?

Наблюдают лишь то, что не может быть изменено.

Наблюдают лишь то, что естественно, — свидетельствуют его.

Но это такая поэтическая хитрость. Прекрасные слова: *безмятежно смотрели бы...* — а если бы Халилия Джебрана была его собственная жена? «Наблюдать безмятежно!» Наблюдайте безмятежно все естественное, поднимайте бунт против всякого страдания, навязанного кем бы то ни было. Мужчина это или женщина, ваш отец или мать, священник или профессор, правительство или общество — восстаньте!

Если у вас нет мятежного духа, вы не живы в истинном смысле слова.

Многое из вашей боли выбрано вами самими.

Это верно. Все ваше страдание, вся ваша боль... многое из этого не навязано другими. Против того, что навязано другими, — восставайте, а то, что вы выбрали сами, — бросьте. Тут не нужно наблюдать, простого понимания — я сам навязал это себе — достаточно, чтобы отбросить его прочь. Пускай другие наблюдают, как вы бросаете его! Увидя, как вы отбросили его прочь, они, возможно, тоже поймут: «Зачем страдать понапрасну? — соседи отбросили прочь свое горе!»

Ваша зависть, ваш гнев, ваша жадность — все это приносит боль. Ваши амбиции — они все приносят боль. И они выбраны вами.

Это горькое зелье, которым лекарь в вас исцеляет ваше больное Я.

Опять он занимается утешением. Он не проводит четкого различия. Есть боли, которые навязаны другими, — восстаньте против них. А есть боли естественные — свидетельствуйте их безмятежно, потому что это горькое лекарство природно, врач внутри вас исцеляет ваше больное

Я.

Поэтому доверьтесь лекарю и пейте его лекарства в молчании и спокойствии.

Но помните: это о *враче* — не о вашем муже, не о правительстве. Они навязывают вам боль не для вашего исцеления, а чтобы уничтожить, подавить вас, потому что, чем больше вы разрушены, тем легче над вами господствовать — тогда нечего опасаться восстания с вашей стороны. Так что помните, кто врач. Природа исцеляет, время исцеляет — вы просто ждете, свидетельствуете. Но будьте очень чуткими, различая естественное и искусственное.

...ибо его руку, пусть тяжелую и жесткую, направляет заботливая рука Незримого.

Природа — это не что иное, как видимая часть невидимого Бога. Даже если его рука тяжелая и жесткая, ее направляет сам дух сущего. Так что не беспокойтесь.

И хотя обжигает вам губы чаша, которую он подносит, она сделана из глины, которую Гончар смочил своими святыми слезами.

Все естественное... против него никакое восстание невозможно. Тогда не будьте несчастными; тогда принимайте его с благодарностью. Это — незримая рука божественного, которая хочет исцелить вас, которая хочет привести вас к более высокому состоянию сознания. Но все неестественное...

Уступать любому виду рабства означает разрушать свою собственную душу. Лучше умереть, чем жить как раб, потому что смерть бунтаря дает ему достоинство.

Сократ имеет это достоинство даже сегодня. Он мог бы легко спасти свою жизнь. Главный судья давал ему эту возможность, так как он тоже чувствовал, что этот человек не совершал никакого преступления — он был невиновен. Но это был демократический город, и голоса разделились. Разница была небольшой: сорок девять процентов были за Сократа, а пятьдесят один процент — против него. Но все законы слепы. Всего из-за двух процентов горожан, — которые могли быть отсталыми, идиотами, сумасшедшими, — они уничтожили свой лучший цветок.

С тех пор Греция никогда не восходила к такой славе. Она опускалась все ниже и ниже, и сегодня каков статус Греции в мире, какова сила? Зачем надо было убивать человека, который был их высочайшим сознанием, носителем благой вести людям?.. Они уничтожили его, поскольку то, что он говорил, было болезненным. Он говорил: «Избавьтесь от всего старого; только так будете возрождены. Доверяйте только своему опыту, иначе вы будете просто таскать хлам».

Главный судья был опечален. Та же самая печаль была в сердце Понтия Пилата, когда евреи требовали распять Иисуса. Понтий Пилат был более культурным, более человечным, и у него не было еврейских предрассудков, ведь он не был евреем. Ситуация с Сократом была совсем другой. Сам он был греком, и там было много оскорбленных его величием. Любой верблюд оскорбится, если вы приведете его к горам. Вот почему они никогда не ходят к горам, они живут в пустыне; там горы — *они сами*.

Судья сказал: «Я предоставляю тебе некоторые возможности, можешь выбирать. Ты можешь покинуть Афины, единственный город-государство, — ты можешь жить сразу за пределами Афин, и те, кто любит тебя, будут приходить. Это не так далеко».

Сократ сказал: «Нет, потому что это покажет, что я был больше заинтересован в спасении своей жизни, чем в борьбе за истину».

Судья сказал: «Тогда сделай вот что: оставайся в Афинах, но не проводи своих бесед. Перестань говорить об истине, молчи».

Сократ сказал: «Какой смысл мне жить, если я не могу высказывать истину?»

Главный судья сказал: «Тогда ты ставишь меня в такую безвыходную ситуацию, что единственный выбор — это убить тебя, дав яду».

Сократ сказал: «Кажется, ты предложил лучшую из всех альтернатив, потому что, по крайней мере, я умру с достоинством, и меня будут помнить достойно». И вправду, Греция не создала больше человека такого же достоинства. С Сократом умерло нечто существенное в самой душе этой земли.

Так что всегда помните, что истина выше, чем жизнь.

Всем можно пожертвовать, но истиной жертвовать нельзя.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

5. ДАЖЕ НЕ СЕРДЦЕ... ТОЛЬКО СВИДЕТЕЛЬ

22 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просил мужчина: «Скажи нам о Самопознании».

И он ответил: «Ваши сердца знают в безмолвии тайны дней и ночей.

Ваши уши жаждут услышать знание вашего сердца.

Вам хочется познать в словах то, что вы всегда знали в мыслях.

Вам хочется коснуться пальцами нагого тела ваших грез.

И это благо.

Тайный родник вашей души должен излиться и с журчанием потечь к морю;

И сокровище собственных беспредельных глубин откроется вашим глазам.

Но не стремитесь взвесить на весах ваше неведомое сокровище;

И не пытайтесь измерить глубины своего знания посохом или лотом.

Ибо Я — это море беспредельное и безмерное.

Не говорите: «Я нашел истину»; скажите лучше: «Я нашел некую истину».

Не говорите: «Я открыл путь души».

Скажите лучше: «Я повстречал душу, идущую моим путем».

Ибо душа ходит всеми путями.

Душа не идет в одном лишь направлении и не растет как тростник.

Душа раскрывается как лотос с бесчисленными лепестками».

Я действительно чувствую печаль и досаду всякий раз, когда приходится критиковать человека, столь замечательного во многих отношениях, как Халиль Джебран. Моя любовь к нему огромна, и благодаря моей любви я имею право критиковать его. Это из-за моей любви я не могу соглашаться с ним, когда он не прав.

Есть много случаев, когда он не прав — не может быть правым, — поэтому я также чувствую сострадание. У него есть способность, потенциал, двигаться гораздо выше, но он не знает дороги. Он остается большее время поэтом, мечтателем. Его поэзия прекрасна, его грезы прекрасны, но это не истина, которую мы ищем. Я удивляюсь иногда... возможно, его замечательная способность выражения воспрепятствовала его переживанию.

Читатели не смогут обнаружить, где он ходит по земле, а где летит в небесах. Я шел по земле и пришел к самому дальнему пределу высоты и глубины, доступному для человека, но он лишь грезит об этом. Увы, если бы он был не таким хорошим поэтом, он, возможно, отыскал бы истину. Это очень необычный случай.

Есть люди, которые обрели истину и остались в молчании, потому что не знают, как выразить ее. Халиль Джебран — явление прямо противоположное: он не обрел истину, но он способен выражать. И человечеству, живущему в темноте, кажется, что его поэзия идет из источника самопознания. Это не так — и вы увидите, почему я говорю, что это не так...

И просил мужчина: «Скажи нам о Самопознании».

Первое, что бросается в глаза... Замечаете разницу, когда спрашивает женщина и когда спрашивает мужчина? Женщина спрашивает о том, что интимно, близко; она глубоко укоренена в земле. Мужчина — это бродяга; ему любопытны многие вещи, он хочет знать все. Женщине достаточно знать несколько существенных вещей, и они преобразят ее существо, но мужское любопытство не знает пределов.

Сам вопрос показывает, что этот мужчина — не медитирующий: он даже не осознает того, что никто не может рассказать о самопознании. Похоже, он ученый стипендиат: это эксгибиционизм. Как он может спрашивать об обычных мирских вещах? Его вопросы должны показать миру, что здесь мужчина, он задает самый важный вопрос. Сам его вопрос может одурачить несведущего, но для меня он разоблачает его и его невежество.

И он ответил: Ваши сердца знают в безмолвии тайны дней и ночей.

Халиль Джебран никогда не идет глубже сердца, а сердце — это не вы, и сердце не может содержать самопознание. Оно лучше, чем голова, а самопознание означает выход за пределы обоих — ума и сердца, выход за пределы мышления и чувствования. Только тогда вы узнаете, что таит безмолвие.

Безмолвие не известно уму — это базар; безмолвие не известно сердцу — сердце так наполнено эмоциями, чувствами. Вы их не слышите, потому что сердце может лишь шептать; оно недостаточно красноречиво, так как не получило образования. Ум обучали точному выражению, сердце игнорировали. Поэтому я не могу согласиться с его постоянным акцентом на сердце. Сердце — станция на полпути, это не конечный пункт. Конечный пункт — это ваше существо; там дорога оканчивается, потому что некуда больше идти.

Мужчина спрашивает о самопознании, и ответ не соответствует вопросу: *Ваши сердца знают в безмолвии тайны дней и ночей...* Но вопрос не о том. Тайны дней и ночей — это не самопознание. Видимо, он и сам не сознает, что его ответ не по существу.

Но ваши уши жаждут услышать знание вашего сердца.

Мне самому больно, когда я говорю, что иногда его изречения глупы. *Но ваши уши жаждут услышать знание вашего сердца...* Жажда — в существе, не в ушах. Уши жаждут только из любопытства; они значат не много. И как может сердце рассказать ушам? — ведь сердцу и самому не известно, кто вы есть.

Да, сердце может дать вам прекрасные грезы, но те прекрасные грезы могут стать величайшей помехой в вашем паломничестве к истине, потому что вы начнете верить в те грезы. И Халиль Джебран, похоже, верит в те грезы. Они могут быть прекрасными, и вы можете почувствовать, что теперь не надо двигаться вперед; вы обрели такое замечательное пространство... можно остаться здесь.

Но вы — не сердце. Сердце все еще часть тела, а вы только свидетель — точно как вы были свидетелем внешнего мира — своего ума и постоянного движения его мыслей. Вы пошли немного глубже и теперь думаете: «Я прибыл».

Сердце не удовлетворит вас. Скоро вас утомят те грезы, ведь они нереальны, они не могут питать вас. Вы должны будете двигаться все глубже — до тех пор, пока станет невозможным идти дальше, потому что дороги нет: вы дошли до конца. Только тогда вы узнаете, кто вы есть.

Поэты поют об этом, грезят об этом, пишут об этом, но все это просто описание луны, рассматривание лунного отражения в озере; оно выглядит, как луна, но это не луна. А если вы броситесь в озеро, поближе к луне, она пропадает. Беспокойное озеро не может отразить луну; так же не может и беспокойное сердце создать прекрасные поэмы — это очень утешительно для людей, которые всегда жили в уродливом мире ума.

Сердце — это, конечно, шаг в направлении самопознания, но это *не* самопознание.

Вам хочется познать в словах то, что вы всегда знали в мыслях.

Это просто безумное изречение, потому что истина никогда не была известна в словах, и истина никогда не была выражена в мыслях. Мысль принадлежит уму, и слова тоже принадлежат уму.

Ум может философствовать, сердце — это поэт, но дом мистика — в вашей сущности, там, где мысли, слова, невинность — все оставлено позади и забыто.

Люди обычно считают — и это кажется самым разумным, — что безмолвие означает: никаких мыслей, никаких слов, никакого шума. Это негативное понимание безмолвия; вы не говорите ничего о безмолвии.

У безмолвия есть свое собственное позитивное существование, гораздо более основательное, гораздо более ценное — часть вечности. Безмолвие — это не мысль и не отсутствие мысли; когда вы видите отсутствие ваших мыслей и грез — они просто заснули. Вы можете обмануться, считая, что их отсутствие и есть безмолвие, но такое безмолвие будет пустым: в нем не будет ни танца, ни блаженства. Это будет безмолвие кладбища. Мертвые не могут разговаривать, но это не значит, что мертвые достигли безмолвия.

Безмолвие в своем реальном, позитивном существовании — это почти музыка, это безмолвие сада, где цветы без слов шлют послания другим цветам.

Ученые обнаружили, что, видимо, у пчел есть определенный вид языка. Мы не можем понять его, но их поведение показывает, что должна существовать коммуникативная система, иная, чем наши, — и это исследовали годами. Ученые были озадачены.

Одна пчела находит сад с подходящими цветами, и тут же возвращается; она танцует перед другими пчелами — и странным образом все пчелы находят сад. Своим танцем пчела рассказывает — но ученые все еще бессильны: как она может указать направление, расстояние, сорт цветов? Она продолжает танец до тех пор, пока все пчелы не отправятся в сад. Первая пчела доберется туда последней.

Иногда первая пчела может не обнаружить цветов, и снова она будет танцевать. Нам очень трудно понять разницу между этими двумя танцами, однако ни одна пчела не вылетит и не отправится ни в каком направлении — пришло сообщение, что вокруг цветов нет. Ни единого слова не было произнесено. И со своими самыми изощренными приборами мы не в состоянии заметить разницу между двумя танцами. По-нашему, они выглядят абсолютно одинаково, но там есть разница, и все пчелы ее понимают.

Безмолвие — это не только отсутствие слов и мыслей: это живая музыка, танец, песня без слов. Это и есть путь сердца.

Если вы глубоко полюбите кого-то, сердца начнут глубокое, тесное общение, которого никогда не осознать уму, потому что ум не может понять безмолвные послания, он не может понять музыку, которая возникает без инструментов, он не может понять танца, которого не видит. Но у другого сердца есть эта способность.

В этом и заключается секрет Востока: сидящему у ног Мастера ничего не говорится, но все передается. Ум даже и не осознает того, что происходит великое общение, сопричастие.

Но все же безмолвие сердца, хотя это и большой шаг к самопознанию, не есть самопознание; оно только открывает дверь к дороге, которая ведет к самопознанию.

Вам хочется познать в словах... Это абсолютный нонсенс. Никакой мистик нигде в мире не согласится с этим — что вы будете знать в словах то, что всегда знали в мыслях. Так функционирует философия, но не мистицизм. Философия ничего кроме слов и мыслей не содержит; мистицизм — это совершенно другой мир, другое измерение.

Вам хочется коснуться пальцами нагого тела ваших грез.

Вот где поэты промахиваются. Они загипнотизированы собственными словами, они гипнотизируют миллионы людей своими словами, но эти слова — только колыбельные.

Вам хочется коснуться пальцами... Вы можете придумать что-либо более нелепое? Касаться самопознания своими пальцами? Свести его к объекту? А если вы можете коснуться его пальцами, то можете и вытащить его, и продемонстрировать другим тоже. Если пальцами можно коснуться, рукой можно вынуть, и можно показать каждому: да, вот у меня есть душа. Но кто сделает это? — разве душа у вас в руках? Тело не может никоим образом познать то, что

внутри него, потому что это не принадлежит телу. Ваша душа просто живет в теле; тело — всего лишь жилище.

Вы не просто можете коснуться — здесь изречение становится совершенно абсурдным, — вы можете коснуться даже нагого тела ваших грез! Грез не существует; грезы — это только несуществующие желания, которые вы не были в состоянии исполнить.

Грезы — это вроде миражей в пустыне, когда издали вы видите чудесный оазис. Не только ваши глаза обмануты — ваш здравый смысл тоже обманут, потому что вы можете видеть воду, озеро, и ваша логика удовлетворена: деревья стоят на берегу озера, отражаясь в воде. Если бы воды не было, деревья не отражались бы. Но когда вы приближаетесь, мираж постепенно исчезает.

Когда вы приходите — деревья есть, но нет озера, нет воды — она была изображена солнечными лучами: когда они отражаются от песков, то создают иллюзию озера — можно даже увидеть волны на озере, потому что лучи, отражаясь, вибрируют. Но когда вы прибыли на место, вы не находите ничего. Так и ваши грезы... грезы — это не самопознание.

Халиль Джебран попал в ту же ловушку, что и Зигмунд Фрейд. Тот тоже рассуждал, что если мы сможем понять все грезы человека, то понимать будет больше нечего: мы поймем саму сущность человека.

Но эти люди никогда не задумаются ни на один миг: кто есть вы, кто понимает грезы? Конечно, греза не может понять другую грезу. Никогда никто не слышал, чтобы греза могла анализировать другую грезу. А как только вы проснулись, куда деваются все ваши грезы? Они реальны? — тогда анатомируйте человека, и вы обнаружите его грезы, скрытые где-то внутри него. Но никакой грезы никогда еще не обнаруживали.

Греза — это просто противоположность истины. Вот почему я говорю, что это самое абсурдное изречение Халиля Джебрана.

И это благо... — идти к сердцу, коснуться своей грезы, прежде чем остановиться на полпути. Он ни Зорба, ни Будда; он просто пробел между ними — пустой, без смысла, без субстанции. Я говорю вам, это не благо, если вы хотите этого.

Тайный родник вашей души должен излиться и с журчанием потечь к морю.

Как же вдруг вошла душа? По его мнению, сердце и душа — синонимы. Это не так. Сердце поддерживает жизнь тела, но не души.

Душа знает лишь одно питание, и оно не материально — это позитивное безмолвие, позитивная безмятежность, позитивный экстаз.

Тайный родник вашей души должен излиться и с журчанием потечь к морю... Нет нужды душе идти куда-либо, журчать и течь — это пути ума и сердца. Душа — уже часть моря.

В тот миг как вы достигнете своей души, вы застынете в огромном удивлении: ваша душа — не только *ваша* душа, это универсальная, вселенская душа. Тело было вашим, ум относился к обществу, сердце относилось к вашей биологии, химии, физиологии. Душа принадлежит вечной жизни. Она часть ее, она не должна идти никуда. Но поэтически это выглядит очень, красиво: *Тайный родник вашей души должен излиться и с журчанием потечь к морю...*

Он и есть само море.

И сокровище собственных беспредельных глубин откроется вашим глазам.

Это совершенно невозможно! Ваши глаза могут видеть только объекты, они могут видеть только материю. Между прочим, хочу напомнить вам, что английское слова «matter» и французское «meter» происходят от санскритского корня «матра», количество. То, что можно измерить, не может быть беспредельным.

Он говорит: *И сокровище собственных беспредельных глубин откроется вашим глазам...* Ваши глаза могут смотреть только наружу. Объекты измеримы, вот почему мы называем их

материей. Но ваша сущность неизмерима — это не материя; это *качество*, не количество. Можете вы коснуться любви? Можете вы измерить любовь? А когда вы делаете женщине предложение, разве вы упоминаете, сколько килограммов любви есть у вас для нее? Услышав такое, женщина убежит, сказав: «Этот человек, кажется, сумасшедший. Он говорит: "Я люблю тебя на двадцать килограммов». Качества не могут быть измерены: «Я люблю тебя в двадцать миль». Никакой способ измерения не годится.

«Беспредельное сокровище ваших глубин, — говорит он, — откроется вашим глазам». Тело не может увидеть душу — ваши глаза принадлежат телу. Стало быть, возможно — и так случилось, — что слепые люди, у которых нет глаз, приходили к самопознанию — потому что глаза не необходимы. Руки не необходимы, так что можно отрубить человеку руки — это не воспрепятствует ему познать себя.

Есть чудесная легенда — очень древняя, тех дней, когда писались Упанишады, — легенда о мужчине, юноше. Он был потрясающе разумным, но его тело было очень уродливо; одна рука была длинной, другая короткой, не хватало одного глаза — даже ноги были различной длины.

При дворе короля происходила великая дискуссия, и отец юноши, хорошо известный дипломированный ученый, отправился туда, чтобы принять в ней участие. Но дискуссии никогда не приводят к решению — в особенности дискуссии ученых и так называемых образованных людей. Если встретятся два просветленных человека, дискуссия никогда не возникнет. Они глянут в глаза друг другу — и решение есть.

Итак, становилось поздно... мать мальчика сказала ему: «Сходи посмотри, что случилось, и скажи отцу, что еда готова и остывает». Он пошел... Он был на редкость искалеченным человеком, почти как верблюд, или даже хуже. Его звали Аштавакра. Аштавакра означает, что он был искалечен в восьми местах своего тела — рука не была прямой; посередине был перелом. Он не мог держать голову ровно, потому что его шея была изогнутой... Он был прямо создан для какого-нибудь цирка, карнавала или музея.

Все ученые люди были при дворе, и как только он вошел, весь двор стал смеяться — они никогда не видали такого странного существа. Но он был чрезвычайно разумным и, в конце концов, стал одним из великих пробужденных людей мира — такой же высоты, как и Гаутама Будда. Все смеялись и шутили над ним, и его отцу стало стыдно: зачем он пришел сюда?

Аштавакра пошел прямо к королю и сказал: «Оказывается, вы собрали здесь башмачников, чамар». — Так называют людей, которые работают с кожей. — «Разгоните всех этих идиотов! Они могут видеть лишь мою кожу, мое тело; они слепые, у них нет никакого сердца — ни любви, ни сострадания, — и они еще разговаривают о самопознании и самореализации. Что общего у Я с телом?»

Настала полная тишина, ведь то, что он говорил, было абсолютно верным. И он сказал: «Я шел сюда не затем, чтобы смотреть на всех этих башмачников. Я пришел за своим отцом, моя мать ждет».

Сам король оказался под впечатлением, ведь мальчик не почувствовал ни стыда, ни потрясения, а заявление, сделанное им, оказалось гораздо более серьезным, чем все, что обсуждали эти ученые люди.

«Я — это не мое тело, а эти люди могут видеть только тело. Если бы у них было хоть какое-то самопознание, они бы не смеялись, глядя на мое тело. Они бы почувствовали присутствие человека, который просветлен».

Всю конференцию распустили, и король сказал Аштавакре: «С завтрашнего дня приходи и учи меня, подготавливай меня. Я хочу быть твоим учеником».

В книге «Аштавакрагита» собраны песни Аштавакры, наставления, которые он дал королю... каждое из них — бесценный бриллиант.

И сокровище собственных беспредельных глубин откроется вашим глазам...

Нет, сокровище открывается, когда вы забыли свои глаза, свои уши, свое тело, свой ум, свое сердце. Оно самосветящееся, самоочевидное. Ему не нужны глаза для свидетельства: «да, это Я». Что знают глаза?

Но не стремитесь взвесить на весах ваше неведомое сокровище.

Он застыл, потому что, как я уже говорил вам, он способен взлететь к высотам, но обычно он в состоянии лишь ходить. Он как прекрасный павлин, несущий радугу в своем оперении — столь ярких цветов природа не дала никому другому. У него есть крылья, но он не может летать высоко, как орел; он скачет с дерева на дерево, от жилья к жилью. Когда он перескакивает от одного жилища к другому, с одного дерева на другое, в промежутке между деревьями он свободен от земного притяжения и способен вид далеко. Но скоро он снова усаживается на дерево. С одной стороны, он говорит: *И сокровище собственных беспредельных глубин откроется вашим глазам...* С другой стороны, тут же перескакивает на другое дерево:

Но не стремитесь взвесить на весах ваше неведомое сокровище.

Он, очевидно, почувствовал, что говорит... глаза могут видеть лишь объекты, которые измеримы; поэтому он вовремя поправляется, сразу же добавляя:

Но не стремитесь взвесить на весах ваше неведомое сокровище; и не пытайтесь измерить глубины своего знания посохом или лотом. Ибо Я — это море беспредельное и безмерное.

Он исправился, но опять...

Не говорите: «Я нашел истину», скажите лучше: «Я нашел некую истину».

Это выглядит смиренным, полным понимания, но так только кажется. Читая это предложение, я было подумал, что он хотел сказать: «Не говорите: я нашел истину...» Я подумал, он говорит: «Я, эго, сам — не может найти истину». Я думал, он говорит: «Истина нашла меня» — или же говорит: «Я не нашел истину, потому что Я — это барьер. Истина была найдена, но я потерял мое Я». Тогда это было бы глубокое изречение.

Но у него на уме было что-то другое. Он говорит... *Но лучше: «Я нашел некую истину».* Он не отказался от Я, он заменил «истину» на «некую истину» — и опять промахнулся. Истина всегда истина... «Некая истина» означает, что есть много истин. Как может быть много истин?

Может быть много обманов, но не может быть много истин.

Истина должна быть одной; она должна быть истиной.

Потому я и говорю вам: не говорите «я нашел истину» — скажите лучше «истина была найдена, но я потерял себя: Я и истина не могут сосуществовать».

Я — это фальшивая ваша сущность, выращенная обществом. В свете истины вся темнота обязана исчезнуть. В огне истины все ложное обязательно сгорит.

Не говорите: «Я открыл путь души». Скажите лучше: «Я повстречал душу, идущую моим путем».

Понимать Халиля Джебрана хлопотно; если вы не очень бдительны, если вы не добрались до больших глубин, чем он, то будете обмануты. Его слова — золотые.

Первое изречение было абсолютно неверным. Есть только одна истина, не бывает многих истин, так что не может быть речи о нахождении *некоей* истины. Истина Гаутамы Будды, истина Бодхидхармы, истина Тилопы, истина Наропы... это просто означает — истина.

Искателей много, но искомое одно.

В этом и красота поиска:

Чем ближе вы подходите к искомому, тем больше растворяетесь и исчезаете.

Однако во втором изречении у него опять очень глубокое прозрение:

Не говорите: «Я открыл путь души». Скажите лучше: «Я повстречал душу, идущую моим путем», — я и есть путь; и я нашел душу, идущую моим путем.

Есть замечательная история, за пять тысяч лет никогда не толковавшаяся правильно. Я говорил вам о Кришне и его повелении своему ученику, Арджуне, вступить в войну против своих двоюродных братьев, — иначе будет малодушно для воина ранга Арджуны... еще прозовут эскапистом. Он не знал слова «хиппи», иначе он воспользовался бы этим словом: «хиппи» означает эскапист — тот, кто показал свою задницу обществу и оставил его, убежал прочь, видя хлопоты и проблемы. Слово «хиппи» происходит от задницы.

Кришна убедил его, в конце концов, самым фашистским способом. Видя, что его аргументы не срабатывают, он заявил: «На то Божья воля, чтобы ты сражался. Не беспокойся о насилии, ведь душа никогда не умирает, и не беспокойся о поражении, ибо я вижу, что враги просто ждут своей смерти, — только ткни, и на земле будут трупы. Так что это будет нетрудно. Не беспокойся и не будь трусом; следуй воле Божьей — Бог будет с тобой».

Это не аргумент; это просто эксплуатация веры в Бога, которая была навязана уму Арджуны с самого начала.

Война состоялась, миллионы людей погибли... Но никто здесь не вечен. Пришел день, когда все пять братьев, Арджуна и его четыре брата и их единственная жена... Это редкий случай в мировой истории. Бывают мужчины, у которых много жен, но Драупади — единственная женщина в целом мире, у которой было пять мужей. Только не думайте, что это было из почтения или любви — отнюдь...

В те дни дочери, царские в особенности, часто применяли какое-либо средство, чтобы найти себе мужа, — доверялись природе. Собралась большая толпа принцев и королей. Драупади была так прекрасна — она ведь была сестрой Кришны; она избрала очень хитроумный способ. Способ состоял в том, что стальная рыбка, подвешенная к потолку, непрерывно двигалась так, что ее нельзя было увидеть; виден был лишь круг, так как рыбка двигалась очень быстро. А внизу на земле был сооружен прекрасный пруд — тихий, без малейших волн; все это — внутри дворца.

Драупади объявила, что выйдет замуж за того, кто заметит отражение рыбы в пруду, пошлет свою стрелу — не видя самой рыбы, которая движется слишком быстро, — и убьет железную рыбу. Многие короли пытались, но невозможно поразить рыбу, которая вращается быстро, как вентилятор: нельзя заметить лопасти вентилятора, видна только окружность. Невозможно, было и непосредственно попасть в рыбу, даже лучший лучник неспособен на это.

Дополнительное условие делало задачу совершенно невыполнимой: надо было, глядя в пруд, свою стрелу нацелить в настоящую рыбу. И, глядя в пруд, на отражение, уничтожить рыбу одной стрелой — второго шанса не давалось.

Сотни принцев, считавших себя великими лучниками, были сильно расстроены — они никак не рассчитывали столкнуться с такой задачей. Некоторые даже не участвовали — ведь выиграть было невозможно. Но, Арджуна справился — он был лучшим учеником мастера-лучника Дроначарьи — и завоевал руку Драупади. А четверо его братьев, которые тоже были там, загорелись ревностью.

Арджуна не был старшим братом; старший брат был известен во всей Индии как самый добродетельный человек. Но там вопрос о добродетели не стоял, нужно было владеть стрельбой из лука. Еще один брат, Бхима, был известным, величайшим борцом всех времен, но и это не имело значения — надо было быть лучником, и уникальным лучником, гением.

Словом, все братья были очень сердиты, они не радовались тому, что произошло. Они знали, что не смогли бы победить Арджуну в стрельбе из лука, но способ не был объявлен заранее; это было частью игры: когда вы добираетесь на место, объявляется способ. Оставшиеся четверо братьев сразу же поняли, что проиграют. Поэтому участвовал только Арджуна — бесполезно было выступать еще кому-либо. Он выполнил задачу — и получил Драупади.

А когда они приехали к себе, в доме была их мать. Арджуна постучал в дверь и сказал: «Мама, открой дверь, посмотри, какой подарок я принес тебе».

Мать ответила: «Я посмотрю позже. Сперва раздели подарок со своими братьями» — она понятия не имела, что это женщина.

Покорность матери, отцу, родителям настолько обязывает, что все четверо братьев безмерно обрадовались.

Они сказали: «Это хорошо. Теперь в течение недели Драупади будет женой один день — одному брату, другой день — другому брату, и так далее... А два дня у нее будет выходной».

Когда мать открыла двери, она была в шоке от того, что сказала, но было слишком поздно; они уже решили, как поделить ее, с условием, что когда один брат будет с женой, никакой другой брат не может войти в их личные покои. Опять женщина считается почти вещью — ее можно делить, можно заставить ее жить с пятью мужьями.

Пришло время их смерти, и все они умерли — об этом я и хотел рассказать вам, но без предисловия вы бы не смогли понять, — и отправились они к небесам. Но на высоте снег становился все гуще и гуще; через некоторое время один брат упал и затерялся в снегу, потом еще один брат упал, потом жена...

Только Юдхиштхира, который был известен как самый добродетельный человек, и его собака достигли небесных врат. Двери открылись, и страж сказал: «Ты можешь войти, но никакая собака никогда не допускалась на небеса». Юдхиштхира ответил так: «Мои братья, моя жена — все потерялись и исчезли в снегу. Этот пес гораздо более добродетелен, он был моим спутником до самого конца, я не могу оставить его. Можете закрывать ваши двери. Я тоже не войду».

Страж забеспокоился. Он справился у своего начальника, а тот сказал: «Пускай оба входят, потому что Юдхиштхира человек слова, а он сказал «мы вместе войдем или вместе останемся снаружи...» Если мы оставим Юдхиштхиру снаружи, то у нас начнутся неприятности. Как-нибудь Бог узнает об этом, и вся бюрократия — от полицейского комиссара Пуны и до самого Бога — не оберется хлопот. Лучше их впустить... что такого может сделать пес? И этот пес, пожалуй, гораздо более добродетелен, чем братья Юдхиштхиры и его жена».

Их пустили. Это всегда интерпретировалось таким образом: если вы добродетельны, то, будь вы хоть псом, — небеса должны открыть свои врата; но если вы не добродетельны, даже если вы величайший лучник мира, как Арджуна, или величайший борец мира, как Бхима, — это не имеет значения. Эти качества не засчитываются, и вы исчезнете на пути, растаете совершенно. Это и есть индуистская интерпретация истории, но для меня она всегда была неубедительной.

Моя собственная интерпретация основывается на моем внутреннем опыте: как только вы приближаетесь к своим настоящим небесам, к краю своего бытия, вы начинаете таять и исчезать. На самом деле только тот пес и Юдхиштхира не растаяли и прибыли на небо просто как души; у них нет никакого представления о поиске истины. Конечно, пес не интересовался истиной, поэтому у него не было и нужды исчезать. Он перескочил бы через истину — или, может, пописил бы на нее — какое ему дело до истины! Лишь бы место подходящее... конечно же, он пописил бы.

Юдхиштхира, говорят все индуисты, самый добродетельный человек — я не считаю его таким. Они называют его Дхармарадж, король религии. Я не считаю его вообще религиозной личностью, ведь он был игрок, азартный до того, что потерял все свое королевство, все свои сокровища, и, в конце концов, осталась единственная собственность, которая к тому же принадлежала не только ему: пять братьев были совладельцами Драупади... Он поставил на карту свою жену — и проиграл ее тоже. Чудные люди... они называют этого человека, у

которого не было ни сострадания, ни уважения к человеческому существу — к своей собственной жене, — королем религии.

Поэтому я считаю: каких бы врат ни достигли те двое, то были, вероятнее всего, фальшивые ворота, как фальшивы полицейские офицеры, которые приходят сюда слушать, приходят в Ашрам. Очень легко найти униформу или позаимствовать ее у друга... Они, очевидно, достигли фальшивых ворот; то не были небеса.

Настоящие добродетельные люди, в особенности Арджуна... Он никогда не хотел войны, и только из-за настойчивости Кришны — «на то Божья воля» — он неохотно принял участие в ней. И, даже победив, он не был счастлив. Никогда больше он не знал улыбки, потому что убил всех своих друзей, родичей — либо он убил их, так как они воевали с другой стороны, либо другая сторона убила их, так как они воевали с его стороны; он жил в унынии. Он хотел уйти в Гималаи, оставить всю эту бессмыслицу и просто медитировать.

Кришна виноват во всей резне, которая произошла: без Арджуны войны бы не было. Все его четверо братьев бросили бы эту затею; без Арджуны они бы никогда не победили, он был человеком, приносящим победу...

Моя интерпретация такова: как только вы приближаетесь к истине, вы начинаете таять и исчезать. Истина найдена, но вы потеряны.

Не говорите: «Я открыл путь души». Скажите лучше: «Я повстречал душу, идущую моим путем».

Мы — пути, и если мы позволяем Богу идти... Вот что должна означать религия — мы позволяем существу войти в нас, без всякого сопротивления, с глубокой радостью. Потом Халиль Джебран произносит прекрасные слова: мы — пути, по которым идут наши души или души вселенной. Дороги должны быть чистыми и ясными, без всяких помех. Наши дороги должны быть любящими приветствиями.

Ибо душа ходит всеми путями.

Душа не идет в одном лишь направлении и не растет, как тростник.

Душа раскрывается, как лотос с бесчисленными лепестками».

Так что вам придется привыкнуть к Халилю Джебрану — взлетающему высоко к звездам и снова падающему вниз на землю. Его изречения делают мои слова абсолютно ясными.

У него есть крылья — но не достаточно сильные.

У него есть прозрение — но не окончательное.

У него есть проблески — но очень мимолетные.

Время от времени он становится почти мистиком — но только время от времени; так или иначе, он отступает к своему привычному стилю жизни, к жизни поэта. Он сам — смесь, раздвоенная душа.

Но вот такое замечательное изречение, настолько глубокое, что любой Гаутама Будда обязан согласиться с ним: *Душа не идет в одном лишь направлении — это свобода — и не растет как тростник.*

Душа раскрывается, как лотос с бесчисленными лепестками... Правильно, очень правильно, — но как же вы изловчитесь раскрыть свою душу с бесчисленными лепестками? Об этом он не говорит ничего — потому что ничего не знает. Но он, конечно, гений.

Не познав, не пережив, порой он подходит так близко к переживанию, что очень легко тем, кто никогда не шел в глубину и не поднимался к вершинам, убедиться, что это и есть человек, познавший себя. Он мог бы познать, но, вместо того чтобы ехать в Америку, ему следовало прибыть в Индию или Японию, где есть люди, которые понимают, — не только интеллектуально, но от самих своих корней.

Когда меня арестовали в Америке, тысячи и тысячи телеграмм, телексов и телефонных

звонков пошли тюремщикам. Первым позвонил мастер дзэн из Японии, который прямо заявил: «Вы не можете понять человека, которого арестовали. В нашем монастыре мы изучаем дзэн по его книгам. Дзэн — это японский феномен, но у нас нет книг, сравнимых с его интерпретациями».

Шериф тюрьмы принес телеграмму, чтобы показать мне. Я удивился, что мастер дзэн, общепризнанный как человек самореализовавшийся, — в его монастыре тысячи людей со всего света, люди едут туда медитировать, — стал первым человеком, который сказал тюремщику и президенту Америки: «У вас нет ни глаза, ни опыта, чтобы понять такого человека. Не преследуйте его. Он за пределами ваших способностей, вы даже не понимаете смысла медитации».

Америка стала бедствием для Халиля Джебрана. Человеку такого потенциала следовало двигаться глубже на Восток — тогда он был бы не просто поэтом. Его признали бы одним из величайших просветленных людей человеческой истории.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

6. ВНУТРИ ВАШЕГО Я

22 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Тогда просил учитель: «Скажи нам об учении».

И он сказал:

«Ни один человек ничего не может открыть вам, кроме того, что уже лежит в полудреме на заре вашего знания.»

Учитель, шествующий в тени храма в окружении последователей, дает не от своей мудрости, а скорее от своей веры и любви.

Если он действительно мудр, то не повелит вам войти в дом его мудрости, скорее, он поведет вас к порогу вашего ума.

Астроном будет говорить вам о своем понимании пространства, но не даст вам это понимание.

Музыкант может передать вам ритм, которым полнится все пространство, но не может дать вам ни слух, который улавливает ритм, ни голос, что вторит ему.

И посвященный в науку чисел может сказать о мире весов и мер, но не может ввести вас туда.

Ибо видение одного человека не дает крыльев другому.

И как каждый из вас стоит одиноко в Божьем знании, так должно каждому из вас быть одиноким в своем знании Бога и в своем постижении земли».

Халиль Джебран, снова поднимается высоко в небо, совсем близко к звездам. Все сказанное им в этих изречениях так глубоко — просто не верится, что он был только поэтом; даже мистики были не способны говорить вещи, которые говорит он. Его разум неподражаем.

Быть может, как иногда скрытыми приходят благословения, так иногда и проклятия тоже приходят скрытыми. Из-за того, что его разум так глубок, он забывает, что есть еще более глубокие истины. Из-за того, что его полет к звездам так высок, он забывает, что есть небеса по ту сторону небес — и там нет предела.

Если бы Халиль Джебран был менее поэтом, менее разумным, менее красноречивым, возможно, он попытался бы найти скрытый в жизни - более глубокий смысл, значение которого невидимо. Но именно его величие как поэта помешало ему разглядеть, что он может быть чем-то еще более высоким. Его разум становится барьером, а не мостом. Это удивительный случай.

Но даже и без окончательного переживания его слова так прекрасны, что я могу придать смысл и содержание этим прекрасным, хотя и пустым словам. Я могу видеть, где он ошибся и почему ошибся, — он ошибся из-за своего великого разума. Он ошибся из-за своего великого творчества, чувствительности, искусства играть прекрасными словами и аранжировать их таким образом, что они несут, по меньшей мере, какое-то напоминание, какое-то подобие настоящего пробужденного сознания.

Тогда просил учитель: «Скажи нам об Учении».

И он сказал: «Ни один человек ничего не может открыть вам, кроме того, что уже лежит в полудреме на заре вашего знания.»

Все великое, значительное, абсолютно правильное, - никто не может дать вам, потому что это не товар. Вы не можете ни купить его на базаре, ни выучить в университете. Оно уже лежит

в полудреме внутри вашего собственного Я.

Ведь то, что вы разыскиваете, — не где-то еще.

Сам искатель и есть искомое.

Сам лучник и есть цель. То, что вам нужно, — не рост знания, а рост осознания, чтобы то, что спит в вас, больше не спало. Бог — не что иное, как другое название вашего пробуждения.

Ни один человек ничего не может открыть вам, кроме того, что уже лежит в полудреме на заре вашего знания.

Почему он говорит *в полудреме*? — потому что вопрос исходит от учителя: *Скажи нам об Учении*. Это идет от искренности; иначе учитель не просил бы: «Научи нас учить» — ведь это показывает, что он не знает, как учить, а тем не менее, считал себя учителем.

Вопрошающему необходима смелость, чтобы выставить себя в своей наготе. Учитель — не тот человек, который боится показать невежество в собственной профессии. Обычно учителя, профессора скрывают свое невежество за всеми видами заимствованного знания. Они никогда не зададут искренний вопрос.

Я бывал преподавателем в университетах, и вас удивит, что я нигде не сталкивался с более невежественными людьми. Хотя они и обременены знанием, их невежество не исчезло — оно лишь подавлено. Они приложили все старания, чтобы скрыть его. Но помните, невежество — это рана; если вы прячете ее, вам не выздороветь. Вашей ране нужен свежий воздух, новые восходы солнца. Не прячьте ее! Откройте ее исцеляющим силам сущего.

То, что верно в отношении телесных ран, еще более справедливо для ваших духовных ран. За телесные раны вы не переживаете — можно сходить к доктору, к целителю. Но с духовными ранами вы никогда не идете к мастеру, к мистика — а он тоже целитель. Потому что духовные раны глубоки, а вы боитесь открыть их и позволить другим увидеть вас в вашей наготе, вы продолжаете прятать их. Но чем больше вы их прячете, тем больше гноя собирается; чем больше вы их прячете, тем более злокачественными они становятся. Почти все человечество страдает духовным раком.

Но поскольку учитель спросил о своей собственной профессии, Халиль Джебран может разделить с ним свои глубочайшие прозрения: *Ни один человек ничего не может открыть вам, кроме того, что уже лежит в полудреме на заре вашего знания...* Потому что вопрос, исходящий от невинности, мудрости, пробуждения, просветления, — уже только полудрема.

Если же вопрос идет от знания, не от невинности, тогда ваша подлинная сущность крепко спит.

Ваш вопрос очень хорошо показывает, откуда исходит. Вот почему Альмустафа говорит, что вы уже полупробуждены; просто чуть больше смелости, и вам не нужно будет ни у кого спрашивать, что такое истина. А подлинный учитель — это тот, кто знает, что такое истина. Благодаря его знанию истины, его учение становится честным, искренним; оно имеет собственный авторитет, не зависящий ни от какого писания или кого-либо еще. Его истина становится его учением. Его истина преображает его в подлинного учителя.

Халиль Джебран не знает разницы между этими двумя словами, учитель и мастер; в противном случае он бы обязательно сказал, что если вы только профессиональный учитель — что означает посредник, передающий знание от одного поколения другому поколению, — то у вас нет ничего собственного, чтобы разделить и дать. Но если ваша истина пробуждена в вас, ваше жилище освещено светом, и ваше существо благоухает — значит, вы стали мастером; вы уже не просто учитель. Когда вы делитесь своей собственной истиной, вы мастер.

Но такое различие между учителем и мастером есть на Востоке. Запад не осознает. Запад считает учителя и мастера синонимами, а это не так. В действительности, чем больше вы наполнены заимствованными учениями, тем меньше у вас возможность стать когда-нибудь

мастером. Вот почему очень редко встречается знающий человек, в котором есть глубина, у кого говорят даже жесты, у кого даже молчание — это послание, чье само присутствие проникает, словно стрела в ваше существо.

Мастер — это самое драгоценное чудо в мире, потому что он может стать для миллионов дверью к божественному. Учитель просто несет груз, — не свой собственный — и перекладывает его в умы других людей; это только его профессия. Но что касается мастера — это сама его жизнь.

Как раз сегодня вечером Ниведано говорил мне: «Тебя изводили и терзали всю твою жизнь. Почему ты не перестанешь говорить?» Я могу понять, когда меня изводят и терзают, и так продолжается годами, непрерывно... Как раз сегодня я получил еще один вызов в суд. Кто-то в Канпуре затеял против меня дело: его религиозные чувства задеты. Удивительные религиозные чувства — кажется, уж такие слабые...

У нас в Индии есть очень красивое растение с крошечными листочками, но это настоящий трус — оно называется чуймуй, — потому что стоит коснуться его, и все листочки тут же закроются; вы касаетесь одного листика, и все листья на кусте немедленно начинают закрываться. Я никогда не видел другого такого трусливого растения. Эти так называемые религиозные люди — просто чуймуй.

Если ваша религия так слаба, что любой аргумент против нее задевает вас, то не стоит оставаться в этой религии. Замените такую религию: это ваша болезнь, это ваша слабость, это ваше бессилие.

Что бы я ни говорил — если вы хоть немножко разумны, вы либо соглашаетесь со мной, либо не соглашаетесь со мной, но почему вы должны быть задеты и бежать немедленно в суд?..

Меня спрашивали мои друзья, ученики тысячи раз: «Зачем ты понапрасну лезешь в беду?»

Я не учитель — это не моя профессия.

Я мастер — это моя истинная душа. И если я перестану высказывать истину, это будет самоубийством: что за смысл будет для меня жить дальше хоть секунду? Ведь что касается меня, я осуществлен — я не живу для себя. И меня поразило, что, когда я стал жить для тех, кто жаждет истины, кто жаждет любви, — я открыл жизнь, которая не принадлежит мне; теперь она принадлежит существу.

По сути, я получаю все эти вызовы на имя Бога, потому что идиоты не могут найти Бога и его адрес — только я остался. Но это не беспокоит, это лишь заставляет почувствовать грусть и сострадание к тем людям, ведь они считают себя религиозными. Они не знают даже азбуки религии. Если кто-то в Канпуре задет — чем ходить в суд, лучше бы ему прийти сюда обнажить свою рану, которая была задета. Я знаю, как задеть человека, я знаю, как исцелить. Судом не поможешь. Суду не известно ничего, что исцеляет дух людей. Сотни дел... и, в конце концов, суду придется отпустить меня, ведь я просто констатирую факты, которые есть в ваших же писаниях. Если вы действительно задеты, сожгите те писания, ведь это *они* задевают вас, а вы продолжаете печатать всякую ерунду в своих писаниях и распространять. Если я показываю, что ваши писания полны вздора, и если вы на самом деле религиозный человек, то, либо у вас будет доказательство отчетливей, выше, глубже, чем мое, — и аннулирует мое, — либо я аннулирую все ваши аргументы. И суды не помогут просто потому, что ваши писания подтверждают факты. Я никогда не высказывался против какой-либо религии без веской причины. Если вы задеты, это просто означает, что вы строили замки на песке; совсем легкий ветерок — и ваш замок пропал. Но вместо того, чтобы себя считать идиотами — ведь замки не делаются на песке и из песка, — вы переживаете обиду за то, что ваш замок разрушен. Шлете претензии ветерку: «Этот ветерок задевает мои чувства очень сильно». Наверное, то был не замок, то был не храм...

Ваши религиозные чувства задеты, но я не могу перестать говорить по той простой

причине, что говорящий — не я. Я не учитель. Я позволил скрытым тайнам жизни говорить через меня, говорить через мои глаза, говорить через мои руки. Я предоставил все существу. Теперь только существо может остановить мою речь. Это не в моих руках: меня нет больше. А в тот миг, когда вас больше нет, вы становитесь мастером. Если вы просто попугай, повторяющий других попугаев, мертвых попугаев, то вы — учитель... Был у меня такой странный случай. Когда я впервые пришел в университет как преподаватель, пустовал один стул в общей комнате, где сидят все преподаватели, пока у них нет занятий, и они ожидают своего звонка. Я сел на этот стул. Коллеги заинтересовались — новый человек в университете; но скоро осознали, что со мной опасно даже здороваться, — и стул стал моей абсолютной монополией. И не только этот, несколько стульев на моей стороне и несколько стульев на другой всегда пустовали — почти семь стульев я занимал один. Порой там бывало намного больше людей, но никто не отваживался сидеть рядом с моим стулом — потому что я мог задеть их религиозные чувства.

Но даже хорошо образованные и культурные профессора не в состоянии отстаивать свою религию, потому что это не их находка. Она была передана им их родителями, священниками — всегда другими. Они не знают источника того, во что верят. Они не знают, существует ли тот источник, но в то же время чувствуют себя задетыми, когда я высказываюсь против него.

Учитель, шествующий в тени храма в окружении последователей...

Вы видите, он не понимает различия между учителем и мастером. Зачем учителю шествовать в тени храма в окружении своих последователей? Ни у какого учителя нет последователей; у них есть лишь студенты, и учителя — только слуги своих студентов, потому что им платят за все те знания, которые они передают. И чего ради, учителю расхаживать в тени храма? Бессознательно он употребляет не те слова.

Учитель, шествующий в тени храма в окружении последователей, дает не от своей мудрости, а скорее от своей веры и любви.

Снова я должен напомнить вам о бедности западной традиции, и дело не только в том, что в ней нет мастера; естественно и логично в ней не хватает и многого другого; у учителя нет мудрости, у учителя есть лишь знание. Только у мастера есть мудрость. Его прозрение истинно, даже если он и пользуется не теми словами, не осознавая тонких различий, которые проводит Восток между учителем и мастером, между знанием и мудростью. Знание — это то, что приходит снаружи, обосновывается внутри вас и препятствует вашей мудрости; оно становится стеной, Китайской Стеной вокруг вашей собственной мудрости. Мудрость — это то, что исходит из вашей сокровенной сути. В знание вы не вносите ничего от своего собственного существа.

Мудрость — это ребенок, который растет в вашем истинном существе. Знание — это усыновленный ребенок. Он вырос в чьем-то чреве, но никому не ведомо, кто отец, кто мать, — может, это просто ребенок из пробирки. Мудрость растет внутри вас, излучается наружу, делаясь с теми, кто жаждет, кто ищет. Она не просит ничего взамен. Ее радость в том, чтобы быть Разделенной.

Учитель, шествующий в тени храма в окружении последователей, дает не от своей мудрости, а скорее от своей веры и любви...

Снова он использует ошибочные слова для правильных понятий. «Веру» следует заменить на «доверие». Вера может быть дана учителем, для этого не нужен мастер. Фактически, учитель, священник дает вам веру. Мастер; только создает в вас доверие — доверие к себе. Верят всегда в какое-то знание, в какое-то мнение, в какую-то доктрину, в какую-то догму.

Это и есть вера, которая разрушила все человечество. Кто-то индуист, кто-то мусульманин, кто-то христианин... не потому, что они знают разные истины, ведь истина одна. Они разные из-за того, что им давали разную веру; это не помогало вырасти их вере в себя, в то, что они способны найти истину, которая скрывается в их собственном существе.

Вот почему мастер не дает вам мудрость — не может дать, — он создает надлежащее окружение, среду доверия, в которой ваша мудрость начинает расцветать, пробуждаться. Вы будете благодарны ему; возможно, вначале вы подумаете, что это он давал вам, — он не давал ничего. Он просто придал вам уверенности. Он отнял многое у вас, — ваш страх, особенно одиночества, потому что если вы искатель, то когда-то вам необходимо научиться искусству, быть одному.

Он созидает общность — потому что он любит, и его любовь становится вызовом для вас, вызывает любовь в вас; и поскольку он доверяет, то это вызывает доверие в вас. Так как он есть истина, в вас возникает громадное стремление быть таким же пробужденным, как он, быть таким же прекрасным, как он, быть такой же глубокой истиной, как он, обладать такой глубиной бытия и такими крыльями, чтобы устремиться куда угодно. Он делает ваши крылья сильными, он делает вас сильными. Он не может просто дать вам мудрость, но он создает атмосферу, в которой мудрость начинает расти сама собой.

Халиль Джебран говорит нечто безмерно прекрасное. Но, бедняга, он не знает, что использовал неправильные слова. И это не его вина: он никогда не входил в контакт с Лао-цзы, с Чжуан-цзы, с Басе, с Кабиром, с Нанаким. Все его воспитание осталось христианским — все, что ему известно, есть христианство; а христианство — это самая бедная религия. Не случайно, только бедные во всем мире обратились в христианство. Причина проста: оно говорит на языке бедных.

Трудно бедному понять Гаутаму Будду: он говорит самым культурным языком, он принц — хорошо образованный, обученный всеми мудрыми людьми своего времени. Точно понимать его не легко; все, о чем он говорит, может пройти мимо вас. Иисус человек бедный, сын плотника, необразованный. Он разговаривает языком бедного человека, и Иисуса понять легко, тут нет ничего сложного. Очень трудно понять Упанишады, потому что каждому предложению есть столько толкований...

На Востоке это была традиция: пока человек не способен прокомментировать три источника — четыре Веды, сто восемь Упанишад и Брахмасутры Бадараяны, — его не назовут даже учителем. Такая большая искушенность нужна, чтобы просто быть учителем. Конечно, мастеру условия не нужны. Он может даже и не слышать о Бадараяне, Ведах и Упанишадах. Мастер может сам найти источник, тот же источник, от которого говорил Бадараяна, тот же источник, откуда возникли Упанишады, — о чем ему беспокоиться?

Когда я путешествовал по всей стране, рассказывая о Брахмасутре, Упанишадах, Гите, Ведах, много раз ученые подходили ко мне со словами: «Вы процитировали не точно». Они были шокированы, услышав мой ответ.

А я говорил: «Тогда исправьте Веды, потому что все, сказанное мной, точно. Я полагаюсь на свои внутренние источники; я не цитирую ваши Веды. Поэтому, если вы находите какое-то несоответствие между мной и своими Ведами, исправьте их, потому что вы можете не найти другого шанса улучшить их. Им уже пять тысяч лет, им нужна постоянная коррекция, новые издания, новые переиздания. Много отжило и должно быть отброшено, и много нового света вошло в мир, его следует включить».

Если он действительно мудр, то не повелит вам войти в дом его мудрости, скорее, он поведет вас к порогу вашего ума.

Это было бы правильно, если бы он не использовал слово «ум». *Если он действительно мудр, то не повелит вам войти в дом его мудрости...* — потому что нет возможности. Я не могу дать вам войти в мою сущность, так же и я не могу войти в вашу сущность; это просто против фундаментальных законов природы... *Скорее он поведет вас к порогу вашего ума.* Вот где его нужно исправить. Я хочу сказать: он поведет вас за пределы ума к самой двери вашей

собственной внутренней мудрости.

Однако Халиль Джебран постоянно пользуется лишь двумя словами — ум и сердце, мысли и чувства. Похоже, он никогда даже не слышал, что есть нечто большее — большее, чем ум, большее, чем сердце, — ваша сущность, не ограниченная пределами вашего тела, пределами вашего ума, пределами вашего сердца.

Мастер просто создает доверие в вас: «Не бойтесь». Ведь вы будете двигаться сами. Чем глубже уйдешь, тем более одиноким будешь чувствовать себя, и более испуганным — не одним, но тысячами страхов: двигаюсь ли я в нужном направлении — нет указателей, нет километровых вех, невозможно запастись картой, — или мой путь ошибочен? И кто знает, ведет ли эта дорога куда-нибудь, или это просто уличный тупик? И еще опасение: сумею ли найти свои собственные следы, чтобы вернуться?

Внутренний мир почти как небо — птицы проносятся, но они не оставляют никаких следов. Когда вы уходите внутрь, вы не оставляете никаких следов; невозможно обнаружить путь, которым вы следовали, если вы хотите возвратиться. Вам потребуется огромная отвага, великое доверие и постоянное питание от мастера, от его любви.

Астроном будет говорить вам о своем понимании пространства, но не даст вам это понимание.

Очевидно, есть вещи, которые не могут быть даны, и это самые ценные вещи в мире — самые существенные, самые фундаментальные. Человек без них просто бедняк — даже если он император, не имеет значения. Но человек, обладающий тем, что не может быть дано, и есть император, хотя бы он и выглядел снаружи нищим.

Музыкант может передавать вам ритм, которым полнится все пространство, но не может дать вам ни слух, который улавливает, ни голос, что вторит ему.

Конечно, музыкант может петь песни так прекрасно, так чарующе, вы ощущаете себя больше не на гадкой земле, а почти вошедшими в рай, где ангелы играют на своих арфах. Но даже величайший музыкант не в состоянии дать вам слух, музыкальный слух.

У нас в Индии есть поговорка: «Не трать времени, играя на флейте перед буйволом». Как бы вы ни старались, буйвол не будет обращать никакого внимания. Самое большее — вы наделаете шуму и нарушите процесс жевания травы, которым он был абсолютно доволен.

Помните, точно так же, как бывают врожденные музыканты, бывают и люди, у которых врожденная способность к восприятию музыки. Он не может дать вам слух, который улавливает ритм... Ритм он может создавать, он может заполнить все небо, все пространство ритмом, но если у вас нет слуха уловить его, дать войти в свой внутренний мир, то для вас он не существует. *...Ни голос, что вторит ему.* Он может спеть прекрасную песню, но не может дать вам голос. Что уже и говорить о песне — вы не можете даже вторить.

Здесь недалеко есть горная станция Матеран, с замечательной сценической площадкой. Я повидал многие горы и многие места с горным эхо, но Матеранское эхо уникально. Вы поете песню или лаете как собака, а долина и горы повторяют это семь раз подряд. С каждым разом эхо становится все тише, дальше, слабее, но вы можете сосчитать — оно повторится семь раз.

Когда я был там первый раз, проводил медитационный лагерь, друзья сказали мне: «Мы знаем, что ты не любишь ходить туда-сюда, но это место с эхо стоит навестить».

В Матеране есть особые трудности, потому что приходится идти или сидеть в рикше, повозке, которую тянет человек, — это более чем уродливо, это причиняет боль: иногда это старик, обливающийся потом... а в горах дороги вообще нельзя назвать дорогами. Это невозможно для меня из-за моего астматического состояния — я не в силах пройти много миль к высокой вершине. Оба способа были затруднительны. Но они так настаивали, что я согласился пойти. Это было тяжело для моего сердца — ночью у меня был приступ, и вся ночь была

бессонной, — но это стоило тех усилий.

Человек, который уговаривал меня больше всех, имел способность воспроизводить звуки многих животных. Он был очень хорошим имитатором — мог имитировать многих актеров, многих лидеров; сперва он залаял, как собака, и все горы наполнились лаем, словно там были тысячи лающих собак, хотя эхо доносилось все тише и тише... как будто собаки удалялись, и вы насчитывали, по крайней мере, семь повторений.

Я сказал этому человеку: «Это одна из человеческих глупостей. Почему вы захотели лаять? Вы могли бы подражать голосу кукушки, вы же это умеете — чего ради, еще изучать животных и их голоса?» Индийская кукушка так сладостна, особенно в сезон созревания манго. Кажется, вся сладость манго, известного в стране короля всех фруктов, — в ней. И из манговых рощ — кукушки любят манго — летит призыв, от одной рощи к другой...

Я сказал ему: «Зачем вы выбрали собаку? Все горы, наверное, смеются над вами — что какой-то безумец приходит и лает, как собака».

Он тотчас же принялся издавать звуки, музыкальные звуки кукушки, и все пространство на несколько миль вокруг наполнилось эхо. Но даже это не может быть дано человеку. Да, музыка не может быть дана, музыкальный слух не может быть дан, песня не может быть дана — даже ее эхо не может быть дано.

Хорошо, что у самых ценных вещей в жизни нет цены, — потому что вы не можете купить их, вы родились с ними. Они могут оставаться дремлющими, если вы родились в уродливом обществе, вроде общества, унаследованного нами. Но если вам повезет немного в вашем будущем рождении, то, по крайней мере, вам будет оказана помощь, чтобы вы смогли стать собой, искать и найти свой врожденный талант... это единственный путь обрести его.

Не бывает другого пути; все другое — псевдо, фальшь, имитация.

И посвященный в науку чисел может сказать о мире весов и мер, но не может ввести вас туда.

Человек, который посвящен в науку чисел, в мир весов и мер, великий математик — вроде Альберта Эйнштейна... Всю свою жизнь он путешествовал повсюду, наверное, побывал в каждом университете мира — потому что он все время гостил по приглашению. В конце своей жизни он сказал: «Насколько я понимаю, во всем мире есть не более двенадцати человек, которые действительно понимают меня. Другие прислушивались ко мне из-за веса моего имени, но они не понимают, что я говорю, о чем толкую». Всего двенадцать человек во всем мире! Это должно быть врожденным качеством.

Даже такой великий философ, как Бертран Рассел, который изо всех сил пытался уловить философию Альберта Эйнштейна — особенно теорию относительности, — смог лишь написать книгу «Азбука относительности». Когда спрашивали: «Почему вы не опишете всю теорию относительности?» — он говорил: «Сначала я должен понять ее. Это все, что за годы усилий я сумел постичь, и это — только азбука, только начало. Я показал это Альберту Эйнштейну, и он сказал: "Хорошо, что вы остановились; за пределы этого вы не способны выйти"».

Это ужасно для человека, который написал одну из величайших книг по математике — «Принципы математики». Никто не читает ее, ведь ее невозможно понять. Я никогда не встречался ни с одним таким профессором математики... Они говорят: «Да, мы видели книгу, но когда пытаешься понять ее, возникает страх — можно сойти с ума». Одно лишь объяснение того, что два плюс два - равно четыре, заняло двести тридцать пять страниц; не существует другой книги по математике, столь полно изучившей вопрос... И даже такой человек не мог понять Альберта Эйнштейна. Эйнштейн сказал: «Вы написали «Азбуку относительности», но не ходите дальше». И я не думаю, что есть кто-нибудь — даже сегодня, — кто может написать «XYZ теории относительности».*

Все великое, в любом измерении, — это нечто спящее внутри вас. Все, что можно сделать, — это спровоцировать, вызвать. Вас нельзя научить, но вас можно пробудить к своему собственному потенциалу. И потенциал, о котором я говорю, ваше просветление, — единственная вещь, которая не является талантом. Талант дан одним людям и не дан другим. Но это ваша внутренняя природа, не талант. Не каждый может быть Альбертом Эйнштейном, но каждый может быть Гаутамой Буддой.

Помните отличие: математика и музыка, поэзия и живопись — это таланты, но пробуждение — не талант. Так же как каждый просыпается утром — не только талантливые люди, это внутреннее качество, — таким же образом пробуждается каждый, если надлежащая атмосфера создана.

Единственную личность вы не в силах разбудить — того, кто притворяется спящим; действительно спящего разбудить можно всегда. Но если кто-то притворяется спящим, тогда ничего не выйдет.

Игра слов: по-английски азбука ABC, начальные буквы азбуки, а XYZ — ее последние буквы.

Вы можете создавать атмосферу, можете наставить повсюду будильников и позвать Ниведано: «Барабань! Бей в барабан!» Но если человек притворяется, тогда разбудить невозможно; даже ядерное оружие бессильно. Например, если я сплю, а Пуну бомбят, — я буду и дальше спать, ведь я только притворяюсь спящим, нет никаких проблем. И зачем волноваться? — столько людей волнуются. Потом они проинформируют меня.

Я никогда не читаю никаких газет, никаких журналов, ничего, потому что знаю: если что-нибудь произойдет, где угодно, — у меня столько людей, что это дойдет до меня. Люди, которые читают или слушают мои лекции, наверное, думают, что я знаю обо всем происходящем в мире, о всех газетах мира. Меня совершенно не волнуют ваши газеты, но туда, где происходит что-то важное, кто-нибудь тут же обращает мое внимание. Когда у меня столько глаз, и столько рук работает для меня, — зачем мне тратить свое зрение на третьеклассную желтую прессу?

Ибо видение одного человека не дает крыльев другому.

Слова, написанные золотом — чистым золотом в двадцать четыре карата. Вы не должны загрязнить такие слова: *Ибо видение одного человека не дает крыльев другому...* Такое просто невозможно. Крылья нельзя позаимствовать; один орел не может попросить другого: «Дай-ка мне свои крылья всего на несколько часов». Это невозможно. Крылья — это часть не механическая, это органичная часть.

Видение человека похоже на крылья. В своем видении он восходит высоко в небо, к точке, где сам он становится почти невидимым для нас. Но он может создать в вас доверие, что и у вас тоже есть крылья — просто вы никогда не пользовались ими; или, возможно, вы были запуганы другими людьми, наговорившими вам об опасности. Это не опасно.

Единственная опасность, которую я знаю, — это не использовать весь свой потенциал в его тотальности. За исключением этого, я не вижу никакой опасности в жизни. Смерть - не опасность, смерть — это вступление в вечный покой, или, возможно, в еще одно тело. Смерть можно отложить до тех пор, пока не придет время. Но в жизни есть одна опасность, которую человек, кажется, не осознает, и эта опасность — страх перед раскрытием всего своего потенциала.

Это опасность: не жить тотально и интенсивно, не делать свою жизнь танцем, празднованием.

И как каждый из вас стоит одиноко в Божьем знании, так должно каждому из вас быть одиноким в своем знании Бога и в своем постижении земли.

Одиночество — одно из самых таинственных переживаний. Но вы все боитесь одиночества,

вы привыкли быть овцами. Я хочу, чтобы все мои люди были пастухами. Это и есть настоящая трансформация. Вы на самом деле пастухи, но общество навязало вам идею, что вы просто овцы, поэтому вы и ведете себя, как овцы.

А когда родители говорят так, священники говорят так, учителя говорят так, все писания говорят так — вас окружает такое давление! Вы только что прибыли на землю, вам неизвестно, кто вы есть, а каждый рассказывает вам, что вы овца; естественно, вы живете как овца всю свою жизнь. Это потеря миллионов людей — потеря их радости, их целостности, их индивидуальности. Это настоящее убийство. Не может быть никакого преступления, большего чем это.

Я говорю вам: вы родились пастухом. Помните это и ведите себя как пастух. Ваша старая привычка, ваша старая обусловленность будет вмещиваться снова и снова. Есть несколько преимуществ быть овцой... уют среди миллионов овец, окружающих вас, жмущихся друг к другу — вы никогда не одни. Вы видели овец на прогулке? — они не боятся; им ведомо настоящее братство и сестринство. Есть некая безопасность, надежность, — но нет жизни. Это плохая сделка — лишиться жизни ради безопасности и надежности. Кому нужны безопасность и надежность? Вы уже лишились сокровища — своей жизни, ради которой вам нужна безопасность и надежность, но вы постоянно живете в паранойе, страхе, что останетесь одни. Ваша истинная сущность — это лев; это пастух.

Ищите одиночества.

Всякий раз, когда вы сможете найти минуту и побыть наедине, — побудьте, и никогда не пытайтесь убедить себя, что у вас нет времени побыть одному. У вас есть время ходить в кино, у вас есть время болтать часами, у вас есть время читать всю желтую прессу, у вас есть время разглядывать порнографические журналы, у вас есть время играть в карты, у вас есть время смотреть на глупые вещи — вроде футбола — часами напролет. А если кто-то спросит, вы говорите: «Я убиваю время».

Кого вы дурачите?

Время убивает вас.

Вы не в силах убить время. Вы не в силах даже удержать время. Вы можете разломать свои часы — это не означает, что вы убили время.

Вы разрушаете свою жизнь.

У вас есть достаточно времени, чтобы побыть одному.

Воспользуйтесь этим, потому что одиночество столь драгоценно, что его нельзя променять ни на что в жизни; это одиночество мало-помалу приведет вас к вашей сокровенной сущности, а если вы умираете, не достигнув своей сокровенной сущности, — вы прожили жизнь напрасно; вы не жили, вы просто смотрели футбольные матчи.

Так что никогда не старайтесь утешить себя: «Что поделаешь?» — я слышал это столько раз, что устал слушать, — «У меня же нет времени». Но у вас есть время читать романы, написанные идиотами, детективы, — часами напролет. Они так соблазнительны, что, пока вы не закончите их, вы не можете лечь спать. И что вы находите в них?

Не упускайте ни единого момента, который может принести вам одиночество, потому что только в такой миг вы и живете по-настоящему.

Во время смерти вы вспомните то, что я говорю, ведь все другое будет выглядеть как сон — кроме тех нескольких мгновений, которые вы прожили в одиночестве, безмолвии, безмятежности — сами с собой.

Со смертью все другое будет отнято, но не ваше одиночество. Ваше одиночество — это ваша истинная душа.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

7. ДРУЖЕЛЮБИЕ ВОСХОДИТ ВЫШЕ, ЧЕМ ЛЮБОВЬ

23 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просил юноша: «Скажи нам о Дружбе».

И он сказал в ответ: «Твой друг — это твои осуществленные потребности.

Он — поле твое, которое ты засеваешь с любовью и с которого собираешь урожай со словами благодарности.

Он твой стол и твой очаг. Ибо ты приходишь к нему алчущий и у него ищешь мира.

Когда твой друг раскрывается перед тобой, не бойся сказать про себя «нет» и не утаивай «да».

И когда он молчит, сердце твое да не перестает слушать его сердце;

Ибо в дружбе все мысли, все желания, все надежды рождаются и разделяются без слов, в безмолвной радости.

Когда ты разлучаешься с другом, не горюй;

Ибо то, что ты более всего любишь в нем, становится яснее в его отсутствии, ведь скалолаз яснее видит гору с равнины.

И да не будет никакой цели в дружбе, кроме проникновения в глубины духа.

Ибо любовь, которая ищет что-либо помимо раскрытия своей собственной тайны, — это не любовь, а расставленные сети, в которые уловляется лишь бесполезное.

И пусть лучшее в тебе будет для твоего друга.

Если ему суждено узнать отливы твоего моря, пусть он узнает и его приливы.

Зачем тебе друг, если ты ищешь его лишь для того, чтобы убить время?

Всегда ищи его, чтобы прожить время.

Ибо он призван исполнить твои потребности, но не наполнить твою пустоту.

И пусть смех и взаимное удовольствие, сопутствуют сладости дружбы.

Ибо в росе малостей, сердце встречает свое утро и освежается».

Мои глаза наполняются слезами, когда я вижу, что Халиль Джебран бывает средством божественного, истины, — изредка, но не всегда.

Мне бы очень хотелось, чтобы он всегда был на залитых солнцем вершинах сознания, но он постоянно спускается в долины, темные долины. Хоть его красноречие и остается тем же, и его поэзия несет ту же красоту, истина упущена. Он настолько красноречив, что если вы не poznали истину, вы не будете в состоянии сделать никакого различия — где он продолжает опускаться вниз, а где восходит к высочайшим пикам.

Его Зорба и его Будда не вместе; они все еще не органичное целое. Поэтому когда говорит Зорба, конечно, язык тот же, что и у Будды, но смысл не Будды: это как будто раздвоенная личность. И я плачу о нем, о человеке столь гениальном, который не сумел стать единым; он остался двумя — точно как и каждый обычный человек.

Халиль Джебран — не просветленный; потому он и не в силах увидеть с высоты птичьего полета целое. Но благодаря своему великому таланту он умудряется всякий раз, когда падает вниз, скрыть за словами свое падение. Я люблю этого человека, потому что очень редко

встретишь такого, но мне также и досадно, что он не сумел стать целостным, кристаллизованным. Вам не удастся обнаружить, когда он летает высоко, как орел, а когда просто ходит по земле среди вас; вам не удастся распознать его. Вот что самое досадное.

Мы упустили еще одного Гаутама Будду, и только потому, что его восхваляли по всему свету люди, которые ничего не знают об органичном единстве. Сам он не мог увидеть противоречие. Но я хочу быть честным и искренним, потому что я люблю его, а любовь — это огонь: он сжигает все ложное и спасает лишь то, что истинно.

И просил юноша: «Скажи нам о Дружбе».

Само слово «дружба» не из лучших, потому что оно только от ума. Оно ограничивает — вы можете дружить лишь с немногими людьми. Но дружелюбие (слово «дружелюбие» поднимается к луне, к солнцу) — безбрежно: вы можете быть дружелюбны к деревьям, к горам, к звездам. В дружбе скрыта и зависимость тоже. Все такие слова как «родство», «дружба», — поверхностны. Любящее отношение, дружелюбие, имеет совершенно иной смысл. Когда вы говорите о дружбе — это очень незначительная вещь, вид рабства и зависимости от личности, с которой вы дружите.

Но дружелюбие — это свобода, вы не зависите ни от кого. Дружба предметна, а дружелюбие — это ваша любовь, разделенная безоговорочно со всем сущим. Они не означают одно и то же. Дружба может сделаться в любой момент своей противоположностью — так называемый друг может обернуться вашим врагом. Но дружелюбие не имеет определенного адреса. Оно не для кого-нибудь, оно для всего сущего. Оно никогда не может обратиться в свою противоположность.

Помните: то, что очень легко может обратиться в свою противоположность — а вы знаете, друзья становятся врагами, враги становятся друзьями, — это очень поверхностный, фальшивый суррогат. Но дружелюбие не адресовано никому; это любовь, безоговорочно выплескивающаяся изнутри вас. Для нее нет возможности обернуться жестокостью — вы хозяин этого. В дружбе вы не хозяин. Дружба вроде брака, вещь искусственная, но дружелюбие — это ваша истинная природа.

И просил юноша: «Скажи нам о Дружбе».

И он сказал в ответ: «Твой друг — это твои осуществленные потребности».

Это уродливое изречение, но оно логически закономерно, ведь он не изменил основного вопроса. Ему следовало бы рассказать юноше, что дружба не ценна, а дружелюбие бесценно... *Твой друг — это твои осуществленные потребности.* Я говорю снова: это уродливо, потому что дружба обязывает.

Дружелюбие просто раздает свое благоухание всему, безо всякого исключения, — и оно осуществляется, раздавая. Это не обязанность; это изливающаяся любовь. Вы можете дружить с деревьями, можете дружить со звездами, но тут нет требования, нет условий. Разумеется, ваши нужды будут исполнены, но не потому, что вы потребовали. Ваше дружелюбие принесет вам потрясающие сокровища. Уясните разницу между этими двумя словами.

Дружба это тюрьма.

Дружелюбие — абсолютная свобода.

Вы даете от своего изобилия; это не обязанность. Конечно, сущее понимает, что лицо, дающее безо всяких требований, — существо редкое. Сущее заботится о ваших нуждах, но не по заказу. Даже если оно не исполняет ваших нужд, это просто показывает, что подспудно в своем бессознательном вы цепляетесь за идею дружбы. Только глупцов можно обмануть просто подменой слов.

Сущее столь изобильно — не просите.

Из-за того, что Халиль Джебран оставался христианином... Хотя он и был большим

интеллектуалом, он не был медитирующим. Он повторяет Иисуса Христа на разные лады; Иисус говорит: «Просите и это будет дано». Он низводит вас до нищего. Я говорю вам: «Никогда не просите, и вы получите это. Просите, и вы не добьетесь этого». Сама ваша просьба Уродлива.

Иисус говорит: «Ищите и обретёте». Я говорю вам: «Будьте тихими, будьте никем, — и сущее устремится к вам отовсюду» — потому что человек, который ищет, все еще разыскивает декорации для своего эго, а сущее не понимает языка эго. Нет ни дерева эгоиста, ни горы эгоиста, ни птицы эгоиста, однако сущее продолжает давать им все, в чем они нуждаются, — и даже больше, чем они нуждаются.

Иисус сказал: «Стучите, и двери откроются». Это поверхностные утверждения, потому что я знаю, что нет дверей, куда вы можете стучать. Всюду Бог. Не стучите — это насилие. Просто ожидайте.

Ваше ожидание... вы будете созреть в своем ожидании. Вы станете способными воспринимать, открываться. Бог всегда приходит как дар. Бог всегда приходит к императорам, не к нищим. Вам не нужно идти к Богу — даже если вы и захотите, куда вы пойдете искать Его? Он может найти вас, потому что Он есть целое.

Не надо ни просить, ни искать, ни стучать в дверь — доверьтесь. Если вы достойны, созрели, весна обязательно приходит тысячами цветов в ваше существо.

Твой друг — это твои осуществленные потребности...

Еврейское изречение, деловое.

Любовь не бизнес. Любовь — это песня вашей души.

Дружба — аромат этой любви, и крылья понесут ее над морями, над горами к далеким звездам.

Любовь — не берет, любовь раздает — таково и дружелюбие.

Он — поле твое, которое ты засеваешь с любовью и с которого собираешь урожай со словами благодарности.

Звучит хорошо; Халиль Джебран — гений в выборе прекрасных слов, но он не знает ничего. Даже за его прекрасными словами и поэзией — темнота, бессознательность.

Он — поле твое... Друг ваше поле? Вы собираетесь эксплуатировать поле, засевая его любовью? Не имеет значения — ваша любовь не для друга, вам нужен урожай с нее.

...и собираешь урожай со словами благодарности... Самым удивительным для вас будет то, что друзья — это одна душа в двух телах. Тут нет вопроса о словах благодарности, это понятно в молчании. Это не уродливое «благодарю тебя» — что есть просто формальность. И засеваешь с любовью... Вы намерены эксплуатировать друга! Как же вы можете сеять с любовью? Ваша любовь — это фасад, взятка, уверенность, что с вашей любовью друг превратится в поле для вас. Но ваш реальный интерес — засеять зерна и собрать урожай, а ваши слова благодарности — пусты. Если друг не даст вам ничего, ваши слова благодарности исчезнут.

Поэтому я говорю вам: отдавайте, делитесь любовью, не тая где-то в своем сердце желания отдачи, и вопрос благодарения приобретает тогда новое измерение. Вы благодарны за то, что друг воспринял вашу любовь, ваши песни, ваше изобилие.

Вы должны быть благодарны не за то, что вы восприняли от друга; вы должны быть благодарны, что он ваше не отверг. Он имел полное право отвергнуть. Он оказался скромным и понимающим. Будьте благодарны, но по совершенно иной причине.

Он твой стол и твой очаг.

Что за вздор он говорит? Это причиняет мне боль, потому что он очень тонкий человек.

Он твой стол и твой очаг — ваш друг? Вы должны быть столом, и вы должны быть очагом для своего друга. Это и есть разница между дружбой и дружелюбием. Я могу простить юноше, который задал вопрос, но не могу простить Халилю Джебрану, который дает ответ.

Когда твой друг раскрывается перед тобой, не бойся сказать про себя «нет» и не утаивай «да».

Почему нужно бояться друга? — тогда что вы собираетесь делать с врагом? Поэтому когда друг откровенен, не бойтесь сказать «нет», он ведь поймет. И... *не утаивай «да».*

Что такое дружелюбие? Если вы не можете обнажить свое сердце в дружелюбии, то вы хитрый делец. Вы думаете о выгоде, вы думаете о будущем, вы думаете об отдале.

Хоть вы и хотите сказать «нет», вы боитесь, что дружба будет разрушена вашим «нет». А он - ваша потребность, он ваш стол, он ваше поле... вы что, «каннибал»?

Это раскрывает секреты хитрого ума: говорить «да», когда вам известно, что он будет счастлив, говорить «нет», лишь когда вы уверены, что он будет счастлив. Вы не честны и не открыты.

Если вы не в силах быть честными с другом, с кем же вы будете честными? Вот почему я говорю, что дружелюбие гораздо большая и высшая ценность. Оно может сказать «нет» безо всякого страха, ведь ему известно — друг поймет и будет благодарен вам за то, что вы не обманывали его.

Дружелюбие означает: стоять открыто друг перед другом, потому что у вас есть доверие. Дружба — вещь очень бедная.

И когда он молчит, сердце твое да не перестает слушать его сердце.

Это и есть раскол личности Халиля Джебрана. В самом изобретении Альмустафы он оказывается политиканом. Он не говорит прямо, он говорит через Альмустафу, потому что Альмустафа всего лишь вымысел. Но здесь есть гарантия, что люди будут воспринимать это как поэзию, вымысел, красоту.

Его расхваливали по всему свету за небольшую книгу «Пророк». Наверное, я первый, кто старается изменить это и четко отделить, когда он искренен, а когда не искренен.

Ибо в дружбе все мысли, все желания...

Он никогда не выходит за пределы ума. Дружелюбие за пределами ума, так же как и любовь за пределами ума; на самом деле дружелюбие даже выше любви.

В Упанишадах есть потрясающее утверждение... Это было традицией Востока, что когда кто-то женится, он идет со своей женой к провидцу, мудрецу за благословениями. И такого удивительного благословения не существует нигде, ни в какой литературе, ни в какой традиции.

Мудрец, человек просветленный, благословляет их словами: «Ты должна родить десять детей, а после этого твой муж будет твоим одиннадцатым ребенком». Это выглядит абсурдно — муж будет одиннадцатым ребенком? — но в этом такая глубина. Вы любили достаточно, вы дали рождение десятерым детям; теперь время подняться над самой любовью. Даже ваш муж — это ваш одиннадцатый ребенок. Двигайтесь за пределы любви, слейтесь и расплавьтесь в дружбе. Очистите ее до точки, где она становится дружелюбием; тогда и вы не жена, и муж не муж, а оба — две души, живущие вместе в дружелюбии.

Все надежды рождаются и разделяются без слов, в безмолвной радости.

Любовь и дружелюбие не имеют надежд.

В этом и красота дружелюбия — вы не ждете ничего, потому что везде, где есть надежда, — сразу за ней, как тень, — крушение. И вы не можете диктовать будущему; вам даже не известно, каким будущее будет.

Когда я был аспирантом в университете, одна очень красивая девушка изучала тот же предмет, что и я. В течение двух лет мы изучали одни и те же предметы — философию, религию и психологию — а потом, в конце концов, должны были разъехаться. Она была девушкой богатой, дочерью городского сборщика налогов. Я вышел. Ее автомобиль ждал — наверное, и она тоже ждала; ей не нужно было сидеть в автомобиле и ждать. Ей потребовалось два года,

чтобы сказать мне: «Я очень сильно расстроена. Я хотела, чтобы ты сказал мне: "Я тебя люблю"».

Я ответил: «Любовь — не ожидание: если есть ожидание, обязательно происходит крушение».

Почему весь мир выглядит таким расстроенным? По той простой причине, что у вас столько ожиданий. Я сказал девушке: «То, что ты говоришь сегодня, тебе следовало сказать мне сразу же, как только ты почувствовала любовь ко мне».

Она сказала: «Что ушло, то ушло; мы не можем вернуться к прошлому. Но это мой последний день в городе. Я жила здесь со своим отцом, он сборщик налогов, но вся моя семья живет в Нью-Дели. Вечером я уеду, и вот я набралась храбрости просить тебя. Я тебя люблю. Не мог бы ты пообещать мне, что как только ты сможешь полюбить, мне будет отдано предпочтение?»

Я сказал: «Я не могу обещать на будущее — будущее абсолютно неизвестно. Я не могу даже обещать на завтра или на следующий миг».

По-моему, обещания выдают отсталость ума. Всякое обещание несет беспокойство, потому что вы не осознаете простого факта: будущее абсолютно неизвестно.

Где вы приземлитесь завтра, никто не знает. Любое обещание нерелигиозно, ведь оно демонстрирует глупый ум, который не может понять будущее. Религиозная личность не может ни ожидать — ведь это тоже связано с будущим, — ни обещать, потому что и это связано с будущим. Религиозная личность живет в мгновении. Но он говорит: «Когда ожидания от твоего друга...»

Когда ты разлучаешься с другом, не горюй;

Ибо то, что ты больше всего любишь в нем, становится яснее в его отсутствии.

В этом есть какая-то истина. Человеческий ум таков, что мы начинаем принимать все как должное; поэтому лишь при отсутствии обмана мы осознаем то, что стало нашей глупостью, — принимать нечто как должное.

Мы проживаем всю свою жизнь без дружелюбия, без любви, потому что мы уже приняли это как должное: «Умирает всегда кто-то другой; я живу вечно». Поэтому вы можете откладывать жизнь. И каждый откладывает жизнь, не зная того, что приготовило ему будущее.

Я снова настаиваю и подчеркиваю:

Не принимайте ничего за само собой разумеющееся.

Живите в мгновении.

И жизнь в мгновении даст вам силу жить в любых других мгновениях, — если придет будущее. Ваша сила будет продолжать расти. В противном случае... Досадно, что есть много людей, которые лишь в момент умирания впервые постигают: «Боже мой, я прожил семьдесят лет, но все время откладывал. И вот нет будущего, некуда откладывать».

Никогда не давайте никаких обещаний, ведь вы, возможно, не сможете исполнить их. Поясните: «Я не владелец будущего». Но есть люди, которые обещают все. Своим любимым они говорят: «Я буду любить тебя вечно». Такие обещания становятся их тюремным заключением.

Скажите своим друзьям, своим любимым: «Только одно мгновение дано мне; даже два мгновения вместе не даны. В это мгновение я, безусловно, могу сказать, что я буду любить тебя. Вчера я не любил тебя, а завтра, возможно, аромат любви, точно так же как он пришел без всякого уведомления, может уйти, и тогда я окажусь в зависимости у своего обещания и буду стыдиться собственных слов».

Обещая, сдерживая свое слово... все человечество заключает себя в тюрьму. Живите, и живите тотально — но *сейчас* — это все, что есть наверняка у вас в руке. Все же я знаю глупый ум человеческий. Ах, если бы вы смогли сказать женщине: «Я обещаю, что буду любить тебя в

этот миг, но я не могу сказать о следующем миге. Я не хочу никаких ожиданий от тебя, а также не буду давать никаких ожиданий тебе; иначе жизнь превращается в непрерывное крушение!»

И да не будет никакой цели в дружбе...

Такова странность Халиля Джебрана, раскол его личности. Его надо рассортировать — когда он начинает говорить как Зорба, а когда начинает говорить как Будда. Он никогда не был в состоянии прийти к синтезу обоих — низшего и высшего.

И да не будет никакой цели в дружбе... кроме проникновения в глубины духа.

Но это тоже цель. Порой люди, которые так ясно видят все в мире, абсолютно бессознательны в том, что они говорят. Сначала он говорит: *И да не будет никакой цели в дружбе, кроме проникновения в глубины духа...* — но это тоже цель. На самом деле, если цели нет, глубины духа выявляются сами собой. Об этом не надо упоминать, потому что изречение становится противоречивым. Первая часть и вторая часть противоречат друг другу.

Сначала он говорит: «в дружбе не должно быть никакой цели». Но что же есть ваши потребности, как не цели? Всякая цель разрушает красоту дружелюбия.

У дружелюбия не должно быть ни целей, ни потребностей — тем не менее, это и есть чудо жизни, что если у вас нет ни целей, ни потребностей, ваши нужды будут исполнены, ваши цели осуществляться. Но этого не должно быть в вашем уме; в противном случае у вас не будет ни дружелюбия, ни любви.

Ибо любовь, которая ищет чего-либо помимо раскрытия своей собственной тайны, — это не любовь, а расставленные сети, в которые уловляется лишь бесполезное.

Любовь, которая ищет чего-либо помимо раскрытия своей собственной тайны, это не любовь... — потому что любовь есть тайна, и нет пути, раскрыть ее.

Любовь подобна корням деревьев, скрытым глубоко в земле. Делитесь ароматом, цветами, листвой, зеленью, но не пытайтесь выдернуть дерево, посмотреть - откуда берется столько цвета, столько благоухания, столько красоты, потому что это будет смертью дерева. Корни должны оставаться скрытыми, секретом, тайной, а не такими, как вам захочется... вы не можете пойти против законов природы.

Делитесь своим ароматом, делитесь своими цветами. Танцуйте под луной, под ветром и дождем. Вы видели это утро? — все деревья были так счастливы, танцуя под дождем, сбрасывая с себя всю пыль, становясь свежими и молодыми снова. Но корни должны оставаться тайной. Если вы выставите корни, любви придется умереть. К несчастью, каждому любимому, каждому другу очень любопытно узнать вашу тайну, узнать ваш секрет. Любящие воют непрерывно, заявляя: «Ты что-то скрываешь».

Тысячи лет... И мужчина пришел к выводу, что невозможно понять тайну женщины, потому что она глубже коренится в земле. Глаза мужчины фиксированы на небе. Это идиотизм — попытка достичь Луны. А теперь — попытка достичь Марса.

Вы не в состоянии жить на этой прекрасной земле в мире, спокойствии и любви, без национальных границ, без цветной дискриминации, без превращения половины человечества, - женщины, просто в продажную проститутку, пожизненную проститутку. Вы не были в состоянии вычислить, как жить на земле, а ваши глаза обращены на Луну.

Вам известно, что в английском есть слово «лунатик»? Оно происходит от корня «лунный». Лунный - означает «луна». Мужчина лунатик. Фактически, пытаться раскрыть тайну вашей любимой точно так же уродливо, как и шпионить. Природа не желает вашей демистификации, потому что в этой тайне расцветает любовь, танцует дружелюбие.

Хорошо, что ни мужчины не понимают женщин, ни женщины не понимают мужчин. Тут нет нужды в познании. Все, что необходимо, это — достаточный простор друг для друга, чтобы ваши секреты и ваши тайны оставались скрытыми. Ведь из-за этой тайны вы влюбляетесь. Если

вы демистифицируете женщину, любовь может тоже исчезнуть.

Знание так бессмысленно, а тайна столь глубока. Дивитесь тайне, но никогда не спрашивайте, что это, и ваше дружелюбие, ваша любовь не будут ведать границ. Чем ближе вы оказываетесь, тем глубже будет становиться тайна. Но Халиль Джебран, похоже, все время путается — это и естественно. Иногда есть проблески, когда он говорит потрясающие истины, а иногда есть моменты, когда он отступает во тьму и начинает говорить, как идиот. Во всех изречениях вы можете увидеть это.

Сначала он говорит: *Твой друг — это твои осуществленные потребности...* а потом говорит: «Не должно быть никакой цели». Что за потребности, если нет целей? И тут же он говорит, делая исключение, что глубина вашей души должна быть вашей единственной целью. В сущем, в реальности не бывает исключений.

И, смотрите, снова: *...а расставленные сети, в которые уловляется лишь бесполезное.* Цели не должно быть, кроме углубления души, — но это является побочным продуктом. И снова он забывает, что говорит. *Бесполезное* — теперь это становится почти языком дельца, не поэта, потому что именно бесполезное уводит вас к более высоким сферам бытия, а полезное тащит вас вниз, к гравитации земли.

И пусть лучшее в тебе будет для твоего друга.

Он ходит зигзагами. Я не осуждаю его, я просто поясняю, что человек его гениальности не в силах увидеть такие простые вещи в утверждении: *и пусть лучшее в тебе будет для твоего друга...* — но вкусы разные. Лучшее для вас может ничего не стоить для вашего друга. Кто вы такой — решать, что лучшее для него? Я так не скажу. Я скажу: «Раскрой свое сердце и предоставь другу все, чтобы он выбирал».

Если ему суждено узнать отливы твоего моря, пусть он узнает и его приливы.

Это же просто трюизм. Отливы или приливы, все должно быть в распоряжении друга.

Зачем тебе друг, если ты ищешь его лишь для того, чтобы убить время.

Все друзья заняты этим — они убивают друг другу время, потому что оба они пусты, и не знают, как быть одному, как наслаждаться одиночеством.

Всегда ищи его, чтобы прожить время.

Не убивать время, но жить. Это замечательно, великолепно. Но он похож на часовой маятник, который продолжает двигаться из одной крайности в другую. Конечно, он не человек осознания, несмотря на то что он человек безмерной способности выражения, — человек, который может выражаться золотыми словами.

Всегда ищи его, чтобы прожить время.

Ибо он призван исполнить твои потребности, но не наполнить твою пустоту.

Вам понятно то, что я говорю, — маятник? Но сам Халиль Джебран не осознает, что одно изречение тут же противоречит другому изречению. *Ибо он призван исполнить твои потребности* — что же случилось с надеждами? Что случилось с пользой? Он забыл, кажется, — *но не наполнить твою пустоту.* Это нечто понятное — что величайшая потребность человека не быть пустым, не быть темным, не быть одиноким. Его величайшая потребность быть нужным. Если никто не нуждается в нем, он все больше и больше осознает свою пустоту.

Так что даже это одно предложение противоречиво: *Ибо он призван исполнить твои потребности...* — но разве не пустота, ваша величайшая потребность? Ради чего вы беспрерывно заняты? — лишь бы не испытывать пустоты. Вы уже пусты.

Восток имеет гораздо более глубокий ответ: пустота не негативна. Не заполняйте ее всевозможной чепухой. Пустота может стать вашим храмом, наполненным божественным, и все же она будет пустой, так как божественное — это лишь качество. Наполните ее светом — и все же она будет пуста. Наполните ее тишиной... Трансформируйте негативную пустоту в

позитивный феномен, и вы сами станете чудом.

И пусть смех и взаимное удовольствие сопутствуют сладости дружбы.

Халиль Джебран снова и снова высказывает вещи, не давая вам ключа, как их реализовать. Любой идиот может прийти и заявить: «Наполни свой сад зеленью, цветами роз, прудами, прекрасными лотосами», — но этого не достаточно. Вы разговариваете с человеком, который никогда не знал лотосов, и который абсолютно не осознает, как же ему исполнить это. Ключ упускается.

Так не только с Халилем Джебраном; почти все религии мира в той же лодке. Они говорят: «Вы не должны гневаться». Но где же путь? Гнев есть. «Вы не должны ревновать». Но как избавиться от ревности? «Вы не должны соперничать». Фальшивые заповеди! Прекрасно быть молчаливым, но где же медитация, которая приносит вам молчание? «Вы не должны ревновать» — но где же понимание, что ревностью вы сжигаете свое собственное сердце? Она не вредит никому, кроме вас самих.

Как же вам избавиться от соперничества — ведь все они учат: «Не соперничай», — а с другой стороны: «Будь чем-то». Они дают вам идеалы: «Будь Иисусом». Но есть миллионы христиан, вам придется соперничать. Они говорят: «Не ревнуй», — но они же заставляют людей ревновать, привязывая одного мужчину к одной женщине. Когда любовь исчезает и весна уходит, мужчина начинает выискивать тайные ходы — и женщина тоже.

Я слышал одну историю. Дело было в суде — муж и жена хотели развестись. История, по-видимому, из тех времен, когда развод был почти невозможным, аморальным, недобродетельным. Судья сказал: «Любите друг, друга. Оставайтесь вместе, пока смерть не разлучит вас». Женщина спросила: «Вы даете хороший совет, но как же любить человека, которого я просто ненавижу? К тому же мне известно, что он не может любить меня; он тоже ненавидит меня. Так что, пожалуйста, сообщите нам какой-то способ, чтобы ненависть исчезла и трансформировалась в любовь».

Судья сказал: «Боже мой, я ничего не знаю об этом. Но вам все же придется дать клятву, что вы приложите все усилия, чтобы остаться вместе. Не создавайте аморального прецедента в обществе».

Женщина сказала: «Я готова произнести клятву, положив свою руку на голову моего сына». Это было странно, судья засуетился. Он сказал: «Нет, не на голову сына. Лучше положите руку на вашу религиозную книгу».

Женщина сказала: «Я мать, и материнство — моя религия. Но отчего вы так суетитесь? Хотите, я разоблачу вас перед судом? Ведь это ваш сын!»

В каком же лицемерном обществе мы живем! Судья пытается постановить, чтобы они жили вместе, и судья же — тайный любовник женщины. И не просто любовник — даже ребенок от него, а не от мужа женщины; вот почему он испуган.

Она сказала: «Теперь вам понятно? Вы неверны своей жене. Это сын ваш, я только его мать. У моего мужа своя любовница, и вы будете удивлены: это ваша жена! А дети, которых вы считаете своими, не ваши».

Таково лицемерное общество. Мы все продолжаем и продолжаем жить в убожестве, в неправде — даже в наших судах.

Однажды я был в суде в Джабалпуре... Там была церковь, очень красивая церковь. Но когда Британское правительство ушло в 1947 году, все прихожане тоже покинули страну. Церковь оставалась запертой почти десять лет. Там был прекрасный сад, который совершенно одичал. Эта церковь принадлежит Англиканской Церкви — это их имущество.

У меня было несколько друзей христиан, и я сказал: «Вы идиоты. Ваш Христос в заключении, а не в церкви, вот уже десять лет; может, он пробудет там всю свою жизнь».

Соберите несколько молодых христиан...» Они сильно перепугались, потому что имущество принадлежит Англиканской Церкви. Я сказал: «Не волнуйтесь. Я открою церковь. А вы приведите ее в порядок, восстановите, вышвырните все те замки, разбейте их. Церковь принадлежит тем, кто в ней молится. Это не имущество. Вы молитесь там, значит, это *ваша* церковь».

Они сказали: «Ты создаешь неприятности. Скоро дело будет в суде». Я сказал: «Не беспокойтесь, я буду бороться вместе с вами. Можете рассказать суду правду — что это я надомил вас».

Это было разумно, поэтому они кое-как — но неохотно, без огонька, ухитрились взломать замки, восстановить церковь и прибрать сад. А в воскресенье я открыл ее. Сейчас же другие христиане сообщили Англиканской Церкви: «Имеет место нарушение права владения. И не только права, - эти люди забрали имущество». А имущество было большое, почти двадцать акров земли, и сама церковь очень красивая.

У английской церкви был свой представитель, епископ в Нагпуре, а в то время Нагпур был столицей Мадхья Прадеш. Он приказал: «Тащите всех этих людей в суд», — в том числе и меня, ведь я даже не христианин.

Стоя за свидетельской перегородкой, я попросил судью: «Прежде чем я поклянусь в истине, несколько вопросов нужно выяснить, так как их будет невозможно выяснить после принесения клятвы».

Он сказал: «Так не делается. Сначала нужно дать клятву».

Я сказал: «Я как раз собираюсь говорить с вами относительно клятвы, так почему бы не позволить мне кое-что сказать сразу?»

Он сказал: «Ладно, можете говорить, но это против правил».

Я сказал: «Первым делом, я видел, вы посещаете проституток. И всему городу известно, что вы гомосексуалист; поэтому у меня к вам нет никакого уважения. Я могу сказать ослу: «Уважаемый сэръ» — но не могу сказать вам честно: «Уважаемый сэръ», потому что это будет ложью. Мое сердце не будет согласно. Так что, позвольте мне, если вы настаиваете на клятве, сказать то, что говорит мое сердце, правду; иначе отбросьте идею клятвы. Во-вторых, я хочу знать, на чем мне придется приносить клятву».

Он сказал: «Можете поклясться на Библии, Индуистской Гите или на любой религиозной книге».

Я сказал: «Они все наполнены ложью. Вы когда-нибудь заглядывали в них? Это так абсурдно — то, что клятву на истину приходится давать, держась за книгу, которая наполнена ложью.

И в-третьих: мне отвратительна сама идея клятвы, потому что подразумевается мое признание в том, что без клятвы я собираюсь лгать, что только под клятвой я скажу правду. Я не могу согласиться с таким приговором себе. Я говорю правду, какую чувствую своим собственным существом, а эти прогнившие книги тысячелетней давности... Я не уважаю ни одну из этих книг. Только люди вроде вас могут верить в эти непристойные — но названные святыми — книги. Но я готов соблюдать любую формальность.

Запомните: раз я дал клятву, держа святую книгу, которая наполнена ложью, я буду лгать беспросветно; я должен следовать книге. Сначала докажите, что в этих книгах заключается истина, сначала докажите, что вы достойны, называться «уважаемым сэром», и сначала убедите меня, что сама концепция клятвы не уродлива.

Это значит, что всю свою жизнь я лгал — только под клятвой я могу сказать правду. Вы же разумный человек; вы способны увидеть, что если человек может лгать всю свою жизнь, его клятва тоже может оказаться ложью. Кто помешает мне?»

Я сказал: «Я не принадлежу ни к какой религии, я не принадлежу ни к какому суеверию — все это как раз для вас».

Он тут же сказал: «Вызовите второго свидетеля».

Я сказал: «Нет, погодите, у меня все же есть одно дело. Храм принадлежит тем, кто молится там. Храм не просто участок земли, не жилище. Им не может владеть никто. Англиканская Церковь не имеет права владеть этой церковью. Церковь принадлежит тем, кто молится, медитирует там; они настоящие владельцы».

Его трясло. Он произнес: «Я выслушал вас, но вы подняли такой фундаментальный вопрос, что лучше... вызовите второго свидетеля!»

Этот мир так полон лицемерия. Ваши лидеры лгут беспрерывно. Никому не дают жить, но лгать...

И пусть смех и взаимное удовольствие сопутствуют сладости дружбы.

Но как? Вы разрушили даже человеческую способность улыбаться. И если вы хотите — а идея хороша, — тогда расскажите людям, как им воскресить свою жизнь, свой смех, свои совместные удовольствия.

Все религии против удовольствий. Никакая религия не призывала делиться, но: «Отдай бедному, потому что твоя прибыль будет более чем тысячекратной после смерти».

Это же чистый бизнес! Фактически, даже назвать это бизнесом нельзя — это спекуляция. Никакая церковь, никакая синагога, никакой храм не позволит людям смеяться, танцевать, петь. Вы подавили человеческий дух так сильно, что это уже почти труп.

Проблема Халиля Джебрана в том, что он — огромная интеллектуальная сила; все его изречения — от разума, но не от опыта. Если бы он говорил от своего собственного опыта, он дал бы ключи — как аннулировать все то, что века сделали с человеком.

Ибо в росе малостей сердце встречает свое утро и освежается.

Он пишет замечательные слова — но какая польза? Самое высокоразвитое на земле существо не может смеяться. Все религии учили: «Отрекись от мира». Вы должны отрицать то, чего вы хотите...

Ибо в росе малостей сердце встречает свое утро и освежается.

Никакая религия не позволяет вам удовольствие; никакая религия не позволяет вам смех; никакая религия не позволяет вам наслаждаться малостями жизни. Напротив, они осуждают каждую малость, незначительные вещи. А жизнь состоит из вещей незначительных.

Религии толкуют о Боге, но не о цветах; они толкуют о рае, но не о животворной пище; они толкуют о всевозможных удовольствиях на небесах, но не на земле. Земля — это наказание; вы были брошены на землю так же, как кого-то бросают в тюрьму.

Халиль Джебран велик в своих словах, но что-то от труса присутствует в его бессознательном. В противном случае, он должен был бы добавить: «Те, кто учат иначе, не ваши друзья, это ваши враги. Все религии — враги человека, все священники — враги человека, все правительства — враги человека». Но вы не обнаружите ни одного изречения в этом роде. Вот почему его уважают во всем мире — ведь он ни у кого не вызывал раздражения. Я говорю те же самые вещи, но заполняя промежутки, которые он упустил, изменяя слова, которых он не осознавал.

Он человек замечательный, но не отважный. Он все еще овца, не пастух; овца, не лев. Он должен был бы рычать как лев, потому что у него была способность. Но великий человек умер, а его книги даже не внесены Папой-поляком в черный список, чтобы никакой католик не читал эти книги.

Все мои книги в черном списке. Читать их — прямой и кратчайший путь в ад. На самом деле я очень счастлив, что все вы будете находиться со мной в аду. Мы трансформируем его в

небеса, и однажды вы обнаружите Бога, стучащегося в дверь со словами: «Впустите меня, пожалуйста. Мне докучают и утомляют всевозможные идиоты».

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

8. В САМОМ ЦЕНТРЕ БЕЗМОЛВИЯ

23 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом просил ученый: «Скажи о Речи».

И сказал он в ответ: «Вы прибегаете к словам, когда вы в разладе со своими мыслями;

И когда вы не можете долее обитать в одиночестве своего сердца, вы переселяетесь на уста, и звук становится отвлечением и забавой.

Во многих ваших речах мысль наполовину убита,

Ибо мысль — птица в пространстве, которая, хотя и может раскинуть крылья в клетке из слов, но не может взлететь.

Есть среди вас такие, что ищут многоречивого из страха перед одиночеством.

В безмолвии одиночества их глазам предстает их нагая суть, и они бегут прочь.

И есть такие, что невольно открывают в беседе истину, которой сами не понимают.

И есть такие, что хранят истину в себе, но не облачают ее в слова.

В сердце подобных им, обитает дух в размеренном безмолвии.

Где бы вы ни встретили друга — на обочине дороги или на рыночной площади, — пусть дух в вас движет вашими устами и повелевает языком,

Пусть голос вашего голоса говорит уху его уха;

Ибо его душа будет хранить истину вашего сердца так же, как вспоминается вкус вина,

Когда цвет забыт, и нет более сосуда».

Халиль Джебран, даже в своих наиболее глубоких изречениях всегда упускает несколько вещей, но те несколько вещей так существенны, что с их отсутствием теряется вся глубина. К тому же это показывает, что он не говорит от опыта.

Первая вещь: он всегда отвечает на вопрос так, будто вопрос был задан пустым небом. Человек, который знает, не отвечает на вопрос, он всегда отвечает вопрошающему. Но Халиль Джебран постоянно забывает вопрошающего.

Во-вторых, он никогда не движется глубже сердца, а сердце не является вашей подлинной сущностью. Точно так же, как вас окружает толстая стена мыслей, называемая умом, вас окружает и более тонкая, но все же очень прочная стена — порой даже прочней ваших мыслей, — стена из ваших чувств, эмоций, настроений. Пока вы не вышли за пределы обеих, каким бы замечательным ни было изречение, ему недостает жизни, недостает истины.

Потом просил ученый...

Ученые — это самые глупые люди в мире, потому что они не знают ничего, однако ведут себя так, будто знают все. Это те люди, которые живут заимствованным знанием — прогнившим знанием, устаревшим за века. Их головы полны, их сердца пусты, и они не знают ничего существенного.

Единственное знание, достойное называться знанием, — это опыт вашего сокровенного центра, центра циклона. Чувства, настроения, эмоции, — все это циклоны. Мысли, как бы украшены они ни были, — не что иное, как внешняя сторона циклона.

Ваша сущность совершенно тиха, безмолвна: там нет мысли, нет чувства, нет эмоции — чистая... Сама ее чистота так девственна... Что можно сказать о других? — даже вы не вступали в свою девственную душу.

Ученый — это коллекционер всевозможного хлама. Я встречал ученых почти всех религий, я встречал философов, преподающих в университетах, но все, что они говорят, только поверхность; лишь царапните немного, и вы узнаете их темноту, невежество. Потому-то они очень, очень обидчивы. Потому-то каждый день я продолжаю получать претензии от людей — их чувства задеты, их религии задеты. Истина никогда не задается — только ложь бывает задета, — потому что истина никогда не может быть разоблачена. Ложь можно разоблачить в любой миг...

Но они верят в ложь как в истину. Они не побеспокоятся даже взглянуть на корни и увидеть, настоящий ли у них розовый куст или что-то из пластика.

И они совершенно счастливы — по крайней мере, во внешнем мире, — потому что мир платит им уважением и продолжает осуществлять их эго. А поскольку их эго осуществляется, они набирают все больше и больше хлама.

В Джабалпуре был специальный базар, называемый воровским базаром, Чор Базар; там можно было достать что угодно, там продавалось все, что было украдено в Джабалпуре и соседних городах. Я был постоянным посетителем — особенно небольшой лавки, где обычно торговал старик. Обычно он продавал газеты, старые журналы, книги — краденые книги. Он не назначал цену на них, они продавались на вес: Шримад Бхагавадгита — один килограмм... Старик вскоре полюбил меня, потому что я был постоянным посетителем. Я сказал старику: «Вы, наверное, величайший ученый в мире». Он сказал: «Что вы? Я бедный человек. Я могу немного читать, но я не ученый».

Я сказал: «Но у вас столько хлама...» У него в лавке можно было найти все священные писания, все великие романы, книги обладателей Нобелевской премии. Я вспоминаю его сегодня, потому что получил «Пророка» из его книжной лавки всего за две анны — такой оказалась цена, ведь книга небольшая и весит не много.

Я сказал: «Я говорю, что вы величайший ученый, потому что ваша лавка — не что иное, как увеличенный ум ученого». Он нагружен знаниями — и не знает ничего. А если вы спрашиваете его — вы задаете его; если вы поспорите с его знаниями, он поведет вас в суд.

Что за странный мир мы создали? Чтобы быть ученым, вам не требуется никакого разума, только механическая память; разум — это совершенно иной феномен. Ученый может ответить только на тот вопрос, который заложен ему в память, в его биокомпьютер. Иногда компьютеры даже более разумны.

Кстати о компьютере... Один человек был очень изумлен, услышав о чудесах, которые может совершать компьютер. Он сказал: «Мне хотелось бы проверить это. Не могу поверить, что машина может отвечать на вопросы».

Поэтому он отправился на центральную станцию, где был доступ к самому большому и хитроумному компьютеру, и спросил: «Можешь ты сказать мне, где мой отец?»

Компьютер помолчал, а потом произнес: «Твой отец? Вот уже почти пять лет как он умер». Человек рассмеялся. Он сказал: «Я знал с самого начала, что все это ерунда! Мой отец ушел на рыбалку. Только что я оставил его на берегу реки и пришел сюда, а ты говоришь, что мой отец вот уже пять лет как умер!»

Когда компьютер громко засмеялся, он не мог поверить в это. Он сказал: «Боже мой, ты тоже можешь смеяться!»

Компьютер произнес: «Почему бы нет? — ведь тот человек, которого ты оставил в лодке, не твой отец; он только муж твоей матери».

Он был совсем ошарашен — столько людей слышали это. Все учреждение поняло: «Это незаконнорожденный. Этот человек считал отцом всего лишь мужа своей матери, его же настоящий отец вот уже пять лет как умер».

Даже такого разума вам не найти в ученом. Спрашивайте только то, что вложено в его биокомпьютер. Он может повторить вопрос, он может дать ответ, но если возникнет что-то новое, что не было заложено в его память, он абсолютно беспомощен. Разум — это совершенно иная материя. Это ваша готовность встречать новую ситуацию и раскрывать пути и способы поведения в ней.

Эта страна знала величайших ученых мира за десять тысяч лет, но каков их вклад? Никакого вклада. Они способны лишь повторять то, что для них повторяли другие.

Ситуации все меняются, жизнь несет новые проблемы, новые вопросы. Но эти ученые — все продолжают кое-как давать старые ответы, совершенно не касающиеся реальной ситуации, о которой идет речь; а ведь за десять тысяч лет разума... эта страна могла стать настоящим раем, не воображаемым, а реальным. Но, наоборот, эта страна становится адом. А кто в ответе? — все ваши ученые. Память дешева — даже у идиотов она есть.

Разуму нужны невероятные усилия, — чтобы войти в ваше одиночество, во тьму, и разыскать центр вашей жизни. Как только вы обнаруживаете этот центр, тотчас пробуждается что-то спавшее. Мы назвали такого пробужденного человека настоящим и подлинным человеком. Мы назвали его *Джина*, потому что он победил себя. Мы назвали его Будда, потому что он просветлен. Мы назвали его провидцем, потому что сейчас — только сейчас, впервые — у него появились глаза; до сих пор он был слепцом.

Альмустафа сделал бы лучше, если бы слегка стукнул того ученого и обратил внимание на скудность его вопроса.

Потом просил ученый: «Скажи о Речи...»

Только попугай может задать такой вопрос. Речь? — разве ученый дитя, которое не знает, как разговаривать? Альмустафа не сказал: «Ваш вопрос глуп, а вы сами — ученый идиот». Он начал отвечать ему. Он не уделяет никакого внимания вопрошающему. И я говорю вам снова и снова: если вопрошающий не удовлетворен, в ответе на вопрос не много пользы, потому что вопрос возникает из вопрошающего и его невежества. Сначала вам надо зажечь свечу в его существе, быть может, тогда он будет способен понять то, что вы собираетесь сказать. Это не пустяк, это самое важное.

Вот почему самые глубокие утверждения Халиля Джебрана читались миллионами людей просто как поэзия: никто и не подумал, что в этом есть хоть какая-то истина. Да, каждый говорил, что в том, как он высказывается, есть своя собственная красота — его слова так поэтичны и так музыкальны. Но это то же, что говорить о красоте женщины, рассказывая о ее одежде: «Вы очень красивы: ваши одежды так прекрасны, у вас такие ценные украшения» — вы и не упоминаете о ее глазах, ее лице, вы не упоминаете о теплоте ее тела, не упоминаете о любви, которая окружает ее. Она начнет капризничать: «Ты, оказывается, торговец одеждой или золотых дел мастер! Я не одежда и не украшения. Ты не упомянул ничего, что принадлежит мне».

Вы прибегаете к словам, когда вы в разладе со своими мыслями...

Это не обязательно так. *Вы прибегаете к словам, когда вы в разладе со своими мыслями.* Зачем вам говорить — и о чем вы собираетесь говорить, — когда все ваши мысли мирно и крепко спят? Мне хочется сказать вам: вы говорите, или вы способны говорить, когда ваш ум совершенно перестает нарушать ваше сознание — но это не обязательно. Если вы хотите неприятностей — говорите. Если хотите оставаться мирными, тихими и довольными — замолчите. В этом безумном мире высказывать что-либо истинное, означает бросить вызов всем идиотам, ведь их ложь разоблачается. Но дело даже не в том, чтобы быть в мире со своими мыслями.

Мысли никогда не бывают мирными.

Либо они есть, либо их нет.

Он противоречит сам себе. Возможно, у него и есть некоторые далекие прозрения в истину, ему не вполне ясные. Его слова... мир со своими мыслями... Либо у вас мысли, либо у вас мир; потому что мысли — это лишь беспокойство в вашем сознании.

Вы прибегаете к словам, когда вы в разладе со своими мыслями;

И когда вы не можете долее обитать в одиночестве своего сердца, вы переселяетесь...

Почему люди хотят разговаривать? Все на свете говорят. Я слышал, что только однажды, давным-давно, на одну минуту все говорящие на земле остановились, потому что пророк объявил: «Если вы хотите услышать Бога... на одну минуту, когда солнце будет точно в зените, пройдет половину пути, как только ваши часы начнут бить двенадцать, на одну минуту остановитесь... если вы хотите услышать Бога».

Это древняя история о Чжуан-цзы, имя которого носит эта аудитория. Я люблю многих-многих людей, но Чжуан-цзы стоит особняком — как класс, категория сам по себе. Он был действительно великим святым мошенником. Я люблю его не за то, что он был святым, — святые по одной рупии за дюжину, — а за то, что он был святым мошенником: это редкая, очень редкая комбинация.

Так как Чжуан-цзы уважали по всему Китаю, люди поверили ему, и на мгновение стало тихо на всей земле. Никто не услышал Бога — потому что Бога нет. Но никто не выразил недовольства. У истории такой прекрасный смысл. Никто не посетовал: «Ты обманывал нас, зря растратил наше время — целую минуту. Мы могли бы покурить сигареты, пожевать резинку или поговорить о замечательных вещах; ты остановил нас на одну минуту». Но никто не пришел жаловаться ему. Он сам спросил людей: «Вы разочарованы во мне?»

Они сказали: «Нет. В тот миг, когда мы замолчали, мы услышали очень тихий, незаметный голос в своем собственном сердце, в своем собственном существе. Мы пришли выразить тебе нашу благодарность и коснуться твоих стоп, потому что мы бы ни за что не остановились — даже на минуту — и никогда бы не смогли обнаружить, что Бог не в небесах, а внутри нашего собственного существа».

Но Он не кричит, Он шепчет — как влюбленные шепчут друг другу, как секреты передаются шепотом из уст одного в ухо другому.

Говорят, что если вы хотите, чтобы ваша жена послушала то, что вы скажете, не говорите это громко; шепните кому-то, и она услышит это наверняка. Сам шепот делает ясным, что от нее что-то скрывают, что-то сохраняют в секрете, ее не включают в это. Но если вы разговариваете громко, никакая жена не слушает: это обыденный ритуал...

Я был в Калькутте и должен был попасть на встречу — терпеть не могу опаздывать. Муж, подвозивший меня, сигнализировал своей жене выходить. Все слышали сигналы его гудка: «Он что, с ума сошел? Машина стоит, впереди никого — зачем он сигнализирует?» Тут его жена открыла окно и сказала: «Я говорила тебе, по крайней мере, тысячу раз, что буду через минуту, а ты продолжаешь сигнализировать своим гудком. Продолжай — но мне нужно время. Я выйду через минуту!»

Я сказал: «Боже мой, она ведь не может произнести «через минуту» тысячу раз!»

Муж сказал: «Вам не понять; вы не муж».

Я сказал: «Я не муж из-за таких людей, как вы. Видя положение мужей вокруг себя, я решил, что лучше не быть мужем, чем оставаться в постоянном аду».

Альмустафа говорит: *Вы прибегаете к словам, когда вы в разладе со своими мыслями.* Здесь есть и другое значение. Я дал вам то значение, которое захотел, но вы должны знать и о другом значении. Он говорит: «Когда вы вовлечены в свои мысли, вы не можете остаться молчаливыми».

Вы настолько привыкли к непрерывному разговору внутри своего ума. Что же еще такое ваш ум? — большее время говорящая машина, граммофон, у которого иголка соскакивает в определенной точке, так что вы продолжаете снова и снова: каждый день тот же ритуал, ту же мысль, тот же страх — и каждый раз с одной и той же точки.

Он говорит, что вы разговариваете только тогда, когда ваши мысли не подвластны вам. Когда ваши мысли не играют в футбол в вашем уме, то вы начинаете играть в футбол с кем-то другим. Что такое ваш разговор? — просто футбольный матч, швыряние слов друг другу. Никто не слушает. Разве вы слушали кого-нибудь? Вы только подхватываете какое-то слово, с которого можете начать разговор, — вы не слушаете, что он говорит. А он ожидает лишь из вежливости, ища подходящее слово, с которого он может начать снова. Это и называется разговором — просто футбольный матч.

Альмустафа прав, что молчаливый человек будет наслаждаться своим молчанием. Но вы не можете помолчать даже несколько минут; вы должны заниматься чем-то. Раньше я жил у друга, который ни на миг не мог успокоиться ни умом, ни телом; он ерзал, метался и вертелся. Я спросил: «Какой это йоге ты научился? Я проходил Патанджали и все другие йогические писания, и никогда не сталкивался с упражнением, которое выполняешь ты».

Он всегда искал кого-то, чтобы начать разговор. Люди, которые заходили ко мне, начали спрашивать: «Это хозяин дома? Тогда мы не придем больше; он ловит нас прямо в воротах. Он хватает нас за руки, так чтобы мы не убежали — это выглядит очень странно, — и принимается говорить обо всякой всячине. Мы все время повторяем: «Мы пришли встретиться с вашим гостем». — А он в ответ: «Сначала встретьтесь с хозяином. Это цена, которую вы должны уплатить». Так что сообщите нам, когда его не будет дома, тогда мы придем; в противном случае встречайте нас в саду поблизости, а он пусть поджидает в воротах».

Я не раз спрашивал его: «Ты не был американцем в своем прошлом рождении?»

Он говорил: «Почему ты говоришь так?» — Потому что курение сигарет заменяет разговор, когда у вас нет никого другого; жевательная резинка заменяет болтовню, когда у вас нет никого другого. По крайней мере, жевательная резинка дает предлог открывать рот и закрывать рот, открывать рот и закрывать рот... Без жевательной резинки тоже можно это делать, но выглядеть будет очень нелепо...

И когда вы не можете долее обитать в одиночестве своего сердца, вы переселяетесь на уста, и звук становится отвлечением и забавой.

Когда вы неспособны, жить молча, вся ваша жизнь концентрируется у вас на устах. Это отвлечение и забава, ничего больше. Вы убиваете свое время и вы убиваете время других; это самообман, которого вы даже не осознаете.

Во многих ваших речах мысль наполовину убита.

Мышлению необходимо уединение, одиночество, чтобы вы могли понять все здраво. Но вы непрерывно убиваете свое мышление, потому что вся ваша энергия тратится в разговоре. И люди разговаривают не думая — о чем они могут говорить? Они повторяют газету, которую прочитали, они повторяют слова о драке, которая была в их жилище. Все это чепуха.

Альмустафа говорит, что мышление должно исходить из созерцания; но для созерцания нужно, чтобы вы постарались замолчать. Созерцание — не самая великая вещь в вашей жизни. Медитация выше, чем созерцание.

Так что есть три слоя внутри вас: разговор, которым наполовину убито ваше мышление; созерцание, которое может давать вам новые прозрения, но и они тоже, раньше или позже, будут обращены в мысли; медитация, которая ведет вас за пределы, в самый центр безмолвия и уединения. Мышление не рождается из нее.

Человек медитации *может* разговаривать, потому что для него ум становится слугой; он

может пользоваться им, как любой машиной.

Обычно ситуация прямо противоположна: ум становится вашим господином и заполняет все ваше внутреннее пространство мыслями. Даже созерцание трудно, а о медитации вы и не слышали.

Ибо мысль — птица в пространстве, которая хотя и может раскинуть крылья в клетке из слов, но не может взлететь.

Ибо мысль — птица в пространстве... Это огромное прозрение: только сейчас наука начинает понимать, что мысли — лишь определенные вибрации, движущиеся в пространстве. Если у вас есть подходящий инструмент, чтобы схватить их, вы можете схватить их. Но слова становятся клетками... *которая хотя и может раскинуть крылья в клетке из слов, но не может взлететь...* Вы, должно быть, видели клетки из слов.

Я навещал одного из великих борцов за свободу. Он путешествовал по всему свету много раз; это был очень уважаемый человек, очень богатый. Он стал единственным, после Уинстона Черчилля, постоянным членом Парламента шестьдесят лет без перерыва. Из каждой страны он обычно привозил птиц — он любил их, а поскольку он был богат, то клетки были самыми замечательными. Но я сказал ему: «Вы обманываете себя, будто любите этих птиц. Если вы любите их, откройте двери, пусть они летят, потому что любовь всегда дает свободу. Какая угодно любовь, которая становится тюремным заключением, это не любовь, а ненависть». Он был ошеломлен.

На следующее утро он пришел ко мне и сказал: «Наверное вы правы. Я не люблю птиц, я просто люблю украшать свой сад и свой дворец». Его дом назывался дворцом, его отец служил Британскому правительству, и Британское правительство пожаловало ему титул Раджи, короля. Потому и его дом — он был величественным — прозвали с той поры «Дворцом Раджи Гокулдаса» — так звали его отца.

Я сказал: «Вы просто любите свое эго».

Он сказал: «Пойдемте со мной... помогите мне освободить всех тех птиц». И было такой радостью видеть, как те птицы снова раскрывали на просторе свои крылья и исчезали в небе.

Я сказал: «Это даст вам какое-то понятие о любви: она никогда не посадит никого в клетку, она дает только свободу».

Есть среди вас такие, что ищут многоречивого из страха перед одиночеством.

Вы продолжаете болтать с друзьями по простой причине: вы боитесь оставаться сами. Я видел людей, разговаривающих даже с самими собой. В моей деревне, совсем рядом с моим домом, была темная улица, и я сумел пустить слух по всему городу, что там полно привидений, — просто чтобы в моем доме была полная тишина, чтобы, по крайней мере, ночью никто не ходил мимо. Почти девяносто девять процентов людей так не ходили.

Там проживало несколько священников, они не верили слухам. Не то чтобы совсем не верили — кто знает, быть может, привидения есть... Но они уже долго жили там до того, как этот мальчик распустил по городу слух... Им не пристало верить детским слухам; и вот они стали декламировать мантры: «Харе Кришна! Харе Рама!» — и пробегать быстрее. Я был изумлен: «Вот странно. Почему они выкрикивают свои мантры? Днем они не выкрикивают их».

Говорение создает чувство, что есть кто-то другой рядом с вами, потому что вы всегда говорите кому-то другому; это глубокая ассоциация.

Я действительно остановил одного человека — просто небольшой бамбуковой палкой. Улица была очень тесной, там был проход только для двух-трех человек, и проходящие создавали шума больше, чем все люди за пределами улицы. Поэтому я использовал простую стратегию. Я просто взял бамбуковую трость и привязал ее к деревьям с одной и с другой стороны, и когда проходил священник: «Харе Кришна! Харе Рама!» — ... хлоп. Он убежал со

словами: «Боже мой, мальчишка прав!» Они даже не отважились посмотреть и убедиться, что им помешала всего лишь бамбуковая трость. Так священники тоже перестали ходить... это было немного утомительно для них, им приходилось идти почти полмили к своему дому, чтобы избежать той улицы — а она была кратчайшей.

Улица стала такой тихой и спокойной, что я начал медитировать там. Ночь приходила на улицу так священно — ни в каком храме нет такой тишины. С тех пор я просиживал там часами поздней ночью, и те священники распустили еще один слух: следует опасаться не только привидений: этот мальчик тоже в сговоре с привидениями — мы видели его, сидящего там часами. Мы не можем пройти по улице, а он сидит там, и никакое привидение не трогает его.

И люди стали спрашивать меня... Даже директор школы спросил меня: «Я слышал много слухов: сперва я услышал, что вся улица полна привидений, а теперь слышу, что никто не ходит там после захода солнца, но тебя видели сидящим там среди ночи. Так в чем же здесь секрет?»

Я спросил: «А вы способны хранить секрет при себе? — потому что это опасный секрет. Если вы проболтаетесь об этом кому-нибудь, то я ни при чем, я не смогу помочь вам. Те привидения...»

Он сказал: «Храни его при себе, потому что это одна из самых трудных вещей в жизни — сохранять секрет. Соблазнительно рассказать его кому-то, поделиться им».

Я сказал: «Выбор за вами. Я согласен рассказать вам, но тогда я вне игры; тогда привидения и вы в прямом контакте».

Он сказал: «Я не хочу этого! Сегодня я уже спросил тебя... сожалею и прошу прощения. Никогда ни в коем случае не открывай мне секрет. Не говори никому; держи его при себе. Это твое дело — зачем мне ввязываться в него? Мне не нужно проходить той дорогой, я живу на другой улице. Я спрашивал просто из любопытства».

Я сказал: «Готов удовлетворить ваше любопытство. Но коль секрет раскрыт... Контакт между мною и привидениями заключается в том, что если я говорю кому-то об этом, тогда они займутся им. Я не могу поделаться ничем, я не могу помешать — я беспомощен».

Он сказал: «Ступай себе, и даже если ты сделаешь какую-то шалость, вроде тех, что ты непрерывно вытворяешь в школе, — редкий день проходит, чтобы твои учителя не прислали тебя ко мне, — я дам указание, что этого мальчика не следует присылать ко мне; ведь если однажды он откроет свой рот... Очень трудно хранить секрет, я могу понять. А ты так юн, ты можешь открыть секрет, и тогда со мной покончено. У меня есть дети, жена, старик отец, старушка мать. Будь сострадательным!»

Я сказал: «Хорошо... это еще один контракт между мной и вами: никакой учитель не должен присылать меня к директору».

Он сказал: «Согласен».

Я сказал: «Вот так я заключаю контракты».

И всякий раз, когда какой-нибудь учитель говорил: «Если ты будешь вытворять такие шалости...» — Это не были шалости, обычные вещи, но люди, которые находятся у власти, всегда начеку — один кирпич достаточно вынуть из их власти, и все сооружение может рухнуть.

Однажды я просто привел осла в класс. Это не было шалостью, я сказал учителю: «Этот старина хочет записаться. Я внесу плату за его обучение».

Учитель сказал: «Я еще никогда не видел подобного мальчишки — и этот осел...»

Я сказал: «Вы обучаете столько ослов, вас тоже обучали; кто же вы? — просто осел».

Он сказал: «Это уже слишком. Я отправлю тебя к директору».

Я сказал: «Я готов, мой осел готов. Верхом на осле я отправлюсь к директору. Но помните, он разослал приказ всем учителям, чтобы меня не присылали к нему. А вы посылаете не только меня самого, но и моего осла. У вас будут неприятности!»

Он сказал: «Подожди! Не изводи меня, пусть осел уйдет, ведь меня назначили только временно. Если директор рассердится на меня — а он непременно рассердится, когда ты въедешь к нему на осле, — моей службе придет конец. Меня еще не утвердили».

Поэтому я попросил: «Ладно, когда вас утвердят, пожалуйста, сообщите мне. Это контракт».

Он сказал: «Ты странная личность. Ты продолжаешь заключать контракты с каждым — односторонние контракты».

Я сказал: «Этот не односторонний. Я спасаю ваших детей, вашу жену, вашу мать, вашего старого отца. А что вы даете взамен? Это просто из сострадания. Если вы обнаружите или посчитаете, что я занимаюсь какими-то шалостями, проигнорируйте это; в противном случае осел вернется».

А этот осел — не обычный осел. Он жил совсем рядом, это был осел мойщика, который обычно стирал нашу одежду, поэтому он приезжал каждый день. Мойщик обычно собирал одежду, а я в это время разговаривал с ослом. Мало-помалу мы сделались самыми близкими друзьями. Если я просто подам ему знак «входи» — он войдет; а если я говорю: «Выйди» — он выходит. «Так вот, — сказал я, — это не обычный осел. Он очень умен. Хотите увидеть?»

Он спросил: «Умный осел?»

Я сказал: «А что вы думаете о себе? Просто из-за того, что он не может говорить — невинный бессловесный парень, — вы думаете, что у него нет разума?»

Я сказал: «Войди!» — он тут же вошел. Я добавил: «Он даже понимает английский, — и говорю: Ладно, можешь идти». Он вышел.

Тут учитель сказал: «Ладно, контракт заключен. Сколько же у тебя контрактов, и как ты их запоминаешь?»

Я сказал: «У меня с собой записная книжка. Каждый контракт записан там, и лицо, с которым у меня контракт, должно расписаться там, потому что я не верю словесным заверениям. Вот ваш контракт — подпишитесь».

Он сказал: «Это странно. Если ты покажешь это кому-нибудь, подумают, что я тоже осел».

Я сказал: «Вопрос не в том, что думает кто-то, — есть вы! Так что просто подпишите это; иначе я иду к директору. Мне вызвать моего осла?»

Он сказал: «Нет, обожди!» — и быстро подписался.

А я сказал: «Напишите собственной рукой: "Этот контракт будет сохранять силу, пока я жив"».

Он спросил: «Ты имеешь в виду — даже когда я оставлю эту школу и буду работать где-то еще?»

Я сказал: «Не имеет значения, где вы. Раз контракт со мной подписан, он подписан до тех пор, пока смерть не разлучит нас».

Он сказал: «Ладно».

Где-то у кого-то хранится тот дневник, в котором все еще записаны все контракты, которые я заключил. Это исторический документ против всего человечества, он говорит: «Что у вас за люди?»

Есть среди вас такие, что ищут многоречивого из страха перед одиночеством.

Вы говорите не потому, что должны сообщить нечто, вы говорите не потому, что разговор обогащает личность, вы говорите не потому, что хотите какой-то близости и дружбы; вы убиваете разговором личное время другого человека просто из страха оказаться в одиночестве.

Каждая женщина знает это; всякий раз как муж гневается, она швыряет свои ключи и говорит: «Я уйду!» — и немедленно весь гнев исчезает. «Я уйду к своим отцу и матери!» — а мужчина прекрасно знает, что ему не прожить одному. Эта женщина — постоянное ярмо на

шее, но что поделаешь? В этом удел мужчины, и не бывает лекарства от этого. Вы слышали о каком-нибудь лекарстве, которое помогает от ярма на шее? От головной боли есть лекарства, ярмо на шее — психологический феномен, никакое лекарство не поможет.

Поэтому жена возвращается, а вы приходите с мороженым и цветами — возможно. Я говорю «возможно», потому что это зависит от людей. Некоторые женщины обрадуются, что вы заботитесь о них, а некоторые станут подозревать: здесь что-то готовится — зачем он принес мороженое? Лишь бы скрыть какую-то вину? Он был у какой-то другой женщины? Часто бывает, что когда мужчина интересуется какой-то другой женщиной, его мучит совесть. Чтобы очистить ее, он и приходит с конфетами, мороженым, цветами, обновками для жены, шоколадками для детей.

Но каждая умная женщина может сказать: «Ты никогда не приходил с такими вещами. И вдруг сегодня — не Рождество, не индуистский фестиваль Дивали — в чем особая причина, чтобы тратить наши деньги? Это даже не дата получения твоей зарплаты; ты, наверное, принес все эти вещи, заняв деньги у кого-то, ведь это конец месяца, так что не пытайся обманывать меня!» Поэтому от каждой женщины и каждого мужчины зависит, каким будет результат. Но одно несомненно: никто не хочет быть одиноким.

А быть одиноким — величайший дар сущего. Это по бедности своей и своего сознания человек разрушает величайший дар, потому что только в вашем одиночестве вы можете расцвести, можете обнаружить источник своей жизни, который также и свет, который также и смех.

В безмолвии одиночества их глазам предстает их нагая суть, и они бегут прочь.

Разговаривать, смотреть кино, сидеть перед телевизором — это поможет вам только в одном. Все это алкоголь, наркотики, понимаете вы это или нет, потому что их функция одна и та же. Люди пьют алкоголь, чтобы забыть свое уродство, свою зависть, свою тревогу, свое соревнование, свою посредственность, свою жадность — это долгий список. Чтобы забыть все это, они пьют; чтобы забыть все это, они говорят, они занимаются разговором. Естественно, их ум не может делать обе вещи одновременно.

И есть такие, что невольно открывают в беседе истину, которой сами не понимают.

Они говорят что-то заимствованное, что-то такое, обо что они случайно споткнулись; они даже не понимают того, что это истина. Вы можете споткнуться об алмаз на дороге, но если ювелир не огранит его, не придаст ему форму и как можно больше аспектов, вы будете не в состоянии узнать, что это подлинный алмаз. Может быть, вы и подумаете, что это хороший камень — самое большее. Или, возможно, отшвырнете его с дороги, ведь кто-то еще может споткнуться.

И есть такие, что невольно открывают в беседе истину, которой сами не понимают.

Не то чтобы вы были первым в мире, кто находит истину; ее находили снова и снова тысячи людей, она бывала выражена разными способами, разными людьми. Вы можете споткнуться об нее, вы можете начать говорить о ней, но вы не знаете, о чем говорите; вы также не в состоянии объяснить ее человеку, который слушает вас.

И есть такие, что хранят истину в себе, но не облачают ее в слова.

Это мистики. Они постигли ее, осознав к тому же, что невозможно передать ее словами; поэтому они остаются молчаливыми.

В сердце подобных им обитает дух в размеренном безмолвии.

Эти люди и есть сама соль земли; но поскольку они остаются молчаливыми, они мало помогут восходу, пробуждению тех, кто спит. Они проснулись, но их совсем не интересует то, что весь мир спит. Они не будут толкать вас, они не будут встряхивать вас, они не будут брызгать холодной водой вам в глаза. Они нашли истину, но они не те люди, которые готовы

жертвовать собой ради найденной истины. Стало быть, тут есть одна категория, даже выше мистиков, которую Халиль Джебран совершенно забывает, — а возможно не осознает — категория мастеров, которые *являются* мистиками.

Что касается их собственного роста, мистики достигли высочайшей вершины; но, похоже, это холодные души — они не заботятся о других, тех, кто ведет борьбу в темноте, в блужданиях и поиске и чья жизнь состоит только из страданий.

Мастер — это мистик, который знает: выразить истину очень трудно, но он делает все возможное — даже когда его распинают, побивают камнями, отравляют.

Я мог бы молчать — не было приказа полицейского комиссара: «Вам можно говорить в течение тридцати минут!» — но не вижу смысла. Если я не буду высказываться, если буду жить на земле, которая уже чересчур переполнена, уже битком набита... Если я увидел это, значит, это каждый способен увидеть.

Это естественно, что если вы потревожите кого-то во сне, он обязательно рассердится. Поэтому, что бы ни происходило со мной — всевозможные беспокойства от религий, от правительств, от полицейских офицеров, от обычных идиотов всех религий, — я не обвиняю их. Это на моей собственной ответственности.

То, что они делают, просто показывает их раздражение: «Мы спали так тихо, быть может, мы видели прекрасный сон, голую девушку из журнала «Плэйбой», а этот человек приходит и начинает будить нас».

Днем люди не позволяют себе... Даже журналы «Плэйбой» или журналы «Плэйгерл» и порнография такого типа продается из-под прилавка, потому что стыдно даже продавцу, стыдно покупателю, и каждый стоящий рядом может разнести новость, что такой-то профессор, такой-то доктор, такой-то инженер покупал порнографический журнал. И они прячут все те журналы в свои Библии, в свои Бхагавадгиты, в свои Рамаяны — чтобы дома никто не знал, ведь никто не касается этих книг. Библии, Гиты, Кораны... — никто к этим книгам не прикасается.

Случилось так. Человек, который обычно продавал энциклопедии, постучался в дверь. Женщина открыла дверь дома и сразу сказала: «У нас очень хорошая энциклопедия. Видите — вон там, на столе, так что, пожалуйста, не беспокойте нас больше».

Человек взглянул на стол и сказал: «Это не энциклопедия, это Святая Библия».

Женщина спросила: «Вы, похоже, волшебник. Так издалека, как вы увидели, что это Святая Библия?»

Он сказал: «Пыль на ней — достаточное доказательство, что никто никогда не касается ее».

Это неприкасаемые книги; все ваши святые книги неприкасаемы. Они просто собирают пыль.

Так что если вы тревожите чей-то сон, естественно, спящий рассердится; одним словом, у меня нет недовольства, против кого бы то ни было. Просто время от времени я думаю: не лучше ли было бы не связываться с этим безумным человечеством? Но теперь уже слишком поздно. Теперь я намерен говорить все жестче и жестче и задевать возможно больше людей.

Я попросил моего юрисконсульта, Татхагата, который сейчас тут: «Добудь для меня разрешение идти прямо в суды и бороться по делам». Зачем беспокоить адвокатов и разбазаривать деньги? Я могу бороться гораздо лучше сам.

Я намерен бороться до самого последнего своего дыхания, потому что я все еще верю в эту безбрежную океанскую толпу человечества: там должно быть несколько людей, которые извлекут пользу, а терять мне нечего. Особенно для людей, которые собрались вокруг меня, — ради них я должен говорить. И я должен говорить для нового человека, который обязательно родится, нового человечества и новой земли. Любая жертва ничтожна по сравнению с грядущими поколениями.

Мне хочется стать демаркационной линией между прошлым и будущим.

Где бы вы ни встретили друга — на обочине дороги или на рыночной площади, — пусть дух в вас движет вашими устами и повелевает языком.

Но не без движения вашего духа... Если следовать этому простому изречению, весь мир опустится в глубокую тишину. У вас есть что сказать?

Это не движение вашего духа, а всего лишь пустячные мысли, собравшиеся в голове.

Пусть голос вашего голоса говорит уху его уха.

Он говорит: *Пусть голос вашего голоса...* потому что есть голос, который будет слышен снаружи. Но прежде чем услышать снаружи, вы слышите голос внутри. То, что вы слышите внутри, в глубочайших частях своего существа, — только это и достойно быть сказанным; что касается услышанного только наружными ушами — в этом нет никакой пользы. Пока вы не услышите ухом, которое скрыто внутри уха и которое напрямую связано с вашим существом... У всех ваших чувств есть две стороны: одна — это корни, что уходят внутрь, а другая — ветви, ствол и листва, что выходят наружу. Если вы не имеете корней — пожалуйста, не разговаривайте: дерево мертво или, может быть, сделано из пластика.

Говорите изнутри, пользуйтесь голосом, который может вынести на своих крыльях наружу. И так же должно быть при слушании: не просто слышать — пусть это достигнет самих корней вашего существа. Только тогда есть сопричастие.

Где бы вы ни встретили друга — на обочине дороги или на рыночной площади, — пусть дух в вас движет вашими устами и повелевает языком.

Пусть голос вашего голоса говорит уху его уха;

Ибо его душа будет хранить истину вашего сердца так же, как вспоминается вкус вина.

Вы, наверное, слышали о людях, которые, завязав глаза, пробуют вино и могут определить его состав, год производства и из какой оно страны — просто пробуя его; они помнят вкус. Я слышал, что один человек вошел в пивную и сказал: «Я вызываю всех пьющих здесь, вот тысяча долларов. Завяжите мне глаза и дайте любой сорт вина, а я буду говорить вам название вина, название фабрики, страну и год. Если я ошибусь — эта тысяча долларов ваша; но если я преуспею, тогда тот, кто принимает вызов и подносит мне вино, кладет тысячу долларов сверху, так что ставка становится все больше — две тысячи долларов, потом три тысячи долларов, пять тысяч долларов...»

Все были возбуждены: вызов стоило принять. Человек, похоже, был безумным, потому что сказать год, страну, название вина, название изготовителя... такая сложная задача — просто пробуя вино. Но человек все выигрывал и выигрывал. Проиграло десять человек, и выросла куча из одиннадцати тысяч долларов.

Снова этот человек взял чашу, попробовал, удивился на миг, попробовал еще раз, а затем снял повязку. Он сказал: «Кто это сделал? Это же человеческая моча, это не вино». И кто-то в толпе сказал: «Но скажи нам

чья, иначе ты проиграл. Она свежая, о дате не беспокойся, — скажи только чья».

Но существуют и такие специалисты: если бы Морарджи Десай был там, он бы рассказал, была ли она свежей или не очень; он бы рассказал, принадлежит ли она индуисту или мусульманину, царской семье или какому-нибудь шудре, гандисту или противоречивому человеку — Бхагвану Шри Раджнишу.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

9. ЭТОТ МИГ... - ЕДИНСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

2 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

И спросил астроном: «Мастер, а как же Время?»

И он ответил: «Вы хотите отмерять время безмерное и неизмеримое.

Вы хотите приспособить свое поведение и дух свой подчинить часам и временам года.

Из времени вы хотите сделать ручей, чтобы сесть на берегу и следить за его течением.

Но вневременное в вас осознает вневременность жизни,

И знает, что вчерашний день — лишь память сегодняшнего, а завтрашний — его мечта.

И то, что поет и мыслит в вас, все еще пребывает в том первом мгновении, которое рассыпало звезды в пространстве.

Кто из вас не чувствует, что сила его любви беспредельна?

Но кто при этом не чувствует, что сама любовь, хотя и беспредельна, заключена в центр его естества, а не тянется вереницей любовных мыслей и деяний?

И разве время не подобно любви — неделимой и неизмеримой? Но если в своих мыслях вы должны отмерять время по временам года, пусть каждое из них объемлет все другие.

И да обнимет сегодняшний день: прошедшее — памятью, будущее — страстным влечением!"

Халиль Джебран — сам по себе категория. Но вот что самое поразительное в нем и самое таинственное: бывают моменты, когда он кажется мистиком высшего порядка — Гаутама Будда, Иисус, Сократ, — а в другое время мистик исчезает. Остается только поэт, который поет прекрасные, но бессодержательные песни, который говорит золотыми словами, но в тех словах нет ни подлинного опыта, ни экзистенциального вкуса.

Очень трудно обычному человеку провести различие — когда Халиль Джебран мистик, а когда он просто поэт. Порой, когда он просто поэт, он кажется еще прекрасней. Он рожден поэтом; он как река, которая временами становится совсем мелкой, — но когда река мельчает, она поет песни. А временами река становится очень глубокой — но тогда есть лишь молчание.

Сегодняшние изречения были бы совершенно естественными в устах Гераклита, Чжуан-цзы или Нагарджуны. Не было бы странным, если бы Будда высказал эти слова.

Поражает, что, хотя Халиль Джебран еще не пробужденный человек, он все же каким-то удивительным образом говорит о тех глубинах и тех вершинах, которых достигает только просветленный. Вот почему я говорю, что он сам по себе категория — странная смесь мистика и поэта.

Как поэт, величайший мистик будет выглядеть бедно по сравнению с Халилем Джебраном; но как мистик, Халиль Джебран, лишь временами разворачивает свои крылья в открытом небе и достигает безграничного, беспредельного — без всякого страха, без оглядки.

В его душе присутствуют оба, поэт и мистик, — он самый богатый человек. Поэт пробужден чаще, мистик — временами, но их смесь создала новую категорию, к которой принадлежит только еще один человек — Рабиндранат Тагор. Мне известны только эти двое из этой странной категории.

Мы собираемся обсуждать изречения огромной глубины и самый таинственный предмет — время. Мы все полагаем, что время нам известно; мы считаем его само собой разумеющимся.

Бывают люди, которые играют в карты, ходят в кино, а если вы спросите их: «Что вы делаете?» — они не колеблясь, скажут: «Убиваем время». Они не знают, что такое время.

Испокон веков тысячи философов думали и размышляли на эту тему, но ничего существенного не попало в руки человечества. Однако здесь не утверждения философа, здесь слова поэта, знающего красоту языка.

Время от времени, когда его мистик немного пробужден, открывается окно в неведомое. Он улавливает проблеск, и он достаточно красноречив, чтобы перевести этот проблеск в слова, выразить его такими словами, что, пожалуй, ему и самому не объяснить, что же это означает.

Однажды было так. Профессор английского в Лондонском университете застрял на одном месте, когда комментировал поэмы Кольриджа, одного из великих английских поэтов. Профессор, очевидно, был очень честным. Обычно профессора не бывают честными — даже если они не понимают, они продолжают делать вид, что им понятно. Даже если они не знают, они никогда не скажут: «Я не знаю». Не часто увидишь профессора, который смог бы сказать: «Простите меня, я понимаю слова, но не улавливаю за ними смысла. Дайте мне день времени, Кольридж живет со мной по соседству, так что это не сложная проблема. Я отправлюсь к нему и спрошу его прямо: "Что вы имеете в виду? Я понимаю красоту ваших слов, лингвистический смысл ваших слов, но это не все. Я постоянно чувствую, что нечто упускается, что я упускаю реальный смысл и значение. Я в состоянии ухватить розу, но аромат ускользает от меня — а в аромате и состоит смысл розы!"»

На следующий день он отправился к Кольриджу. Тот, уже старик, поливал свои саженцы в саду. Профессор сказал: «Простите за беспокойство, но это стало абсолютно необходимым для меня... я не могу быть нечестным со своими студентами. Если я что-то знаю, я говорю, что знаю; если я не знаю, то не могу притворяться. Хоть они и не смогут разгадать, не смогут заметить, что их обманывают, но я-то знаю, что обманываю.

Вот ваша поэма, вот то место, где я застрял. Всю ночь я пытался разгадать — я открывал слои за слоями в ней, но все же смысл ускользает. Поэтому я и пришел спросить вас: что означают эти слова?»

Кольридж сказал: «Вы задаете очень трудный вопрос. В то время, когда я писал эту поэму, смысл знали двое».

Профессор очень обрадовался. Он сказал: «Тогда никаких проблем. Меня не интересует другой — вы расскажете мне, в чем состоит смысл».

Тот сказал: «Вы не так поняли меня. Когда я писал ее, смысл знали двое: я знал смысл, и Бог знал смысл; а сейчас только Бог знает. Я и сам пытался изо всех сил... прекрасные слова, но — ничего существенного. Вы должны простить меня. Если вы повстречаетесь где-то с Богом, можете задать свой вопрос Ему; можете также спросить и от моего имени, потому что я очень сильно расстроен.

Не вы первый приходите ко мне; это случалось и прежде три или четыре раза. Другие люди с глубоким пониманием поэзии приходили ко мне и как раз на этом пункте они застревали. Те скрытые слова ясны, но пусты».

Халиль Джебран — один из величайших поэтов с уникальным качеством: время от времени его поэт преображается в мистика. И когда говорит мистик, это говорит не Халиль Джебран.

По словам Кольриджа — «Бог тот, кто говорит» — он становится просто средством, позволяя существованию выразить себя. Если вы пойдете к нему, он и сам, пожалуй, не сможет объяснить вам многих вещей, которые сказал. И сказал так прекрасно, что прекраснее не говорилось еще никогда.

И спросил астроном: «Мастер, а как же Время?»

Астроном постоянно озабочен реальностью времени — это и есть вся его профессия, все

его исследование.

И он ответил: «Вы хотите отмерять время безмерное и неизмеримое».

Он говорит, что сама ваша попытка абсурдна. *Вы хотите отмерять... безмерное и неизмеримое?*

Уже сама идея выявляет ваше невежество. Жизнь имеет множество измерений, которые безмерны и неизмеримы; время — это только один из аспектов.

Попутно, для вас будет важно понять, что английское слово «мера» происходит от того же санскритского корня, что и «материя». Этот санскритский корень — *матра*, то, что может быть измерено.

Материя — это то, что может быть измерено.

Дух — это то, что не может быть измерено.

Единственное различие между материальным и духовным — в измерении, потому что одна мера — это количество, материя, а другая мера — это качество: дух, любовь, время. Это качества; нет способа измерять их. Вы можете переживать их, но не можете описать свое переживание в словах, которые выражают какой-нибудь вид измерения. Разве можете вы рассказать кому-то, как сильно вы любите его? — одно кило, два кило или одна миля, две мили? Насколько же вы любите? Даже целое небо окажется слишком малым. Все мерки отбрасываются.

Поэтому когда кто-то говорит: «Я люблю тебя очень сильно» — он не понимает, что говорит, ведь «очень сильно» указывает на количество. Любовь — это просто любовь; она никогда ни больше, никогда ни меньше. Достаточно сказать: «Я люблю тебя». А возможно, лучше даже не говорить и этого. Пусть ваши глаза выскажут это, пусть ваши руки выразят это, пусть ваши песни дадут намек, пусть ваш танец покажет это. Не говорите: «Я люблю тебя», — потому что в тот миг, как вы говорите: «Я люблю тебя», — вы ограничили нечто безбрежное маленьким словом «люблю». Вы убили что-то.

Если безбрежность любви ограничить маленьким словом — это тюрьма. Ее крылья обрезаны, это мертвое слово.

Мое собственное чувство к тысячам моих людей дало мне удивительное понимание, которое, возможно, упустил Гаутама Будда, ведь он никогда не говорил о любви. В тот миг как вы говорите кому-то: «Я люблю тебя» — наблюдайте! Быть может это и есть начало конца.

Когда была любовь, не было нужды говорить это.

Это было слышно и без слов. Не произнося ни единого слова, все вокруг вас ясно проявляет вашу весну, цветение, танец под ветром, солнцем и дождем. В любви человек не ходит, он танцует. Ходят только люди, не знающие любви.

В тот миг, когда любовь расцветает в вашем существе, это столь велико и безгранично, что изменяет в вас все. Ваши глаза уже не те, какими они были обычно — тусклыми, мертвыми; внезапно они воспламеняются. Внезапно темнота из ваших глаз исчезает — там свет; мелочность исчезает с вашего лица — там глубина иного. Вы касаетесь кого-то, — и ваша рука уже больше не просто физический предмет; через нее протекает нечто нефизическое, нематериальное — теплота.

Вы, наверное, замечали, пожимая людям руки... когда вы обмениваетесь рукопожатиями с некоторыми людьми, кажется, будто вы держитесь за мертвую ветвь дерева, а с некоторыми другими — редко — пожимая руки, вы знаете, что это не просто рукопожатие, а встреча двух энергий. Вы чувствуете прохождение энергии со своей стороны и прохождение энергии с другой стороны. Произошла связь, общение.

Альмустафа говорит:

Вы хотите приспособить свое поведение и дух свой подчинить часам и временам года.

Это напомнило мне случай. Один из моих друзей, хоть он и был совсем старьй, ровесник моему деду, безгранично любил меня — так, что исчезла дистанция в возрасте, разрыв поколений. Он был членом парламента шестьдесят лет непрерывно.

Теперь это достояние истории — только два человека оставались без перерыва так долго членами парламента. Одним был Уинстон Черчилль, а другим — доктор Говиндас.

Он был очень традиционным, все удивлялись, насколько он был традиционным, ортодоксом... Даже ортодоксы спрашивали: «Как вам обоим удаётся часами сидеть и дискутировать?» Обычно я останавливался у него всякий раз, как проезжал через Нью-Дели. Даже его жена сказала мне однажды: «Это так странно... Все то, что вы говорите, против него. Слушая вас обоих, я прихожу в замешательство. Он продолжает слушать вас и продолжает делать по-своему».

Он был до того суеверен, что, если собирался куда-либо поездом или самолетом, сначала должен был вызвать своего астролога и спросить: «Когда подходящее время двигаться к северу, к югу — точно, до минуты, секунды?» И астроном вычислял ситуацию по звездам.

Я сказал ему: «Это заходит слишком далеко. Звездам не интересно, куда собирается Говиндас. Я не вижу никакой причины, чтобы звезды волновались из-за того, что Говиндас собрался на север, на юг или выходит на час раньше...»

Я сказал: «Это просто это человека — как будто целое существование движется вокруг его эго!»

Он слушал меня и говорил: «Может, ты и прав, но я не хочу никакого риска».

Я говорил: «Это же нелепо — ты никогда не докажешь этот пункт».

Он сказал: «Дело не в доказательстве, дело в риске. Ты, может, и прав, но кто знает? — веками люди консультировались с астрологами во всем мире, составлялись диаграммы рождения...»

Было трудно останавливаться у него, и было очень трудно не остановиться у него, потому что если я оказывался в Дели, не остановившись у него, он на следующий день узнавал, прочтя в газетах, и мчался ко мне сердитый, со словами: «Я же сказал тебе, что, когда ты в Дели, ты должен остановиться у меня».

Он ничего не слушал, он просто тащил меня к себе домой — а мне было очень удобно в его доме. У него был самый замечательный дом, лучше, чем у императора: все удобства, слуги, автомобили, все; и там жил только он со своей женой, оба очень старые.

Он обычно созывал туда людей — парламентариев, министров, весь кабинет министров — на встречу со мной. Я говорил: «Все хорошо, кроме твоего астролога. Если бы ты перестал звать того астролога — он до того измучил меня... Поезд уходит в двенадцать ночи, а астролог говорит, что мне нужно уезжать как раз с заходом солнца. Это не от меня зависит: поезд уйдет в полночь; он не может уйти в шесть часов вечера». Что вы думаете, астрологи нашли *via media*, середину, — они заявили: «Покидай дом в шесть часов и жди на станции».

И я часами сидел на станции.

Я говорил: «Это единственное беспокойство с тобой; все остальное в порядке». Я приезжал в Дели, и если собирался остановиться у него, он забирал меня. Но он не отъезжал от станции до тех пор, пока астролог не говорил, что ему пора домой. Если же мы добирались домой раньше — просто случайно, когда не было большого уличного движения, — нам приходилось колесить вокруг.

Я говорил: «Это нелепо. Ты изводишь меня и себя».

Он говорил: «Мы доберемся домой точно во время, назначенное нам звездами для входа в дом».

Я говорил: «Никакие звезды не назначали тебе ничего».

Но у астрологов тысячелетиями тянется это наваждение — действовать в соответствии со своими астрологическими расчетами. Когда вступать в брак...

Вы удивитесь, узнав, что, согласно древним индийским астрологическим трактатам, даже время для занятий любовью со своей женой надо спрашивать у астролога: ведь она может забеременеть в неподходящее время, и тогда вы получите мину в свой дом — Адольфа Гитлера или Рональда Рейгана. Так что обождите немного...

Такие абсурдные вещи говорят трактаты — когда мать собирается родить ребенка, ей нужно сдерживаться и ждать подходящего момента; она должна терпеть боль. Идет борьба из-за того, что ребенок хочет родиться, а звезды не позволяют этого.

Такая дисциплина... даже ваше рождение, ваше зачатие приходится решать согласно звездам и их движению. И все остальное — когда вам следует есть, когда вам не следует есть... Вот уже, по меньшей мере, десять тысяч лет джайны не едят по ночам — только между солнечным восходом и закатом.

Маленьким ребенком я страдал, я понятия не имел об этом. Что это за бессмыслица? Почему звезды должны беспокоиться о моей еде ночью? Но странный режим продолжает соблюдаться. Все, что остается после ужина, на закате дня отдают нищим. Поэтому на кухне не остается ничего. Так что, верите вы в звезды или нет, но приходится оставаться голодным. А особенно хороши десять дней праздников в джайнизме, когда вы не можете даже пить воду ночью — иначе попадете в ад. Просто выпив чистой воды — даже не грязной воды. Вы пьете ту же самую воду целый день — проблемы нет. Проблема в звездах.

Альмустафа говорит: *Вы хотите приспособить свое поведение и дух свой подчинить часам и временам года.* Не только ваше поведение, но даже ваш духовный рост зависит от ваших расчетов времени и звезд.

Всего несколько дней назад молодая джайнская монашка, прекрасная девушка двадцати одного года, убежала из храма, где она проживала. Подумали, что кто-то похитил ее, но истиной оказалось кое-что другое. Два дня спустя родители получили от девушки письмо, где прочитали: «Теперь я взрослая. Мне исполнился двадцать один год, и сейчас я абсолютно свободна, принимать решения относительно своей жизни.

Вы заставили меня стать монашкой, отвергнуть жизнь, так как астролог сказал, что если я стану монашкой в девять лет, в определенный месяц и день, то буду просветленной».

Никакие родители не позволят себе упустить такую возможность. Во-первых, девушка в Индии — это бремя: вскоре им придется заниматься бракосочетанием. А брак так уродлив в этой стране — отец парня, который собирается жениться на девушке, потребует денег. Если парень доктор, отец потребует все деньги, которые были затрачены на его образование. А родители каждой девушки хотят, чтобы их дочь попала в состоятельную семью, — люди продают свои дома, свои земли, лишь бы их дочь попала замуж в состоятельную семью.

Поэтому, то была хорошая возможность — двойная выгода. Теперь с проблемой брака покончено: монашка проведет в безбрачии всю свою жизнь; и к тому же есть большая вероятность, что она станет просветленной, — так сказал астролог.

Писания говорят, что, если ваш сын или ваша дочь становятся просветленными, вы благословенны. Отец и мать благословенны, если их сын или дочь становятся просветленными. Это поднимает даже их сознание. Это их кровь, их кости; это их продолжение. Нечто от славы просветленного отразится и в жизни родителей. Поэтому они отдали девочку, а она не могла даже понять, что происходило. Но в возрасте двадцати одного года она увидела все, поняла, что это полнейшая глупость, — и убежала. И пригрозила своим родителям: «Если вы попытаетесь найти меня и принудить вернуться, я расскажу о всех тех мучениях, через которые прошла, разоблачу все то скверное обращение, извращенное обращение, с которым мне пришлось

столкнуться. Так что если вы хотите уберечь своих монахов, монахинь и их так называемую чистоту и целомудрие, то просто забудьте обо мне, совсем. Не пытайтесь найти меня».

Звезды не могут решать все.

Из времени вы хотите сделать ручей, чтобы сесть на берегу и следить за его течением.

Это и есть путь философа, мыслителя. Для него время всего лишь ручей; и он сидит на берегу, размышляя о ручье: откуда он приходит, куда бежит... но действительность — это нечто совершенно другое.

Это не время идет куда-то — это мы приходим, и мы уходим. Время остается там, где оно есть, где оно было всегда. Это не ручей; мы — ручьи. Время не может быть ручьем, потому что оно не вещество.

Современные физики подтверждают изречение Халиля Джебрана. Альберт Эйнштейн поддерживает его, потому что он свел время к измерению пространства — четвертому измерению пространства.

Подумайте о пространстве... вы никогда не думаете о пространстве как о ручье. Пространство есть всегда: вы приходите и уходите, вы входите в комнату, вы выходите из комнаты, но пространство в комнате остается на месте. Делом всей жизни Альберта Эйнштейна было как-то разгадать, что такое время. И его открытие состояло в том, что время — это только четвертое измерение пространства; а потому, конечно, оно не может течь. Не может быть так, чтобы одна из ваших рук текла, а все тело оставалось статичным — тогда ваша рука уйдет в океан, а вы останетесь далеко позади, и не будет возможности встретиться со своей рукой снова.

Если время — четвертое измерение пространства, то это значит, что ни пространство не идет никуда, ни время не идет никуда. Времена года приходят и уходят, люди приходят и уходят; весна приходит — и появляются цветы, листопад приходит — и все деревья стоят обнаженные. Много уходит и приходит — но помните, что ни пространство не идет никуда, ни время не идет никуда.

Странно, что никто до Альберта Эйнштейна не указал на тот факт, что время не следует считать потоком. Время всегда считали потоком — во всех культурах, во всех цивилизациях, во все эпохи. В этом должно быть что-то психологическое. Почему все человечество всегда думало о нем одним и тем же способом — как о потоке?

Как я вижу это? Я вижу в этом очень важный психологический факт. Психологический факт состоит в том, что мы не хотим быть потоком — мы хотим быть здесь и сейчас, навсегда. Времена года меняются, приходит утро, приходит вечер, день сменяется ночью, ночь переходит в день. Все вокруг нас продолжает изменяться, а мы пытаемся остаться одними и теми же. Наш страх перемены, наш страх неведомого... ведь перемена может увести вас в неведомое, обязательно уводит вас в неведомое.

К тому же мы видим: меняется детство, меняется юность, меняется средний возраст, меняется старость — но мы не обращаем особого внимания на эти перемены благодаря сознанию своей идентичности. И хотя мы отлично знаем: мы изменяемся, мы в постоянном движении, — но мы все же боимся сознавать это.

Подлинный медитирующий — это тот, кто становится внимательным к переменам, происходящим в его теле, в мире. Он должен осознавать все эти перемены. Ваш ум меняется, ваши чувства меняются — есть ли что-то, что не изменяется? Мы назвали эту сокровенную суть вашего существа, центр вашего циклона — *вашей душой*: она не изменяется.

Снова важно будет напомнить, что только один человек за всю историю человечества назвал душу временем; этим человеком был Махавира. Она назвал душу *самая* — время. Это единственное, что остается; все остальное продолжает течь.

Так что внутри вас, в самой глубочайшей точке, есть свидетель, *сакши* — наблюдатель,

который не изменяется. И этот наблюдатель на самом деле и есть время. Но только один человек за всю историю называл это временем.

Поэтому если вы становитесь свидетелем всех перемен, что происходят вокруг вас, — снаружи вас, внутри вас — раньше или позже вы осознаете и того, кто наблюдает это все. Тот свидетель вечен. Тот свидетель не знает смерти, потому что не знает перемен.

Но вневременное в вас осознает вневременность жизни.

Это и есть то, о чем я говорю как о самой таинственной вещи у Халиля Джебрана. Сам он никоим образом не в одной и той же категории с Махавирой, но то, что он говорит, в точности то же самое. Он говорит: «*Но вневременное в вас осознает вневременность жизни*». Потому что вы представляете себе время как поток внутри вас, переменны, но там же есть и нечто неизменное. Можете назвать его вневременным, ведь вы привыкли, что время — это синоним перемен.

Это вневременное внутри вас, это неизменяющееся внутри вас действительно осознает сокровенную суть существования, осознает, что все перемены поверхностны.

В смерти никогда ничего не меняется.

Это всегда одно и то же.

Просто истинная идея, и вы почувствуете огромную безмятежность и тишину, нисходящие на вас...

И знает, что вчерашний день — лишь память сегодняшнего, а завтрашний — его мечта.

От поэтов не ожидают высказывания таких вещей; это не в их измерении. *Вчерашний день — лишь память сегодняшнего...* Не бывает вчерашнего дня, оставленного позади. Это не похоже на железнодорожный поезд — что вы прибываете на эту станцию и оставили другую станцию позади. Вчерашний день приходит с вами. Он не был оставлен позади, он приходит с вами как память. Это сегодняшняя память — и то же самое верно в отношении завтра.

Оно не должно прибыть откуда-то на встречу с вами — вы уже обладаете им в своей мечте, в своем воображении.

Вчерашний день — это ваша память.

Завтрашний день — это ваша мечта.

Но единственная реальная вещь — это сегодня.

И то, что поет и мыслит в вас, все еще пребывает в том первом мгновении, которое рассыпало звезды в пространстве.

Это изречение громадного потенциала. Он говорит: «Этот самый миг, который пребывает внутри вас, — не что-то другое; вы не оставляли начала, первого мгновения, когда звезды были рассыпаны в небесах. Тот первый миг все еще внутри вас; это ваша память».

Он ничего не говорит о последнем мгновении, но просто логическое завершение... Если первое мгновение, когда звезды были рассыпаны по небу, пребывает внутри вас, то последнее мгновение — когда все рассыпанные звезды будут снова втянуты назад в сеть и исчезнут, — тоже пребывает в вас, в ваших грезах.

Вы содержите в себе целую вечность в этом самом мгновении.

Все прошлое и все будущее содержится в этом маленьком мгновении. Оно не мало; вы просто не осознаете его необъятности.

Кто из вас не чувствует, что сила его любви беспредельна?

Он просто дает вам пример: каждый чувствует в себе безграничную силу любить. Но у вас *есть* границы. Как же может безграничное быть внутри вас, ограниченных? Вы, наверное, читали известный рассказ Льва Толстого «Сколько земли требуется человеку?» Как велика, будет ваша могила?

Вы осознаете, что в этом малом теле есть великие вещи, безграничные. Он дает вам пример

любви, потому что это самое обычное и понятное. Таким же самым образом в вас пребывает и время в его беспредельности. Таким же самым образом в вас пребывает и пространство в его бесконечности.

Будет гораздо лучше — может и неправильно лингвистически, но меня не заботит язык, я забочусь о том, что истинно, — говорить не: «Любовь пребывает внутри меня» — это неправильно. Лучше сказать: «Я пребываю в любви». Тогда ваши границы не могут быть границами любви. Быть может, вы любили бессознательно. Если бы вы любили осознанно, вы бы не говорили: «Любовь в моем сердце». Нет — это ваше сердце в любви.

Любовь окружает вас — бесконечная любовь. Возможно, в этом причина, что никакой любящий не удовлетворен — ведь его любовь безгранична и нуждается в безграничном отклике. Всякий любящий ищет кого-нибудь, кто может любить беспредельно — не должно быть никакого ограничения этому, — но сама ваша идея, что любовь обитает *внутри* вас, превращает ее в пустяк.

Считайте, что вы обитаете в любви, точно рыба в океане; тогда вы можете делиться своей любовью безо всякого страха, тогда вы знаете: она неистоцима, тогда вам не нужно так скупиться на нее.

Если любовь понять как океаническое чувство вокруг вас, не будет ревности.

Ревность — это яд, который убивает всю любовь и всю ее радость. Но ревность происходит от вашего основного непонимания. Мы продолжаем думать о любви так же, как о количестве, поэтому мы боимся. Если тот, кого вы любите, полюбит еще кого-то другого, вы тотчас же пугаетесь: он любил вас на все два кило, а теперь только на одно. А завтра, если он найдет кого-то еще, — только на полкило! И таким образом ваша любовь будет таять, скоро вы останетесь со своими весами без всяких килограммов.

Вся ревность основывается на страхе, что любовь может быть разделена, что это количество.

Она — *качество*.

Вы можете отдавать сколько захотите, стольким людям, скольким хотите, всему миру; тем не менее, ваши источники неистоцимы. Проблемы ревности нет и в помине. В своих мечтах о будущем человечества я всегда вижу, что однажды должен прийти день, когда не будет ревности, когда не будет гнева, когда не будут ссориться по пустякам — обладая таким сокровищем любви, кто будет озабочен пустяками?

Любовь сама — такое осуществление, что вам не нужно никакого другого осуществления. Это птица самой вашей души. И в тот день, когда станет возможной любовь без ревности, мы принесем царство Божье на землю.

Вот где я отличаюсь от Иисуса: Иисус хочет, чтобы вы вошли в царство Божье, а я хочу, чтобы вы принесли царство Божье сюда, на землю. Чрезмерно трудная вещь — убедить стольких людей: «Ступайте за мной, я отведу вас в царство Божье».

Почему не принести царство Божье сюда?

Все религии сердиты на меня просто потому, что все они эксплуатировали человечество, — ведь они взялись договариваться насчет вас в царстве Божьем.

Естественно, они глядят на меня как на своего самого опасного врага, потому что я говорю вам: «Не нужно ходить никуда. Мы можем поставить шатер всего Божьего царства здесь, с Богом в нем!»

Не нужно ходить никуда.

Все, что необходимо, — это глубокое понимание и осознание безграничности любви.

Но кто при этом не чувствует, что сама любовь, хотя и беспредельна, заключена в центр его естества...

Альмустафа говорит: «С одной стороны, любовь безгранична...» Но кто при этом не чувствует, что сама любовь, хотя и беспредельна, заключена в центр его естества... Вот обе: окружность — больше неба — и центр — в самой внутренности вашего существа.

...А не тянется вереницей любовных мыслей и деяний? Любовь не есть течение или движение. Она не движется от одной любовной мысли к другой, от одного любовного деяния к другому. Нет, это деяния, мысли и чувства — все движется в океане любви. Но сама любовь остается той же — вечной, бессмертной, окончательной.

И разве время не подобно любви — неделимой и неизмеримой?

Он привел свое заключение к замечательному концу: *И разве время не подобно любви...* Я не думаю, что астролог понял бы его, так как астрологи — это разновидность идиотов. Есть много разновидностей, но астрологи — самая выдающаяся. Они не знают, что такое любовь.

Все доказательства Халиля Джебрана основаны на синхронности любви и времени. Время трудно обсуждать, потому что ни у кого нет опыта времени.

В Англии жил один великий атеист, Эдмунд Берк. Его друзья сказали ему: «Ты великий атеист. Приезжает один из наших великих проповедников — даже архиепископ собирается слушать сегодня его проповедь. Мы приглашаем тебя — приходи, и ты уверуешь».

Берк отправился в церковь со своими друзьями. Он прослушал проповедь, а в конце, когда настало время вопросов и ответов, он встал и спросил: «Вы говорили нам, что Бог всемогущ, всемогущ, всемогущ?»

Епископ сказал: «Разумеется, Бог всемогущ. Он может сделать все, что захочет. Он создал мир, он создал все».

Эдмунд Берк просто поднял свою руку, демонстрируя часы, и сказал священнику: «Я даю вам и вашему Богу пять минут — пусть Он остановит мои часы. Простая вещь... Я не прошу Его создать мир, только остановить мои часы. И даю достаточно времени — пять минут. В шесть дней он создал целую вселенную, я могу остановить свои часы за секунду».

Собрание было шокировано, архиепископ был шокирован. Часы продолжали идти... Друзья Эдмунда Берка были совершенно подавлены, все собрание затихло. Эдмунд Берк рассмеялся и вышел из церкви. Его друзья выбежали за ним.

Он сказал: «Вам понятно? Я доказал, что Бога нет. Даже если и есть какой-нибудь Бог, у него не хватает сил остановить мои часы».

На этот эпизод ссылались снова и снова во многих книгах, написанных об Эдмунде Берке, — он был великим мыслителем. Всякий раз как мне встречается этот эпизод, я смеюсь про себя и сожалею, что Эдмунд Берк умер. Иначе я бы приехал в Англию, хоть парламент и не позволяет мне, и сказал бы Эдмунду Берку: «Бога не волновали ваши часы, потому что время всегда стоит. Оно не движется. Что поделаешь? — ваш вопрос был неправильным. Это ваши часы в движении».

Это наш произвольный метод измерять время, которое неизмеримо. Но Бог не знает наших произвольных вещей; Он не часовщик. Он осознает время; и Он, наверное, посмеялся: «Время всегда стояло. Что просит этот английский дурак? Как же вы можете остановить то, что уже остановлено? - с самого начала оно стояло. Оно никогда не двигалось».

Наше поверхностное понимание — из-за движения, от одной мысли к другой, от одного деяния к другому. Но существование знает: в своих корнях все полностью неподвижно. Ничто не движется. Если вы можете быть в этой точке, где ничто не движется, вы прибыли домой. Само это переживание объяснит вам все тайны существования.

И разве время не подобно любви — неделимой и неизмеримой?

Но если в своих мыслях вы должны отмерять время по временам года, пусть каждое из них объемлет все другие.

Он говорит: «Я могу понять ваши затруднения. Возможно, вы не можете подняться к таким высотам или таким глубинам, и вы должны отмерять время. Тогда помните одну вещь... *если вы должны отмерять время по временам года, пусть каждое из них объемлет все другие*». Он говорит: «Пусть ваше рождение и ваша смерть будут одним и тем же; не разделяйте их».

В тот миг, когда вы рождаетесь, вы начали умирать. Это не так, что после семидесяти лет вы однажды вдруг умираете. До сих пор никто не умирал вдруг: смерть — это процесс, как и жизнь — процесс. А жизнь и смерть — это будто ваши два крыла, они нераздельны.

В тот миг, когда вы родились, вы также начали и умирать. Как растет жизнь, так растет и смерть — одновременно, рука об руку. В тот миг, когда жизнь завершена, смерть тоже завершена. Они входят в мир вместе, они исчезают из мира вместе. Это не две различные вещи.

Пусть каждое из них объемлет все другие.

И да обнимет сегодняшний день: прошедшее — памятью и будущее — страстным влечением!

Если вы должны делить — лучше всего не делить, но если ваш ум не может понять неделимость существования и вы должны делить — тогда, по крайней мере, помните то, что ваш сегодняшний день объемлет: прошедшее — памятью и будущее — страстным влечением!

Пусть в вашем настоящем мгновении будет встреча всего прошлого и всего будущего.

Этот миг, который содержит все прошлое и все будущее, и есть единственная реальность.

Этот настоящий миг и есть время. И это всегда настоящее.

Мне понравился один небольшой эпизод. Жил атеист, великий законодатель, и он всегда любил обсуждать Бога.

Самый легкий объект для разрушения — это Бог: Бог наиболее беззащитная гипотеза. Этот атеист постоянно как-то навязывал дискуссию друзьям или посторонним по вопросу о Боге.

Но это не всегда легко. Кто-то говорит о погоде, кто-то говорит об овощах... Как привести Бога? Поэтому он придумал средство: прямо за собой на стене он написал большими отчетливыми буквами «GOD IS NOWHERE» (БОГА НЕТ НИГДЕ), чтобы любой пришедший мог увидеть это. А увидев это, человек просто из любопытства мог спросить: «Странно, почему ты написал здесь это предложение; ты не веришь в Бога?» Так что каждому входящему в его гостиную приходилось обсуждать Бога. А у него аргументы были наготове.

Однажды его маленький ребенок, который просто изучал язык и мог произнести небольшие слова, но не мог произнести большие и длинные слова, сидел там на полу, когда пришли два или три человека — посторонние. Они посмотрели на стену, поэтому мальчик тоже посмотрел на стену — впервые, ведь ему было все привычно, он жил в этом доме. А так как он пытался учить язык... Всякий раз как дети пытаются выучить что-то, они пробуют снова и снова уловить это. Поэтому он попробовал сам. Он медленно прочитал: «Бог» — каждый слышал то, что он выговаривал... Но «NOWHERE» (НЕТ НИГДЕ) оказалось слишком большим словом, поэтому он разбил его на два: «GOD IS NOW HERE» (БОГ СЕЙЧАС ЗДЕСЬ).

Даже его отец был ошарашен. Тысячи людей приходили в комнату, но никто не сделал из «NOWHERE» (НИГДЕ) «NOW HERE» (СЕЙЧАС ЗДЕСЬ).

Персидский суфий говорит: «Когда вы не можете понять, то иногда Бог разговаривает с вами через детей». Невозможно спорить с детьми. Теперь вы не возрадите ему: «Это не NOW HERE (сейчас здесь), это NOWHERE (нет нигде)». Ребенок стал повторять это снова и снова: «БОГ СЕЙЧАС ЗДЕСЬ».

Той ночью отец не мог уснуть. Снова и снова он слышал голос своего ребенка. Трудно спорить с ним: «Бога не существует». Он попытался, но тот сказал: «Если Его не существует, тогда, как же Он может быть сейчас здесь?»

В первый раз он не заглянул в свою атеистическую философию: «Возможно, ребенок и

прав. Я никогда не исследовал, где же Бог. Все мои аргументы только интеллектуальны; у меня нет экзистенциального опыта. Я никогда не медитировал. Я никогда не переживал, что значит быть "сейчас здесь"».

Если вы можете пережить феномен «сейчас здесь», вы пережили нечто, что некоторые люди называли Богом, некоторые называли истиной, некоторые называли любовью, некоторые называли красотой. Неважно как вы называете это.

Но трансформация из «NOWHERE» (НИГДЕ) к «NOW HERE» (СЕЙЧАС ЗДЕСЬ) так безбрежна и несоединима... из негативного утверждения это становится абсолютно позитивным утверждением.

Открытие Альберта Эйнштейна — что время есть четвертое измерение пространства — высказал ребенок, не зная этого: ведь «сейчас» — это время, а «здесь» — пространство.

Там, где «сейчас» и «здесь» соединяются, все сущее доступно вам.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

10. ЗЛО – ЭТО НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ОТСУТСТВИЕ ДОБРА

3 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

И спросил один из старейшин города: «Скажи нам о Добре и Зле».

И он ответил: «О добре в вас могу я говорить, но не о зле.

Ибо, что есть зло, как не добро, терзаемое голодом и жаждой?

Воистину, когда добро терпит голод, оно разыскивает пищу даже в темных пещерах, и когда оно жаждет, то не гнушается и затхлой водой.

Вы добры, когда вы одно с самим собою. Но и когда вы не одно с собою, вы не злы.

Ибо поделенный дом — не прибежище воров; это всего лишь поделенный дом.

И корабль без кормила может бесцельно блуждать среди коварных рифов, но так и не пойти ко дну.

Вы добры, когда стараетесь дать от самих себя. Но вы не злы, когда ищете пользы для себя.

Ибо когда вы рассчитываете извлечь пользу, вы всего лишь корень, что льнет к земле и сосет ее грудь.

Истинно, плод не скажет корню: «Будь таким, как я, — спелым, сочным и вечнодающим от своего изобилия».

Ибо для плодов давать — потребность, как получать — потребность для корня».

Каждое отдельное слово, высказанное Халилем Джебраном, должно быть понятно во всех его значениях. Почему спросили старейшины города? Почему не юноша? Почему не ребенок?

Ребенок так невинен, он не знает различия между добром и злом; потому вопрос и не возникает. Для ребенка нет ничего хорошего и ничего злого. Это по невежеству, но это похоже на окончательное состояние человека, который пробудился... для него тоже нет ни добра, ни зла. Пробужденный возвращается к своему детству снова — но с разницей, с огромной разницей. Ребенок был невежествен; пробужденный действительно невинен. А демаркационная линия между невежеством и невинностью очень тонка.

Иисус сказал Никодиму, профессору иудаизма в Иерусалимском университете: «Пока ты не родишься снова, тебе не понять, что я говорю».

Он не говорит, что вначале вам надо умереть и родиться через другое чрево. Он говорит: «Когда ты будешь преображен так, что твое невежество станет невинностью — вот подлинное возрождение, — только тогда ты поймешь то, что я говорю».

Ребенок не может задать такой вопрос, потому что не может различить, а пробужденный не станет спрашивать, потому что ему известно: добро и зло — это две стороны одной монеты. Если вы выбираете добро, вы также выбрали и зло. И это одно из великих несчастий всех религий и их святых — они выбирали добро и подавляли зло. Из-за этого разделения они и сами становились разделенными и расщепленными, они сделали шизофреничным все человечество.

Поэтому важно то, что ребенок не задает вопроса. Так же важно и то, что юноша не задает вопроса, — потому что юношу жизнь так увлекает, песня жизни так осуществляется, его сердце пульсирует любовью. У него нет времени думать о добре и зле. Только старейшины... а

старейшины — это растратившие всю свою энергию, пустые. Им делать нечего.

Ребенок полон удивления, юноша полон любви, но старик лишился всего. В его глазах нет никакого удивления, ведь он такой знающий, ничто не удивляет его; он видел, что всякая любовь, в конце концов, оборачивается ненавистью. Он живет — но пустой жизнью. И эти пустые люди становятся очень озабоченными суждением. Они не могут ничего сделать сами, но по крайней мере, сидя в своих креслах-качалках, они могут судить каждого — кто хорош, а кто плох; кто грешник, а кто святой.

Это и есть способ как-то ощутить превосходство над молодежью, над детьми. Дети невежественны; молодежь слепа. Только старики считают, что они получили глаза, потому что они прожили жизнь, они испытали все. Но просто переживая все подряд, не станешь мудрым, ведь один из самых важных критериев для мудрого человека — это то, что он отбрасывает суждение. Он может видеть, что в зле присутствует добро. Святой и грешник не разные категории — их выбор различен, но они выбирали из одного и того же источника. Откуда приходит добро, оттуда приходит и зло, и что бы вы ни выбирали, вы будете страдать.

Выбор приносит страдание. Когда вы выбираете добро, тогда то, что есть зло в вас, будет постоянно создавать конфликт, сожаление, сомнение: «Возможно, те, кто выбрал зло, наслаждаются жизнью. Я выбрал добро, а все, что оно мне дало, — всего лишь серьезность и сухость».

Святой не может улыбаться, святой не может танцевать, он боится: песня может привести его к злу, танец может привести его к тому, что он отверг. Но просто отвергая, вам не избавиться от вещей. Они остаются в вашем бессознательном, ожидая своего часа. Потому и случилось много раз в истории, что грешник становился святым всего за одно мгновение понимания, а так называемый святой падал и становился грешником всего за одно мгновение неосознавания. Замечательную историю рассказывают об ученике Гаутамы Будды. Это был молодой монах — отменного здоровья, очень красивый, очень культурный. Он происходил — как и Гаутама Будда — из царской семьи и отверг царство.

Так же как Клеопатра на Западе считается самой прекрасной женщиной всех времен, на Востоке есть подобная Клеопатре женщина, Амрапали. Она была современницей Гаутамы Будды. Она была до того прекрасна, что золотые колесницы стояли у ворот ее дворца. Даже великим королям приходилось ждать встречи с ней — она была всего лишь проституткой, но такой богатой, что могла покупать королевства. Но она страдала, в этом прекрасном теле была также и прекрасная душа, жаждущая любви.

Когда мужчина приходит покупать тело женщины, может она и имитирует большую любовь к нему, он ведь заплатил за это, но в глубине души она ненавидит его, потому что он пользуется ею как вещью, как предметом покупки; он не относится к ней как к человеческому существу. А это величайшая обида и рана для кого угодно, когда с ним обходятся как с неодушевленной вещью, и его честь, его индивидуальность унижаются.

Этот молодой монах отправился в город за подаянием. Ни о чем не подозревая, он проходил мимо множества золотых колесниц и прекрасных коней. Он был изумлен: «Кто живет в этом дворце?» Как только он взглянул наверх, Амрапали выглянула из окошка, и любовь впервые возникла в ее сердце — просто потому, что в тот миг, когда молодой монах увидел Амрапали, он поклонился ей с глубоким уважением. Такую красоту нужно почитать, не использовать. Этот великий дар сущего следует высоко ценить, а не унижать.

В тот же миг, когда молодой красивый монах поклонился, внезапно громадная волна энергии возникла в Амрапали. В первый раз кто-то смотрел на нее с уважением, признавая в ней достоинство человеческого существования. Она сбегала вниз, коснулась стоп монаха и сказала: «Не ходи больше никуда; будь сегодня моим гостем».

Тот сказал: «Я бхикку, нищий. В твоём великолепном дворце, где столько королей ожидает в очереди встречи с тобой, это будет выглядеть нелепо».

Она сказала: «Оставь в покое тех королей — я ненавижу их! Не отвергай моего приглашения, потому что это в первый раз приглашаю я. Меня приглашали тысячи раз короли и императоры, но я никогда не приглашала никого. Не обижай меня, это мое самое первое приглашение. Поешь со мной».

Монах согласился. За ним шли и другие монахи — Будда обычно передвигался с десятью тысячами монахов везде, где ходил; те не могли поверить своим глазам: молодой монах идет в дом проститутки. С большой завистью, гневом они возвратились к Гаутаме Будде. В один голос они заявили: «Этого человека нужно гнать из общины! Он нарушил всю твою дисциплину. Он не только поклонился проститутке, он даже принял ее приглашение войти к ней во дворец и поест там».

Будда сказал: «Пусть он возвратится».

В первый раз Амрапали сама подала пищу в чашу монаха. Со слезами радости она спросила: «Можно мне попросить об одолжении?»

Молодой монах сказал: «Я не имею ничего, кроме себя самого. Если это в моих силах, я сделаю все, что ты захочешь от меня».

Она сказала: «Ничего не нужно делать. Сезон дождей начинается через два-три дня...» А было правило буддийских монахов — в сезон дождей они останавливались в одном месте на четыре месяца; восемь месяцев в году они непрерывно передвигались от одного места к другому, но на четыре дождливых месяца для них было совершенно необходимо остановиться где-то, где можно получить приют.

Амрапали сказала: «Приходят четыре месяца, этот дворец должен быть твоим убежищем. Я не прошу ничего, я не беспокою тебя никоим образом. Я устрою все как можно удобнее для тебя, только не уходи на эти четыре месяца».

Монах сказал: «Я должен спросить моего мастера. Если он позволит мне, я останусь. Если же он не позволит, ты должна будешь простить меня. Это не в моих руках — мой мастер решает, где останавливаться».

Он возвратился. Все сердились, завидовали и хотели посмотреть, как Гаутама Будда накажет его. Будда попросил: «Расскажи мне все, что произошло».

Он все рассказал Будде. К тому же он сказал, что Амрапали... он не использовал слово «проститутка» — это суждение. Вы уже осудили женщину самым словом, осудили за то, что она продает свое тело, продает свою любовь, за то, что ее любовь товар, — если у вас есть деньги, вы можете купить его.

Он сказал: «Амрапали пригласила меня на дождливый сезон, и я сказал ей, что, если мой мастер позволит мне, я остановлюсь в ее дворце. Остальное не имеет значения...» Среди десяти тысяч монахов наступила полная тишина. Никто не предполагал, что Гаутама Будда скажет: «Можешь остановиться у Амрапали». Они не могли поверить собственным ушам — что они слышали? Монах, который отказался от мира, остановится на четыре месяца в доме проститутки?

Один старый монах поднялся и заявил: «Это неправильно! Этот человек скрывает один факт. Он говорит, что женщина, Амрапали, пригласила его. Она не женщина, она проститутка!»

Гаутама Будда сказал: «Я знаю, и поскольку он не воспользовался словом «проститутка», я позволяю ему остановиться там. Он уважает, а не судит и не осуждает. Сам он не хочет останавливаться, вот почему он пришел спросить мастера. Если бы ты спросил у меня разрешения остановиться там, я не позволил бы тебе».

Еще один монах сказал: «Это странное решение. Мы же потеряем нашего монаха! Та

женщина — не обычная женщина, она обольстительница. За четыре месяца этот человек будет полностью потерян для добродетельной жизни, хорошей жизни, жизни святого. Через четыре месяца он придет грешником».

Гаутама Будда сказал: «Через четыре месяца ты будешь здесь, я буду здесь, и мы посмотрим, что произойдет; я верю в его медитации, я верю в его прозрение. Запрещение помешает ему. Он доверяет мне, иначе не было бы нужды приходить. Он мог бы отбросить прочь чашу для подаяний и остаться там. Я понимаю его и знаю его сознание. Это хорошая возможность, проба огнем; посмотрим, что произойдет. Подожди четыре месяца».

Те четыре месяца для монахов оказались самыми долгими. Каждый день тянулся так медленно, они воображали, что должно происходить; по ночам они видели сны о том, что должно происходить. А через четыре месяца вернулся монах, и прекрасная женщина шла следом за ним. Он сказал Будде: «Вот Амрапали, она хочет быть принятой в общину. Я рекомендую ее — она уникальная женщина. Она не только прекрасна, ее душа так чиста, как только можно себе представить».

Она опустилась к стопам Гаутамы Будды. Это было еще большим шоком для тех десяти тысяч людей! И Будда обратился к ним: «Я знаю, эти четыре месяца были очень долгими и вы много терпели. День за днем ваш ум обдумывал только то, что должно происходить между монахом и Амрапали, что он, наверное, влюбился в женщину и пошел ко дну; четыре месяца пройдут, дожди прекратятся, но он не вернется — с такой репутацией?»

Но вы видите: когда человек сознания входит в дом проститутки, меняется проститутка, а не человек сознания. Более низкое всегда претерпевает трансформацию, когда оно входит в контакт с более высоким. Более высокое не может быть стянуто вниз».

Ее имя, Амрапали, означает... У нее была большая манговая роща, наверное, сто квадратных миль, и она подарила ее Гаутаме Будде — это было самое замечательное место. Она подарила свой дворец, все свои огромные средства для распространения посланий Будды.

Будда сказал своей сангхе, своей общине: «Если вы боитесь быть в компании проститутки, этот страх не имеет ничего общего с проституткой; этот страх приходит из вашего собственного бессознательного, потому что вы подавили свою сексуальность. Если вы чисты, всякое суждение исчезает».

Поэтому пробужденный не имеет суждений того, что хорошо, а что плохо, а у ребенка нет суждения, потому что он не может провести различие — у него нет опыта. В этом смысле верно, что каждая пробужденная личность становится ребенком снова — не невежественным, а невинным. Но не каждый состарившийся — существо пробужденное. Так и должно быть. Если жизнь была прожита правильно — с бдительностью, с радостью, с тишиной, с пониманием — вы не только стареете, вы также и растете. А это два разных процесса. Все стареют, но не все растут.

Рост — это духовный феномен; стариться — это физическая вещь — ваше тело стареет, но ваше существо остается отсталым. Если же ваше существо растет... И помните разницу. Мы не можем сказать, что существо стареет — оно никогда не стареет; оно только растет, выше и выше. Но оно всегда остается молодым, свежим, — таким же свежим, как капли на листе лотоса в раннем утреннем солнце.

И просил один из старейшин города: «Скажи нам о Добре и Зле».

Старые люди, если они не выросли, мучают всю свою семью — детей, молодых, — потому что на все, что бы вы ни делали, вы увидите осуждение в их глазах. Жить со стариками, которые не выросли, — это огромное напряжение. Всему, что вы делаете, выносится приговор, как будто вы всегда стоите в суде. Вы не можете спорить с ними, ведь это insult для старого возраста; даже говорить прежде старших осуждалось всеми обществами.

У Эзопа есть замечательная притча. Совсем молодой ягненок пил воду из горного ручья — кристально чистую воду. Лев увидел ягненка, и, естественно, обрадовался хорошему шансу отлично позавтракать. Поэтому он подошел и сказал ягненку: «Ты, оказывается, очень заносчив и упрям».

Ягненок сказал: «Я ведь не произнес ни единого слова, я не сделал ничего».

Лев сказал: «Ты не сделал ничего? Ты испортил воду, замутил ее, поднял ил, а я собирался попить воды. У тебя нет никакого почтения к царю зверей».

Ягненок сказал: «Дядя, вы позабыли одну вещь. Ручей не течет к вам; он движется вниз, так что муть к вам не принесет. Все, что сделаете *вы*, принесет ко *мне*».

Лев очень рассердился, потому что ягненок оказался слишком логичным, а никому не хочется, чтобы завтрак был таким логичным!

Он сказал: «Ты не только упрям, но и пытаешься быть самым умным».

Ягненок сказал: «Я бедная овечка, как я могу быть разумным? Ты — царь».

Лев сказал: «Оставь в покое царя и вспомни — как насчет твоего отца, который оскорбил меня вчера?»

Ягненок ответил: «Это, очевидно, был кто-то другой, ведь мой отец умер почти три недели назад. Сказать по правде, ты убил моего отца три недели назад, так как же он мог оскорбить тебя вчера?»

Теперь это было уже слишком! Лев сказал: «Ты не понимаешь традицию, вежливость — старших надо уважать! Ты не должен открывать свой рот!» — и схватил ягненка.

Ягненок сказал: «Ты потратил столько времени зря. Я с самого начала знал, что сейчас время твоего завтрака. Не нужно было рационализировать это — просто завтракай. Мою мать съел ты, моего отца съел ты. Я несчастный сирота; лучше, чтобы ты съел и меня. По крайней мере, внутри тебя с встречу со своими отцом и матерью — семья воссоединится».

Все человечество веками подавляло детей, молодежь. И даже если старый человек идиот, его преклонный возраст следовало уважать.

Вопрос такого типа мог исходить только от старика, который не вырос. Он просит пояснить, что есть добро и что есть зло, чтобы легче было судить людей. В их глазах все, что вы делаете, — неправильно, потому что их силы иссякли, они не могут делать ничего. Они делали все то, что делаете вы, они все еще хотят это делать, но они могут радоваться, лишь осуждая вас.

Все святые, которые осуждали людей, заявляя, что те попадут в ад, — не святые, а грешники, прикрывшие свои грехи или свои желания и стремления к грехам тонким слоем святости. Ну что это за святость?

Я путешествовал с монахом-индуистом, очень известным монахом-индуистом. Мы ехали принять участие в конференции. По его глазам можно было видеть, что все не так... Когда мы сели в машину, чтобы ехать в аэропорт, я был изумлен; на прекрасное сиденье машины, куда он сел, клали подстилку. До тех пор пока подстилка не лежала на сиденье, он оставался стоять, и только потом входил и садился на свою подстилку.

Я сказал: «Это странно, сиденье было гораздо лучше! Твоя подстилка грязная — ты же сидишь на ней, где попало». Он обычно носил ее связанной в узел, сиденье же было чистым.

Но он сказал: «Я не могу сесть на автомобильное сиденье. Я против всякой роскоши».

Я сказал: «Это великолепно! Ты садишься в машину, в роскошную машину, и только благодаря небольшому куску подстилки, проложенному между тобой и сиденьем, ты отправляешься на небеса, а я отправляюсь в ад. Всего лишь из-за грязной подстилки, на которой ты сидишь...»

Он был чрезвычайно противен — все святые противны. Где бы мы ни останавливались, он создавал массу неудобств. Ему нужно было только коровье молоко — он не ел ничего больше.

Все бы ничего, но корова должна была быть совершенно белой! Когда я услышал это, я спросил: «Что ты имеешь в виду? Ты собираешься *есть* корову или пить молоко? Молоко всегда белое; черная корова или белая, не имеет никакого значения».

Он сказал: «Ты не понимаешь. Черное символизирует зло, белое символизирует добро!» Так что для него люди должны были искать белую корову — совершенно белую, без точки, без крапинки, — иначе он останется без пищи. Вся семья волновалась, что святой сидит без пищи, и все бегали по городу в поисках совершенно белой коровы — которые встречаются очень редко!

Я сказал: «Ты создаешь массу неприятностей и доставляешь этим людям столько неудобства; из-за того, что *ты* не ел, не ели и они. Как может есть хозяин, когда гость, великий святой, голоден?»

Это и есть тонкие слои — глупость, произвол, бессмыслица, — за которыми продолжают укрываться осуждаемые истинные желания и устремления. И я обнаружил такое: чем больше личность осуждает что-то, тем больше это владеет ею. Загляните в ваши религиозные писания. Они были написаны святыми, великими мудрецами, но все, что они осуждают, они осуждают в таких деталях. Просто взглянув на их осуждение, вы почувствуете, что они получают удовольствие от осуждения. Если они не были в

состоянии наслаждаться, то, по крайней мере, они могут наслаждаться, осуждая это, осуждая всех тех, кто наслаждается, — наслаждаться идеей, что все эти люди будут мучиться в аду...

Каждую семью на земле мучают старики. Мое собственное предложение таково: в тот момент, когда человек начинает уходить, он должен уходить и из семьи тоже. В каждом месте, городе должны быть прекрасные дома с газонами, деревьями, фонтанами, где будут жить совместно старые мужчины и старые женщины. И вы будете удивлены: те старые дураки, которые осуждали молодежь, начнут влюбляться, потому что любовь никогда не умирает, никогда не становится старой. Она всегда там, молодая, — внутри вас.

Эти старики мучают молодежь, потому что перед собственными детьми, детьми детей, они не начнут свататься к какой-то старой женщине — это будет выглядеть очень неловко! Оставьте их одних, и скоро они забудут, что стары. Они будут жить дальше, они не будут такими раздражительными; они станут счастливыми людьми.

Так же мы посылаем детей в общежитие, учиться и возвращаться домой после своих университетских экзаменов — это треть жизни, лет двадцать пять, по крайней мере. Потом на двадцать пять лет им предоставляется жить в мире, работать в мире. А когда они уходят в отставку, они снова возвращаются в общежитие — не в такое общежитие, где мужчины и женщины отдельно, а в смешанное общежитие. И вы удивитесь, как счастливо выглядит ваш старый ворчун; никогда прежде он не был таким улыбающимся.

Теперь, когда время от времени он приходит домой, он всегда вносит с собой свежее дуновение. Случилось ли что-то странное? — ничего странного не случилось! Он влюбился в старую женщину, и в этом нет ничего неправильного.

Любовь должна быть вашей жизнью до самого последнего вдоха.

Но до сих пор мы держали поколения вместе — три поколения, четыре поколения вместе под одной крышей — отсюда разрыв поколений. Они даже не разговаривают. Они говорят только по делу, когда это абсолютно необходимо; иначе они избегают друг друга. Это уродливое устройство. Правильное устройство будет тогда, когда дети будут в школе, девочки и мальчики вместе, — чтобы познакомиться друг с другом. Чем больше они узнают друг друга, тем лучше будет возможность найти партнера в своей жизни.

Вы видите эту глупость?

Если вы желаете приобрести автомобиль, вы смотрите все каталоги всех автомобилей, вы

отправляетесь в демонстрационный зал посмотреть, какой автомобиль подойдет вам. Вы же не влюбляетесь в любой автомобиль, который проходит мимо, говоря: «Я влюблен в "форд"». А на следующий день вы видите «роллс-ройс» — теперь будут неприятности: «форд» не позволит вам смотреть на «роллс-ройс».

«Форд» скажет: «Закрой окна и смотри вперед!»

Было бы лучше, если бы вы увидели все автомобили, а потом выбрали один. Так мы и поступаем со всем, кроме самой важной вещи, выбора партнера — вашей жены, вашего мужа. Вы просто слепо влюбляетесь, не беспокоясь, что вокруг есть миллионы женщин, миллионы мужчин; и вскоре вы уйдете к кому-то, кто гораздо красивее, гораздо разумнее, больше любит. Вы будете страдать.

Дети должны жить в смешанных общежитиях; потом молодые люди должны жить в смешанных общежитиях; потом, наконец, на последнем этапе нашего обучения, старые люди должны жить в самых лучших из возможных мест, где они смогут играть в гольф, ездить верхом на лошади, пойти в бассейн, в лес, в горы, и они снова станут молодыми — по крайней мере, лет десять прибавится к их жизни. И они станут более понимающими, ведь они увидят, как еще больше любви возникает в их сердце. Поэтому, если их молодой сын влюбился в кого-то, в этом нет ничего неправильного. Это просто путь жизни, таким хочет быть суще.

Но старые люди всегда были озабочены тем, что такое добро и что такое зло. Альмустафа ответил:

О добре в вас могу я говорить, но не о зле.

Это столь содержательное утверждение, с таким смыслом и значением, что, если вы понимаете его, все ваше отношение к людям — основанное на суждениях — будет изменено.

Альмустафа говорит: *О добре в вас могу я заговорить, но не о зле...*

Почему? — потому что зло — это не что иное, как отсутствие добра. А что вы можете сказать об отсутствии? Это как темнота; вы можете говорить о свете, но не можете говорить о темноте. Во-первых, темноты не существует — это только отсутствие. Внесите свечу, и ее нет больше. И самое замечательное утверждение делает об этом Альмустафа:

Ибо, что есть зло, как не добро, терзаемое голодом и жаждой?

Темнота — это голод света; это жажда света, потому что она пуста. Такая же ситуация с добром и злом — это не две вещи.

У добра позитивное существование; грешник только в поиске святости. Не осуждайте его. Он идет наощупь в темноте — помогите ему. Не надо продолжать давать ему оценки и наказания, говоря: «Ты будешь брошен в ад». Несчастный пытается всеми путями обнаружить, где же свет.

Если вы пойдете к религиозному учителю, он расскажет вам: «Разбейте зло, и, когда вы раздавите зло, вы станете добрым». Это совершенно неправильный подход, который разрушил все человечество и всю его радость.

Если же вы приходите к мастеру, он скажет: «Не боритесь со злом — потому что это растрчивает вашу энергию. Борясь со злом, вы не можете создавать свет. Ищите свет, создавайте свет, и темнота исчезнет».

В этом вся разница. Так называемые религиозные учителя всех религий, без исключения, говорят вам: «Уничтожайте зло». Но вы не можете уничтожить его; все то, что является просто отсутствием, уничтожить нельзя.

Если я скажу вам: «Ступайте к себе в комнату и уничтожьте темноту, сражайтесь с ней, боритесь с ней, возьмите меч и отрубите ей голову», - самое вероятное, вы отрубите свою собственную голову. В темноте вы воюете с никем.

Вот старое определение философа: человек, который кромешной ночью в темном доме

вслепую разыскивает черную кошку, — которой там нет. Уж если каждый расстроен, что не может найти черную кошку...

Вас никогда не волновало то, что вы слепы; вас никогда не волновало, что в доме темно, ночь кромешная. Но поиск продолжается и продолжается. Зло и есть та черная кошка, которой не существует. Вот почему Альмустафа говорит: «С самого начала я буду говорить о добре в вас, но не о зле».

Такие великие прозрения Халиль Джебран возвращает к жизни...

Ибо, что есть зло, как не добро, терзаемое голодом и жаждой?

Значимость этого утверждения огромна. Каждый ребенок рождается добрым. Ребенок не рождается Рональдом Рейганом, Адольфом Гитлером, Иосифом Сталиным — но что же происходит? Эти люди пытались... Адольф Гитлер сначала хотел стать художником. Никакая художественная школа не приняла его, потому что он не был хорошим художником. Но я понимаю так, что, если он хотел быть художником, он мог бы вначале не быть профессионалом. Если бы был дан шанс, он, может, и не стал бы гением, Пикассо, но он мог бы стать по крайней мере неплохим художником — и Второй мировой войны можно было бы избежать, много миллионов людей не было бы убито.

Забракованный художественными школами, он задумал стать архитектором, и ему снова отказали.

Кажется, мы признаем только цветы, не семена.

Наше понимание так поверхностно, что мы не можем увидеть цветка в семени — и всякая образовательная система в этом смысле преступна. Они хотят, чтобы вы приходили как цветок, выросший, благоухающий; тогда вас признают. Но зачем цветку идти к вам? Ведь это семя переживает внутреннюю муку, хочет вырасти, иметь зеленую листву, хочет танцевать под солнцем, хочет растить цветы — дайте же ему эту возможность. И не требуйте от каждого цветка быть розой. А как же календула? Для календулы невозможно стать розой, она может быть только календулой.

Надлежащая образовательная система — мудрая образовательная система — не станет навязывать людям стандарты, она отыщет способы для конкретной личности, расти по своим собственным возможностям.

Если Адольф Гитлер хотел быть архитектором, что было неправильного в этом? Может, он и не создавал бы великих Тадж-Махалов, но я не думаю, что он не смог бы строить ваши квартиры, небоскребы... они не требуют большого ума. Совершенно идиотские конструкторы натворили всевозможных вещей, они заставили человечество жить в небоскребах. Какой ущерб мог нанести Адольф Гитлер? Но отверженный везде, этот постоянный отказ...

А все усилия Адольфа Гитлера были созидательными. Он хотел быть художником или архитектором, оба намерения созидательны. Он, может, и не пошел бы очень далеко, но что было неправильного? Не каждый хочет создавать Тадж-Махал, и не каждый может позволить себе Тадж-Махал. Есть люди, которым нужны посредственные архитекторы, потому что они могут себе позволить только посредственных архитекторов с их посредственными замыслами. Но постоянный отказ повсюду был как рана — это стало теми ранами, которые обратили его в политику.

Профессия политика — это единственная профессия, где не нужна никакой квалификации. Это странно: у них вся власть, власть над миллионами человеческих жизней и смертей — но никакой квалификации не нужно. А если вы хотите быть художником, квалификация необходима; если вы хотите быть архитектором, требуется талант. Но если вы хотите стать Адольфом Гитлером, никакая квалификация не нужна.

И он стал. На мой взгляд, вторая мировая война была не чем иным, как отмщением

человечеству, отвергнувшему человека, унизившему человека, его творчество, его стремление создать что-то прекрасное. Вторая мировая война была мстью с лихвой.

Если вы не позволяете творчество, оно обязательно станет разрушительным. Если вы не любите, вы обязательно возненавидите. Если вы не позволяете вашему добру расти, вы обязательно падете во тьму зла.

Воистину, когда добро терпит голод, оно разыскивает пищу даже в темных пещерах.

Такое прозрение очень редкостно. Такое сострадательное понимание уникально.

Воистину, когда добро терпит голод... — когда ваше сокровенное существо хочет быть добрым, но не находит нигде ни пищи, ни поддержки, что вам делать? — ...оно разыскивает пищу даже в темных пещерах, и когда оно жаждет, то не гнушается и затхлой водой.

И тогда вы осуждаете личность — за то, что он зло, он убийца, он вор. Вы сваливаете всю ответственность на личность, которая является маленьким человеческим существом. А все ваше общество так могущественно, что если оно решит подавить индивидуума и его добро, оно справится, каким угодно способом. И это не противоестественно — когда вы голодны, вы съедите все. Я знал людей, евших корни деревьев. Вы едите плоды деревьев, но если плоды недоступны, то люди начинают поедать корни.

Я слышал, что в голодные дни люди даже поедали своих собственных детей, но я не могу назвать их злыми. Матери даже продавали своих детей; они не могли набраться смелости съесть своего собственного ребенка, поэтому они продавали ребенка, прекрасно зная, что его съест кто-то другой, тот, кто купит. Но на деньги, которые они выручили, они могли купить какого-то другого ребенка... пища была недоступной. Разве вы назовете этих людей злом? Или просто их добру не было предоставлено достаточно возможности? Если вы жаждете в пустыне, вы можете пить что угодно, даже воду из канав. Вы не будете раздумывать, что это вода из канав — жизнь столь ценна...

Когда Александр Великий пришел в Индию, один саньясин спросил его: «Зачем ты мучаешь себя, бегая по всему свету, растрачивая свою жизнь? Какова цель?» Александр сказал: «Моя цель? Моя цель — завоевать весь мир».

Саньясин спросил: «Ты можешь быть достаточно терпеливым и ответить на один мой вопрос? Если бы ты заблудился в пустыне, терпя жажду и голод много дней, а я пришел со стаканом воды, какую часть своей империи ты был бы готов отдать в обмен на стакан воды?»

Никто и никогда не задавал такого вопроса Александру. Он сказал: «Сколько? Умирая, я могу отдать тебе половину моей империи».

Саньясин сказал: «Но я не согласен продать за половину империи — можешь умирать. Мне нужна твоя империя целиком, вся империя, а я даю тебе целый стакан воды».

Александр сказал: «Пожалуй, в такой ситуации я буду готов отдать тебе всю империю и взять стакан воды».

Саньясин рассмеялся. Он сказал: «Тогда тебе лучше отправиться домой. Не беспокойся об этой империи — ее стоимость не более чем один стакан воды».

Но эти люди — Александр Великий или другие из этой категории, — возможно, разыскивают что-то еще, не осознавая этого. Они в поисках величия, но величие не приходит от приобретения империи. Величие приходит, когда становишься своим истинным «я», приводишь свою потенциальную возможность к актуализации. Это может быть луговым цветком, это может не быть лотосом — но природа не делает различий.

Когда восходит солнце, оно не танцует, задерживаясь на лотосе. Оно не игнорирует цветок травы, заявляя: «С дороги — ты неприкасаемый, ты шудра! Я здесь ради цветов лотоса, роз».

Когда приходит дождь, он не делает никакого различия, никакой дискриминации; когда приходит ветер, и он не делает ни различия, ни дискриминации.

Реальный вопрос не в том, роза вы, цветок лотоса или просто безымянный цветок травы. Реальность в том, что цветок травы актуализирует свою потенциальную возможность, точно так же, как цветок лотоса актуализировал свою возможность. Реальная вещь — это актуализация семени, которое вы несете внутри себя; это делает вас великими, и это величие огромной скромности, без эго внутри.

Если у вашего величия есть что-то от эго, это означает, что ваше величие не настоящая актуализация. Вы попали на неверный путь. Вы хотели быть музыкантом, а стали инженером. Может, вы и стали самым великим инженером, но что-то в вас будет мучиться, ваше «я» будет оставаться в постоянном страдании. Все зло от этого страдания — вы раздражены, вы сердиты, вы завидуете другим; поскольку вы искалечены, вы не можете танцевать — отсюда ваша зависть.

Но природа наделила вас всех какой-нибудь уникальной потенциальной возможностью. Это и есть ваше добро — доведите его до цветения, до своего предельного роста. Вы будете удовлетворены, вы будете благодарны, и вы будете скромны — скромны перед этим безбрежным сущим, благодарны за то, что оно не послало вас пустыми, оно послало вас с некоторым потенциалом для работы.

Вы добры, когда вы одно с самим собою. Ни одна из ваших религий не позволяет вам быть добрым, потому что ни одна из ваших религий не позволяет вам быть одним с собою. Они разделяют вас. Они говорят: «Это хорошо, а это плохо. Плохой частью следует пренебрегать, игнорировать, разрушать, и только хорошая должна быть спасена».

Все религии были разрушительны для человеческой радости, человеческого счастья. Удивительно, что они создали множество способов сумасшествий, самоубийств, убийств — по той простой причине, что человеку не дают быть в единстве с самим собой. Они разрубаят вас на две части. Это как разделить птицу на две части — она не сможет полететь, ей нужны оба крыла.

Когда ваше добро и ваше так называемое зло — потому что это лишь отсутствие — функционируют гармонично, совместно, когда вы - не расщепленная личность, а одно органичное целое, ваша жизнь излучает красоту, ваша жизнь излучает божественное.

Вы добры, когда вы одно с самим собой. Но когда вы не одно с собою, вы не злы.

Халиль Джебран старается дойти до самых корней. *Вы добры, когда вы одно с самим собой...* но не подумайте, что если вы не одно с самим собой, вы злы, — нет. Когда вы не одно с самим собою, вы попросту отсутствие добра. Не называйте это злом — само это слово напрасно осуждает вас. Когда дома темно, это лишь означает необходимость света. Не осуждайте темноту.

Человек понимания будет наслаждаться и темнотой, потому что темнота имеет свою собственную красоту, свою собственную тишину, свою собственную глубину, которой не может иметь свет — свет поверхностен. В темноте это небольшое место становится огромным, потому что темнота не имеет конца. При свете все становится ограниченным, отдельным; в темноте все становится единым.

Мудр тот человек, который старается сделать даже свое так называемое зло созвучным со своим добром. Человек — это оркестр. Если вам не известно искусство музыки, оркестр может свести с ума, но если искусство вам известно, различные музыкальные инструменты сочетаются в единую музыку. Они различны, но они создают нечто единое — это единство и есть то, что Альмустафа называет добром.

Ибо поделенный дом — не прибежище воров...

Даже если вы не едины, не осуждайте себя, потому что даже *поделенный дом — не прибежище воров*; это всего лишь поделенный дом.

...и корабль без кормила может бесцельно блуждать среди коварных рифов, но так и не пойти ко дну. Злая личность просто сбилась с пути. Будьте добры с ней, не выносите приговора.

И тот, кто сбился с пути, может отыскать свой путь.

Вы добры, когда стараетесь дать от самих себя.

Он определил доброго, как единого с самим собою; теперь он расширяет определение: *Вы добры, когда стараетесь дать от самих себя...* Делитесь собой, всем, что у вас есть. Это может быть песней, это может быть просто молчанием — делитесь всем, что у вас есть. Чем больше вы делитесь, тем больше ваше сознание увеличивается, растет, расширяется. А расширение сознания — это самое счастливое переживание в мире.

Но вы не злы, когда ищете пользы для себя.

Он беспрерывно настаивает, чтобы вы отбросили идею зла полностью, потому что ваши умы столетиями были вынуждены мыслить только дуальностями. Если быть единым с собой — добро, тогда, разумеется, не быть единым — зло. Если делиться — добро, тогда не делиться (тут же скажет ваш ум) — зло. Попытка Халиля Джебрана имеет огромную ценность. Он говорит: *Но вы не злы, когда ищете пользы для себя*, потому что, если вы не ищете пользы для себя, как можете вы поделиться? Чем можете вы поделиться? Гаутама Будда может поделиться, но прежде чем делиться, он должен стать Гаутамой Буддой.

Христианские теологи были очень критичны к индийским мистикам — дескать, те эгоистичны. В их глазах просто медитировать — это эгоистичность: «Ступайте и служите бедным, откройте больницу, откройте школу, учите бедных. Станьте Матерью Терезой». Вот почему, как вы видите, Мать Тереза может получить Нобелевскую премию; но для медитирующего нет никаких шансов, потому что медитирующий — личность эгоистичная, он просто идет внутрь себя и наслаждается счастьем, благословением и экстазом.

«Служите нищим, служите сиротам» — это кажется настоящей религией. Это не так, потому что если у вас нет благословения, которое приносит медитация, все ваше служение весьма поверхностно. И в нем будут мотивы, может быть, и не очевидные обычным людям, но тот, кто смотрит вглубь, заметит их немедленно. Мать Тереза служит сиротам, с одной стороны, а с другой стороны, она против контроля рождаемости, потому что если будет контроль рождаемости, не будет сирот.

Сироты совершенно необходимы — как же иначе Мать Тереза получит Нобелевскую премию? Сироты совершенно необходимы — как же иначе католикам продолжать увеличивать свою численность? Их уже семьсот миллионов, откуда же им продолжать увеличивать свое число? — ведь на Западе более богатые страны уже не увеличивают свою численность, как это происходит на Востоке. Фактически в нескольких западных странах население убывает. Некоторые страны даже стараются стимулировать рождение детей, в противном случае они исчезнут — если такая убыль будет продолжаться, они исчезнут.

На Востоке проблема прямо противоположна. Так что все эти семьсот миллионов католиков происходят от бедных и сирот Востока. Восток почти как фабрика для католиков: вы производите детей, вам не под силу содержать их — отдавайте их Матери Терезе.

В Индию прибывает Папа, но он не идет встречаться с каким-либо великим медитирующим или в Гималаи. Никакой Папа не пытался когда-либо встретиться с Дж. Кришнамурти, который был на Западе. Напротив, Папы придерживались в прошлом той же стратегии, которой они придерживаются со мной сейчас. Множество раз самолет Дж. Кришнамурти был отвергнут аэропортом из-за того, что католики не позволили ему приземлиться. Ни один Папа не прибыл увидеть Раману Махарши. В их глазах эти люди эгоистичны.

Но каждый Папа, который приезжает, должен пойти к Матери Терезе, потому что она продолжает набирать все больше и больше католиков. Внутренние мотивы очень уродливы. Это не служение, это политика. Это политика количества. Халиль Джебран прав: *Но вы не злы, когда ищете пользы для себя*. Фактически, сначала вы должны искать пользу для себя во всех

измерениях — материальном и духовном; только когда вы разбогатеете во всех измерениях, вы сможете поделиться. Поэтому я не скажу с Иисусом: «Блаженны нищие». Это не что иное, как утешение. И я больше согласен с Карлом Марксом, который говорит: «Ваши религии — не что иное, как опиум для народа».

«Блаженны нищие, ибо они унаследуют царство Божие». Странно — если они блаженны, почему они не получают царство Божие здесь и сейчас? Нет, их царство Божье после смерти. Это явная хитрость, ведь никто не возвращается после смерти и не рассказывает людям, что нищие, в самом деле, блаженны. Я говорю вам: блаженны богатые во всех измерениях — материальном и духовном — ибо они в состоянии делиться своим богатством.

Зачем понапрасну привносить Бога во все? Бедняга сбежал через шесть дней после того, как сделал этот мир; с тех пор Его не видно и не слышно. Зачем зря привносить Его? Я говорю: блаженны богатые во всех измерениях, ибо они в состоянии поделиться своими богатствами. Это может быть из души, это может быть из тела, это может быть из ума, это может быть из сердца — не имеет значения; но делиться — это одно из самых замечательных переживаний жизни.

Делиться — вот что делает вас религиозным.

Это не делает вас христианином, индуистом или мусульманином; это делает вас просто религиозным. А быть религиозным прекрасно. Быть христианином, быть индуистом, быть мусульманином, быть евреем — эти уродливые наименования должны быть совершенно отброшены и забыты. Они разделяют человечество, и они дают людям идеи превосходства над другими.

Евреи считают, что они богоизбранный народ. Так почему вы сердитесь на Адольфа Гитлера за то, что он считает нордических немцев богоизбранным народом? Из-за конфликта вокруг того, кто на самом деле богоизбранный народ, он убил миллион евреев в Германии, чтобы доказать, кто является богоизбранным народом: «Теперь позвольте нам решить это». И если мы посмотрим на факты, то окажется, что нордические немцы и есть богоизбранный народ.

Я слышал об одном старом еврее, который умирал. Пришел рабби и спросил его: «Ты помолишься Богу перед смертью? Смерть совсем близко».

Старый еврей сказал: «Я молюсь».

Рабби спросил: «О чем же ты молишься?»

Старый еврей сказал: «Я молюсь так: "Довольно! Выбери кого-то другого — нас терзали уже четыре тысячи лет из-за Твоей глупой идеи, что мы богоизбранный народ. Ты не дал ни единого указания, что мы избранный народ, и эта идея превосходства создала антагонизм в каждом!"»

Индуисты думают так же... Каждый имеет монополию на Бога! Лучше не привносить понапрасну гипотез, это вопрос трансформации вашей реальной жизни.

Ибо когда вы рассчитываете извлечь пользу, вы всего лишь корень, что льнет к земле и сосет ее грудь.

Красота его слов безупречна. Он говорит: «Когда вы эгоистичны, медитативны, просто стараетесь развернуть свое собственное существо — вы подобны корням дерева, которое сосет грудь матери земли». Но для чего? Весь этот сок взойдет по дереву, станет зеленой листвой, тенью усталым и утомленным, станет цветами для тех, кто может ценить красоту, цвет, аромат... станет плодами для тех, кто голоден. Корни сосут грудь матери земли, но не для себя — окончательным результатом обязательно делятся.

Поэтому когда вы медитируете, вы движетесь к своим собственным корням. А если вы не найдете свои корни, вы никогда не будете в состоянии найти свои цветы и свои плоды. Корни не

могут делиться, но без корней не бывает ни плодов, ни цветов. Фактически, цветы и плоды просто продолжение корней. Не называйте корни злом из-за того, что они не делятся. Непосредственно они не делятся, но косвенно — вся их жизнь не что иное, как доставка сока плодам, цветам, щедрость ко всем.

Истинно, плод не скажет корню: «Будь таким, как я, спелым, сочным и вечнодающим от своего изобилия».

Почему плод не может сказать так? Он не может сказать,

Ибо для плода потребность давать — как получать — потребность для корня.

Жизнь — это органичное единство. Если есть только отдача и нет получения, кому же вы собираетесь давать? Если есть только получающие и нет дающих, от кого они собираются получать? Жизнь — это баланс между отдачей и получением. Корни получают от земли, а плоды и цветы продолжают возвращать земле. Это круг. Человек в своем невежестве разрушил этот круг во многих местах, потому и возник большой экологический кризис. Мы продолжаем отбирать у земли, но мы не возвращаем ничего. Земля

постепенно делается бесплодной, мертвой. А если умирает земля, умирает кое-что и в нас тоже, потому что мы — часть целого.

Вы считаете, что деревья зависят от земли, потому что у них есть корни и они пьют сок земли. Вы тоже зависите от земли, потому что те плоды, те цветы, в конечном счете, попадают к вам. И вы должны делиться — вы деревья, которые могут ходить. В Африке есть деревья, которые ходят. Твердая почва затруднительна для ходьбы — корни не в состоянии передвигаться. Но в Африке есть места, где почва не такая твердая, и там деревья передвигаются. Если воды больше к северу, деревья начинают двигаться на север; когда вода заканчивается, деревья начинают рассеиваться по другим направлениям.

Мы тоже деревья, мы тоже связаны с сущим многими способами. Каждую секунду вы вдыхаете и выдыхаете. Попробуйте не выдохнуть — а это и есть даяние — и вы умрете. Даяние — это жизнь.

Эти деревья тоже дышат. И жизнь — это замечательное единство: вы вдыхаете кислород и выдыхаете двуокись углерода, а деревья вдыхают двуокись углерода и выдыхают кислород; это своего рода братство. Без деревьев вы не сможете жить; без вас деревья не смогут жить.

Есть постоянная отдача и получение — солнце дает вам жизнь, витамины; луна дает вам нечто очень таинственное. Кроме Махавиры, все мистики становились просветленными в ночь полнолуния. В ночь полнолуния больше людей сходит с ума, — количество удваивается, — чем в любой другой день. Больше людей совершает самоубийство, — снова удвоенное количество, — чем в любой другой день. Больше людей совершает убийство, — в удвоенном количестве, — чем в любой другой день. Ночь полнолуния что-то делает с этим.

От просветления и до убийства... ночь полнолуния как-то возбуждает вас. Если вы двигаетесь глубже в медитацию, она ведет вас ещё глубже в медитацию. Если вы жаждете убить кого-то и не в состоянии набраться смелости, луна придаст вам смелость. То, что было невозможным прежде, становится возможным в ночь полнолуния.

Испокон веков больше людей сходило с ума в ночь полнолуния — так много, что в каждом языке для сумасшествия или безумных людей существует слово, которое связывает сумасшествие с луной. По-английски это «лунатик», происходит от луны. На хинди это *чандмара*, «убитый луной».

У Георгия Гурджиева было великое прозрение, что это не может быть односторонним: точно как с деревьями мы получаем и отдаем, мы должны отдавать солнцу и получать от него, отдавать луне и получать от нее. Это должно быть сбалансировано. Мы еще не в состоянии расшифровать точно, что мы отдаем солнцу, что мы отдаем луне, но мы, очевидно, отдаем, ведь

то, что мы получаем, нам известно. Рано или поздно будет открыто, что точно так же как мы не можем жить без солнца... А если однажды солнце не взойдет, вы не проснетесь даже к своему утреннему чаю в постели; вам конец. Ваша жизнь приходит от этой далекой звезды, Солнца.

Но я всегда считал — и я согласен с Георгием Гурджиевым, хотя и нет ни оснований, ни доказательств, — что, если каждый человек на земле, каждое животное, каждое дерево умирает — для чего люди вроде Рональда Рейгана прилагают все усилия — если все живое на земле умрет, солнце не взойдет на следующий день. Невозможно, чтобы мы были просто получающими, и не дающими. Если мы каким-то образом получаем жизнь от Солнца, очевидно, мы и отдаем каким-то образом жизнь Солнцу. Мы все связанное целое, взаимозависимое, один организм. Отсюда может быть сделан вывод: становитесь богаче в каждом измерении. Будьте творческими, любящими, медитативными — и делитесь. А чем больше вы отдаете, тем больше существование осыпает вас цветами блаженства и экстаза.

Единственное добро — это быть в позиции единства, а не в постоянном конфликте внутри себя, потому что такой конфликт разрушает вас, не оставляет энергии делиться. Когда вы едины, энергии становится так много, что вы напоминаете дождевую тучу, переполненную дождем, и готовую пролиться где угодно.

Делиться — это самое драгоценное религиозное переживание.

Делиться — это добро.

И Альмустафа говорит: «Я не буду говорить о зле, потому что зло — это всего лишь отсутствие». Быть скупым — зло. Вы имеете, но хватаете еще, нужно вам это или нет. Вы упустили величайшую радость жизни — ту, что от даяния. Принимайте с благодарностью. Отдавайте со скромностью.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

11. ТОЛЬКО ВОПРОС ОСОЗНАНИЯ

3 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Вы добры, когда говорите, полностью пробудившись от сна. Но вы не злы и когда спите, а язык ваш болтает попусту. И даже косноязычие может укрепить слабый язык.

Вы добры, когда твердо идете к своей цели уверенной поступью.

Но вы не злы, когда идете к ней хромя. Даже те, кто хромяют, не идут вспять.

Но вы, сильные и быстрые, не притворяйтесь хромыми перед хромым, полагая это благонаравием.

Нет числа примерам вашей доброты, но вы не злы и тогда, когда вы не добры,

Вы лишь бездельничаете и ленитесь.

Жаль, что олени не могут научить черепах проворству.

В вашем стремлении к вашей сущности исполина лежит ваша доброта: и такое стремление во всех вас.

Но у некоторых это стремление — бурный поток, что мчится к морю, неся тайны горных склонов и песни леса,

А в других — это мелкий ручей, что теряется в излучинах, петляет и иссякает прежде, чем достигнет моря.

Но пусть тот, кто жаждет многого, не говорит тому, кто довольствуется малым: «Почему ты медлишь и колеблешься?»

Ибо, истинно добрый не спросит нагого: «где твоя одежда?» — и не спросит бездомного: «что случилось с твоим жильем?»

Это самая фундаментальная попытка Халиля Джебрана разрушить саму идею зла. И в этом он абсолютно прав.

Идея зла — это выдумка духовенства всех религий. Это отличное средство для эксплуатации человечества, потому что, если ваш ум заразится идеей зла, вам никогда не жить в мире, вам никогда не жить в единстве, вам никогда не выпрямиться с человеческим достоинством. Наоборот, идея зла порождает в вас раны, которые вы знаете как вину.

Ничто естественное не обязано отстаивать себя; называете вы это добром или злом — значения не имеет. Солнце взойдет на Востоке; это не зависит от вашего мнения.

В глубине своего существа вы явление не простое — вы сложны. Можно осуждать что-то, и осуждение оправдывать всевозможной рациональностью и логикой, вырывая из контекста; и ту же вещь можно хвалить — если вы не разделены на хорошее и плохое, высокое и низкое. Если вы — единое органичное целое, тогда то, что выглядит злом вне контекста, становится чрезвычайно ценным для целого, на своем собственном месте. Весь вопрос в том, как привести в порядок ваше внутреннее существо?

Все религии преступны в том смысле, что они не позволяют человеку стать слаженным, как оркестр. Они разделили человека: часть они назвали добром, а другую часть они осудили как зло. Но обе части существуют вместе и могут существовать только вместе.

Теперь человек чувствует себя беспомощным: опасность с обеих сторон. Если он следует природе, все религии обязательно называют его греховным; если же он не следует природе, а следует принципам и доктринам, проповедуемым священниками, он находится в постоянном

конфликте. Он становится лицемером, он притворяется добрым — ведь это респектабельно, почетно, — а с черного хода дает волю своей природе.

Этот дуализм, эта двойственность, эта шизофрения уничтожила все достоинство человека, всю его гордость. Даже дикие животные движутся горделиво, с естественным достоинством и грацией, человек же до того обременен... Все то естественное, что в вас есть, было отравлено религиями.

Всего несколько примеров помогут вам. Все религии соглашаются в одном пункте. Они различны в своих философиях, но они не отличаются относительно разрушения человеческого достоинства: все то, что приятно, должно быть осуждено — простой критерий для всех; а все то, что мучительно, трудно, нужно расхваливать как добродетель, благочестие, святость.

Я странствовал по этой стране почти два десятка лет, встречая всевозможных святых и грешников, — и сделал вывод, что грешник более невинен, потому что он избрал путь природы, хоть и не получил уважения. Он смеется сердечнее, поет более радостно, танцует, как Зорба... но весь мир осуждает его. Он как ребенок.

И я видел ваших святых — все они ловкачи, все без исключения лицемеры, потому что все, что они проповедают, и все, что демонстрируют миру, — подделка, всего лишь маска. Подспудно природа накапливает энергию для взрыва; если вы не даете естественного пути, то это обязательно взрывается каким-то извращением.

Часть всех извращений на земле полностью обязана своим происхождением религиям. Никакое животное не извращено на воле: вы сталкивались с оленем, которого можете назвать извращенным? — или львом, или птицей, свободной в бескрайнем небе под солнцем? Вы сталкивались когда-нибудь с птицей, которой нужен психоанализ, с оленем, которому нужна психиатрия, с деревом, которому нужно какое-то психологическое лечение? Они не извращены, потому что — к счастью — не понимают языка, на котором говорили священники, потому что — к счастью — они не христиане, не индуисты, не мусульмане и не буддисты. Розовый куст — это просто розовый куст, без всякого имени прилагательного, — вы же не назовете розовый куст христианским, если вы не сумасшедший.

Но человек был под влиянием священников, а те осуждали в вас все то, что может заставить вас улыбнуться, что может заставить вас петь, что может заставить вас танцевать, что может допустить вашу любовь к цветению. Они калечили вас всеми способами, они подрезали ваши крылья — вам не улететь в небо. Они отняли вашу свободу, ваше достоинство. И их стратегия — в создании идеи зла. Раз вы под влиянием идеи зла, вы проживете всю свою жизнь в страхе. Чем бы вы ни занимались, вы всегда будете бояться — кто знает, добро это или зло?

Здесь Халиль Джебран пытается разрушить само основание эксплуатации, созданной священниками.

Не бывает такой вещи, как зло.

Существование — это просто добро.

Существование — это чистая невинность.

Да, это самое сложное явление.

Вы можете поставить вещи вверх дном, можете сделать свою жизнь расстроенной, отсталой, но это не зло. Это всего лишь человеческое заблуждение. И понять каждую ошибку с глубокой бдительностью, так, чтобы это никогда не повторилось снова... Делать ошибки хорошо — это единственный путь вырасти, научиться, созреть. Но делать одну и ту же ошибку снова и снова глупо. Однако и это не зло; это неразумие.

Халиль Джебран говорит:

Вы добры, когда говорите, полностью пробудившись от сна.

Кое-что о речи нужно понять. Есть определенная гармония между вашей мыслью, вашей

речью и вашим действием. Речь как раз посредине. Перед речью — мысль; мысль — это невысказанные слова, еще в утробе.

Когда мысли рождаются в мир, они становятся речью, а если ваша мысль и речь гармоничны, они пройдут еще один шаг, и это будет действием. И когда все эти трое вместе, а не против друг друга... Только при вашем осознании возможно так, что все, что вы думаете, — вы говорите и все, что вы говорите — вы делаете. Ваше действие — это ваша глубочайшая мысль, вынесенная прямо в свет дня перед миром. Это выставляет напоказ ваше сердце.

Речь — это посредник между мыслью и действием — вот почему он выбрал речь. Если вы полностью пробуждены, когда говорите, — вы добры; пробудившись в своей речи, вам нужно будет пробудиться и в своей мысли, поскольку мысль — это потенциальная речь, как раз на грани, а слово как раз у вас на устах. Далее вы не сможете осознавать только свою речь, вы будете осознавать и свое действие тоже.

Действие и мысль почти как два крыла. Речь точно посредине. А тот, кто находится в середине, — полностью пробужденный; он может смотреть по обе стороны: он может смотреть внутрь, где возникает мысль, и он может смотреть наружу, где рождается действие.

Вы добры, когда говорите, полностью пробудившись от сна... — в своей мысли, в своем действии. Таков величайший критерий, когда-либо дававшийся человеку всеми мистиками мира: осознание всего того, что продолжается внутри ума, всего того, что продолжается в ваших словах, и всего того, что становится действием, — и есть добро. Обычно люди считают, что вынуждены считать «хорошо» или «плохо» характеристиками всего, что бывают хорошие вещи и бывают плохие вещи. Это не так, «хорошо» и «плохо» не имеют ничего общего с реальными вещами.

Осознание — это добро; отсутствие осознания — не зло, это просто не-добро. Не делайте их синонимами. «Не-добро» — это только негативное утверждение; а в тот же миг, когда вы говорите: «Зло, плохо», — вы делаете позитивное утверждение. Одно и то же действие с осознанием может быть добром, а бессознательное — не может быть добром.

Божественность — это не качество вещей или действий.

Она имеет что-то общее с вашей медитацией.

Она имеет что-то общее с вашим пробуждением, с тем, насколько вы бдительны.

Однажды утром Гаутама Будда проходил через деревню с одним из самых близких своих учеников, Анандой. Прилетела муха и села ему на лоб. Он отвечал на какой-то вопрос Ананды и до того увлекся ответом, что безо всякого осознания, механически взмахнул рукой. Муха улетела, но тут он вдруг осознал, что взмах рукой был проделан без осознания, это было механическим. Вы можете сделать такое действие, даже когда спите. Если во время сна вы почувствуете, как что-то ползает у вас по ногам, вы просто сбросите его, и ваш сон не нарушится. Это процесс механический, ваше тело не беспокоит вас.

Будда стал посреди улицы, снова поднял свою руку и с великой грацией и осознанием поднес ее ко лбу. Ананда сказал: «Что ты делаешь? Муха давно улетела».

Будда произнес: «Меня не интересует муха, я интересуюсь собой. Я поступил бессознательно. Меня слишком сильно заинтересовал твой вопрос, и, когда я отвечал на него, моя рука двигалась механически; я пытаюсь увидеть, как ей следовало двигаться. Это не имеет с мухой ничего общего, Моя рука должна была двигаться с осознанием».

Действие с осознанием — это добро, но и действие без осознания не есть зло, это просто не-добро. Это различие надо запомнить, потому что не-добро может быть немедленно трансформировано в добро; это всего лишь вопрос осознания. Первое действие Гаутамы Будды, когда он взмахнул рукой, не было добром. Второй раз он взмахнул рукой — хоть теперь там мухи и не было — и движение имело грацию, красоту, божественность, потому что за ним было

осознание. Не-добро можно изменить в добро осознанием, но если вы делаете его злом, тогда это становится огромной проблемой: как тогда избавиться от зла?

Религии предписывают людям поститься, но что общего у поста с добром? Вы можете лишь умереть от истощения. Постясь непрерывно, можно оставаться более-менее живым, по крайней мере, девяносто дней; вы станете просто скелетом, но все же будете живы. А связи с добром или злом нет вообще. Религии говорили людям: «Поститесь, и это очистит вас». Если это верно, тогда миллионы людей, страдающие от голода, будут самыми чистыми... и не помогайте им, не делайте их нечистыми; пускай они умирают от истощения, так они станут самыми добродетельными людьми в мире. Здесь же нет никакой связи!

Для уничтожения зла предлагались всевозможные идиотские вещи. Они и должны быть идиотскими, потому что, во-первых, зла не бывает, и поэтому все то, что вы предлагаете, обязательно будет бессмысленным, неуместным.

Это великое прозрение в подлинную религиозность: не разделяйте на добро и зло. Разделяйте только на доброе и не-доброе. Не-доброе это всего лишь отсутствие осознания, а доброе — это наличие осознания. Жизнь становится очень простой, трансформация становится очень легкой.

Вам не нужно мучить себя, потому что мучением вы не сможете трансформировать себя. Вам не нужно становиться на голову и заниматься позами йоги, так или этак выкручивая свое тело. Если вы готовитесь для цирка, дело другое, но если все эти практикующие йогу достигают небес, то вокруг Бога, очевидно, непрерывный цирк — по всему раю люди занимаются диковинными выкрутасами.

Йога не может очистить вас — она может дать вам лучшее здоровье. Я полностью за йогу как гимнастику, но не как часть храмов. В гимнастику она может сделать неплохой вклад. Она может дать вам лучшее здоровье, более долгую жизнь, она может предотвратить множество всевозможных заболеваний, она может излечить многие болезни, которые уже есть у вас. Но она не может трансформировать то, что является не-доброе, в добро, потому что она не может дать вам осознание.

Но вы не злы, когда спите, а язык ваш болтает попусту.

Когда Гаутама Будда говорит, это говорит Сам Бог; существование пользуется Гаутамой Буддой как средством передать вам послание, разбудить вас: для чего вы пришли сюда? Это добро, потому что оно исходит из тотального осознания, абсолютного молчания. Это не Гаутама Будда разговаривает с вами, Гаутама Будда лишь предоставляет существу говорить через себя.

Сущее не может говорить с вами непосредственно. Ему нужно какое-то средство, ему нужен какой-то полый бамбук — ставший флейтой. Тогда уста сущего могут создать прекрасную песню и музыку. А полый бамбук означает, что вы осознаете настолько, что в вас нет эго.

Эго бывает только в темных углах вашего существа.

Когда осознание тотально, эго исчезает.

Эго никогда не находил никто из тех, кто искал внутри со светом осознания; оно не существует. Опять-таки, это отсутствие — не зло; эго является не-доброе, но не злым.

Эго означает, что вы никогда не обращались к своему существу, вы никогда не смотрели себе внутрь, вы никогда не применяли свое осознание к своему внутреннему, к своей субъективности.

Когда вы обращены внутрь, эго исчезает.

Помните, оно не исчезнет от поста, оно не исчезнет от йогических поз; помните, оно может стать даже более сильным, оно может стать даже более тонким, более опасным. Это не вопрос дисциплины, это просто вопрос бдительности.

Халиль Джебран прав: даже ночью, когда вы порой произносите, запинаясь, некоторые

слова попусту — к месту, не к месту... — это не зло. Это просто не-добро, ваш сон нарушен; не осуждайте это.

И даже косноязычие может укрепить слабый язык.

И помните всегда, что мудрый человек может воспользоваться своим не-добром для каких-то целей, укреплять свою доброту, свою добродетель. Он дает замечательный пример: *и даже косноязычие может укрепить слабый язык...* так что, когда вы пробуждены, ваш укрепленный язык будет вкладом вашего сна, вашего заикания во сне.

Было так. Я когда-то снимал квартиру в своем университете с еще одним студентом. Мы прожили вместе шесть месяцев, он никогда не заикался — я этого и не предполагал — но однажды навестить его приехал отец, и он сейчас же начал заикаться. Я был ошеломлен. Когда его отец уехал, я спросил: «Что с тобой случилось?»

Он сказал: «Это моя проблема. С самого моего детства он до того жестко дисциплинировал и воспитывал меня, что породил только страх и никакой любви. Поскольку мы жили в совсем маленькой деревне, где не было школы, он был и моим первым учителем; это и есть мое расстройство — всю мою жизнь он испортил страхом. Со страхом я начал изучать язык, говорить, — и все было неправильным, все было несовершенным».

От маленького ребенка не ожидают совершенства. Его нужно всячески поддерживать, но вместо того, чтобы поддерживать, его били. Заикание стало фиксированным явлением в нем, возникая не только от отца, но и от любого образа отца. В храме — из-за того, что Бога называют Отец — он не мог молиться без заикания. Он был христианином — и не мог говорить с епископом, не заикаясь, потому что он должен был обратиться к епископу — «отче». В тот же миг как слово отец приходило ему на ум, все ассоциации страха, битья...

Я сказал: «Сделай одну вещь. Начни звать меня отцом».

— Что? — спросил он.

Я сказал: «Я стараюсь помочь тебе. Я, конечно, не твой отец, и не епископ, и не Бог Отец, который сотворил мир, — я просто твой сосед по квартире. Но начни называть меня отцом, и давай посмотрим: сколько будут продолжаться старые ассоциации?»

Он сказал: «Выглядит абсурдно — называть тебя отцом; ты ведь моложе меня».

— Не имеет значения, — сказал я.

— Но, — сказал он, — идея привлекательна.

— Попробуй, — сказал я, и он попытался.

Сначала он заикался, но понемногу — так как он знал, что я не его отец, и то, что он мог называть меня отцом, стало просто игрой — через три или четыре месяца его заикание исчезло. Итак, я не был его отцом; это было просто средство, самое произвольное; оно никоим образом не было истинным — но оно помогло.

Когда в следующий раз прибыл его отец, он посмотрел на меня, и я дал указание: «Начинай».

Его отец с изумлением произнес: «Что произошло с тобой, ты не заикаешься?»

Он сказал: «Я не заикаюсь даже в церкви, я не заикаюсь даже, молясь Богу Отцу. Почему я должен заикаться перед тобой? Но мой настоящий отец сидит здесь. Он терпел мое заикание четыре месяца подряд, но продолжал ободрять меня: «Не беспокойся. Вот уже девяносто девять процентов, вот уже девяносто восемь процентов» — и постепенно это исчезло. Однажды он сказал: "Теперь уже не нужно; ты можешь говорить, с кем угодно не заикаясь. Твой страх исчез — от искусственного средства"».

Халиль Джебран прав: *Даже косноязычие может укрепить слабый язык...* Используйте то, что религии прозвали «злом». Вначале измените это слово, назовите его не-добром, и вы уже сделали первый шаг к трансформации. И помните: даже не-доброе можно использовать таким

образом, что, вместо того чтобы стать камнем преткновения, оно становится камнем шага.

Мудрый человек тот, кто использует все, что природа дала ему, для создания чего-то более прекрасного. Но религии не давали человечеству.. Вместо того чтобы постараться сделать человека единым целым, они рассекали человека на части: в этом ваше несчастье, в этом ваш ад.

Очень небольшими изменениями можно достичь эффектов огромной важности. Выбросьте идею зла совершенно из своих умов; замените его не-добром, и тогда до добра не так далеко. Просто «не-» должно быть отброшено. Между «злом» и «добром» моста нет, а между «не-добром» и «добром»... все, что вам надо сделать, так это отбросить «не-». Разница между просветленным существом и вами всего лишь в этом простом «не-». Он пробужден, а вы спите. Быть пробужденным — добро, быть спящим — не-!

*Вы добры, когда твердо идете к своей цели уверенной поступью,
Но вы не злы, когда идете к ней хромая.*

Различными путями он дает вам одно и то же послание: вы добры, когда ступаете твердо, смело, но вы не злы и когда хромаете. Я говорю вам: ваши религии не были достаточно сострадательными. Они называли хромящего «злом», грешником, который будет страдать в аду. Вместо того чтобы помогать ему, чтобы хромота смогла трансформироваться в твердую поступь — возможно, те священники и ответственные за его хромоту, потому что он боится идти куда хочет. Священники осудили, а его природа тянет его к тем вещам, которые осудили священники — вот почему он хромает.

Хромота просто означает, что он не искренен в этом. Половина его существа говорит: «Не ходи», — половина его существа говорит: «Иди». Разделенная меж этими двумя, его смелость пропадает, он делается хромой личностью. Ему нужна всяческая помощь, не осуждение.

И утверждение Халиля Джебрана прекрасно:

Даже те, кто хромают, не идут вспять...

Вот это несомненно! Они достигнут чуть позже, вы достигнете чуть раньше, ну и что? Несомненно одно: они не идут вспять.

Но вы, сильные и быстрые, не притворяйтесь хромыми перед хромым, полагая это благонаравием.

Это самое пронзительное прозрение в человеческую психологию. Кто-то хромает, и из сострадания — вот как вы думаете, вот как вас научили думать — вы тоже хромаете, чтобы никоим образом не оскорбить хромого. Но это не поможет. Вместо одного хромого человека теперь двое хромых, и скоро здесь будет семьсот миллионов хромящих католиков! Это не благонаравие, это суцая глупость. Это не сострадание, это просто дурь.

Имейте сострадание к лицу, которое хромает, научите его, как не хромать, помогите, возьмите за руку, ободрите его. Скажите ему: «Не беспокойся, ты не движешься вспять. Даже если ты медлишь, вреда нет. Ты достигнешь немного позже. В этой бескрайней вечности будет ли иметь значение, достигнете вы утром, днем или вечером? Вопрос в том, что вы достигаете».

Даже хромые все-таки достигают. А иногда, пожалуй, они достигают и раньше тех, кто идет уверенно, смело шагая, потому что уверенно идущие и смело шагающие люди слишком торопятся, слишком сильно спешат. Они утомятся прежде хромых. Хромые не будут уставать вообще — они движутся непринужденно. Скоро они обнаружат тех проворных, уверенно шагающих людей отдыхающими, похрапывающими под деревом. У жизни свои тайны!

Порой святые остаются позади, а грешники выходят вперед, потому что они движутся так медленно, что не устают. Люди, которые движутся уверенно и с большой скоростью, считают, что они могут позволить себе немного отдохнуть — хромые остались далеко позади. Но их отдых может обернуться сном, и во время их сна хромые могут обойти их.

Никогда не привязывайтесь к этой идиотской идее — что с хромым вы должны хромать,

иначе он будет обижен, почувствует унижение. Зачем касаться его комплекса неполноценности? Полагайтесь на действительность...

Я приведу вам пример о Махатме Ганди. В Индии железнодорожные поезда имеют четыре класса — кондиционированный, первый, второй и третий. А страна до того бедна, что позволить себе билет даже на третий класс трудно почти для половины населения. И Ганди начал путешествовать в третьем классе.

Беседуя с его сыном, Рамдасом, я как-то сказал: «Третий класс — это просто столпотворение, он уж слишком переполнен — и это не поможет бедным».

Но вот что удивительно: из-за того, что Ганди путешествовал третьим классом, для него заказывали целый вагон. Вагон в шестьдесят футов, где могло бы ехать, по меньшей мере, человек восемьдесят-девяносто, занимал он один. А его биографы пишут: «Он был так добр к бедным».

Он употреблял козье молоко, так как оно дешевле всего и беднейшие люди могут позволить себе его. Естественно, каждый, ограниченный идеей, тотчас же оценит — какой он великий человек! Но вы не знаете кое-чего о его козе! Я немного безумен: я не интересуюсь Махатмой Ганди, я интересуюсь его козой.

Я разузнал все про эту козу, и обнаружил, что его козу мыли ежедневно туалетным мылом «Люкс». Пища для козы стоила в те дни десять рупий — десять рупий было месячным окладом школьного учителя, — но никто не обращал внимания на это. Только одна женщина, самая разумная женщина из круга Махатмы Ганди, Сароджини Найдугу — позже она стала губернатором Северной Индии, — пошутила однажды, что для того, чтобы содержать бедного Махатму Ганди, приходится тратить сокровища. Его бедность стоит нам очень дорого.

Но это срабатывало. В политике он стал величайшим политиком, поскольку люди бедные думали: «Вот этот человек и есть наш настоящий представитель, потому что он живет как бедняк в коттедже, пьет козье молоко, путешествует третьим классом». Но они не знали подоплеку — содержать его бедность обходилось очень дорого.

Идею он взял от христиан. По рождению он индуист, но родился в Гуджарате, который, хоть в основе и индуистский, находится главным образом под влиянием джайнизма; люди не все джайны, но джайнизм всегда был тонким духовным влиянием во всем Гуджарате. Потом он уехал на Запад учиться, соприкоснулся там с христианскими миссионерами и много раз был на грани обращения в христианство. Если поделить его жизнь, то он на девяносто процентов христианин, на девять процентов джайн, на один процент индуист.

Но в этой стране большинство индуистов. Чтобы повлиять на этих индуистов, он использовал совершенно новый вид стратегии, которая состояла в том, чтобы жить как бедный человек. Его одежда, его жилье, его пища — все создаст у вас впечатление очень бедного человека. Но если рассмотреть все детально, беспристрастным взглядом, вы удивитесь: на самом деле все гораздо дороже, и даже богатейший человек, живущий во дворце, обойдется дешевле. Но он преуспел в обмане людей. Это одно из проклятий, которое христианство принесло человечеству. Другие религии помогли, но христианство — в высшей степени.

Халиль Джебран, сам христианин, не одурачен такой идеей.

Но вы, сильные и быстрые, не притворяйтесь хромыми перед хромым, полагая это благонаправленным.

Чем занимаются все ваши святые, которые живут как бедные люди? Это никоим образом не помогает бедным людям, это просто обременяет их.

В Индии миллионы монахов — индуистов, буддистов, джайнов. Все они живут жизнью бедняков. Бедняки не в силах справиться со своей собственной жизнью, а все эти миллионы монахов, которые ничего не производят, ничего не создают, сидят на шее у бедных индийцев,

высасывая их кровь — и к тому же с огромным авторитетом, потому что они живут как бедные люди, - вы должны поклоняться им, вы должны кормить их, вы должны одевать их.

Я как-то сказал Рамдасу, сыну Махатмы Ганди, что если это сочувствие, благонаравие и сострадание, — жить как бедный человек среди бедняков, — тогда как насчет всего остального? Если есть несколько слепых людей, должен я жить в слепоте? Или есть неразумные люди — а они есть, весь мир полон неразумных, — надо ли мне тоже быть отсталым и глупым, просто из сочувствия?

Нет, это не может быть критерием существования доброго, добродетельного, религиозного. Если кто-то болен, это не значит, что доктор должен прийти и улечься на другую кровать, чтобы помочь больному. Каждый видит всю бессмыслицу этого. Доктор должен оставаться здоровым, чтобы помогать тем, кто болен. Если он и сам заболевает из сочувствия, тогда кто же поможет? То же верно и для внутреннего роста человека.

Нет числа примерам вашей доброты, но вы не злы и тогда, когда вы не добры, вы лишь бездельничаете и ленитесь.

Каждый добр, более или менее; нет никого злого, это просто выдумки священников, чтобы заставить вас почувствовать вину, чтобы уничтожить даже ваше человеческое достоинство и гордость и сделать вас уязвимыми для духовного порабощения.

Есть добрые люди; есть некоторые другие, которые просто чуть дальше от добра, но приближаются... Это бескрайнее человечество, и мы почти как в очереди.

В одном из древних писаний Тибета утверждается, что небесные врата очень узки — только одному можно пройти. Естественно, если небесные врата столь узки, что пройти может только один, вам не удастся провести с собой контрабандой даже свою жену — или чью-то другую жену — места не хватает. Вам придется идти одному, но те, кто позади вас, тоже подходят — все ближе и ближе.

Есть степени божественного — более доброе, менее доброе, но добр каждый. Пусть это будет одной из фундаментальных деклараций: каждый по существу добр, а зло — всего лишь выдумка хитрых священников для эксплуатации человека.

Нет числа примерам вашей доброты, но вы не злы и тогда, когда вы не добры,

Вы лишь бездельничаете и ленитесь. Но нет ничего злого в том, чтобы быть ленивым, в том, чтобы двигаться медленно, в собственном темпе, нет ничего злого, если вы достигнете позже, тогда, как ваши друзья достигнут раньше. Вы должны прислушиваться к своей природе...
Есть сильные люди

— не каждому быть Мохаммедом Али и не каждому следует стать великим боксером. Вы должны слушать свою собственную природу, держаться темпа своей природы и не состязаться ни с кем другим.

Жаль, что олени не могут научить черепах проворству.

Что поделаешь? Даже если олени и захотят научить черепах быстроте, им не удастся. Как мне представляется, мир стал бы менее прекрасным, если бы черепах не осталось вовсе — они создают разнообразие. Если бы были только олени, олени и олени, это не был бы богатый мир. Мир богат благодаря разнообразию. Не все святые, некоторые еще имеют смелость не быть святыми, некоторые еще достаточно смелы, чтобы не заботиться о респектабельности. Мир утратил бы все свои цвета, если бы все были просто одинаковыми.

Жаль, что олени не могут научить черепах проворству...

Халиль Джебран не заглядывал в свои утверждения достаточно глубоко; иначе он не жалел бы об этом. На первый взгляд, утверждение кажется совершенно верным, но я говорю вам: хорошо, что ни олени не могут научить черепах проворству, ни черепахи не могут научить оленей ленивому образу жизни.

Сущее принимает каждого и каждому дает возможность; от мельчайшей былинки травы до величайшей звезды, сущее не делает различия. Все они необходимы, все они придают сущему колорит, разнообразие; иначе оно было бы таким монотонным — только вообразите, что каждый превращается в Махатму Ганди — все радуги пропали бы.

Вам известно, что в ашраме у Махатмы Ганди не позволялось выращивать розы? Никто не задумывается над такими пустяками, которые выявляют намного больше, чем великие действия, такие, как свобода Индии, о которой будет думать весь мир и будет описывать история. Но никто не опишет такого пустяка: он не позволял выращивать розы у себя в саду — только пшеницу, — потому что страна бедная и зачем вам розы?

Человек вообще не имел никакого эстетического чувства. Он читал Иисуса Христа много раз, но, похоже, не понял утверждения, сделанного Иисусом, что человек не может жить одним хлебом — розы тоже нужны. Не все это утверждение Иисуса Христа — половина его, а половина моя.

В вашем стремлении к вашей сущности исполина лежит ваша доброта: и такое стремление во всех вас.

Он подводит к самому существенному определению божественного: в вашем стремлении к своему высшему Я, в вашем стремлении ко всеобщему Я, в вашем стремлении исчезнуть, как капле, в океане существования — без всяких условий, без всяких ожиданий... — в этом стремлении ваша доброта.

И нет ни единого человека во всем мире, который не стремится — сознательно или не сознательно — быть больше, величественней, огромней, который не пытается достичь луны и звезд. Быть может, он не полностью осознает, он в полудреме, но все же его стрела ищет цель — хоть он и промахивается, потому что в полудреме. Но вы не можете звать это злом, вы можете только сказать, что он не осознает.

Есть замечательная история о мулле Насреддине.

В городе был карнавал. Обычно Насреддин брал своих учеников в различные места, чтобы научить чему-нибудь, и он отправился с толпой своих учеников на карнавал. Весь город смеялся, говоря: «Этот человек сумасшедший, но что поделаешь? — некоторые другие сумасшедшие считают его великим мистиком: теперь он ведет своих учеников на карнавал — учить мистицизму».

Он пошел к тому месту, где была оружейная лавка, а хозяин предлагал сотню рупий любому, кто сможет попасть стрелой в яблочко мишени, а если он промахнется, то ему придется отдать сто рупий.

Собралась большая толпа, когда все увидели, что Насреддин подходит к лавке и берет лук и стрелу. Даже его ученики подумали: «Что он собирается делать? — мы никогда не видели, чтобы он стрелял из лука. Он зря потратит сотню рупий, а в его карманах пусто — деньги придется отдавать нам! Это странная наука; он играет за наш счет...»

Собралась большая толпа, все удивлялись: что затеял Насреддин?

Он сказал: «Тихо! Мои любимые ученики, наблюдайте, что происходит. Будьте внимательны!» И он пустил стрелу. Она прошла мимо мишени и упала вдалеке. Засмеялись все, кроме Насреддина, и прежде чем хозяин собрался потребовать: «Сто рупий», — он обернулся к ученикам и сказал: «Слушайте: это стрела эгоиста, который всегда мыслит преувеличениями. Он всегда упускает цель; его стрела проходит мимо».

Он вынул еще одну стрелу, пустил снова... стрела упала прямо перед ним, до мишени было еще далеко. Но теперь никто не смеялся. Он обернулся к своим ученикам и сказал: «Слушайте: это стрела того, кто навязал себе смирение. Он всегда нерешителен, половинчат. Даже если он и хочет что-то сделать, даже если он делает это, он никогда не полон в этом».

Теперь толпа собралась огромная, и его ученики сказали: «Конечно, все, что он говорит, верно». Он вытащил третью стрелу, пустил ее прямо в мишень и, не оборачиваясь к ученикам, взял сотню рупий.

«Что ты делаешь?» — спросил хозяин.

Он сказал: «Это моя стрела. Первой была эгоистичная личность, второй была смиренная личность. А это моя стрела».

Его ученики сказали: «Во всяком случае, он великий мастер. Куда бы он ни брал вас, никогда не сомневайтесь в нем: всегда будет какой-то сюрприз».

И вся толпа согласилась с ним: «Это верно. Его пояснения были очень философскими, он заслуживает те сто рупий. И по тому, как он говорит... он очень религиозный человек, он не может обманывать вас; эта третья стрела была его стрелой».

А все его ученики знали — и он знал — что если бы он промахнулся, то нашел бы объяснение! Пока он не преуспел, он и не собирался объявлять: «Вот моя стрела».

В вашем стремлении к вашей сущности исполина лежит ваша доброта: и такое стремление во всех вас.

В ком-то оно может быть зерном, в ком-то небольшим побегом, в ком-то густым кустарником, в ком-то может расцвести, в ком-то оно может давать зрелые плоды; различие всего лишь в степенях. Между плодом и зерном нет существенного различия. Они относятся к одной и той же категории, это различные стадии одного стремления.

Увидев человечество такими глазами, таким взглядом, вы никогда никого не будете судить как злого, как плохого; вы никогда ни в ком не будете создавать чувство вины и отбросите все чувство виновности, которым были обусловлены сами. Свободный от всякой вины человек обладает красотой, с которой не может тягаться никакое дерево, никакое животное, никакая звезда. Без вины, полный осознания, вы — величайший цветок в существовании, который Гаутама Будда называл «лотосом рая»; лотос — величайший цветок в мире.

В тот миг ваше существо раскрывается и вы полны стремления к всеобщему «я», вы становитесь лотосом — и вы становитесь раем тоже.

Но у некоторых это стремление — бурный поток, что мчится к морю, неся тайны горных склонов и песни леса.

А в других это — мелкий ручей, что теряется в излучинах, петляет и иссякает, прежде чем достигнет моря.

Река ли вы, проходящая с Гималаев — со всеми красотами тех высоких пиков, глубоких долин, песнями молчаливых лесов и радостью движения по девственным землям, — или река, которая никогда не знала гор, которая никогда не знала леса, зная только равнины, — обе достигают океана. Они встретят океан с одним и тем же удовлетворением.

Не называйте одну доброй, а другую злой. Просто их пути были разными, разной была их территория, но они прибыли к всеобщему, к океаническому: это и есть единственная вещь, которая засчитывается окончательно.

Но пусть тот, кто жаждет многого, не говорит тому, кто довольствуется малым: «Почему ты медлишь и колеблешься?»

Это уродливо. Это и есть то, чем занимались все ваши святые и все ваши священники, осуждающие вас: «Почему ты медлишь и колеблешься?» Но кто они — требовать с кого-то? Если кто-то наслаждается, замедляясь, если он наслаждается, останавливаясь тут и там, — кто они, чтобы осуждать? Двигаться по своей воле — право каждого по рождению.

Но пусть тот, кто жаждет многого, не говорит тому, кто довольствуется малым: «Почему ты медлишь и колеблешься?»

Чем больше я знакомлюсь с религиозными писаниями, тем больше вижу, что все они

оскорбляют и унижают человечество. Их написали очень эгоистичные люди, осуждающие всех: «Почему ты не движешься быстрее? Почему наслаждаешься прохладой и тенью под деревом?»

Кто вы? Никакой святой, никакой священник не владеет вами; вы не чья-нибудь монополия. Вы индивидуальность, целостная в себе самом, и если вы не хотите достичь прямо сейчас, зачем вас осуждать? Это ваша воля, это ваше стремление. Но самое досадное в том, что человеку не давали этой основной свободы. Вы не можете быть собой; каждый толкает, каждый навязывает, каждый пытается дать вам шаблон, идеал. Вот здесь я расхожусь со всеми религиями и всеми философами.

Моя единственная функция с вами — это убрать все ваши цепи — у вас столько цепей... убрать все ваше бремя — а у вас столько бремени накопилось за столетия, что вы не в силах двинуться, — и дать вам полную свободу быть самими собой.

И это ваше: вы можете повернуть вспять даже от океана — в этом ваша свобода. Если вы хотите еще спеть в лесу, еще походить долинами, оставаться подольше просто каплей, сверкая в раннем утреннем солнце на листке лотоса, — воля ваша.

Даже океан не может сказать: «Ты не возвратишься». Вы можете возвратиться даже от дома Божьего, когда он стоит, приглашая вас. Вы можете сказать: «Тебе придется немножко подождать; хоть я и много жил, многое еще осталось непрожитым. Я возвращаюсь; я должен прожить всю жизнь целиком, а потом я приду. Обожди, не торопись». Я верю, что такая свобода есть у каждого — по праву рождения.

Ибо истинно добрый не спросит нагого: «где твоя одежда?» — и не спросит бездомного: «что случилось с твоим жильем?»

Воистину добрый, даже видя вас нагим, не спросит: «Где твоя одежда?» Это не его дело. Если вы наслаждаетесь, обнажившись под солнцем, дождем, ветром, никто не должен спрашивать: «Где твоя одежда?» Но мы создали мир заключенных. Не делайте этого — по крайней мере, в Пуне! Помните о полицейском комиссаре, он обязательно спросит вас: «Где твоя одежда?» Он даже не джентльмен. Действительно, поистине добрый человек, религиозный человек, никогда не спрашивает о чем-то, что может смутить вас, никогда не задаст такого вопроса, на который у вас может не быть ответа.

Я мечтаю о мире, где каждое человеческое существо будет настолько вежливым, настолько религиозным, что не будет нарушать ничьих границ, ничьей территории. Тогда не нужно будет искать никакого рая в облаках. Мы бы создали его, просто удостаивая людей своим почтением и любовью. Это возможно.

Во всяком случае, я надеюсь, что мои люди поймут: мы не тратим свое время на прекрасные слова, мы движемся к трансформации, когда слушаем эти замечательные изречения человека огромной гениальности.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

12. МОЛЧАЛИВАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

4 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом просила Жрица: «Скажи нам о Молитве».

И сказал он в ответ: «Вы молитесь, пребывая в горе и нужде; о, если б вы молились также в полноте своей радости и в дни изобилия!

Ибо, что есть молитва, как не распространение ваше в живом эфире?

И если вы обретаете утешение в излиянии своего мрака в пространство, то вы обретаете радость в излучении зари своего сердца.

И если душа ваша позовет вас на молитву, когда вы плачете, она будет подвигать вас вновь и вновь, пусть даже когда вы и плачете, пока вы не станете смеяться.

Творя молитву, вы поднимаетесь, чтобы встретить в воздухе тех, кто молится в этот час, и с кем вы можете повстречаться лишь во время молитвы.

Потому входите в тот незримый храм лишь ради экстаза и сладостного общения.

Ибо если вы войдете в храм лишь для того, чтобы просить, то не получите.

Если вы войдете в него унижать себя, вы не будете возвышены. И даже если вы войдете в него просить добра для других, вы не будете услышаны.

Довольно того, что вы входите в храм незримый. Я не могу научить вас, творить молитву из слов.

Бог слышит ваши слова, лишь когда он сам изрекает их вашими устами.

И не могу я научить вас молитве морей, лесов и гор.

Но вы, рожденные горами, лесами и морями, найдете их молитву в своем сердце.

Стоит вам вслушаться в ночную тишину, и вы услышите, как они говорят в безмолвии:

"Господь наш, наша окрыленная сущность,

Это Твоя воля в нас волит,

Это Твое желание в нас желает.

Это Твое побуждение в нас превращает наши ночи, которые принадлежат Тебе, в дни, которые тоже Твои.

Мы не можем просить Тебя ни о чем, ибо Тебе ведомы наши нужды прежде, чем они рождаются в нас:

Ты — наша нужда; и давая нам больше от себя, Ты даешь нам все"».

Потом просила жрица: «Скажи нам о Молитве». Странно, что жрице довелось спрашивать о молитве. Какая же это жрица, если она не знает, что такое молитва?? Но это так и есть не с одним этим жрецом или жрицей. Я встречался со многими священнослужителями, и вначале для меня было большим шоком то, что именно эти люди ничего не знают о религии; именно эти люди ничего не знают о молитве; именно эти люди никогда не медитировали. Они поклоняются, но их поклонение поверхностно, не от сердца, — они поклоняются от имени кого-то другого. Они слуги, а не настоящие священнослужители.

В Индии каждый богач имеет у себя дома небольшой храм, но у богача нет времени на Бога. Зачем тратить время на Бога? За это время он сумеет много заработать, а священника можно купить — он будет молиться за вас.

Человек так подвержен обману, что может обманывать даже самого себя. Бог мертв — он

купил его на базаре. Это не что иное, как камень, вырезанный в форме какого-то неведомого бога, которого никто никогда не видел. Бог — это просто вещь. Конечно, чем богаче человек, тем дороже будет и бог. Дорогой или нет, но это товар. И верх всего этого то, что даже священнослужитель — это слуга с окладом. Он не имеет ничего общего с Богом, что-то общее у него с деньгами. Я видел священников, бегающих от одного храма к другому. Если священнику удастся молиться в двенадцати храмах, то он богатый священник.

Сама идея полностью абсурдна и невероятна. Это как если бы вы заплатили слуге, чтобы он любил вашу возлюбленную от вашего имени. Возможно, однажды так и поведется — ведь за время, растраченное вами на любовь со своей возлюбленной, можно получить много денег, много власти. А эта любовная игра может быть проделана обычным слугой — зачем тратить свое время? А если женщина тоже разумна, и ей не нужно быть там, она тоже может позволить себе женщину-слугу. Они оба могут любить друг друга, зачем тратить время впустую?

Я слышал, что один супербогач проходил сеанс лечения у знаменитого психоаналитика. Психоаналитик был очень доволен, потому что этот человек платил ему больше обычного. Но ему уже так наскучило слушать того по два, три, четыре часа в день — уж слишком много. Это действовало на нервы психиатру, он начал чувствовать: «Если так пойдет и дальше, пожалуй, скоро этот человек излечится, но мне никогда не выбраться из той болезни, что он передает мне».

Он читал древнюю притчу о короле, который был великим игроком в шахматы. Шахматная игра очень сложна, это математика — и король сошел с ума. Испробовали всевозможные лекарства, но ничто не помогало, и тогда его премьер-министр сказал: «Мы должны объявить, что, если кто-нибудь сможет победить нашего короля в шахматы, он тотчас же удостоится его вознаграждения».

Один из величайших шахматистов прибыл во дворец, но играть в шахматы с сумасшедшим... Во-первых, шахматы сами по себе очень сумасшедшая игра. Лучшие шахматисты должны думать, по крайней мере, на пять ходов вперед: «Я сделаю так; оппонент, самое вероятное, отреагирует таким образом, тогда я сделаю так...» Тот, кто дальше сможет просмотреть процесс, и будет лучшим шахматистом.

Никогда не видели шахматиста улыбающимся — это человек серьезный. И играть в шахматы с сумасшедшим, к тому же не с обычным сумасшедшим, а с королем, который играл в шахматы по своим собственным законам... Однако шахматисту достаточно заплатили за терпение, и через год к королю вернулось здравомыслие; шахматист же стал сумасшедшим.

Психоаналитик вспомнил притчу и подумал: «То же случится и со мной. У этого человека столько денег, что время для него не имеет значения; он может продолжать свой психоанализ годами». Но выслушанное от него каждый день начало внедряться в ум психоаналитика, даже во сне он выслушивал. Тогда он действительно покончил с этим, сказав: «Какой-то путь должен быть найден. Пациента терять нельзя, он ведь приносит столько денег — но его нельзя и слушать, потому что моя собственная психика в опасности».

Поэтому он устроил простую вещь. Он пришел с магнитофоном и поставил его рядом с кушеткой, где лежал богач, готовый начать. Психоаналитик сказал: «У меня очень много пациентов, а вы занимаете три-четыре часа... Вы платите за это, так что вопрос не в том, чтобы потеснить вас, вы мой самый важный клиент; я нашел другой выход. Вы рассказываете все на мой магнитофон, а ночью, в тишине, когда весь мир уснет, я прослушаю это».

Богач сказал: «Никакой проблемы».

И добавил: «Я тоже нашел способ. В тишине ночи я расскажу все на свой магнитофон, а днем мой магнитофон будет лежать на кушетке, рассказывая вашему магнитофону. Так что вы свободны, я свободен — никто не в убытке. Вы будете получать свои деньги, я буду получать

свой психоанализ».

Священники занимались этим с самого начала: они изобрели бога, они изобрели молитвы, они нашли своих постоянных покупателей, которые стремились получить банковский счет в мире ином. Вот так и жили миллионы жрецов и жриц — как паразиты человечества.

Странно, но многозначительно — именно жрица спрашивает Альмустафу: *Скажи нам о Молитве*. Вы можете представить себе влюбленного, вопрошающего кого-то: «Скажи нам о любви?» Он *знает* любовь. Сама его сущность танцует любовью, вся его жизнь — это песня любви. Зачем ему просить кого-то: «Расскажи о любви». Влюбленный знает, что ничего не может быть сказано о любви.

Но *только* влюбленный знает, что ничего не может быть сказано о любви. Те, кто никогда не любили, могут попросить: «Скажи что-нибудь о любви». Вы можете любить, вы можете переживать это, но никто не может рассказать об этом. Это за пределами слов, за пределами языка, за пределами вашего ума.

Любовь — это цветок, который расцветает в сокровенной сущности вашего сознания, слова стоят далеко оттуда — повсюду лишь безмолвие. В том безмолвии любовь танцует, любовь поет, но перевести этот танец в слова невозможно. Ни на одном языке нет способа выразить этот танец в словах.

Молитва — это самая глубокая форма любви — любви ко всему сущему, не направленной ни на кого, излучающейся прямо из вашего существа — так вы полны ею. От вашего изобилия она течет во всех направлениях, она коснется всех, кто приблизится к вам. Ничего не будет сказано, но все будет понято; ничего не будет сказано, но все будет услышано. Это не вопрос слов, это вопрос раскрытия ваших дверей для любви. Вы можете растворяться в этом, ведь это не проблема для решения; это переживание, в котором единственный путь — растворить себя.

Молитва — это высшая форма любви. Там нет возлюбленного, но любовь продолжает излучаться из вашего существа ко всему сущему.

Любовь — это роза, расцветшая в диком месте, где может никто и никогда не пройдет, не увидит ее красоту, не почувствует аромат. Но это не удержит цветок от цветения. Он не спрашивает, для кого. Он расцветает, потому что он до того полон, что больше не в силах оставаться закрытым. Он должен раскрыть свои лепестки, он должен струить по ветру свой аромат к кому бы его ни отнесло — цветок этим не интересуется, он хочет излить все, что трепещет в его сердце, — излить цветом, красотой, ароматом.

Молитва не нуждается в боге. Если вашей молитве нужен бог, вы не поняли молитвы вообще. Но все ваши молитвы адресуются какому-то богу — индуистскому богу, христианскому богу, еврейскому богу, — и все те боги созданы вами. Что за игру вы разыгрываете сами с собой? Сперва вы создаете бога, потом начинаете выдвигать, вопрошать, исследовать: «Что такое молитва?» — и бог ложный, и молитва заимствована.

И сказал он в ответ: «Вы молитесь, пребывая в горе и нужде...»

Во-первых, для чего людям понадобился Бог? Теперь это уже установленный психологический факт: человек чувствует беспомощность. Есть болезнь, есть голод и старость, и, в конце концов, есть смерть, но человек не в силах сделать ничего, чтобы избежать этого. Из этой беспомощности, страха, нужды родилось понятие Бога.

Бог — это ваш страх, Бог — это ваше утешение, Бог — это обещание, данное самому себе от имени Бога: «Не бойся, я здесь, защищаю тебя», — хоть он и не защитил никого. Миллионы людей молились.

Приходит старость, приходит болезнь, приходит смерть, а Бог никогда не вмешивается во все эти процессы; и все же вы продолжаете тешить себя надеждой, что, может быть, по ту сторону смерти Он будет ждать вас.

Священники использовали ваши страхи, чтобы эксплуатировать вас. Они давали вам постоянное утешение — это не что иное, как психологический опиум, вы можете увидеть это в своей собственной жизни. Когда вы счастливы, молоды, любите, радуетесь, вас не волнует Бог, вас не волнует молитва. Пойдите в любую церковь и посмотрите, какие люди собираются там — главным образом, старые женщины. Редко вы найдете молодого человека, а если и обнаружите кого-то, он окажется ущербным.

Архиепископ Греции грозился, что сожжет меня заживо, если я не покину Грецию в двадцать четыре часа. Я даже не вышел из дому за пятнадцать дней, что был там. Я поинтересовался, перед кем он угрожал мне. И Амрито, одна из моих саньясинок, засмеялась и сказала: «Ты задаешь странные вопросы. Он угрожает сжечь тебя, дом и людей, которые находятся с тобой — около двадцати пяти человек, — а ты спрашиваешь о его компании?»

Я сказал: «Ты поймешь уместность моего вопроса, сначала дай ответ».

Она сказала: «Никто не ходит туда, только шесть старых женщин».

Он заявил, что собирается предпринять марш протеста, но этого так и не произошло — с шестью-то старухами, какой это марш протеста? Вы просто станете посмешищем. Но почему эти бедные старушки слушают того идиота? — я называю его идиотом, потому что он не понимает, что говорит.

Архиепископ — представитель одного из наиболее значительных человеческих существ, Иисуса Христа, а Греческая Православная Церковь — одна из старейших церквей — старше, чем Ватикан. Иисус сначала был переведен на греческий язык, потому его имя и изменилось; его звали Иешуа, а не Иисус. Он никогда не знал слова «Христос» или «христианин». Это греческий перевод еврейского слова «Мессия», Посланник.

Такую старую традицию представляет в мире этот архиепископ. Каждый день он читает слова Иисуса, а Иисус говорит: «Любите врагов своих», — а я даже не враг, он готов сжечь друга заживо. Наверное, когда эти люди всё читают и читают, это становится механической привычкой.

В университете, где я был студентом, один из профессоров, мусульманин, был известен как очень религиозная и духовная личность. В том месте было мало студентов, приходящих на его занятия, потому что там говорили на хинди, а он обучал на урду — языке мусульман, — так что он был почти без работы. Целый день, сидя в своем отделении университета, он читал священный Коран. Он был стариком, и время от времени засыпал.

Его отделение было рядом с отделением философии, где занимался я. Проходя мимо его отделения, я заглядывал через окно посмотреть, спал старик или читал — большую часть времени он спал.

Всякий раз, когда я обнаруживал его спящим, я входил и переворачивал Коран вверх ногами.

Первое время я думал, что когда он просыпается, то, конечно, очень сердится: «Кто это сделал?» — но я был изумлен. Я пришел в большое недоумение: наблюдая из своего отделения, я обнаружил, что когда он просыпается, то начинает читать снова. Я не мог поверить в это, но так и было на самом деле: он читал Коран столько раз — всю свою жизнь, — что это стало механической памятью. Неважно было, здесь Коран или нет — он читал бы Коран, даже если бы Корана там не было.

Я не смог сдержать своего любопытства. Я вошел к нему в комнату и сказал: «Ваш Коран вверх ногами, а вы по-прежнему читаете его».

Он протер свои глаза и посмотрел на Коран. Он воскликнул: «Боже мой! Кто это сделал?» Я ответил: «Думаю, это был дьявол — кто еще мог бы побеспокоить вашу религиозность? Но даже дьяволу не удастся нарушить ее — вы можете читать... положение Корана значения не имеет».

И мне это удавалось много раз. Я входил, и... Я сделал книгу — маскировкой служил Коран, а сама книга была из газетных вырезок. Когда он засыпал, я подкладывал туда свою книгу, а его Коран возвращал на полку. Когда он просыпался, он принимался читать свой Коран. Он обладал замечательным голосом, — даже в пожилом возрасте его голос был чистым золотом, — а Коран можно петь, даже если вы не понимаете его. Там и понимать особенно нечего, но само произношение тех слов так поэтично, что вы можете наслаждаться и не понимая его, — совсем как музыкой. Вы не должны понимать музыку, но она успокаивающая, приятна.

Однажды он поймал меня на горячем. Когда я подменял книги, он схватил меня. Он сказал: «Это уже слишком. Столько раз я удивлялся... чудно: Коран на полке, а эта ерунда... и я читал это. Я старик; зрение у меня уже не то, поэтому я не могу рассмотреть это, но это не имеет значения; я знаю его и могу повторять даже во сне — моя жена не спит в моей комнате».

«Почему?» — спросил я.

Он сказал: «Ей надоело, и она устала; она говорит: "В любое время ночи ты начинаешь декламировать Коран... крепко уснув"».

Так всегда происходит, если человек повторяет одно и то же целый день. Не имеет значения, бодрствует он или спит. Я сказал: «Не беспокойтесь. Даже в своей могиле вы будете декламировать Коран».

Он сказал: «Не говори этого моей жене; иначе она даже не придет положить на мою могилу пару цветочков».

Но мусульмане и другие считали его очень духовным человеком, он же был очень больным. Это не духовность, это глупость.

Вы вспоминаете Бога, молитву, Коран, Библию, Гиту, только когда вы в нужде. Когда у вас ни в чем нет нужды и жизнь идет гладко, вы совершенно забываете о Боге и молитве. Этот факт просто демонстрирует, что понятие Бога — и связь с ним в молитве — не что иное, как нищенская чаша. Как только вы в нужде и чувствуете беспомощность, но ничего не можете поделать с этим... Может, Бог сделает что-нибудь? Так что ваши молитвы на самом деле молитвы нищего; настоящей молитвы вы никогда и не знали.

Подлинная молитва никогда не бывает у нищего или от любой нужды. Подлинная молитва — это просто благодарение — не какому-нибудь богу, но всему существу. Все сущее живо. Все трепещет, полное жизни, полное радости. Посмотрите на деревья, посмотрите на горы, посмотрите на звезды, посмотрите на океан. Все они молятся — хоть они и не знают ничего о Боге, хоть они и не произносят никогда ни одного слова молитвы; и дерево танцует в молитве, под ветром, дождем и солнцем.

Это не по необходимости; это благодарение. Это благодарность жизни.

Если и есть какой-нибудь бог, не сотворенный человеком, то это сама жизнь. Все боги — создание человека; они могут быть хорошими и замечательными статуями, но они мертвы, совершенно мертвы. Даже в обыкновенном дереве божественного больше, чем у богов в ваших храмах. Их жизнь, их зелень — это не их собственное творение, это дар самого сущего.

Подлинная молитва — это не что иное, как глубокая благодарность.

Вы не можете высказать это, вы можете только *быть* этим.

На словах это выглядит странно, потому что о молитве мы всегда думали как о том, что должны говорить, делать. Я говорю вам: вы не можете ни высказать, ни сделать это. Вы можете только *быть* этим... молитвенностью, простой благодарностью, невыразимой, невысказанной. Сущее понимает язык молчания. В действительности оно понимает *только* язык молчания.

Вы молитесь, пребывая в горе и нужде; о, если б вы молились также в полноте своей радости и в дни изобилия!

Халиль Джебран говорит, что ваши молитвы пусты — потому что нищенская чаша всегда

пуста. Будьте императором! Из вашего изобилия, из вашей радости, из вашей любви, из самой вашей жизни возникает молчаливая связь — вы созвучны существованию, горам, звездам и земле. Внезапно вы обнаружите гармонию, эта гармония и есть молитва. Все ваши храмы фальшивы, все ваши маски пусты, все ваши церкви мертвы.

Лев Толстой, очень значительная и творческая личность, написал небольшую притчу: патриарх всея Руси ежедневно слышал — и все больше и больше досадовал и раздражался, — что по ту сторону озера, за городом, вдруг, откуда ни возьмись, появились трое святых. В Индии никто бы не удивился, потому что святые не нуждаются ни в чем свидетельстве или позволении — «Я хочу быть святым, сэр. Можно мне?» — но в христианстве само слово «святой»* исходит от «санкции»**. Если главный патриарх не утвердит вас, вы не будете святым; так что это было странно, ведь он никого не утверждал. Откуда взялись эти трое святых? И столько людей ходили коснуться их стоп, что его громадный собор почти опустел.

Однажды он решил, что должен пойти и посмотреть — кто эти люди. Он взял моторную лодку и отправился к небольшому островку на озере. Те трое святых сидели под деревом. Глядя на них, ему не верилось, что они могут быть святыми. Они выглядели необразованными, бескультурными, просто крестьянами, рыбаками, может, садовниками или дровосеками — такого типа, простыми людьми — и поэтому он осмелел... До сих пор он беспокоился: куда это ходят тысячи людей? — каждый день приходили новости... Его беспокоил поход туда, но сейчас он осмелел, поспешил на своей лодке причалить прямо рядом с деревом и спросил: «Вы и есть те трое святых, о которых рассказывают?»

Они сказали: «Святые?! Мы простые люди; это кто-то, наверное, просто пустил слух».

Он сказал: «Но каждое воскресенье люди прибывают сюда тысячами, чтобы коснуться ваших стоп».

Они сказали: «Да, это правда, но прости нас, бедных людей».

Он спросил: «Какая же у вас молитва? Вам известна молитва Русской Православной Церкви?»

Они глянули друг на друга и сказали: «Молитва? Мы необразованны; мы не знаем молитву православной церкви».

— Тогда какая же у вас молитва? — Они принялись подталкивать друг друга: «Скажи ему ты». Все они были очень смущены.

Он сказал: «Чего вы смущаетесь? Скажите мне, какая у вас молитва, — я главный патриарх».

Все они припали к его стопам. «Если ты главный патриарх, то мы должны рассказать тебе правду, хоть нас это очень смущает. Не говори никому, держи это в секрете; мы никогда не творим нашу молитву перед другими. Когда не бывает никого, когда остаемся только мы втроем — мы старые друзья, — тогда мы творим нашу молитву. Мы придумали свою молитву, она совсем простая...»

В христианстве Бог — это троица: Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. Они сказали: «Обнаружив, что Бог — это трое, и нас тоже трое, мы придумали молитву: "Трое вас, трое нас, помилуй нас"».

Несмотря на раздражение, главный патриарх не удержался от смеха. Он сказал: «Идиоты! И это вы называете молитвой?» Они ответили: «До сих пор мы делали так, потому что никто никогда не учил нас... если вы расскажете нам дозволенную молитву, мы будем делать ее. Но она должна быть простой, она не должна быть длинной».

Однако церковная молитва оказалась длинной и запутанной. Они выслушали и попросили: «Пожалуйста, повторите снова».

Два раза, три раза, четыре раза... Он сказал: «Вы что, абсолютные идиоты? Не можете

усвоить такую маленькую молитву?»

Они ответили: «Мы хотим быть в полной уверенности, что не совершаем ошибки. Большие слова... но мы постараемся; мы поделим ее на три части. Таким образом она упростится — одну часть сможет повторять один друг, другую — второй друг и третью часть — третий друг».

Он сказал: «Нет, так не годится — вы должны творить молитву целиком!»

Они сказали: «Господи... Но мы будем стараться изо всех сил; и мы очень благодарны вам за то, что вы пришли. Вы не должны были приходиться, вы могли бы просто прислать послание, и мы бы сами обязательно прибыли». Очень довольный, что исправил этих идиотов, теперь он мог встретиться с толпами: «Что вы за дурни? Они не знают даже основной молитвы, а вы провозглашаете их великими святыми». Он был рад, что большие неприятности закончились.

Но внезапно посреди озера он услышал шум. Он оглянулся: вся эта троица с криками бежала по воде: «Подожди! Мы забыли молитву!»

Главный патриарх не мог поверить в это — они стояли на воде рядом с его лодкой и просили: «Повтори еще раз».

Главный патриарх сказал: «Забудьте молитву, что говорил вам я, — ваша молитва совершенна — «Трое вас, трое нас, помилуй нас». И когда будете молиться — пожалуйста, помолитесь и за меня тоже».

Молитва — это благоухание молчаливого сердца. Даже если она приходит в словах, она никогда не приходит как нужда, но лишь как благодарение, благодарность.

Молитва невинна.

Ибо, что есть молитва, как не распространение ваше в живом эфире?

Растворение и слияние с небесами, с безбрежностью, которая окружает вас, — это и есть молитва. Сидеть рядом с океаном, растворяясь и слившись с волнами и прибоем, бьющим в скалистый берег, — стать одним с этим, это и есть молитва. Когда птицы поют, молчите — пусть их песня достигнет и вашего существа; это и есть молитва.

У молитвы нет утвержденной версии — индуистской или мусульманской, христианской или буддийской. Молитва — это просто глубокая любовь ко всему, что есть, расширение вашего сознания на все, что окружает вас, в чем вы укоренены, из чего получаете всю свою жизнь, весь свой сок, весь свой танец. Почувствовать единство с этой беспредельностью, этой вечностью, исчезнуть в этом, — и есть молитва.

И если вы обретаеете утешение в излинии своего мрака в пространство...

Прислушайтесь к людским молитвам — они только изливают свой мрак в пространство. Их молитвы это жалобы, их молитвы это брюзжание, их молитвы говорят Богу: «То, что ты делаешь, неправильно». Их молитвы пытаются усовершенствовать разум Божий — это выливание темноты, уродливости.

Но даже если вы делаете так, по крайней мере, помните:

Вы обретаеете радость в излучении зари своего сердца.

А также, иногда, изливая свою любовь; а также, иногда, изливая свой свет. Но, насколько я понимаю, вы можете делать только одно — вы можете изливать либо темноту, либо свет. Раз вы излили свою радость, свою песню, свой танец, вы узнаете так много, вы почувствуете такое благословение, что станет невозможно жаловаться или изливать свою темноту в существование.

И если душа ваша позовет вас на молитву, когда вы плачете, она будет подвигать вас вновь и вновь, пусть даже когда вы и плачете, пока вы не станете смеяться.

Людские молитвы не что иное, как слезы, — слезы печали, расстройства, депрессии, отчаяния, муки. И такие подарки вы дарите существованию? Халиль Джебран говорит: «Не беспокойтесь — если вы можете только плакать, то продолжайте плакать — будет миг, когда все ваши слезы высохнут. Не останавливайтесь, пока ваш плач не станет смехом».

Смех — это подлинная молитва. Всякий раз, когда вы кричите и плачете, вы просите утешения, вы просите кого-то помочь вам в вашем отчаянии. Но когда вы звонко смеетесь, вы не просите ничего, вы что-то отдаете существованию, словно кукушки, льющие в существование свои сладостные песни.

Ваш смех — это и отдача, и дар за отдачу. А если хоть раз у вас было переживание радости смеха как молитвы, даже ваши слезы не будут уже слезами отчаянья. Они пройдут через трансформацию, они станут слезами вашей радости, вашего изобилия.

Для слез страдание не обязательно. Если вы увидите друга спустя много лет, ваши глаза могут наполниться слезами сладостных воспоминаний безмятежно прошедших дней, всего того, что было между вами и другом. Те слезы просто воспоминание, у них есть своя красота. И так бывает — здесь есть люди, с которыми это происходит, и еще тысячи моих людей, которые сообщают мне: «Это странно, люди считают нас безумными — мы смеемся и плачем одновременно». Их молитва совершенна.

Когда слезы и смех имеют одно и то же качество и один и тот же ритм, тогда молитва становится совершенной.

Да, люди будут считать вас безумными, потому что они живут разделенной жизнью — или слез, или смеха. Они живут жизнью «или — или».

Один из самых известных датских философов, Кьеркегор, написал книгу «Или — или». Книга стала очень известной — а он был человеком, который не только написал эту книгу, но и жил жизнью «или — или». Эта книга — настоящий представитель его дуальности, его расщепленной личности.

Одна женщина сказала ему, что любит его и хочет выйти за него замуж. Он промолчал, и женщина сказала: «Скажи что-нибудь, даже «нет» будет лучше, чем это молчание».

Он сказал: «Я не могу ответить так быстро. Мне нужно взвесить: или — или. Это потребует времени». Он так и не решил за всю свою жизнь, жениться или нет, потому что все «за» и все «против» были равны. Он выходил из дому, запирали дверь, проходил несколько метров и возвращался проверить замок — а вдруг он забыл... Обычно он выходил из дому лишь раз в месяц.

Видя его положение, его отец положил деньги на почте: «Каждый месяц выдавайте ему определенную сумму, потому что я не вижу, чтобы он мог работать, чем-нибудь заниматься и зарабатывать». Поэтому каждый месяц первого числа он обычно отправлялся на почту в окружении кричавших ему мальчишек: «Или-или! Или-или!»

Весь Копенгаген знал этого человека как весьма странного типа. На почте он получал свой очередной взнос за месяц и пересчитывал его. Через десять минут, на подходе к дому, он снова считал его. Вопрос оставался всегда... а вдруг он забыл, а вдруг сосчитал неправильно. И это был один из величайших мыслителей Дании! Отец философской школы, которая сегодня наиболее известна в Европе, особенно на континенте, — экзистенциализма.

Когда он получил свой последний взнос, начальник почты сказал: «Теперь вам уже больше нечего приходить, деньги, которые отложил ваш отец, закончились с этим взносом».

Услышав это, — вы поразитесь, — этот человек упал и умер, потому что те деньги были единственным, что он имел в мире. Он жил в темном доме — мрачный, грязный, одинокий... он даже не открывал своих окон, потому что здешние мальчишки беспрерывно издевались над ним. Они подбирались к окнам, стучали в них и звали: «Или-или!» — это стало его прозвищем.

Человек жил с одним-единственным подходом к жизни: «или — или» — или слезы, или смех. Поэтому когда вы видите кого-то смеющимся и с льющимися слезами, вы подумаете, что он безумен. Но на самом деле он стал целым — он больше не расщеплен. Его смех и слезы, взявшись за руки, танцуют вместе.

Так что если это происходит с вами — а так произойдет с каждым медитирующим в свое время, — не тревожьтесь; вы не сходите с ума, вы впервые идете к здравомыслию. Вы жили безумной жизнью из-за разделения всего — тела и души, материи и духа, этого мира и того мира, мирского существования и священного Бога.

Вы всегда жили этим непрерывным разделением, но никто не может жить, как поделенный дом. Это разрушает вашу энергию, поскольку вы постоянно в конфликте с собой.

В Индии, особенно в деревнях, я слышал — и в детстве никак не мог взять в толк, — что имеют в виду необразованные женщины, когда они говорят своим детям: «Не смейся слишком сильно, иначе будешь плакать». Я был обескуражен, потому что считал плач и смех противоположными полюсами, диаметрально противоположными. Но те деревенские женщины как-то донесли мудрость веков: «Не смейся слишком сильно, иначе ты зарыдаешь». С обеих сторон — если ты слишком много смеешься, то увидишь, как, танцуя, приходят слезы; если ты слишком много плачешь, то увидишь, как, танцуя, приходит смех.

Но мы никогда и ни в чем не бываем целостны. Мы плачем и плачем — равнодушно; мы смеемся и смеемся — но только смехом Джимми Картера, - это просто гимнастика для губ, и он не имеет никаких корней в сердце. Я слышал, что его жена обычно прикрывала ему рот каждую ночь. Если целый день ваш рот открыт, от уха до уха, то ваши губы застывают в этом положении — они теряют свою эластичность. Не знаю, насколько верна эта история, но считаю ее вполне возможной.

Однажды ночью жена Джимми Картера позвонила личному врачу президента: «Приезжайте немедленно! Мышь попала моему мужу в рот».

Доктор был обескуражен, он спросил: «Что вы делаете?»

Она сказала: «Что я могу сделать? Я никогда не слышала про такое. Посоветуйте что-нибудь — ведь вы доберетесь сюда только через полчаса».

Он сказал: «Сделайте одну вещь: возьмите кусок сыра и подержите в полости рта... скорее всего, мышь развернется: сыр может привлечь ее».

Это казалось логичным, так что жена попыталась, и когда доктор прибыл, он не мог поверить своим глазам: жена держала мышь у мужа перед ртом. Он спросил: «Вы что, с ума сошли? Вы сказали мне, что мышь попала ему в рот, и я просил вас подержать кусок сыра. Но, похоже, сыр провалился, а вы держите мышь».

Она сказала: «Вы не знаете всей истории. Пока я несла из холодильника сыр, провалился кот, и я подумала, что лучше подержать мышь. Это не настоящая мышь, она сделана из резины, мои дети играют с ней — где было взять настоящую мышь так быстро? Я пытаюсь сначала вынуть кота, а потом займусь мышью. Было плохо, стало еще хуже».

Не знаю, насколько это правда... но люди смеются только своими губами, не идя глубже этого. Если пойти глубже, будет достигнут тот же источник, откуда приходят и слезы. Если вы способны позволить себе полноту, ваш смех и ваши слезы придут вместе, радостно танцуя.

Творя молитву, вы поднимаетесь, чтобы встретить в воздухе тех, кто молится в этот час, и с кем вы можете повстречаться лишь во время молитвы.

Молитва, которую я описываю вам, молчаливая благодарность, вызывает огромный подъем. Халиль Джебран передает вам великий секрет: все люди на Земле, которые молятся в этот миг, встречаются сознанием — потому что их сознание поднялось из их тел высоко в небеса.

Эту встречу познали многие мистики, но из-за прежней ассоциации со словом «Бог» они полагали, что их душу встречает Бог. Это не Бог, это все те души, которые поднялись в один и тот же миг в высшие сферы бытия. И он абсолютно прав, что вы, возможно, и не встретите тех людей никаким другим путем.

Встреча эта будет давать вам безмерное питание, вы можете почувствовать это здесь. Как

раз недавно ночью Анандо сказал мне, что лекция была чрезвычайно животворящей. Это выглядит немного непривычно: люди говорят, было интересно; люди говорят, было очень глубоко. Но Анандо сказал мне, когда я вернулся: «Она была очень животворящей».

В этом молчании бывает встреча, и такая встреча безмерно животворит.

Потому входите в тот незримый храм лишь ради экстаза и сладостного общения.

Многие люди, медитируя, молясь в одно и то же время, создают храм сознания в небесах, невидимый нашим обычным глазам, но абсолютно явный для нашего внутреннего существа. На Востоке мы называли это третьим глазом. Когда вы замечаете храм сознания, создаваемый многими медитирующими или людьми, которые молятся в один и тот же миг, наши глаза тут ни при чем, они могут видеть только материальное, видимое; но нечто, третий глаз, открывается в вас. А увидеть незримый храм, созданный сознанием многих людей, — это великая свобода, свобода от ваших искусственных храмов, синагог, церквей.

Мусульманские мистики самые выдающиеся, что касается деталей опыта. Вот почему они молятся пять раз на день в точный час, точное время, где бы они ни были; обращаясь лицом к Каабе, своему священному храму. А миллионы мусульман, если они действительно будут молиться, обратясь к Каабе, создадут храм сознания в небесах. И они превзошли всех — другие религии знали это, но никакая другая религия не сделала из этого такую фундаментальную дисциплину для каждого последователя.

Однако есть бедствие, о которое спотыкается все великое. Их молитвы, хоть они и обращены к Каабе в один и тот же час, — миллионы людей, ведь ислам вторая величайшая религия мира, уступающая лишь христианству, — их молитвы это не то, о чем говорит Халиль Джебран.

Прежде я часто бывал в Удайпуре, в Раджастане. В Удайпуре у меня был мой первый медитационный лагерь, я собирал там самых замечательных людей. По пути в Удайпур я проезжал мусульманский город, Аджмер, где надо было сделать пересадку, и перед нашим поездом в Удайпур был час свободного времени.

Вечером многие мусульмане творили свою последнюю молитву на платформе, а я прогуливался целый час рядом с ними, наблюдая, чем они занимаются. Они молились, глядя в направлении Каабы, но каждый, кроме этого, снова и снова оглядывался посмотреть: уехал поезд или еще стоит. Это происходило множество раз — я часто ездил в Удайпур, каждый год...

Однажды мусульманин, который был профессором Джайпурского университета, путешествовал в моем купе; он тоже молился на платформе. То было прекрасное место, с огромными деревьями рядом с платформой, — и он делал такую же глупость.

Прекрасно зная, что поезд отъезжает только через час, что перед отходом будут долгие гудки, и что никто не бросит сотни молящихся мусульман на платформе, — профессор все же делал такую глупость.

Наконец я уселся рядом с ним. Он не мог разговаривать во время своего Намаза, когда творил свою молитву, а я много раз подталкивал его; и всякий раз, когда я толкал его, он оглядывался; наверное, он думал, что уходит поезд. И он очень сердился, потому что я нарушал его молитву. Когда он окончил свою молитву, он сказал: «Никогда не ждал от вас, что вы нарушите благочестивую мусульманскую молитву».

Я сказал: «Я не нарушал, я сам тревожился, как бы поезд не ушел, поэтому и толкал вас — ведь вы могли бы остаться здесь. Я видел, как даже и без моего толкания вы оглядываетесь снова и снова. Поезд стоит не более чем в двенадцати футах, и даже если бы он и отходил — а это узкоколейный поезд, отходит медленно — вы могли спокойно догнать его. Какая же это молитва, если вы не можете забыть о поезде? Если бы вы были действительно искренни, вы бы обратились лицом к поезду, а не к Каабе — по крайней мере, Кааба бы вам не помешала. Вам

было бы удобней молиться, обратясь лицом к поезду». Он сказал: «Лицом к поезду? Где вы видели, чтобы молились лицом к поезду? Такой молитвы не бывает».

Я сказал: «Такая молитва возможна, потому что вы, по крайней мере, расслабитесь — поезд стоит, проблем нет. Но оглянувшись раз двадцать, вы можете разозлить даже Каабу. Это не молитва».

Мусульмане самые умные в этом деле, они не оставляют свою обувь снаружи мечети. Это весьма примечательная вещь. В каждом храме — индуистском, джайнском, буддийском — вы должны оставлять свою обувь снаружи. Но это хлопотно: люди не столько молятся, сколько смотрят за обувью, потому что лучшее место для воровства обуви — это храм, куда ходят богатые люди.

У мусульман же есть своя стратегия: они забирают обувь внутрь, но по определенному методу. Они складывают ботинки подошва к подошве, так чтобы подошва не касалась пола, ведь грязная не вся обувь, а подошва; это выглядит логично. Таким способом мусульмане усаживаются на молитву, удобно устраиваясь на своей обуви. Поэтому совершенно свободные от страха, что кто-нибудь украдет их обувь, они сидят на ней — внутри мечети.

В детстве, в месяц Шравана — когда по всей Индии много дней празднуют день рождения Кришны, все храмы украшены и люди ходят в своей лучшей одежде, лучшей обуви, ведь это праздник, — я обычно ходил менять себе ботинки.

Мой отец спросил меня однажды: «Я часто вижу новые ботинки, а ты никогда не просишь денег. Откуда ты берешь эти ботинки?»

Я ответил: «Я нашел в городе, по крайней мере, тридцать храмов. Как только мне надоедает обувь, я просто отправляюсь в храм. Я никогда не захожу туда, я сажусь наблюдать снаружи, потому что мне надо подыскать свой размер. И не беда даже, если порой я беру не тот размер — чуть больше или чуть меньше, — я могу поменять их. Тридцать храмов...»

Он сказал: «Что это с тобой... так не годится; и ты никогда не заходишь в храм?» Я сказал: «Иногда хожу, ведь в праздники ко дню рождения Кришны в храм приходят великие музыканты, и если я слышу что-то в самом деле прекрасное, я вхожу».

Тут мой отец спросил: «А как же твои ботинки?»

Я сказал: «Для этого у меня тоже есть метод: я никогда не храню оба своих ботинка вместе — один ботинок на одной стороне, другой ботинок на другой стороне. Кто будет воровать один ботинок? — мои ботинки никогда не крали».

Он сказал: «Вот это замечательно! И я попробую так, потому что мои ботинки крали много раз. Это хорошая идея, и не повредит никому. Вот наши ботинки... мы можем поставить один здесь, а другой подальше. Между ними столько ботинок, а любой воруящий спешит — ему не удастся заметить другой ботинок». Но я сказал ему: «Не говори этого никому, ведь если люди начнут делать так, то я буду терять свое время: мне придется разыскивать другой ботинок. Я буду знать, что, если есть один, обязательно должен быть и другой — потребуется просто немного старания, чтобы его отыскать».

Индуисты, джайны и буддисты, оставляющие снаружи свои ботинки, — я видел их, — их руки тянутся к статуе Бога, а их лица к своим ботинкам. Я спрашивал многих: «Кому вы молитесь? Верить мне вашей голове или верить вашим рукам? Если же вам больше подходит молиться своим ботинкам, что за смысл приходить в храм? — поставьте свои ботинки перед собой у себя дома и молитесь — так будет намного спокойнее».

Извращается все. Мусульманские мистики были правы, но как помешать всем этим мусульманам, которые смотрят куда-то еще, которые обеспокоены своим багажом в поезде? Они выполняют ритуал — но ритуал, лишенный смысла.

Ибо если вы войдете в храм лишь для того, чтобы просить, то не получите...

Само состояние просящего и умоляющего — «Дай нам это, дай нам то» — разрушает всю красоту и святость молитвы. Вас не интересует Бог, вам интересно как-нибудь получить что-то; и из-за того, что вы должны что-то получить, ваша молитва не что иное, как похвала Богу, — таким же путем вы поддерживаете людское эго: «Ты великий, ты величайший, ты сотворил мир... излечи мою жену от рака».

Как внезапно вы переходите на рак своей жены! И что должен «величайший» делать с этим? Заниматься вашей женой и раком? Восхваляющие Бога и просящие: «Мой сын безработный. Будь сострадательным, не будь слишком жестоким...» — вы жалуетесь, вы опираетесь, это не молитва.

Одна из великих проблем Индии — как избавиться от взяток. Вы можете добиться чего угодно, вам только нужно передать несколько купюр под столом, и то, что было абсолютно невозможным, тут же становится возможным. Индия не может избавиться от этого, потому что, то же самое она делает с Богом. Что поделаешь с констеблем, полицейским комиссаром? Это просто несчастные ребята — даже Богу дают взятку.

Перед каждым храмом можно найти лавку с кокосовыми орехами — люди покупают кокосы, чтобы дать взятку. За этими кокосами кроется удивительная история. Когда-то люди отрубали головы своим рабам в жертву Богу, чтобы угодить Ему. Теперь это выглядит очень варварски, потому им и пришлось заменить головы каким-то суррогатом. Кокосовый орех выглядит как голова с двумя глазами, небольшой бородой и усами, — он выглядит точно как голова. К тому же на хинди кокосовый орех называется *копра*, а голова называется *копри* — почти одним и тем же словом; фактически, слово копра вам больше подходит для головы, ведь это мужское, а копри — женское. Прежде они предлагали в жертву кровь — теперь они используют только красный цвет, но и это остатки варварского прошлого. И никого не интересует, чем вы занимаетесь.

И вот что удивительно. На базаре вы обнаружите, на кокосы цена поднялась почти в восемь раз в сравнении с началом этого столетия — тогда было, всего пять ан, треть рупии, — на лавках перед индуистскими храмами они все еще продаются по той же цене. Чудеса! — на базаре вам приходится платить в восемь раз больше. Как умудряется лавочник перед храмом? — это одни и те же кокосы ходят по кругу: каждый день люди покупают их, жертвуют Богу.. и каждую ночь священник несет их назад в лавку, самые гнилые в мире. Внутри там нет ничего, им, наверное, уже с полвека, поэтому и цена осталась той же. Это деловое партнерство между священником и лавочником, или лавочник его брат.

Пожертвовав кокосовый орех, вы просите работу для своего сына, поступления в медицинский колледж, успеха в своей любви — всякую всячину. Я сидел, спрятавшись в храме, и слушал, что просят люди. Я был обескуражен — не было ни единой вещи в мире, о которой бы не просили. Кто-то с какой-то женщиной, но женщина не оказывает ему никакого внимания? — жертвуйте кокос, и Бог позаботится об этом.

В Индии невозможно уничтожить взятку: если даже Бог берет, что же тогда полицейский комиссар? Но попробуйте — купите кокос в храмовой лавке и пойдите к полицейскому комиссару! А он поклоняющийся, потому что, когда бы мы ни позвонили к нему, он всегда поклоняется. Для меня загадка: за что ему платят? — в рабочее время он поклоняется. И чему он поклоняется? Для чего? Должно быть, он поклоняется... чтобы стать кем-то повыше полицейского комиссара — главным комиссаром полиции.

Большое продвижение по службе, долгая жизнь... Это не молитвы, это не поклонение — это бизнес. А у делового ума нет возможности понять ничего действительно ценного; молитва, любовь, благодарность, блаженство... — это не товары, которые продают и покупают.

Если вы войдете в него унижать себя, вы не будете возвышены.

Халиль Джебран гораздо более глубок, чем Иисус. Иисус говорит: «Просите и вам будет дано». А Халиль Джебран говорит: «Просите и вам никогда не будет дано», — даже если вы просите: «Боже, сделай меня смиренным». Это выглядит очень красиво — вы не просите ничего неправильного, вы лишь просите: «Сделай меня смиренным». Но личность, которая просит «сделай меня смиренным», выказывает две вещи: что он не смирен, он эгоист, — и что он просит смирения так же, как декорацию для своего эго. Тогда он сможет сказать: «Нет никого более смиренного, чем я». Даже смирение не будет дано, если просить...

Молитва должна отдавать что-то существу, а не просить. Я говорю вам: отдавайте существу, это возвратится к вам тысячекратно, но никогда не просите. Религия не для нищих, она для императоров, — тех, кто может отдавать.

И даже если вы войдете в него просить добра для других, вы не будете услышаны.

Выглядит немного жестко, но это верно. Вы не просите для себя, вы просите для других, но сама просьба ошибочна. Вы не доверяете мудрости существа — потому вы и просите. Это разновидность советования: вы знаете лучше, существо не знает. Не пытайтесь быть мудрее, святее, выше, чем существо. Расслабьтесь и отдайте себя. Единственная вещь, которую вы можете предложить Богу, это вы сами. Предложите себя без всяких условий и без всяких ожиданий.

Довольно того, что вы входите в храм незримый.

Вам надо сходить в храм — просто постоять рядом, так, чтобы никто не заметил вас, и понаблюдать за людьми, которые приходят молиться. Если есть толпа, они молятся долго, ведь их видит столько людей, которые будут распускать по городу слух об их религиозности. Если нет никого наблюдающего за ними, их молитва сокращается. Они быстро заканчивают ее и... уходят. Какой смысл? — никто не смотрит.

Я видел одного и того же человека молящимся перед толпой — тут он молится долго; и тот же человек, один в храме, не зная, что я прячусь там, быстро заканчивает молитву. Если никто не видит его, какой в этом смысл?

Ваша молитва дает вам почет и уважение — вот почему Халиль Джебран говорит: «Вступайте в храм незримый, словно вы — никто, почти отсутствуете. Не шумите, не выкрикивайте свои молитвы — Бог не глухой».

Есть замечательная песня одного из мистиков, величайшего из великих, — Кабира. Мусульманин молился очень громко, так громко, что было слышно всем по-соседству. Подошел Кабир, тронул его за плечо и сказал: «Помни, Бог не глухой. Даже если ты прошепчешь, Он услышит; даже если ты не скажешь ничего, Он услышит еще больше, потому что Он понимает молчание, не крик».

Я не могу научить вас творить молитву из слов.

Бог слышит ваши слова, лишь когда Он Сам изрекает их вашими устами.

Пока вы не столь молчаливы, но позволяете Богу изречь несколько слов через вас — вы не говорите их, а позволяете Богу сказать; только Он слышит те слова — ваших слов не слышно.

И не могу я научить вас молитве морей, лесов и гор.

А это подлинная молитва. Все деревья в глубокой медитации, все горы в глубокой медитации, все реки в глубокой медитации. Их молчание — это их молитва.

Но вы, рожденные горами, лесами и морями, найдете их молитву в своем сердце.

Вы также рождены той же землей, теми же морями, теми же лесами, так что глубоко в своем сердце вы также найдете то же молчание. Это молчание и есть сущность молитвы.

*Стоит вам вслушаться в ночную тишину, и вы услышите, как они говорят в безмолвии:
«Господь наш, наша окрыленная сущность...»*

Это так прекрасно — запомните это. Халиль Джебран говорит: «Ночью, глубокими ночными молчаливыми часами, вы услышите шепот деревьев, шепот гор — в безмолвии...»

«Господь наш, наша окрыленная сущность...»

Вы не кто иной, как ваше окрыленное Я. Мы забыли наши крылья. Вы еще не вспомнили свои крылья. В тот миг, когда вы вспоминаете свои крылья, нет разницы между вами и Богом.

В тот миг, когда вы вспоминаете свою свободу, в тот миг, когда вы отбрасываете все свои цепи, все свои тюрьмы, нет разницы между вами и Богом. Не нужно никакой молитвы, потому что нет никого другого, кроме вас — но на другом плане, окрыленного в небесах.

Это Твоя воля в нас волит...

И в этот момент вы поймете, что все то, что вы делаете, — Его деяние, все, чего вы желаете, — Его желание.

Иисус на кресте вспомнил эту глубокую истину. Он был в отчаянии, никакое чудо не происходило, и он воскликнул в небо: «Отец, Ты оставил меня?» — но это не путь молитвы, не путь медитации. И в конце он осознает: его упование на чудо — это выпрашивание, это не молитва.

Это ожидание, требование, но никто не может требовать от сущего.

Потому он говорит: «Да будет воля Твоя, а не моя», — он узнает свое упование на чудо и подходит совсем близко к истине — «Да будет воля Твоя. Просто исполни Твою волю, не слушай меня и мою волю». Вслед за этим утверждением великая тишина опустилась на Иисуса.

Это Твое желание в нас желает.

Это Твое побуждение в нас превращает наши ночи, которые принадлежат Тебе, в дни, которые тоже Твои. Мы не можем просить Тебя ни о чем, ибо Тебе ведомы наши нужды прежде, чем они родятся в нас...

Что можно требовать и просить? Сущее знает вас, вы рождаетесь из него; вы дети земли, гор, солнца, луны и звезд. Еще перед тем, как вы осознали определенное желание, земля знает его, небо знает его. Вы укоренены глубоко в сущем. Прежде чем узнает цветок, корни знают это; и прежде чем узнают корни, земля знает это; поэтому человек понимания просто расслабляется в глубоком позволении: да свершится воля Твоя.

Ты — наша нужда; и давая нам больше от себя, ты даешь нам все.

Единственная настоящая молитва — молчаливая жажда, молчаливое чувство голода: Ты наша нужда, у нас нет никакой другой нужды. Наши сердца пусты, мы готовы принять Тебя — посети нас!

Призывать Бога в глубоком молчании — вот единственная молитва.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

13. УДОВОЛЬСТВИЕ – ЗЕРНО БЛАЖЕНСТВА

4 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Тогда вышел вперед отшельник, который бывал в городе раз в году, и просил: «Скажи нам об Удовольствии».

И ответил он: «Удовольствие — это песнь свободы, но не свобода.

Это цвет ваших желаний, но не их плод.

Это глубина, взывающая к высоте,

Но не глубь и не высь.

Это пленница в клетке, расправляющая крылья,

Но не бесконечное пространство.

Да, воистину, удовольствие — это песнь свободы.

Я бы с радостью услышал, как вы поете ее от всего сердца, но я бы не хотел, чтобы вы утратили свое сердце в этом пении.

Есть среди вас юноши, которые ищут одного — удовольствия, а их судят и укоряют.

Я не стал бы ни судить их, ни укорять. Пусть они ищут. Ибо они найдут не одно лишь удовольствие;

Семь у него сестер, и даже самая меньшая из них прекраснее удовольствия.

Разве не слыхали вы о человеке, что искал в земле коренья, а нашел сокровище?»

Халиль Джебран поставил каждый вопрос в его надлежащем контексте. Это не вопрос, приходящий из ниоткуда, это вопрос, представляющий вопрошающего. И он приложил все усилия, чтобы дать ответ вопрошающему, отвечая на его вопрос. Это две разные вещи.

Философский подход к жизни отвечает только на вопрос; не имеет значения, кто задает его, сам вопрос важен философу. Но для мистика вопрос есть лишь начало полного разоблачения вопрошающего; здесь подлинный ответ нацелен не на вопрос, а на вопрошающего. Вопрос имеет свои корни в сердце того, кто спросил, и если вы не ответите ему, вы не ответили.

Халиль Джебран очень внимателен к этому — когда он отвечает на вопрос, он не может забывать о вопрошающем. Вопрос поверхностен; настоящая проблема — глубоко в сердце у того, кто спросил.

Тогда вышел вперед отшельник, который бывал в городе раз в году, и просил: «Скажи нам об Удовольствии».

Разве не выглядит очень странным, что спросить об удовольствии должен отшельник? Это кажется таким, но на самом деле отшельник отверг удовольствие и измучен своим собственным отказом. Он не в силах забыть, что, возможно, те, кто живет жизнью удовольствия, правы, и, быть может, отвергая жизнь и ее удовольствия, он просто заблуждается.

Чувство это — не просто поверхностная мысль; оно глубоко в самом его существе, ведь с той поры, как он отверг удовольствие, он потерял всякий интерес к жизни, даже желание дышать. Даже просыпаться утром... — для чего? После того как он отверг, он умер некоей разновидностью смерти, он уже не живое существо. Хоть он и дышит, ест, ходит, разговаривает, я говорю вам: у него только посмертная жизнь. Он как призрак умершего давным-давно. В миг, когда он отвергал существование, он отверг также и жизнь; он совершил духовное самоубийство!

Но все религии учили не чему иному, как духовному самоубийству. Все они антижизненны,

а если вы против жизни, то, естественно, единственный путь для вас — продолжать подавление своих естественных желаний, стремлений.

Отшельник, которого испокон веков восхваляли как святого, священного, — не что иное, как подавленная душа, не позволившая себе жить, не позволившая себе плясать, любить. Он подобен дереву, которое отвергло свою листву, которое отвергло свои цветы и свои плоды, — сухое и лишённое соков стоит оно — просто увядшая память.

Все это делалось из-за мирских интересов: лишь бы оставаться в живых — но не жить; лишь бы выжить — но не в вашей полноте, на минимуме, а не на максимуме. Они превратили каждое человеческое существо в речушку под летним зноем. Они не дают вам стать полноводными от дождя, ощутить вкус чего-то расширяющегося, распускающегося, отблеск мечты будущей встречи с океаном. Летом речка усохла, стала мелководной и изломанной.

Отшельник мертв в самом центре своего существа. Его тело продолжает жить, но он не знает, что такое жизнь, потому что удовольствие — единственный язык, который жизнь понимает. Хоть удовольствие и не завершение, это лишь начало, но вам не достичь конца, если вы упустили начало. Отшельнику необходимо ваше сочувствие, а не ваше поклонение. Ваше поклонение — вот причина свершения самоубийства многими людьми, потому что вы поклонялись тем, кто отвергает удовольствие. Вы поддерживаете их эго и разрушаете их души. Вы соучастники в великом преступлении: они совершают самоубийство, но и вы тоже убиваете их, своим поклонением.

Этот вопрос, — *Скажи нам об Удовольствии*, — исходящий от отшельника, спросившего Альмустафу, крайне важен. Требуется смелость даже задать такой вопрос — относительно ваших так называемых мудрецов и святых.

Наверное, это было лет двадцать пять назад, когда мне довелось выступать на конференции. Как раз передо мной джайнистский монах, Чандан Муни, очень почитаемый своей общиной и религией, открывал конференцию. Он говорил о великом блаженстве, великой радости отказа от жизни, отказа от мирских, светских удовольствий. Я сидел рядом с ним, наблюдая за ним, но не заметил никакого признака, что он знает, о чем говорит. Он казался сухим и мертвым, его утверждения были построениями из писаний, будто заученные попугаем.

Это была не поэзия — спонтанная, текущая, как ручей с гор, молодая, свежая, поющая, танцующая к океану.

Выступая после него, я сказал: «Человек, который говорил только что, попросту лицемер, — а сидел он рядом со мной — он не знает ничего об экстазе, ничего о блаженстве, потому что человек, который отверг удовольствие, — отверг первый шаг, ведущий к финальному шагу в блаженство. Невозможно достичь блаженства, если вы против удовольствия и против жизни».

Он был в шоке... Ведь люди не высказывают то, что они чувствуют, люди высказывают лишь то, что ценят другие люди. Я чувствовал вибрации Чандана Муни — было замечательное утро, дул прохладный ветерок, а он потел. Но он был искренним человеком. Он не стал опровергать меня — напротив, днем я принял посыльного, который сказал: «Чандан Муни хочет встретиться с вами; он очень извиняется, что сам не может прийти, так как его свита не допустит этого».

Я сказал: «Проблемы нет. Я не заключенный, мои крылья не подрезаны. Я не связан никакой свитой — я смогу прийти».

Посыльный сказал: «Сначала позвольте мне пойти и все подготовить, чтобы вы могли встретиться наедине».

Я сказал: «В чем проблема? — пусть будут и другие». Но он сказал: «Вы не знаете, с самого утра Чандан Муни плачет. Ему семьдесят лет, а он стал монахом, когда ему было всего двенадцать. Его отец стал монахом, мать умерла — куда было деваться ребенку? Самым подходящим для него было стать монахом, как и его отец; так он и стал монахом. Он никогда не

знал, что такое жизнь, он никогда не играл с детьми, он никогда не знал ничего, что можно назвать удовольствием».

Поэтому я сказал: «Ладно, идите вперед и подготовьтесь — я приду». И все же толпа собралась. С самого утра они подозревали, что с Чанданом Муни что-то произошло — он не разговаривал, а его глаза были полны слез. Ему пришлось умолять толпу: «Пожалуйста, оставьте нас двоих наедине!»

Он запер двери и сказал мне: «Было тяжело слышать ваши слова, они были как стрелы, летящие прямо в мое сердце; но все, что вы сказали, верно. Я не настолько смел, как подобает, вот почему я не хочу, чтобы это еще кто-нибудь услышал — я не узнал жизнь. Я не узнал ничего. Я учился только по писаниям — они пусты. И вот — в семидесятилетнем возрасте — что вы посоветуете мне делать?»

Я ответил: «Думаю, первым делом будет открыть двери: пусть люди войдут. Чего вам бояться? — вам нечего терять. Вы никогда не жили, вы умерли в двенадцатилетнем возрасте, и теперь — мертвому человеку — терять нечего... А они пусть послушают. Они поклонялись вам, и ваше эго осуществлялось через их поклонение; поэтому вам и удавалось жить этой мученической жизнью, этим ужасным кошмаром, который религии прозвали святостью, — но это просто патология».

Он долго не решался, но все же набрался смелости и открыл двери. И когда люди услышали, что он ничего не знает, то вместо того, чтобы хвалить его за честность и искренность, все они принялись осуждать его: «Ты обманывал нас!» — и вышвырнули его из своего храма.

Истина, похоже, не имеет дома, а в распоряжении лицемерия все поклонение, весь почет.

Этот отшельник напоминает мне Чандана Муни. Я не знаю, что случилось с ним дальше, но что бы ни случилось, это, наверное, было лучше, чем прежде. По крайней мере, он пожертвовал своим почетом ради искренности, ради правдивости, а это большой шаг.

Отшельник просит: *Скажи нам об Удовольствии...* Слово «удовольствие» лишено всякого смысла для отшельника, он слышал о нем только осуждение. Может, он и сам осуждал его, хоть и никогда не пробовал.

Замечательную историю мне хочется рассказать вам. Однажды в раю, в одном из ресторанов «Зорба Будда» сидели и болтали Гаутама Будда, Конфуций и Лао-цзы. Прекрасная обнаженная женщина — этот ресторан был не чей-нибудь, а мой, и не на территории полицейского комиссара Пуны — подошла с большим кувшином и спросила их: «Не хотите ли отведать сока жизни?»

А Будда сразу закрыл глаза. Он произнес: «Постыдись! Ты хочешь унижить нас. С огромным усилием и аскетизмом мы кое-как добрались сюда, а ты принесла сок жизни. Убирайся!»

Он высказал все это с закрытыми глазами.

Но Конфуций держал свои глаза полуоткрытыми-полузакрытыми. Это и есть вся его философия: золотая середина — ни этот экстремум, ни тот экстремум. Он сказал: «Мне хочется попробовать немного, потому что, не попробовав это, я не могу ничего сказать об этом». Она налила в чашу немного сока жизни. Конфуций отхлебнул, вернул ей чашу и сказал: «Он очень горек».

Лао-цзы сказал: «Давай мне весь кувшин».

Женщина спросила: «Весь кувшин? Ты собираешься пить из кувшина?» Он ответил: «Это и есть мой подход к жизни: если вы не испили чего-либо в его полноте, вы не можете ничего сказать об этом. Оно может быть горьким вначале, оно может быть сладким в конце — кто знает?»

Прежде чем женщина смогла сказать что-нибудь, он взял кувшин и выпил на одном дыхании весь сок жизни. Он сказал: «Конфуций, ты ошибаешься. Все требует определенной

тренировки вкуса. Он казался горьким, потому что был незнаком тебе; он казался горьким, потому что ты уже был предубежден против него. Весь твой разговор о золотой середине — пустая философия. Я же могу сказать, что чем больше я пил его, тем слаще он становился. Сначала он был всего лишь приятным, в конце он стал экстатичным».

Будда не мог вынести этой хвалы жизни. Он просто встал и ушел из ресторана «Зорба Будда». Лао-цзы сказал: «Что случилось с тем парнем? — он сидел с закрытыми глазами. Во-первых, не надо было закрывать глаза, женщина так прекрасна. Если бы было что-то уродливое и вы закрыли свои глаза — это понятно; но закрывать глаза пред столь прекрасной женщиной показывает вашу невосприимчивость, показывает унижение, осуждение, показывает некий глубоко укорененный страх. Возможно, тот парень очень подавлен и боится, как бы не всплыла его подавленность».

И Конфуций оказался не готовым выслушать Лао-цзы, ведь тот зашел слишком далеко от золотой середины; поэтому и он ушел. А Лао-цзы начал плясать. Я слышал, он до сих пор пляшет...

Жизнь должна быть прожита, прежде чем вы решите что-нибудь насчет нее — за или против. Прожившие ее в ее интенсивности и полноте, никогда не были против нее. Те, кто были против, — люди, никогда не жившие интенсивно, никогда не допуская полноты; они держались закрыто и в стороне, а это и есть то, чему учили религии, — то, как они разрушали человечество.

Альмустафа ответил: *Удовольствие — это песнь свободы...*

Эти утверждения очень важны:

Удовольствие — это песнь свободы,

Но не свобода.

Удовольствие — это только песня, побочный продукт; когда вы знаете свободу, песня возникает в вас. Но это не синонимы. Песня может остаться тишиной... она вторична.

Вы чувствуете удовольствие только тогда, когда переживаете мгновение свободы — свободы от забот, свободы от тревог, свободы от дел, свободы от зависти, свободы от всего. В такое мгновение абсолютной свободы песня возникает в вас, и эта песня есть удовольствие. Свобода — это мать, а песня

— лишь один из детей; у матери есть много других детей. Так что это не синонимы. Свобода приносит много цветов, удовольствие — только один из этих цветов. И свобода приносит много сокровищ — это только одно из тех сокровищ.

Это цвет ваших желаний, но не их плод.

Цветы прекрасны. Вы можете наслаждаться ими, ценить их, но они не могут питать вас, они не могут стать вашей кровью, вашими костями, вашим мозгом. Вот что он подразумевает — *Это цвет ваших желаний, но не их плод.*

Поэтому не останавливайтесь на удовольствии — впереди намного большее. Наслаждайтесь цветами, собирайте цветы, делайте из цветов венки, но помните — есть и плоды. А плод вашей зрелости — это не удовольствие; плод — это блаженство.

Удовольствие только начало — дерево готово. Цветы — это песня, возвещающая, что дерево беременно и скоро будут плоды. Не теряйтесь в удовольствиях, но и не бегите от них. Наслаждайтесь ими, но помните — жизнь намного больше чем удовольствие.

Жизнь не кончается удовольствием, она только начинается с ним; плод — блаженство. Но и удовольствие дает вам некоторый вкус того, что будет впереди. Оно дает вам мечту, стремление к большему; это обещание: «Подожди, плоды придут. Не закрывай своих глаз на цветы, иначе тебе никогда не найти плодов».

Это и есть то, что я втолковывал вам снова и снова, разными путями. Мои слова, может

быть, и другие, но моя песня о том же. Может, я и вхожу в храм через другие двери, но это тот же храм.

Зорба только цветов, Будда — плод. Пока у вас нет обоих, вы не завершены, что-то упущено; остается пробел в вашем сердце, темный угол в вашей душе. Если Будда и Зорба не танцуют вместе в вашем существе, — цветок и плод, начало и конец, — вы не узнаете подлинного смысла существования.

Смысл существования не ищите с помощью вашего интеллекта, его нужно пережить в жизни.

Это глубина, взывающая к высоте...

Удовольствие — это глубина, взывающая к высоте. Помните всегда, что каждая глубина всегда завершается высотой — только рядом с залитыми солнцем горными вершинами есть глубокие долины. Удовольствие в долинах, но если вы узнали удовольствие, оно будет создавать, возбуждать в вашем существе стремление к далеким солнечным пикам. Если же столько дают глубины, вы должны исследовать высоты.

Удовольствие — это огромное искушение достигать высот. Это неудовлетворенность: если темнота может давать так много, может приносить так много, что же высота?

Это глубина, взывающая к высоте,

Но не глубь и не высь.

Само удовольствие больше похоже на равнину. Поскольку существуют высокие горные пики, то в сравнении с горной высотой оно кажется глубиной, но в действительности это равнина.

Бывают глубины и бывают высоты. Если вы опускаетесь в глубины, вы попадете в болезненное существование, в муку. Под удовольствием есть страдание. Над удовольствием есть блаженство, экстаз.

К сожалению, миллионы очень хороших людей отвергли удовольствие и упали в темную, бездонную яму страдания, нищеты, аскетизма; но они продолжают утешаться — их писания продолжают говорить им, что чем больше они будут страдать, тем больше приобретут по окончании жизни. Никто не объяснит им: «Не ждите рая в конце жизни, не идите против удовольствия — следуйте удовольствию во всей полноте, и оно постепенно начнет вести вас вверх, к высотам».

Прямо здесь вы можете быть в аду, но можете быть и на небесах; все это зависит от вас — куда вы пойдете. Не идите против удовольствия; пусть удовольствие будет вашей стрелой, летящей к звездам. *Это пленница в клетке, расправляющая крылья...* В довольстве птица в клетке растит крылья, но она все же в клетке; теперь у нее есть крылья, но небо для нее недостижимо. Можно сказать так: «Удовольствие — это плененное в клетке блаженство».

Блаженство — это удовольствие, на крыльях взлетевшее высоко в небо. Когда удовольствие становится свободным от всех тюрем, оно проходит трансмутацию, трансформацию. В нем есть зерно, и кто-то просто должен напомнить об этом: «Ты содержишь огромный потенциал». Оно имеет крылья, но не осознает своих крыльев.

Быть с мастером не значит изучать что-то.

Быть с мастером значит заражаться чем-то.

Видя мастера на крыльях, в воздухе, внезапно вы осознаете: «Я тоже получил такие же крылья». Мастер становится воспоминанием. Это не учение, которое мастер передает, это воспоминание, которое он вызывает.

Это пленница в клетке, расправляющая крылья,

Но не ограниченное пространство.

Таким образом, те, кто знают удовольствие, знакомятся со своими крыльями; теперь им

предстоит найти свой путь наружу из клетки. А клетка — ваша собственная, домашнего производства. Это ваша зависть, которую вы продолжаете кормить; это ваш дух конкуренции, которому вы продолжаете отдавать энергию; это ваше собственное эго, которое вы не отбросили, а продолжаете носить, каким бы тяжким бременем оно ни было. Клетка не чья-то еще; поэтому отбросить ее очень легко.

Это произошло с одним суфийским мистиком, Аль-Хилладж Мансуром. Я очень сильно люблю этого человека. Было много мистиков, и будет много мистиков, но я не думаю, что будет кто-нибудь еще той же пробы, что и Аль-Хилладж Мансур. Он был редкостью во всех смыслах. Например, кто-то спросил его: «Как быть свободным? Ты все говоришь и говоришь о свободе — но как быть свободным?»

Он сказал: «Это самое простое, смотри». Они сидели в мечети с колоннами, вроде этих. Аль-Хилладж приблизился к колонне, обхватил колонну обеими руками и завопил: «На помощь! Как мне освободиться от этой колонны?»

Человек сказал: «Не безумствуй, ты сам уцепился за колонну — никто ничего не делает, и колонна ничего не делает. Что за вздор ты несешь?»

Он произнес: «Я просто отвечаю тебе. Ты спрашивал меня, как быть свободным, а ты когда-нибудь спрашивал кого-либо об искусстве не быть свободным? Это тебе известно совершенно прекрасно! Ты продолжаешь создавать новые цепи, новую зависимость... это твое собственное действие. Прекрати это! И хорошо, что это твое собственное действие, потому что ты можешь прекратить его без чьего бы то ни было разрешения».

Аль-Хилладж по-прежнему держал колонну. Человек сказал: «Теперь я, по крайней мере, понял смысл, но пожалуйста, оставь колонну — собирается толпа. Все знают, что ты безумец, но я чувствую смущение, находясь рядом с тобой!»

Тот сказал: «Только когда ты действительно поймешь, я оставлю колонну; а иначе я умру с этой колонной».

Он сказал: «Боже мой, задать тебе вопрос — это значит наклепать беду».

А толпа принялась бранить того человека, спрашивая: «Зачем ты беспокоишь Аль-Хилладжа? Что за вопрос ты задал?»

Тот сказал: «Это странно, я задавал простой вопрос — как быть свободным? Но вместо того, чтобы ответить, он подошел к колонне, обхватил ее и стал звать на помощь. Поэтому вы все и собрались».

А Аль-Хилладж по-прежнему звал: «Помогите! Как мне освободиться?»

Наконец человек сказал: «Прости меня, я буду стараться; но не делай из меня слишком большое посмешище, оставь колонну!»

Тот спросил: «Как ты думаешь — я держу колонну, или колонна держит меня?»

Человек сказал: «Мансур, хоть ты и стал великим мистиком, мы были друзьями детства, мы учились в одной школе; вспомни нашу дружбу перед всей этой толпой. Сейчас весь город здесь, и все они рассержены на меня. Это не метод отвечать на вопрос — я задавал философский вопрос».

Мансур сказал: «Философский вопрос? Тогда тебе не следовало приходить к такому человеку, как я, — философия только для дураков. Лишь те, кто действительно в поиске истины, — только они должны входить в мой дом, это дом Божий. И я ответил тебе: "Если ты хочешь быть свободным, ты можешь быть свободным в этот самый миг, потому что ты сам держишь все свои цепи, будто это не цепи, а украшения. Брось их! Даже если они сделаны из золота, они не дают тебе возможности быть свободным, они не позволяют твоим крыльям раскрыться в воздухе"».

Да, воистину, удовольствие — это песнь свободы.

Я бы с радостью услышал, как вы поете ее от всего сердца...

Человек совершенно утратил одну вещь: полноту. Он любит, но не от всего сердца. Он плачет, но пустыми слезами — формально. Он улыбается, потому что вынужден улыбаться.

Я слышал об одном боссе, который знал не больше трех шуток. Но каждый день он обязательно собирал весь свой офис, всех чиновников — главных чиновников — и рассказывал одну из этих шуток. И все они привычно смеялись, словно никогда не слышали ее, — им приходилось, потому что не засмеяться означало оскорбить босса.

Как-то одна женщина, машинистка, не засмеялась, и босс сказал: «В чем дело? Почему вы не смеетесь?»

Она ответила: «Я увольняюсь, я получила другую работу. Зачем же мне смеяться?»

Люди смеются формально, из уважения, но такой смех не бывает от всего сердца. Никакое из ваших действий не полноценно, и это ваше несчастье, это ваш ад.

Король пришел увидеть дзэнского мастера. У дзэнского мастера был замечательный сад, и прямо перед воротами старик рубил дрова. Король спросил его: «Могу я спросить, кто ты?»

Тот сказал: «Кто я? Ты же видишь — дровосек». Он сказал: «Это так, вижу; я пришел увидеть твоего мастера». Тот сказал: «Мой мастер? У меня нет никакого мастера». Король подумал, что этот человек, наверное, сумасшедший, и просто чтобы кончить разговор, он спросил: «А это дзэнский монастырь?» «Может быть», — сказал человек.

Король двинулся дальше. Когда он достиг дома посреди леса, он зашел в дом и увидел все того же дровосека, облаченного в тогу дзэнского монаха, сидящего в дзэнской позе и имевшего по-настоящему прекрасный и грациозный вид. Король посмотрел на его лицо и спросил: «Что происходит? У тебя есть брат-близнец?»

— Возможно, — ответил тот. Король спросил: «Кто рубил дрова перед воротами?» Тот сказал: «Кто бы ни рубил дрова, он дровосек. Что за дело обсуждать дровосека? Я — мастер».

Король совсем растерялся, и мастер сказал: «Не ломай голову. Когда я рублю дрова — я дровосек, я не оставляю никакого пространства для чего бы то ни было еще. А когда я мастер — я мастер. Ты встретил не двух личностей, ты встретил одну — которая всегда тотальна. В следующий раз ты можешь найти меня за рыбалкой на пруду — тогда ты встретишь рыбака. Что бы я ни делал, я *есть* мое действие — целиком и полностью».

Мгновение за мгновением проживать жизнь в полноте — это и есть все мое учение. Узнавшие жизнь и ее тайны соглашаются в одном пункте: что бы вы ни делали, это должно быть от всего сердца.

Халиль Джебран говорит: *Я бы с радостью услышал, как вы поете ее от всего сердца...* Когда песня свободы случается с вами, пусть все ваше сердце танцует и поет.

Но я бы не хотел, чтобы вы утратили свое сердце в этом пении

Это очень странное, но важное утверждение. Как будто противоречивое. Он говорит: «Пойте песню всем своим сердцем, но все же оставайтесь бдительны. Не теряйте, не прекращайте свидетельства».

Если ваше действие тотально, и свидетель молча свидетельствует его, вы обнаружите в песне не только удовольствие; вы обнаружите также кое-что гораздо большее — то, что мы назвали блаженством.

Блаженство приходит со свидетелем.

Удовольствие должно быть тотальным, но не теряйтесь в нем, иначе вы остановитесь на удовольствии и не двинетесь выше этого.

Есть среди вас юноши, которые ищут одного — удовольствия, а их судят и укоряют...

Это, конечно, старики. Быстроту, силу и смелость шага калеки всегда осуждали, критикуя всяческими способами. Это ширма. Искалеченный человек не может признать, что он калека, и

не может признать, что кто-то другой не калека. Прикрывая свою ущербность, он принимается осуждать, критиковать.

Старики беспрерывно осуждают молодых искателей удовольствий, рассматривая их как грешников, хотя подспудно, в глубине своего существа, им все еще хочется быть молодыми.

Есть среди вас юноши, которые ищут одного — удовольствия... Неправильно думать, что удовольствия — это все, но так же неправильно судить и осуждать их. Человек, который осуждает их, подспудно страстно желает того же, но он уже слабее, старше и больше не способен на это.

Более мудрый человек скажет: «Ищите удовольствия — в этом нет вреда, однако помните: это не все, ибо я знаю более высокие и достойные вещи. Я же не стану удерживать вас от исканий — ищите всем своим сердцем!

В этой истинной полноте сердца, в этих поисках и опыте удовольствия вы, пожалуй, скоро почувствуете, что есть нечто более высокое, лучшее; нечто более живое, более прекрасное и бессмертное».

Мудрый человек никогда не осуждает — такова примета мудрого человека, — а те, кто осуждают, — просто мудрецы наоборот.

Я не стал бы ни судить их, ни укорять. Пусть они ищут...

Халиль Джебран обладает безмерным сокровищем мудрости.

Я не стал бы ни судить их, ни укорять. Пусть они ищут.

Ибо они найдут не одно лишь удовольствие;

Семь у него сестер, и даже самая меньшая из них прекраснее удовольствия.

Здесь он сослался на восточную традицию Тантры, в которой говорится о семи чакрах — семи центрах вашего роста. Это то, в чем следует очень тщательно разобраться. Скорее всего, людей, читавших Халиля Джебрана, никогда не волновало, кто такие эти семь сестер, я не думаю что они даже задумывались над этим... Если они ничего не знают о Тантре и восточных находках внутренней лестницы роста, им не удастся этого понять.

В университете, где я преподавал, было много профессоров, любивших Халиля Джебрана, и я спрашивал многих из них: «Вы можете сказать мне что-нибудь о семи сестрах?»

Они говорили: «Семь сестер? Я ничего не знаю о них».

— Как же вы тогда читаете? — спрашивал я. — Халиль Джебран говорит: *И даже самая меньшая из них прекраснее удовольствия.*

Они обычно говорили мне: «Ты читаешь странным способом. Мы пропускали это предложение, и вопрос никогда не возникал. Теперь ты спрашиваешь, и мы тоже желаем знать: кто эти семь сестер?» Людям Запада будет, конечно, неясно — если даже на Востоке не знают, кто эти семь сестер, что уж и говорить о Западе.

Тантра говорит о семи центрах, а удовольствие — это даже не низший центр. Удовольствие — феномен биологический, это ваша сексуальность. Оно использует вашу энергию, но ограничено биологией. Биология хочет от вас воспроизводства детей, но биология знает, что вы ненадежны, вы можете сбежать в любой момент...

Поэтому у биологии есть свои собственные методы сохранять непрерывность потока жизни. Если бы не было удовольствия в сексуальных переживаниях, не думаю, что какой-либо мужчина или какая-либо женщина производили бы детей; тогда все это выглядело бы весьма глупо — какая-то странная гимнастика. Все женщины осознают это, лишь мужчины не осознают. Во время любовных отношений женщины стремятся потушить свет, а мужчины — зажечь. Странно было бы видеть женщину, держащую глаза открытыми во время любовных отношений; она закрывает глаза — пусть этот идиот делает все, что хочет. Если бы только не было удовольствия... Это трюк и стратегия биологии, как давать шоколадку ребенку; небольшое

удовольствие — и вы перетерпите гимнастику. Но постепенно вы так привыкаете к шоколаду...

Центр выше удовольствия — это первая чакра, которая иногда — очень редко — переживается случайно. Люди не знают всей науки Тантры, иначе каждый смог бы почувствовать первый центр очень легко. Незначительное удовольствие от занятий любовью не приведет вас к первому центру, вот если бы ваше любовное занятие привело к оргазмическому взрыву... Но люди так спешат в любовных делах!

Эта спешка в любовных отношениях — побочный продукт вашего религиозного воспитания, ибо они осуждали секс. Им не удалось уничтожить его, но они определенно преуспели в его урезании. Им не удалось уничтожить его полностью, но они отравили его. Поэтому даже когда у влюбленных любовные отношения, оба чувствуют стыд, словно заняты чем-то уродливым — чем быстрее это закончится, тем лучше!

Для биологических целей этого вполне достаточно — биология не интересуется вашим оргазмическим переживанием. Но если вы сумеете продлить процесс любовных отношений, если вы сможете сделать это медитацией — тихой, прекрасной, — если сделаете это чем-то священным... Прежде чем заняться любовью, примите ванну, а когда будете входить в вашу спальню, входите с тем же чувством, с которым входят в храм. Это храм любви, однако, в храме любви люди дерутся, ссорятся, придираются, швыряют подушки друг в друга, вопят, визжат... разрушают всю атмосферу.

Вы должны возжигать фимиам, должны включать какую-либо красивую музыку, должны танцевать. Не нужно спешить заняться любовью — это должно стать кульминацией всей вашей игры. Вам нужно вместе медитировать, вам нужно вместе молчать, вам нужно вместе танцевать. В этом танце, в этом единении, в этом пении с фимиамом вы должны создать в вашей спальне храм — и только тогда...

Вы не должны пытаться вступить в любовные отношения, пусть это происходит спонтанно, само собой. И если это не происходит, не нужно беспокоиться — вы наслаждались медитацией, вы наслаждались танцем, вы наслаждались музыкой. Это было замечательное переживание, оставьте его таким, каким оно было.

Ваша любовь не должна быть действием, она должна быть спонтанным феноменом, неожиданным для вас. Только в такой спонтанности любовь может стать оргазмической. И в тот миг, когда любовь становится оргазмической, вы достигли первой чакры, вы встретили первую сестру — которая гораздо более прекрасна, чем удовольствие.

Первые три чакры эгоистичны: первая — это бессознательное оргазмическое удовольствие; вторая — полусознательное, полуспящее; третья — полностью сознательное оргазмическое удовольствие. В третьей ваша любовь и ваша медитация встречаются.

Следующие три... Четвертая — это сердечный центр. Только в четвертой начинается новый мир — мир любви. Ниже четвертой было только утончение сексуальной энергии, в четвертой вы превосходите секс полностью. Больше нет утончения, вы вошли в новый вид энергии, качественно отличный от секса. Это та же самая энергия, но столь очищенная, что само это утончение делает ее совершенно новым феноменом.

В четвертом центре, когда вы входите в любовь, вы чувствуете это, но не можете выразить. Это настолько ново... у вас не находится никаких слов. Это настолько неведомо и внезапно, что время останавливается, ум останавливается. Вы оказываетесь в тишине, о которой никогда прежде и не мечтали. С пятым центром выразительность приходит в существо: любовь становится творчеством. Она может выразиться разными способами у разных людей — она может стать музыкой, она может стать поэзией, она может стать скульптурой, она может стать танцем — возможности безграничны. Но одно определенно: когда вы в пятом центре, любовь становится творческой. Ниже пятого центра любовь была только производительной —

производящей детей. В пятом центре она становится творческой; вы творите новый вид детей. Для поэта его поэзия — это его ребенок; для музыканта его музыка — это его ребенок. В пятом центре каждый становится матерью, чревом.

Эти два центра, четвертый и пятый, сосредоточены на ином. Первые три были сосредоточены на вашем собственном «я» — вот отчего секс никогда не осуществляется, секс всегда ссора, борьба. Он создает интимных врагов, а не друзей, поскольку оба партнера эгоистичны. Они желают получить все больше и больше удовольствия от другого. Обоим недостает, никто не готов отдавать.

Четвертый и пятый изменяют направление, происходит переход от получения к отдаче. Поэтому в любви нет ссор, нет ревности, нет борьбы. Она дает свободу. Она созидательна, она творит нечто прекрасное для другого, для возлюбленного — будь то живопись, или музыка, или прекрасный сад, но центром является возлюбленный. Это не ради своего собственного удовольствия, это ради счастья и удовольствия другого. Если другой счастлив, счастливы и вы.

С шестым центром ваша энергия входит опять в новое переживание. В Тантре это называется «открытие третьего глаза». Это всего лишь символ. Он означает, что вы теперь достигли ясности видения, вы можете видеть без всякой помехи; на ваших глазах больше нет никаких штор, ничто не препятствует вашему видению. Вы можете видеть без всякого проектирования, вы можете видеть вещи как они есть — в их истине, в их красоте; не так, как вы проектировали что-то. Но до этого центра проектирует каждый.

Разумеется, есть люди, которые не смогут наслаждаться классической музыкой, потому что они не были обучены и проектированию. Они могут наслаждаться только новой современной западной музыкой, которая для настоящего музыканта всего лишь безумный шум, вид невроза. Люди прыгают и вопят, от Битлз и до Токинг Хэдс — все это безумие, это не музыка... Но для наслаждения классической музыкой вам требуется определенная дисциплина.

Если же вы хотите насладиться музыкой ветра, проходящего сквозь сосны, вам потребуется ясность и молчание; вы не ожидаете ничего, не проектируете ничего.

С раскрытием третьего глаза вы больше не отделены от другого. В первых трех центрах вы были эгоистичны, сосредоточены на себе; с двумя другими центрами вы были ориентированы на другого. С шестым вы становитесь едиными с другим — больше нет разделения. Любящие начинают чувствовать свойство синхронизации. Их сердца бьются в одном и том же ритме, они начинают понимать друг друга без единого слова.

С седьмым, который является высшим при восхождении человека в теле, он называется *сахасрара*, седьмой центр вашего существа, — вы становитесь едиными со всей Вселенной. Сперва вы становитесь едиными со своим возлюбленным, в шестом центре; в седьмом вы становитесь едиными с окончательным, с целым.

Это и есть семь сестер, о которых упоминает Халиль Джебран; и это весь спектр духовного роста.

Разве не слышали вы о человеке, который искал в земле коренья, а нашел сокровище?

Это древняя поговорка Ливана. Человек копал коренья; он был таким голодным, что не мог позволить себе даже купить фрукты, поэтому он искал коренья для еды. Но нашел сокровище. Ссылаясь на это, он говорит: «Мы начали с копания кореньев — удовольствия; но если вы продолжаете копать, то можете найти несметные сокровища».

Это факт, установленный всеми мистиками Востока: с седьмым вы становитесь абсолютно свободными от всех тюрем, от всех мыслей, от всех религий, от всех идеологий; с седьмым - ваша клетка исчезает.

Теперь вы можете дышать в открытом небе, можете лететь к звездам.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

14. КАПЛЯ НЕ МОЖЕТ ОСКОРБИТЬ ОКЕАН

5 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

И есть среди вас старцы, которые вспоминают удовольствия с сожалением, как ошибки, совершенные в опьянении.

Но сожаление — это помрачение ума, а не наказание для него. Им стоило бы вспоминать об удовольствиях с благодарностью, как о летнем урожае.

Но если их утешает сожаление, пусть они утешатся.

И есть среди вас те, кто не столь молоды, чтобы искать, и не столь стары, чтобы вспоминать.

Б своем страхе перед поиском и воспоминанием они сторонятся всех наслаждений, дабы не пренебречь духом и не оскорбить его.

Но даже их воздержание приносит им удовольствие.

Так и они находят сокровище, хотя дрожащими руками ищут в земле коренья.

Но скажите мне, кто может оскорбить дух? Разве оскорбит соловей тишину ночи или светляк — звезды? Разве ваше пламя и ваш дым отяготят ветер? Или вы думаете, что дух — это тихая заводь, которую можно всколыхнуть посохом?

Нередко, отказывая себе в удовольствии, вы лишь откладываете желание в тайники своего естества.

Кто знает, быть может то, что упущено сегодня, ждет завтрашнего дня?

Даже ваше тело знает, что ему завещано, знает, в чем оно нуждается по праву, и его не обманешь.

А тело ваше — арфа вашей души.

И вы вольны извлечь из нее нежную музыку или нестройные звуки.

И сейчас вы вопрошаете в своем сердце: «Как различить нам, что есть благо в удовольствии и что не есть благо?»

Пойдите в свои поля и сады, и вы узнаете, что для пчелы собирать нектар с цветка — удовольствие.

Но и для цветка удовольствие — давать нектар пчеле.

Ибо для пчелы цветок — источник жизни,

А для цветка пчела — вестник любви.

И для обоих — пчелы и цветка — приносить и получать удовольствие — это и потребность, и экстаз.

Народ Орфалеса, уподобься в своих удовольствиях цветам и пчелам.

Человек очень странное существо. Он не был задуман таким, но его всеми способами принуждали быть неестественным — в этом источник его странности. Он стал чужим не только для других, он стал чужим также и себе самому, потому что все, что против природы, то и против себя самого... Вы не что иное, как песня природы, как поющие птицы и деревья, стоящие в молчании.

Кроме человека, в едином сущем все спокойно, прекрасно, без всякого деления на высшее и низшее — нет дерева святого или грешного. Но человек пришел в такой разлад, что его жизнь стала не радостью, а бременем, которое он должен как-то нести от колыбели к могиле.

Здесь очень тонкая логика: сперва священники всех религий натравили вас против себя самого, заставили вас быть против жизни, и когда вы стали несчастны, они пришли через заднюю дверь — утешать вас. А потом они стали посредниками между вами и Богом.

Я слышал о двух братьях, которые были деловыми партнерами — так действуют и священники. Первый брат обычно шел в город ночью, в темноте, когда все спали, и обмазывал людям окна, двери и стены дегтем. Утром, когда люди видели это, они не могли поверить в то, что произошло: весь город стал безобразным.

Но внезапно, пока они дивились, кто бы мог натворить такое, они слышали, как другой брат говорит, что если есть желающие очистить свои окна или двери, он располагает всем необходимым для этого — так он чистил и зарабатывал деньги. Пока он чистил и зарабатывал деньги, второй брат перебирался в другой город. Таким образом они провернули массу дел.

Но это не бизнес. Это заговор.

Это и есть то, что священники проделали с человеком.

Сначала они делают вас больными, а потом приходят как ваши спасители. Сначала они раздавливают вас до недочеловеческого существа — униженного, недостойного, отверженного, осужденного, — а потом они приходят со словами: «Не бойтесь, если вы последуете за нами, все ваше страдание исчезнет; если вы слушаете нас, мы договоримся с Богом, и Он вас примет в раю — с великими наградами».

Этот заговор длится с самого начала. Он становится огромным бизнесом: почти каждый является клиентом, покупателем какой-то разновидности духовенства — индуистской, христианской, буддийской, джайнистской, мусульманской — но основной бизнес один и тот же. А соперничество между

религиями можно понять просто как соперничество лавочников, которые торгуют одним и тем же товаром.

Каждая религия старается доказать, что ее товар лучше, чем чей-то еще. Их Иисус говорит: «Те, кто следуют мне, войдут в царство Божье, а те, кто не следуют мне, попадут в вечный ад». Но то же самое верно насчет всех религий. Разными способами, на разных языках, послание такое: только *мы* можем спасти вас.

Я считаю самым странным феноменом, что миллионы людей не разглядели, кто сделал их столь виновными, что их надо спасать от вины? Кто сделал вас столь самоосуждающими, что кому-то надо учить вас, как отбросить это? Кто искалечил вас? Тот же источник, который калечил вас, приходит учить вас, как ходить, как бегать, — это одни и те же люди.

Они боролись между собой — не за какой-нибудь фундаментальный вопрос жизни, а просто за количество покупателей. Каждая религия хочет, чтобы все человечество принадлежало ей. Это большой бизнес.

Я слышал, что евреи так и не смогли простить себе того, что они распяли Иисуса — который родился евреем, жил евреем, умер евреем. Евреи очень разумные люди — они не простили себе даже спустя две тысячи лет потому что, распяв Иисуса, они потеряли величайший бизнес, который предлагал этот бедный парень. Сейчас христианство — величайшая религия; величайшая официальная фирма, которая торгует невидимым товаром. А бизнес, который имеет дело с невидимым товаром, никогда не обанкротится.

Один человек из Нью-Йорка заявил — поместил рекламу, — что он нашел секрет изготавливать шпильки-невидимки для волос женщин. Естественно, огромная толпа все время стремилась в его магазин, а он вручал им красивые свертки. Они распечатывали свертки и, конечно, внутри не было ничего. Как же вы можете увидеть невидимые шпильки?

Только одна женщина оказалась немного подозрительной. Она спросила продавца: «Вы уверены, что шпильки-невидимки в коробке?»

Тот сказал: «На ваш вопрос, мадам, я отвечаю: у нас был запас на три недели, но дело идет, и поэтому мы прекратили производство. Какой смысл? — раскупаются и пустые коробки, зачем еще делать шпильки-невидимки для волос?»

Религия продавала вам невидимые вещи: Бога, который есть просто обман, — а один обман приводит к другому: молитва, священник, храм, синагога, церковь, Священная Библия, Гита, Коран... бизнес продолжается и продолжается. Священники захватывают ребенка с самой колыбели — они не теряют ни единого мгновения. И они продолжают эксплуатировать его, даже когда он умрет. Тогда от его имени они эксплуатируют его родственников — после смерти должны быть проведены ритуалы.

Индуизм, возможно, гораздо умнее, чем любая другая религия, — очевидно, это старейшая религия в мире. Вас продолжают эксплуатировать не только когда кто-то умирает, вас продолжают эксплуатировать, ради всех людей, которые умерли — ваш отец, ваши предки. Каждый год для них, должен быть проведен определенный ритуал. И, разумеется, священнику нужно заплатить за это.

Священники придумали выдающиеся стратегии. Одна из них — это покаяние, и сегодняшние утверждения Халиля Джебрана обсуждают эту уродливую идею — покаяние.

И есть среди вас старцы, которые вспоминают удовольствия с сожалением, как ошибки, совершенные в опьянении.

У старших, когда они были молоды, хватало мужества бороться со всеми антижизненными принуждениями. Они жили своей жизнью, насколько это возможно, в согласии с природой — они наслаждались, смеялись, любили, плясали.

Но в преклонном возрасте смерть становится самой важной проблемой. Теперь они пугаются всех тех дней удовольствия, теперь они припоминают то, что священники толковывали им: «Не совершайте этих грехов, иначе вы будете страдать». Теперь смерть может произойти в любой момент, а они не обрели никакой добродетели для награды; в их руках только так называемые воспоминания грехов, которые они наделали. Они сожалеют, они раскаиваются, они исповедуются священнику: «Попроси Бога простить нас; мы не осознавали, мы жалеем, что не послушали тебя».

Каждая религия создавала свою собственную стратегию.

Всего несколько дней назад католический Папа объявил: «Нельзя исповедоваться непосредственно Богу. Один из величайших грехов — исповедоваться непосредственно Богу. Вы должны исповедоваться католическому священнику. Он посредник, он и передаст послание Богу».

Здесь видна незамысловатая хитрость. Как может человек не быть прямо соединенным с источником жизни? Он уже соединен, как иначе вы могли бы оставаться в живых? Кто дышит в вас, как не Бог? Под «Богом» я подразумеваю всеобщность жизни. Кто бьется в вашем сердце? Кто поет в вас, кто любит в вас, кто танцует в вас? Вы непрерывно в контакте с источником жизни, вы погружены в него — посредник не нужен вовсе.

Но католический Папа понимает, что если люди начнут исповедоваться Богу непосредственно, то миллионы католических священников станут безработными. И они не только станут безработными, если люди не будут исповедоваться им, — они потеряют свою власть над людьми.

Величайшая власть на свете у того, перед кем люди раскрывают себя, особенно если они не хотят обнародовать то, что считается злом, грехом.

Когда вы исповедались перед священником, вы не сможете оставить католическую церковь, вы будете всегда бояться — священник может разоблачить вас перед публикой. Так что здесь очень глубокое психологическое рабство. И это очень удобно, потому что священник назначит

вам какое-то наказание: он попросит вас положить в ящик для пожертвований десять долларов, двадцать долларов, тридцать долларов — согласно серьезности вашего греха. Есть такая история. Рабби и епископ были большими друзьями, они обычно вместе ходили в кино, на ипподром. Весь город удивлялся: «Один — рабби, еврей; другой — епископ, а у них такая большая дружба!» В воскресенье рабби подошел к церкви, и ему сказали: «Епископ, наверное, не сможет пойти с вами играть в гольф, много людей ожидает исповеди; он в исповедальне». Рабби вошел в исповедальню и сказал: «Быстрее заканчивай».

Тот ответил: «Я стараюсь изо всех сил, но, похоже, за эту неделю слишком много грехов натворили в городе — очередь все еще большая, а к игре мне еще надо переодеться».

Рабби сказал: «Дай-ка я погляжу, как ты это делаешь, я ведь не знаком с исповедью. Всего один или два примера, а потом ступай и переодевайся — никто не узнает», — исповедальня устроена таким образом: небольшое окошко, за которым исповедующийся, а священник сидит с другой стороны стенки и слушает оттуда. Рабби сказал: «Я займусь этим, иди». Он прослушал две-три исповеди, и епископ ушел. Вошел мужчина и сказал: «Отец, я очень сожалею, но я опять изнасиловал женщину». Рабби растерялся: что сказать? Он никогда не занимался этим прежде, он не был подготовлен профессионально. Но все же он слышал две-три исповеди, и он сказал: «Двадцать долларов».

Мужчина сказал: «Это слишком много, ведь когда я прошлый раз кого-то изнасиловал, вы попросили всего десять долларов».

Но рабби есть рабби. Он сказал: «Не волнуйся — десять долларов это аванс. Можешь насилловать еще раз и не приходить исповедоваться. Только выкладывай двадцать долларов». Еврей понимает бизнес.

Сначала религии заставили людей почувствовать вину за все удовольствия. Когда вы молоды, вы можете не слушать; наверное, жизненная энергия столь сильна, что, даже если все проповедники будут кричать с крыш, жизнь все равно увлечет вас на свой собственный путь. Жизнь не верит ни в какую религию. Жизнь сама себе религия. Она не слушает никого.

Она знает свой путь, свою потребность, свое желание. Она знает, куда двигаться. Ей не требуется никакого руководства, потому что всякое руководство — это заблуждение.

Никогда не говорите реке: «Ты движешься неверной дорогой, я покажу тебе короткую и добродетельную. Ты слишком сильно наслаждаешься горами, долинами, лесами и песнями деревьев и цветов — это непростительно. Я покажу тебе правильный путь — путь через пустыню».

Но реки не слушают священника, они продолжают петь свою песню в диковинных горах и девственных лесах. Без всякого проводника и без всякой карты, без всякого проповедника, без всякой церкви они достигают океана — просто и естественно.

Если следовать жизни без всякой задержки, без всякого колебания, всем сердцем — это поведет вас к божественному источнику всего. Священник не понадобится.

Папа говорит: «Без священника вы не должны общаться, вы не должны исповедоваться Богу; это грех».

Я говорю вам, что Папа величайший грешник, если сказал такое. Он пытается разъединить вас с Богом и соединить вас с агентом, священником. Те доллары, что забраны в наказание, никогда не достигнут Бога; и что Богу делать с долларами? Там нет торгового центра. Я заглядывал во все писания мира, но там даже не упоминается о существовании торгового центра или кинотеатра. Что Богу делать с этими долларами?

Те доллары идут в карман священников — не все, лишь комиссионные; большая часть идет к Папе, в Ватикан. Это бизнес, чистый бизнес — эксплуатация, замаскированная под религию. Но у всех религий разные способы.

Я часто выступал в Аллахабадском университете. Аллахабад — это одно из священных мест индуистов, и там вы найдете индуистских священников — самых уродливых в мире эксплуататоров. А поскольку они обязаны соблюдать безбрачие, происходит психологический феномен: тот, кто пытается соблюдать безбрачие, начинает есть слишком много, в качестве замены. Поэтому они толстые и уродливые. Я всегда считал, что точно так же, как бывают конкурсы красоты, должны быть и конкурсы уродства; и я абсолютно уверен, что индуистский священник выиграл бы мировой приз.

От самой железнодорожной станции, как только вы сходите, священник начинает хватать вас. Точно как таксисты: «Иди ко мне в такси, оно самое лучшее», — те священники стараются: «Заходи в мой дом», — у них есть гостиница, где останавливаются их клиенты. Они должны будут платить священнику, потому что тот будет провожать их к священной реке Ганг для омовения, будет декламировать мантры из Вед, иначе ваши грехи не отмоются.

Случилось так, что один человек пришел к Рамакришне и спросил: «Я состарился и весьма сожалею, что растратил свою жизнь, наслаждаясь мирскими удовольствиями, никогда не слушая святых. Теперь уже не осталось времени для практики и дисциплины добродетели. Но наши великие мудрецы обнаружили кратчайший путь для людей вроде меня: я еду к Гангу». А Ганг протекал как раз за храмом Рамакришны, где они беседовали.

Рамакришна сказал: «Ты едешь к Гангу? Но Ганг течет прямо за храмом. Ты можешь делать сколько угодно омовений; можешь плавать, можешь стать рыбой и остаться в Ганге. Зачем тебе ехать к Гангу в Аллахабад?»

Тот ответил: «Потому что если священник не произнесет особые мантры, от Ганга не будет никакой помощи. Священник необходим как посредник».

Рамакришна был человеком очень простым. Он сказал: «Если ты должен ехать, значит, ты должен ехать. Запомни одно: ты видел огромные деревья, стоящие на берегу Ганга?»

Тот сказал: «Да, я видел их, но при чем здесь те деревья?» Рамакришна сказал: «Похоже, ты не знаешь... Это верно, что, когда священник декламирует мантры и ты омываешься, все твои грехи отмываются, но задумывался ли ты, куда они деваются?» Тот ответил: «Я никогда не думал над этим».

Рамакришна сказал: «Они просто выскакивают из тебя, садятся на деревья и ожидают, когда ты выйдешь. Сколько времени ты можешь оставаться в Ганге, и сколько может священник продолжать декламировать? Они просто наслаждаются этим; твои грехи наслаждаются и смеются над глупостью, потому что скоро ты пройдешь под теми деревьями и они прыгнут на тебя снова. Опасность еще и в том, что грехи других людей могут тоже спрыгнуть на тебя. У них есть выбор, и они могут перебраться с персоны, где они были, увидев такого замечательного парня, как ты... Твои грехи обязательно спрыгнут на тебя, а еще грехи других... Все эти деревья не стоят там просто так. Можешь идти, но оставайся в Ганге; ни за что не выходи из него».

Тот сказал: «Но это будет означать смерть». Рамакришна ответил: «Ничем не могу помочь». Каждая религия сначала создает идею вины внутри вас. Вины за что? За то, что вы полюбили женщину; за то, что вы полюбили мужчину? Что в этом неправильного? За то, что вы наслаждались прекрасной одеждой? Что в этом неправильно? Существование не против красоты, иначе оно не создавало бы такого разноцветного павлина. Существование не против красоты, иначе не было бы цветов, были бы только колючки.

Существование не против наслаждения. Поют птицы, вызывая своих возлюбленных, танцуют павлины, радуги появляются в небе, молчаливая музыка ночи и миллионы звезд... существование так безмерно прекрасно. Но религии говорят: «Ценить красоту, быть восприимчивым к красоте — это грех. Даже наслаждаться своей едой грех». Все они против чего угодно, приносящего вам удовольствие: «Однажды вы пожалеете об этом. Лучше жить

жизнью пустыни, а не сада».

Это антижизненная позиция... Когда люди становятся старыми, слабыми, больными и смерть стучится в их дверь, они становятся жертвами таких идей. Показательны ваши *старцы, которые вспоминают удовольствия с сожалением, как ошибки, совершенные в опьянении*. Вот полнейшая глупость! Те удовольствия — дары существования для вас, но вместо благодарности вы раскаиваетесь; вместо того, чтобы быть благодарными, вы испытываете сожаление.

Религии разрушили человеческие души так сильно, что человеку никогда не обрести достоинства, пока все религии не окажутся в музеях. Им нет места в жизни.

Халиль Джебран говорит:

Но сожаление — это помрачение ума, а не наказание для него.

Оно не делает вас целомудренными, это просто облака в вашем уме, делающие вас несчастными. Что это за добродетель, которая не приносит вам танца, улыбки, а только помрачает ваш ум? Вы наполнены всевозможным священным навозом, потому и сожаление.

Люди умирают сожалея — несчастные, напуганные, виноватые, грешные. Они упускают красоту смерти, молчание смерти, глубину смерти. Они упускают высочайшую кульминацию жизни.

Смерть — это не конец.

Это истинное крещендо жизни.

Они упустили свою жизнь, потому что никогда не жили в полноте. Все религии не давали им жить полноценно. Они всегда были жаждущими и голодными, потому что их чаши никогда не наполнялись, никогда не переполнялись. Капля воды жажды не утолит, будет только хуже — вы почувствуете большую жажду. Под злосчастным влиянием религий человек становится почти скелетом, теряя свое достоинство, свою красоту, свою отвагу, свою смелость — полное недоразумение — и умирает со слезами, а не с улыбкой на устах.

Полезно понаблюдать за умирающим. Посмотрите на лицо человека — сияет ли оно радостью? Это покажет, что он жил своей жизнью, он не волновался насчет всех этих идиотских идей — не относящихся к жизни, противных жизни. Все, что противно жизни, противно и Богу, потому что жизнь и Бог — это просто разные названия одного и того же источника. Но редко вы найдете человека, умирающего с сияющим лицом. Вы увидите несчастного, грешника: все всплыло, и страх наказания, ада написан на лице.

Я никогда не видел ничего более преступного, чем учения религий... они убийственны. И весь их успех зависит от убивания вас постепенным уничтожением вашей отваги жить, запугиванием вас перед неведомым.

Халиль Джебран говорит:

Им стоило бы вспоминать об удовольствиях с благодарностью... а не с сожалением.

Это была замечательная жизнь — столько сладких воспоминаний любви, дружбы, музыки, поэзии, живописи, созидания. Такая замечательная жизнь, — которой вы не просили, свободный дар, — и вы умираете с сожалением?

Вы должны умирать с благодарностью.

Все, что было, сделало вас зрелым, центрированным, обосновавшимся, сделало вас осуществленным, удовлетворенным, привело вас к величайшим пикам и глубинам. Вы познали красоту тьмы, и вы познали красоту света.

Даже если и были ошибки, сожалеть нечего — вы были новы в мире, вы были ребенком в мире. Много раз вы падали, но каждое падение укрепляло ваши ноги, с каждым падением вы падали все меньше. Каждое падение было огромным уроком, оно создавало сострадание в вас.

Поэтому при падении кого-то другого вы не осуждаете его; вы знаете, что он такой же человек, как и вы, и не имеете никакого суждения об этом. Учатся только через ошибки; если

кто-либо уверен, что не совершает никаких ошибок, он не учится ничему в жизни.

Он приходит пустым, он уходит пустым.

Я слышал историю. В праздник на курорте в Калифорнии, превосходный лимузин остановился перед отелем. Вышла женщина и попросила управляющего: «Немедленно пришлите четырех человек, моего сына нужно доставить в заказанный номер».

Управляющий, разумеется, подумал, что сын, должно быть, калека. Он прислал четверых крепких мужчин, потому что заметил, что сын был очень толстым. Однако служащие обнаружили, что у того идеальные ноги. Зачем его надо переносить, как труп? Сам управляющий изумился: прекрасный парень, не больше двенадцати лет, и такой толстый. Управляющий спросил женщину, мать ребенка: «Зачем это... он болен? В чем дело, зачем его переносить? Он не может пройти всего несколько шагов?»

Она сказала: «Мы в состоянии позволить себе это. Ходьба для тех, кто беден, а мой сын никогда не будет ходить: его всегда переносят слуги».

Вы думаете, этот сын будет когда-нибудь жить, если ему не дают ходить из-за того, что мать в состоянии позволить себе слуг? Если он не может ходить, можете ли вы предположить, что он когда-нибудь будет танцевать? Это слугам можно танцевать. Будет он когда-нибудь любить? — слуги будут делать это.

Любовь — великое испытание. Нужно помнить, что ни одно человеческое существо, мужчина или женщина, никогда не умерло во время любовных отношений. Никакого сердечного приступа... Люди умирали во всевозможных ситуациях, но никогда во время любовных отношений, потому что во время любовных отношений их жизнь приходит к своей кульминации. Умирать не время, время жить и пить этот сок. Человек никогда не умирал от сердечного приступа во время любовных отношений — это самый надежный способ выжить. Наиболее опасное место — это ваша кровать: девяносто девять процентов людей умирают в кровати, помните об этом! Когда все уйдут, спускайтесь на пол, если не хотите умирать.

Им стоило бы вспоминать об удовольствиях с благодарностью, как о летнем урожае.

Жизнь должна быть севом зерен — удовольствия, песен, — и жизнь должна быть летним урожаем. Подлинный человек — это тот, кто жил полноценно, не обеспокоенный всевозможными идиотами — христианами, индуистами, мусульманами... Они мертвы, и они против того, чтобы жили вы. Они поглупели и завидуют, что вы можете жить и наслаждаться. Поэтому все то, чему обучают в каждом храме, каждой синагоге, каждой церкви, — противно жизни, противно любви, противно наслаждению, противно удовольствию. Но что остается тогда, просто быть несчастным?

Если вы остаетесь несчастными, то, естественно, ваша смерть будет тьмой. Но если вы прожили свою жизнь в полноте — с радостью, всеми ее подъемами и спадами, всеми ее слезами и смехом, — ваша смерть будет красотой, открытием двери к большей жизни, уровнем выше, к большему сознанию.

Но если их утешает сожаление, пусть они утешатся.

Есть столько несчастных людей — фактически, они в большинстве — и они не потерпят никого, кто не является несчастным...

Почему весь мир против меня? Я не навредил никому, я не совершил никакого преступления. Это беспрецедентно, что весь мир, все религии, все нации, все политики против человека, который совершенно невинен. Но я знаю причину, почему они против меня: они несчастны, а я учу вас быть счастливыми.

Они жили в унынии — уныние стало их второй натурой — а я учу вас жить полно, интенсивно и тотально. Тогда даже ваши слезы будут частью вашего смеха. Тогда ваши темные ночи тоже станут только моментами расслабления и мира, и лоном для нового дня, новой зари.

Мое учение за жизнь, а все учения в мире против жизни — вот их проблема. С этим они не могут спорить.

Халиль Джебран говорит: *Но если их утешает сожаление, пусть они утешатся.* Это их дело. Выскажите истину и оставьте это им, не нарушайте даже их страдание. Возможно, в глубине они наслаждаются своим страданием.

В психологии хорошо установлен факт, что люди наслаждаются страданием, поскольку оно вызывает сочувствие. Когда вы несчастны, все сочувствуют вам, все утешают вас. Когда же вы счастливы, никто не приходит к вам утешать вас, сочувствовать вам — это было бы абсурдно. Здесь очень хитрая игра: вы несчастны — и кто-то сочувствует вам, вы наслаждаетесь сочувствием, но лишь потому, что упустили любовь.

Сочувствие — жалкая замена для любви, очень скудная. Вы не знаете любви. Вы считаете сочувствие очень любящим отношением, и поэтому наслаждаетесь сочувствием; а сочувствующий наслаждается, глядя на ваше горе. Он становится выше вас; он выражает сочувствие, а не получает его — он в лучшем положении. Когда ваш дом горит, целый город соберется посочувствовать вам, чувствуя в глубине счастье, что их дома не горят.

Мой дед умер. В моей семье он был самым старым, а я был самым молодым, но по странному совпадению мы были большими друзьями, а все находящиеся между нами были против нас обоих. Они были против меня, они говорили: «Ты что водишь старого человека в кино? Это неприлично в его возрасте». А когда в город прибыла великая танцовщица, и я повел моего деда, вся семья до того рассердилась, что, когда мы вернулись домой, они не открывали двери.

Я закричал им: «В чем дело? Если вы не откроете двери, я разбужу всех соседей». Они знали, что если я говорю что-то, я сделаю, и поэтому сразу открыли двери. Они сказали: «Ты испорченный, но мы никогда не думали, что маленький ребенок может испортить старейшего человека семьи. Та женщина — проститутка!»

Я сказал: «Мы не ходили ни к какой проститутке, мы ходили посмотреть замечательную танцовщицу. Может, она и проститутка в ваших глазах, но мы не лезем в ее личную жизнь, это ее дело. Мы ходили смотреть на ее танец. Она танцует так прекрасно, что я не мог позволить себе не повести моего деда — он мой друг».

Как только в город приходил святой, он брал меня и говорил: «Устрой из него хорошее посмешище. Задай такой вопрос, чтобы он не смог ответить. Не бойся, я с тобой». Так что я обычно вставал посреди собрания, а мой дед стоял около меня со своим большим посохом и поэтому никто не мешал мне.

Они знали: «Этот величавый старик к тому же и опасен».

Постепенно святые перестали приходить, потому что у них не было ответов ни на какие реальные вопросы — простые незначительные вопросы, но ответов у них не было.

Когда он умер, я сидел... Было прекрасное зимнее утро, солнце уже взошло. Я просто сидел у двери, потому что все домашние окружили старика. Один из моих дядей спросил: «Это странно: твой большой друг умер, а ты сидишь во дворе, наслаждаясь утренним солнцем».

Я сказал: «Когда он был жив, никто из вас не сидел с ним, кроме меня. Я просто даю вам шанс, которого никогда больше не будет. Но вы можете сидеть лишь рядом с мертвым, не рядом с живым».

Пришли соседи сочувствовать, утешать — сперва они встретили меня, потому что я сидел во дворе, и начали плакать; слезы катились по их лицам. Я сказал: «Не притворяйтесь», — они были очень сильно шокированы, — «Эти слезы — крокодиловы слезы, потому что я никогда не видел вас у старика, когда он был жив. Он был львом, он мог сделать завтрак из вас. Но теперь, когда он умер...»

Но он жил столь полно, что и его смерть была прекрасной. В последний момент он позвал меня, взял мою руку в свою и сказал: «Я жил полноценно и ни о чем не жалею. Запомни это: никогда никого не слушай, прислушайся к своему собственному сердцу».

Поэтому я сказал соседям: «Не нужно рыдать о человеке, который жил так счастливо, так прекрасно. Когда умрет ваш дед, можете рыдать — и запомните, я не приду даже утешить вас».

Они не могли понять, о чем я говорю, и тогда кто-то из моей семьи затащил их внутрь: «Не разговаривайте с ним». Они сказали: «Он наговорил нам оскорблений, что наши слезы — это крокодиловы слезы».

Войдя следом, я сказал: «Радуйтесь тому, что ваш дед еще жив, утешайтесь этим — я же вижу, как наслаждается ваше сердце, что у кого-то другого умер дед. Ваш дед жив, но я хочу сказать вам, что ваш дед был мертвым всю свою жизнь!»

Они сказали: «С тобой мы не желаем разговаривать».

Я сказал: «Не важно. Я хотел прояснить вам, что все это утешение и сочувствие — для тех, кто упустил жизнь, кто упустил любовь, кто не жил согласно своим собственным устремлениям».

Мой дед был простым человеком, его не осквернили, не развратили священники. Его смерть была так же прекрасна, как его жизнь.

Халиль Джебран говорит: *Но если их утешает сожаление...* если они чувствуют какое-то утешение в сожалении — может, они считают, что сожалением, раскаянием они будут прощены — тогда... *пусть они утешатся.* Но они совершенно упустили возможность, которая давалась им природой. Они пришли с пустыми руками, и они ушли с пустыми руками.

И есть среди вас те, кто не столь молоды, чтобы искать, и не столь стары, чтобы вспоминать...

Люди среднего возраста — это не молодежь, вибрирующая энергией, переполненная жизнью, ищущая и исследующая новые пути к все большему и большему удовольствию и, в конечном счете, блаженству. Если вы не слишком молоды, чтобы искать, и не слишком стары, чтобы вспоминать... Старому человеку некуда больше деваться — он просто вспоминает, сожалеет. Жизнь выскользнула у него из рук, и нет возврата; нет возможности получить эту жизнь снова.

В своем страхе перед поиском и воспоминанием они сторонятся всех наслаждений...

Эти люди среднего возраста в определенного рода заточении. Они не столь молоды, чтобы искать, и не столь стары, чтобы сожалеть. Они зависли между — ни то, ни се. Они не могут идти дорогой молодых, и не могут идти дорогой стариков. Они в постоянном конфликте и разладе — какая-то часть их хочет быть молодой, а какая-то часть — старой. Они живут в мучениях.

Хочу напомнить вам, что большинство сердечных приступов происходит приблизительно в сорокадвухлетнем возрасте — годом раньше или годом позже. Юность ушла, старость не наступила, и напряжение слишком велико. Сердечный приступ в этом возрасте в действительности не физическая вещь. Разумеется, это выражается как физический симптом, но в источнике это психологично.

Человек среднего возраста живет самой трудной жизнью. Он похож на мост — ни на этой стороне, ни на другой стороне. Он не может сойтись с теми, кто еще танцует, и он не может сойтись с теми, кто молится и исповедуется в церквах, храмах, мечетях. Он действительно потерян; он не знает, что делать, куда идти.

И так происходит только потому, что он не прожил свою юность тотально.

Если вы прожили свою юность полноценно, вы будете оставаться молодым до самого последнего дыхания своей жизни. Ваше тело может стариться, но ваша свежесть и молодость будет оставаться прежней.

Индуисты очень гордятся тем, что в их времяисчислениях начало было лучшим веком — сатьяюга, век истины, — и хвастают тем, что никто не умирал молодым.

Разговаривая с индуистским святым, я сказал: «Не хвастайте этим, тут нечем хвастать. Я вижу в этом другое значение, и мое видение поддержано неопровержимым доказательством, найденным наукой. Чем дальше назад пойти... найдены скелеты людей, умерших где-то в сорокалетнем возрасте, и не нашли ни одного скелета человека, прожившего больше сорока лет; так что не хвастайте этим — вы не знаете реальности. Реальность такова, что в вашей сатьяюге люди старились обычно, около тридцати пяти, а умирали около сорока — естественно, никто не умирал молодым».

По моему же представлению должно быть прямо противоположное: даже если вы умираете в возрасте девяноста или ста лет, вы должны умирать все еще молодыми. Ваша молодость — совершенно иной феномен, чем ваш возраст: возраст — это физическое, а молодость — ваш подход к жизни.

Если вы за жизнь, а не против жизни, вы будете оставаться молодыми в своем внутреннем мире — до самого последнего дыхания; не будет среднего возраста.

Средний возраст — это промежуток — промежуток, который больше похож на кошмар, потому что юность ушла, а старость еще не пришла. Вы не можете ни искать удовольствия — ни даже сожалеть: о чем сожалеть? Вы никогда не жили, и даже вопроса о сожалении не возникает. Поэтому человек чувствует крайнюю опустошенность между юностью и старостью. Этот промежуток ужасен — самое мучительное испытание жизни.

В своем страхе перед поиском и воспоминанием они сторонятся всех наслаждений...

Они не могут искать удовольствия, потому что неловко общаться с молодыми людьми, ходить на дискотеку и танцевать — человек среднего возраста не находит места; он не может и сесть со стариком, который полон только раскаянья. Его состояние действительно ужасно!

...они сторонятся всех наслаждений, дабы не пренебречь духом и не оскорбить его.

Они живут только в страхе, трепеща.

Но даже их воздержание приносит им удовольствие.

Есть психическое заболевание, называемое «мазохизм». Ни в одном древнем писании нет даже идеи об этом — не потому, что болезни не было тогда, этого было больше, чем теперь, — но у них было другое название для нее. Прежде они называли это «святостью». Мазохизм происходит от имени мужчины Мазоха, который постоянно бил себя, истязал. Если бы в этом не было какого-то удовольствия, зачем бы он занимался этим?

Есть также противоположное заболевание, которое уравнивает мазохизм, — садизм. Оно тоже происходит от имени мужчины, де Сада. Садизм означает наслаждение мучением других. Кстати, если садист и мазохист поженятся, это будет лучшая пара в мире. Они будут абсолютно счастливы, потому что оба будут наслаждаться, один — мучаясь, другой — мучая. Если вы вступаете в брак, не спрашивайте совета у астролога, а идите к психоаналитику и установите, к какому классу вы относитесь. Если вы садист, тогда бракосочетание с садистом — несчастье; если вы мазохист, то бракосочетание с мазохистом означает, что вы будете страдать всю свою жизнь и никогда не получите никакого удовольствия. Установите, к какому классу вы относитесь — садистам или мазохистам, — и всегда вступайте в брак с противоположным, так же как мужчина женится на женщине.

Люди, которые все время раскаиваются в грехах, совершенных ими в юности спяну... — понаблюдайте за их лицами: они наслаждаются этим.

Одна женщина исповедовалась в католической исповедальне. Священник уже устал от женщины, которая постоянно вдавалась в такие детали, что даже он сам начал ощущать сексуальное возбуждение. Она обычно начинала: «Отец, простите меня, я прелюбодействовала.

Попросите Бога, чтобы Он простил меня». А потом она описывала в деталях, как это происходило, шаг за шагом. Первый раз это было еще ничего, потом второй раз... на третий раз это было уже слишком — ведь это были те же детали, тот же мужчина.

Священник спросил: «Если вы сожалеете так сильно, зачем же вы продолжаете прелюбодействовать с тем мужчиной?»

Она сказала: «Кто прелюбодействует с тем мужчиной? Это случилось лишь однажды, но само воспоминание приносит мне столько удовольствия. Это такое приятное воспоминание — а кому рассказать? Эта исповедь — единственная возможность... Я ожидаю семь дней, чтобы, когда наступит воскресенье, прийти опять, и войти во все детали, снова и снова». Священник сказал: «Послушайте, в первый раз деталей было не так много, во второй раз их стало больше, а в третий раз их стало еще больше».

Она ответила: «Когда вы чем-то наслаждаетесь, почему бы, не преувеличить?»

Мой собственный опыт восприятия людей, которые всегда говорят, что в юности сбились с пути, забыли Бога, не слушали советов мудрых, — один и тот же: я всегда видел их лица горящими. Они наслаждаются этим снова. Это не просто память, они переживают это снова. У них в уме есть две разные вещи. Сама память механистична: два плюс два четыре, это и есть память. Но при их воспоминании о любовных отношениях с женщиной или мужчиной я видел их возбужденными, с покрасневшими лицами, а их глаза вновь становились молодыми, блестящими. Это не сожаление, они переживают это.

Стало быть, даже в людском сожалении, раскаянии есть что-то, дающее им удовольствие, но оно скрыто под спудом. Внешне, на поверхности они стараются стать святыми, а в глубине души они наслаждаются тем, без чего жить не могут. Те дни прошли, та энергия ушла, но они могут, по крайней мере, пережить это. Но если бы они переживали это открыто, каждый осуждал бы их, и поэтому исповедь, покаяние, сожаление — хороший предлог. Таким способом исповедующийся наслаждается — и священник тоже.

Я слышал историю. Женщина описывала, как ее изнасиловали. Отец-священник знал, что это прекрасная женщина. Он сказал ей: «Это очень плохо, вам надо было сопротивляться; нужно было делать все, чтобы помешать этому».

Та сказала: «Я старалась, но не слишком — поэтому я и пришла на исповедь. В противном случае это был бы не мой грех — кто-то другой насильовал меня, и он должен был бы идти исповедоваться... Но пришла исповедоваться я — хоть я и старалась, моя попытка была неохотной; неосознанно я желала быть изнасилованной».

В этот момент священник — тоже обыкновенное человеческое существо, не просветленный Гаутама Будда — сказал: «Случай действительно серьезный; пройдемте ко мне в комнату, сначала я хочу понять в точности то, что он делал».

Женщина сказала: «Он приказал мне раздеться».

Священник спросил: «Так вы раздевались?» Она сказала: «Я разделась». Священник сказал: «Это странно, ведь вы знали, что он собирается изнасиловать вас...»

Та сказала: «Я никак не могла знать, что он собирается насильовать меня. Я подумала: может, какой-то медицинский осмотр или что-то в этом роде... Поэтому я разделась». Священник сказал: «Сделайте это, чтобы я увидел, как это было».

Она разделась. Священник поцеловал женщину и спросил: «Делал он это?» Женщина сказала: «Да, отец, но он делал больше».

Тут он принялся ласкать ее грудь и спросил: «Делал он так?» Она сказала: «Да, отец, но он делал больше».

Это было слишком. Отец уже трепетал; он совсем забыл Святую Библию, Бога, исповедь и занялся женщиной. Потом он спросил: «Тот негодяй делал и это тоже?»

Женщина сказала: «Да, отец, и он сделал кое-что еще». Тот сказал: «Еще что-то? — это невероятно. Что это за "кое-что еще"?»

Женщина сказал: «Отче, он наделил меня гонореей».

Но это именно то, что ваши священники делают во время ваших исповедей. Теперь отец жалеет об этом, да слишком поздно.

Так и они находят сокровище, хотя дрожащими руками ищут в земле коренья.

Но скажите мне, кто может оскорбить дух?

Он поднимает очень значительный вопрос.

Халиль Джебран говорит: *Но скажите мне, кто может оскорбить дух?*

Эти незначительные события, о которых вы сожалеете, не могут оскорбить источник жизни, потому что это сам источник жизни выражает себя через вас. Вы не ответственны. Сожалением вы придаете себе излишнюю важность, как будто это ваше деяние, — это не ваше деяние. Все, что вы делали, делалось через ваши естественные потребности, и если кто-нибудь и ответствен, так это сам источник жизни. Вам не нужно исповедоваться.

Исповедь — это не что иное, как новая декорация для эго: «Я делал так, а теперь я делаю другую вещь — я сожалею об этом».

Халиль Джебран говорит: нет способа оскорбить дух. Вы можете жить или естественно, радостно, или в страдании; но вы оскорбляете только себя, вы раните только себя. Вы не можете оскорбить дух, универсальный источник жизни, вы слишком малы. Капля не может оскорбить океан, что бы капля ни делала.

Нужно всегда помнить, что вы не можете оскорбить сущее, поэтому и нет нужды ни в каком сожалении, нет нужды чувствовать вину. Это сам универсальный дух выражает себя в разных формах. Не взваливайте ответственность на свои плечи, это эгоистическая точка зрения. Вот почему вы можете увидеть, что ваши святые все переполнены эго.

Разве оскорбит соловей тишину ночи?..

Когда соловей поет в ночи, разве ночная тишина оскорблена? Нет, вовсе нет — напротив, соловьиная песня делает тишину ночи глубже. До песни, и после песни... Вы можете почувствовать глубину, соловьиная песня была не нарушением, а подношением; она сделала тишину полнотой, а не просто пустой.

...или светляк — звезды?

Может ли светлячок оскорбить дух звезд? Надо ли ему исповедоваться, надо ли ходить в католическую церковь? Никто не оскорблен. На самом деле, светлячок приносит что-то от звезд — поближе к вам, поближе к вашему саду, к вашим розам и цветам, иногда даже в ваш дом... нечто от звезд в темноту вашей комнаты.

Он не оскорбляет звезды. Он вестник, нет проблемы — никакого сожаления. Это не конкуренция звездам, это просто внесение частички того же света, того же танца. Куда не смогут добраться звезды, доберется светлячок.

Разве ваше пламя и ваш дым отяготят ветер?

Не думаете ли вы, что ваше пламя, ваша юность, или ваш дым, ваша старость, смогут отяготить ветер?

Тогда что за необходимость каяться? Иисус был одержим покаянием, он повторяет это слово больше, чем любое другое: «Покайтесь, покайтесь...» — снова и снова.

Христианство — религия покаяния; следовательно — я утверждаю - это низшая религия в сравнении с другими религиями. И ответственность ложится только на Иисуса, потому что он настаивает на покаянии, заставляя вас чувствовать вину. Но жизнь всегда сбалансирована...

Заратустра уравнивает Иисуса — Заратустра, единственный из всех религиозных основателей, кто глубоко любит жизнь. Возможно, в этом причина того, что последователей

Заратустры так мало, меньше всего в мире. Большая часть их живет здесь, в Бомбее; Бомбей — это весь их мир. Может, несколько живет в Кандале и Лонавле, но Пуна — это предел; дальше вам не найти ни одного последователя Заратустры. И никто не считает их религиозными, потому что они любят жизнь, они наслаждаются жизнью.

Когда Фридрих Ницше захотел написать что-то аналогичное евангелиям Иисуса, он выбрал имя Заратустры — хотя знал о Заратустре немного. Это такая малость, что никто не включает этого в мировые религии. Но Фридрих Ницше так же сильно любил жизнь, как и Заратустра, это их связующее звено.

Когда он написал «Так говорил Заратустра», он высказывался от имени Заратустры; но все то, что он говорит, не зная Заратустры, гармонирует с духом Заратустры, потому что это единственная жизнеутверждающая религия в мире. Фридрих Ницше — это возрожденный Заратустра, и ни Заратустра не был понят, ни Фридрих Ницше.

Эта книга, «Пророк», была написана Халилем Джебраном под влиянием книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Книга настолько впечатлила его, что он и сам попытался написать книгу подобными строками. Заратустра не историческая фигура у Ницше, ведь он ничего не знал о Заратустре, кроме имени; просто он избрал подходящего представителя для своей собственной философии.

Таким же способом Халиль Джебран избрал Альмустафу — вымышленное имя — и говорит через него. Альмустафа просто маска. Маска понадобилась, потому что он говорит вещи, которые идут против христианства: поскольку это всего лишь вымысел — никто не оскорблен. Даже Папы не внесли его книгу в свой черный список, в котором все то, что никакой католик не должен читать. Мои книги в их черном списке — никакой католик не должен читать их; даже при чтении их совершается великий грех.

Или вы думаете, что дух — это тихая заводь, которую можно всколыхнуть посохом?

Нередко, отказывая себе в удовольствии, вы лишь откладываете желание в тайники своего естества.

В этом единственном утверждении содержится вся философия Зигмунда Фрейда. ... *Отказывая себе в удовольствии...* вы лишь складываете все эти желания в ваше бессознательное. Скоро они взорвутся или отыщут какой-то извращенный путь. Все сексуальные извращения в мире из-за жизнеотрицающих религий. Гомосексуализм, содомизм и всевозможные извращения не исчезнут, если не запретить безбрачие и если все человечество не осудит отречение от жизни как грех против жизни.

Человек продолжает становиться все более и более извращенным; и чудо из чудес в том, что причина этого — те же люди, ответственные за создание гомосексуализма, содомизма и всевозможных отклонений, — которые с одной стороны осуждают гомосексуализм, а с другой стороны проповедуют безбрачие.

Гомосексуализм и содомизм были рождены в религиозных монастырях, поэтому я и осуждаю все эти религии — ведь это они ответственны за возникновение опасной болезни СПИД. Это религиозная болезнь, духовная болезнь, самая почтенная болезнь; у нее древнее наследие — все великие основатели религий сделали вклад.

Но люди, похоже, до сих пор не в своем уме. Сейчас многие правительства мира принимают законы против гомосексуализма — гомосексуализм уже преступление во многих местах — но никто не упоминает насчет провозглашения безбрачия преступлением, хотя как раз безбрачие и создало гомосексуализм. Гомосексуализм всего лишь симптом, а борьба с симптомом не поможет — болезнь придет из какого-то другого источника и может быть еще хуже. Если гомосексуализм будет остановлен, появится содомизм. Сodomизм означает скотоложество; это из Ветхого Завета. Когда-то был город, Содом, где люди занимались

скотоложеством, отсюда и это слово: «содомизм».

Если вы останавливаете гомосексуализм, вы будете толкать людей к содомизму; потом вы будете останавливать и это — лишь бы не смотреть на коренную причину!

Никакое животное не бывает гомосексуальным на воле, но животные становятся гомосексуальными в зоопарке, потому что не могут найти самку. Что они могут поделаться со своей сексуальной энергией? Выражаясь точно, религии превратили всю землю в зоопарк.

Кто знает, быть может, то, что упущено сегодня, ждет завтрашнего дня?

Сегодня вы можете подавить что-то, но завтра оно утвердит себя с лихвой. Сегодня это было естественным — завтра будет извращением.

Даже ваше тело знает, что ему завещано, знает, в чем оно нуждается по праву, и его не обманешь.

Слушайте мудрость вашего тела. Оно знает свое наследие, оно знает свои потребности. Вместо того чтобы слушать святую Библию, святой Коран и святую Гиту, послушайте святое тело.

А тело ваше — арфа вашей души.

И вы вольны, извлечь из нее нежную музыку или нестройные звуки.

Если вы остаетесь естественными, придет мелодичная музыка. Если становитесь извращенными, ваше тело будет создавать только нестройные звуки.

И сейчас вы вопрошаете в своем сердце:

«Как различить нам, что есть благо в удовольствии и что не есть благо?»

Пойдите в свои поля и сады, и вы узнаете, что для пчелы

собирать нектар с цветка — удовольствие,

но и для цветка удовольствие давать нектар пчеле.

Помните: не бывает ничего плохого в жизни; дело в том, что одна часть наслаждается - отдавая, а другая часть наслаждается - получая. Это словно две ваши руки — одна рука дает, другая рука берет.

Он говорит: «Вместо того чтобы философствовать над проблемой, сходите в сад и посмотрите: какое удовольствие для пчелы собирать нектар! И в этом нет ничего плохого, это не вредит цветам — *Но и для цветка удовольствие — давать нектар пчеле.* Они оба наслаждаются мгновением. В том, что пчела радостно жужжит, собирая нектар, а цветок танцует под солнцем, отдавая свой нектар, нет ничего неправильного.

Но если бы спросили священников, они бы сказали пчелам: «Это нехорошо. Вы воруете нектар, не состоя в законном браке с цветком. Где ваше брачное свидетельство?»

Они осудят также и цветок: «Нехорошо привлекать пчел своим нектаром, ведь это порождает страсть». Священники очень умны в разрушении всего прекрасного.

Но жизнь — это и то, и другое — день и ночь, цветок и пчела, мужчина и женщина, рождение и смерть. Нет ничего неправильного и нет ничего злого.

Понимать это — значит, войти в мир религиозного сознания.

Ибо для пчелы цветок — источник жизни, А для цветка пчела — вестник любви. И для обоих — пчелы и цветка — приносить и получать удовольствие, - есть и потребность, и экстаз. Народ Орфалеса, уподобься в своих удовольствиях цветам и пчелам.

Здесь я должен прочесть: «Народ Пуны — кроме полицейского комиссара Пуны — уподобься в своих удовольствиях цветам и пчелам!»

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

15. ПЫЛАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ, ОЧАРОВАННАЯ ДУША

5 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просил поэт: «Скажи нам о Красоте».

И он ответил:

«Где вы будете искать красоту и как вы ее найдете, если не она сама станет для вас и путем и вожатым?»

И как вам говорить о ней, если не она будет ткачом вашей речи?

«Красота ласкова и нежна, — говорят огорченные и обиженные.

Как молодая мать, чуть смущаясь своей славы, ступает она среди нас».

«Нет, красота грозна и могущественна, — говорят пылкие.

Как буря, сотрясает она землю под нами и небо над нами».

Говорят усталые и утомленные: «Красота подобна нежному шептанию. Она говорит в нашем духе. Ее голос отступает перед нашим молчанием, как слабый свет, что дрожит в страхе перед тенью».

Но беспокойные говорят: «Мы слышали, как она кричала в горах. И вместе с ее криками раздавался топот копыт, хлопанье крыльев и львиный рык».

Ночью говорят городские стражники: «Красота взойдет с зарею на востоке».

В полдень говорят труженики и путники: «Мы видели, как она склонилась над землей из окон заката».

Зимой говорят занесенные снегом: «Она придет с весной, шагая по холмам».

А в летний зной говорят жнецы: «Мы видели, как она пляшет с осенними листьями, видели хлопья снега в ее волосах». Все это сказали вы о красоте.

Однако говорили вы не о ней, а о своих неутоленных потребностях,

ибо красота — не потребность, а экстаз.

Это не жаждущие уста и пустая протянутая рука,

Но пламенное сердце и очарованная душа.

Это не образ, что вам хотелось бы видеть, и не песня, что вам хотелось бы слышать.

Но образ, который вы видите, даже если сомкнете глаза, и песня, которую вы слышите, даже если закроете уши.

Это не смола в складках морщинистой коры и не крыло, сросшееся с когтем.

Но вечноцветущий сад и сонм вечнолетающих ангелов.

Народ Орфалеса! Красота есть жизнь, снимающая покров со своего святого лика,

Но жизнь — это вы, и покров — это вы.

Красота есть вечность, глядящаяся в зеркало.

Но вечность — это вы, и зеркало — это вы».

Есть только три фундаментальных вопроса в жизни: красота, истина и добро. Быть может, это и есть три лика Бога, подлинная троица. И все так же неопределимы, как и Бог. Глубочайшие умы в течение столетий интересовались этими тремя проблемами, но никакой убедительный ответ так и не был найден мыслителями и философами.

Моралиста интересует, что такое добро, философа интересует, что такое истина, а поэта интересует, что такое красота. Не только поэта, но и всех хоть в каком-то смысле творческих

людей — музыкантов, танцоров, скульпторов — любой, кто интересуется созиданием, творчеством, неизбежно интересуется красотой — что это такое?

Здесь поэт сказал: *Скажи нам о Красоте ...* — не потому, что поэт не знал, но знать — это одно дело, а говорить — другое.

Этот вопрос возникает не из неведения, и явно не от заимствованного знания. Вопрос возникает из экзистенциального опыта. Поэт знает каждой клеточкой своего существа, что такое красота, но не способен выразить этот опыт.

У великого индийского поэта Рабиндраната Тагора спросили после вручения ему Нобелевской премии за одно из собраний его поэм: «Вы когда-нибудь интересовались красотой — что это такое?»

Он сказал: «Интересовался? Я одержим! Я знаю, что это. Я знал вкус вина и бывал пьян, но всякая попытка выразить вкус и переживание опьянения проваливалась. Все мои поэмы — не что иное, как неудачи. Снова и снова я пытался выразить, что есть красота, и снова и снова терпел неудачу. Я буду продолжать пытаться до самого последнего дыхания, но в глубине души я знаю, что, наверное, прошу невозможного».

Вопрос возникает у поэта, который видел красоту, который любил красоту, который чувствовал ее магическое прикосновение, который танцевал с нею, чьи дни и ночи — не что иное, как беспрестанное течение переживания все более и более глубоких сфер красоты. Тем не менее, выразить ее, определить ее, похоже, невозможно. Его вопрос — самый достоверный и искренний.

Халиль Джебран старается ответить поэту самым прекрасным образом, самым глубоким образом, и подходит очень близко к определению; и все же ему не удалось определить это. Но он указал своим пальцем на луну. Он, может, и не достиг луны, но он указал верное направление. Очень немногие люди подходили так близко.

Один из великих философов современности, Г. Е. Мор, написал книгу «Основы этики». Вся книга, двести пятьдесят страниц, — самые искусные и сложные логические аргументы, сосредоточенные только на одном вопросе: «Что такое добро?». И когда вы читаете его книгу, вы думаете: наверное, он раскроет это.

Он предпринимает грандиозные погружения в глубины, взлеты к высотам, но в конце резюмирует, заявляя, что добро неопределимо: «Я признаю свою неудачу. Я проделал все, что возможно, — исходил из каждого аспекта, стучался во всякую дверь. Чем больше я размышлял над этим, тем все более неуловимым оно становилось. И в конце ясно только одно: после всего этого исследования я должен признать факт, что добро неопределимо».

Он был честным человеком. Ваши так называемые религиозные люди не настолько честны. Они продолжают определять даже Бога — что говорить о добре? Они продолжают определять истину, красоту, добро... их определения никоим образом не помогли никому, они просто демонстрирует их нечестность. Они пользуются прекрасными словами, они используют самые сложные аргументы; они могут обманывать миллионы людей, но они не могут обмануть самих себя. Этот поэт и сам, быть может, испробовал тысячи дорог, но он признает свою неудачу.

Это один из самых таинственных феноменов. Почти каждому известно, что такое красота. Вы говорите, роза прекрасна... но если вы не знаете, что такое красота, как можете вы назвать розу прекрасной? Вы говорите, закат прекрасен, вы говорите, ребенок прекрасен — но как вы можете пользоваться словом «прекрасный», если понятия не имеете, что такое красота?

Очевидно, каждому известно что-то — какой-то вкус, какой-то проблеск, — а поэту, художнику, музыканту известно намного больше, они опьянены красотой... Но не спрашивайте определение того, что это такое!

Однажды Эммануил Кант очень рассердился, когда кто-то спросил его: «Что такое

истина?» Он сказал: «Прежде чем ответить вам, я задам несколько вопросов о том, что вам известно очень хорошо. Вы любили когда-нибудь?»

Человек сказал: «Да».

Эммануил Кант спросил его: «Тогда скажите мне, пожалуйста, что такое любовь?»

Человек сказал: «Я любил и наслаждался всеми прелестями и благами любви, но, прошу прощения, — я не могу сказать, что такое любовь».

Эммануил Кант сказал: «Не огорчайтесь. Я и сам не могу сказать, что такое истина, что такое любовь, что такое красота, — хоть я и погружен во все эти переживания непрерывно. Вся моя жизнь была не чем иным, как исследованием, поиском, и не то чтобы я не нашел — я боюсь сказать кому-нибудь, что я обрел, потому что немедленно будет задан вопрос: «Тогда дайте определение», — но определение не достигает цели».

Этот поэт не просит о чем-то таком, чего не знает. Ему известно это, вот почему он спрашивает; возможно, Халилю Джебрану и удастся дать ему какие-то указания насчет красоты. И Халиль Джебран начинает очень показательно.

Он говорит: *«Где вы будете искать красоту и как вы ее найдете, если не она сама станет для вас и путем и вожатым?»*

Красота — это не что-то оттуда; это то, что здесь. Где вы собираетесь искать ее? И как вам найти ее, если вы уже не нашли ее?

В древних египетских притчах есть замечательное высказывание о том, что вы начинаете искания Бога только когда вы нашли его. Это выглядит весьма странным, но это очень точно. Вы не можете даже поднять вопрос: «Что такое красота?» — если вы не нашли ее. И чем задавать этот вопрос, лучше позвольте красоте самой стать путем и проводником. Он говорит, что никто другой не может проводить вас к тому пространству, к тому переживанию, если вы уже не прибыли туда.

Дзэнский Мастер задал одному из своих учеников известный коан. Это особое средство дзэна помочь вам избавиться от всех ваших мыслей: средство до того абсурдно, что у вас нет способа найти ответ. Есть много коанов, но этот самый известный: «Что такое звук хлопка одной ладони?».

Ведь это столь очевидная нелепость — хлопок одной рукой не может вызвать звука. Чем хлопать? Для звука нужны, по крайней мере, две вещи. Всего одна рука не может хлопнуть, потребуются обе руки! А он сказал ученику: «Как только услышишь звук хлопка одной ладони, приходи ко мне».

Ученик искренне старался, медитировал и слышал ветер, шелестящий в соснах. Он подумал: «Наверное, это и есть звук!» Он бросился к мастеру. Рано утром он разбудил старика и сказал: «Я услышал это».

Даже не спросив: «Что ты слышал?» — мастер дал ему затрецину и сказал: «Убирайся! И начинай медитировать снова, я сам узнаю, когда ты услышишь». Ученик подумал: «Это странно... мне даже не дали шанса рассказать, что я обнаружил».

Каждый раз происходило то же, мастер никогда не давал ему никакого шанса. Иногда в манговой роще начинала петь кукушка, и ученик думал: «Наверное...», или посреди ночи соловей... — он мчался... а мастер продолжал вышвыривать его.

Ученик просил его: «По крайней мере, дайте мне шанс рассказать, что я услышал!»

Мастер говорил: «Когда ты услышишь это, я узнаю раньше тебя. Так что убирайся! Начинай медитировать. Узнай, что такое звук хлопка одной ладони!»

Понемногу, так как он был озабочен только одной вещью, все другие мысли исчезли — они никогда не приходят без приглашения. Люди говорят: «Мы хотим избавиться от мыслей», — но они не понимают сути, того, что те не приходят без приглашения, — вы приглашаете их сами.

Одна часть вашего существа продолжает приглашать их, а другая часть старается вышвырнуть их вон. Вам никогда не добиться успеха.

Но все существо ученика стало однонаправленным. Это был великий вызов — он не мог услышать простую вещь, звук хлопка одной ладони. А когда все мысли исчезли, наступила абсолютная тишина, и он узнал. Но он не бросился к мастеру.

Почти каждый день он приходил с новыми идеями, и каждый день получал затрецину. В тот день мастер ожидал... «Он не приходит. Он услышал?» — ибо, если он услышал, ему не потребуется приходить. Нет необходимости ни в чьем одобрении.

Поэтому мастер отправился на поиски: «Где же этот ученик?» В лесу рядом с озером ученик сидел под деревом так тихо, что никто бы и не заподозрил, что там кто-то находится — настолько отсутствующий, пустой. Даже когда подошел мастер, он никак не отреагировал на него. Мастер обошел вокруг него — в чем дело? — но он не произнес ничего. Мастер уселся перед ним, но он продолжал сидеть молча. И мастер сказал: «Ну пожалуйста, хоть стукни меня! Ты услышал. Я знаю, ты не можешь сказать это, — никто не может сказать, — хоть стукни меня, ведь и я сильно лупил тебя!»

Бывают переживания, которые остаются переживаниями и никогда не становятся выражением, — и не требуется, чтобы они становились выражением. Но в сердце человека есть глубокое стремление поделиться, и это великое качество, духовный феномен, — побуждение делиться. Деревья делятся по-своему, принося цветы и плоды, поэт делится по-своему, принося стихи, музыкант делится по-своему, создавая музыку, но все они стараются поделиться чем-то невыразимым.

Халиль Джебран прав. Он говорит: «Где вы собираетесь искать его?» У него нет ни адреса, ни местожительства. И как вы намерены обнаружить его? — ведь у вас нет определения. Даже если вы и столкнетесь с этим, вам не удастся опознать его.

Например, вы случайно встречаете на дороге Бога. Даже если Он скажет: «Доброе утро, сэр», — вы не признаете Его. Может, даже вы почувствуете раздражение, что незнакомец... что он себе думает? Почему он беспокоит меня? Я медитирую на Боге, а этот парень приходит сюда и говорит: «Доброе утро, сэр!» Как вы сможете признать Его, если вы еще не знаете Его?

Признание означает реализацию, которая уже произошла. Это очень важное утверждение: пока красота не станет вашим путем и вашим проводником, вам никогда не обнаружить, что это такое.

Поэтому не будьте озабочены тем, что такое красота с философской точки зрения. Живите красиво, шествуйте по пути красоты. Понаблюдайте вокруг — нет ничего кроме красоты. От ничтожного светлячка до величайшей звезды — это не что иное, как красота. Вместо того чтобы тратить свое время в поисках определения, позвольте красоте овладеть вами — будьте одержимы ею. Вы можете стать определением красоты, но не сможете определить ее.

Если вы спросите меня: «Что такое красота?» — я скажу: «Загляните в мои глаза, она там — я знаю это. Прислушайтесь к моему молчанию — она там. Я услышал это; я услышал ее шаги». Я могу быть истиной, я могу быть красотой, я могу быть добром, но я не могу определить их. Я не отделен — вот почему я не могу определить их.

Как может свет определить себя? Просто от его присутствия темнота исчезает — вот определение. Определение не бывает словами, определение бывает вашим присутствием... не тем, что вы говорите, а тем, чем вы являетесь. Будьте более чувствительны.

Наша чувствительность была притуплена. Наши родители боялись, наши предки боялись, потому что быть чувствительным — все равно, что ходить по лезвию бритвы. Если вы восприимчивы к красоте, то это не может ограничиваться только вашей женой или только вашим мужем — красота есть повсюду. И ваши родители — все родители — боялись.

Вашу чувствительность нужно было притупить, разрушить, чтобы вы оказались заключенными в небольшую тюрьму; в противном случае невозможно было бы навязать человечеству моногамию. Однажды вы встречаете женщину, которая вдруг овладевает вами; вы встречаете мужчину — и вдруг вы переполнены, совершенно забывая о муже, который ожидает вас. Красота не знает супружества, мужей, жен; ей не ведомы ограничения.

Но общество не может жить так, потому что общество еще не достаточно созрело, чтобы позволить абсолютную свободу. А ведь только в абсолютной свободе вашей чувствительности дано расправиться во весь рост.

Каждый рождается чувствительным, но каждый умирает отупевшим. Фактически, человек умирает задолго до смерти. Религии учили людей не быть чувствительными, потому что на чувствительность нельзя полагаться. Это ветерок — он приходит и уходит, когда захочет. Вы не можете посадить его в клетку, вы не можете заключить его в тюрьму. Вот почему люди боятся идти путем красоты, боятся, чтобы их вела сама красота.

Красота есть право по рождению для каждого. Это не особый талант, чтобы только немногие люди могли понимать красоту; это врожденное качество каждого, — которое остается бездействующим без предоставления свободы. Постепенно вы полностью забываете о нем, и тогда возникают всевозможные философские вопросы — что такое красота? что подразумевается под красотой?

Пикассо писал картину на берегу. Человек, который был садовником и обычно торговал розами на берегу, куда приходили влюбленные, наблюдал за Пикассо, но не мог разгадать смысл его картины. Пикассо закончил, нанеся последний мазок на картину, он посмотрел на нее, изумленный, словно не он создал ее, словно то была чужая картина.

Истинный художник всегда чувствует так, истинный поэт всегда чувствует так: он был всего лишь средством, какая-то неведомая сила написала это.

Садовник подошел к нему поближе и спросил: «Я наблюдал за вашей живописью. Вы были настолько погружены, настолько тотально в этом, что я боялся помешать вам. Теперь, когда вы завершили ее, я не могу устоять, перед искушением спросить: что означает эта картина?» А у него в руках было много роз.

Пикассо сказал: «Вы спрашиваете меня, в чем смысл картины. Могу я спросить вас — в чем смысл роз? Я видел, вы торгуете розами на берегу каждый день; меня тоже подмывало спросить вас. Вы — садовник, влюбленный в цветы. Я видел много, много роз, но розы, которые приносите вы, так прекрасны, так велики, так благоуханны, так молоды, так свежи. Вы должны знать их красоту».

В глазах у садовника стояли слезы. Он сказал: «Не спрашивайте этого, ведь меня спрашивают всю мою жизнь. Я знаю — но как только начинаю говорить об этом, становлюсь абсолютно немым».

Пикассо сказал: «Со мной то же самое. Я занимаюсь живописью. Для постороннего художник — я. Но что касается меня, я не знаю, кто написал это; я просто послужил орудием. И мне не известно, в чем смысл этого, потому что художник не я. Вы вырастили эти розы, но не вы дали рождение им. Они пришли из неведомого источника существования и жизни».

Наверное, этого довольно, чтобы наслаждаться ими и не спрашивать смысл. Те, что спрашивали о смысле, — потеряли, они никогда не обнаружат смысл. А пока они разыскивают смысл, жизнь скользит мимо. Они не обнаружат смысла. Они обнаружат только смерть.

Сказанное Халилем Джебраном — в точности то же самое. Пусть красота будет вашей жизнью. Пусть красота будет в каждом вашем выражении, в ваших руках, в ваших глазах, в вашем молчании, в вашей любви. Живите красотой как можно больше, пусть красота будет проводником, — и однажды вы узнаете, что это такое. Но я не могу обещать, что вы сумеете дать

этому определение.

И как вам говорить о ней, если не она будет ткачом вашей речи?

Вы не сможете говорить о красоте, пока красота не овладеет вами настолько, что начнет выплескиваться даже в ваших словах; однако определение вы не найдете. И ваши руки, ваши глаза, ваши слова, ваше молчание не будут понятными для всех; их поймут только те, кто уже вкусил нечто от той же тайны, от того же вина.

Между мастером и учеником постепенно начинает образовываться такой вид связи. Мастер может сказать что-то, а может и не говорить — ученик чувствует это, слышит это... наверное, сердца начинают шептаться друг другу, и язык больше не нужен.

«Красота ласкова и нежна», — говорят огорченные и обиженные.

Вы обнаружите много определений, разумеется, но все эти определения не относятся к красоте; они касаются того, кто определяет красоту. Они показывают его нужду, они не показывают ничего из красоты. Они не показывают ничего относительно красоты; они сообщают нечто об определяющем, о мыслителе, о философе.

«Красота ласкова и нежна», — говорят огорченные и обиженные...

Естественно, это их нужда; вот зачем им нужна красота. В своей бессознательности они проецируют свою нужду на определение красоты. Что есть ваш Бог кроме вашей нужды? Посмотрите на различные концепции Бога, что приходят к нам из различных религий; они явно демонстрируют различные нужды. Они не определяют Бога, они только указывают, какого сорта людям пришлось изобрести этих богов.

В Ветхом Завете еврейский Бог говорит: «Я не добрый, я очень ревнивый Бог. Я не ваш дядя». Евреи столько страдали, — они и представить себе не смогли бы сострадательного Бога, любящего Бога, справедливого Бога. Для евреев невозможно представить, что Бог добрый. Они могут представить себе только Бога, который очень ревнив, очень гневен, никогда не прощает, потому что весь их тысячелетний опыт состоял из сплошного несчастья. Если Бог любящий, то откуда же берется это несчастье?

Никакая другая раса, никакая другая часть человечества не страдала столько. Если вы скажете евреям, что Бог есть любовь, Бог есть добро, еврей затруднится признать это — потому что Бог не был добр к евреям,

существование было очень жестоким, недобрым. Весь их опыт говорит об ином. Их определение Бога, которое они вкладывают в уста Божьи в Ветхом Завете, не имеет с Богом ничего общего; у него есть общее с опытом евреев.

«Красота ласкова и нежна», — говорят огорченные и обиженные...

Они надеются, что не всегда будут оставаться в страдании. Весна придет во всем цвету, а страдание, обиды и раны скоро станут поблекшими воспоминаниями... — таково их желание. Они не определяют красоту, они определяют свою надежду.

«Как молодая мать, чуть смущаясь своей славой, ступает она среди нас».

Обиженные и огорченные говорят: «Как молодая мать, чуть смущаясь своей славой, ступает она среди нас». Она недалеко... ибо, если жизнь так несносна, что если и красота к тому же далеко, как тогда выносить страдание, обиду, боль настоящего? Красота просто ходит среди нас, незримая, чуть смущаясь, как молодая мать; она недалеко, — это греза горемык и обиженных.

Если вы испытываете ночью жажду, у вас будет сон, что вы сидите у прекрасного озера с кристально чистой водой и пьете. Эта греза — не что иное, как защита; в противном случае ваш сон будет нарушен.

В прошлом люди считали такие сновидения помехами для сна. Это неверно. Позднейшие эксперименты со сновидениями и сном говорят совершенно другое — не только другое, но

диаметрально противоположное. Они говорят, что сновидения не против сна. Это не помехи, это попытки предохранить сон. Вы чувствуете голод; если сновидение не предохранит вас, вы проснетесь, голод не позволит вам продолжать спать. Но приходит сновидение, будто вас пригласил пообедать к себе король. Теперь вы с легкостью можете спать, вы можете совсем забыть о голоде. Тело будет голодным, но ум утешится сновидением.

«Нет, красота грозна и могущественна», — говорят пылкие.

Для тех, кто полон страсти, красота — это вопрос могущества и боязни. Просто потому, что они сильны, они считают, что красоту можно свести до товара. Все, что вам нужно, — это власть; все, что вам нужно, — это деньги; все, что вам нужно, — это могущество. И могущество всегда право — по крайней мере, для тех, кто ослеплен властью. Для них красота есть то, что вы должны отнимать властью и силой. Она не для созерцания, она для употребления. А среди нас существуют различные представления о власти.

В Индии всего сто лет назад был обычай, особенно на юге: как только кто-то женился, первая ночь была не для мужа, первая ночь была для священника. А человек до того ловок, что ухитряется найти объяснение для всего: это предназначалось священнику, чтобы он мог сделать начало священным. На самом же деле, священник обладал властью.

Только королевская жена не... Странно, что жены бедняков освящались, а жена короля не освящалась. В силу того, что король был могущественней священника, он был исключением. Любой мыслящий мог бы увидеть хитрость. Если верным было, что священник освящал жизнь новой пары, вступая в любовные отношения с девственницей — если этот аргумент был не просто выдумкой, — тогда король не мог быть исключением.

Но это не было правдой, это не было вопросом освящения жизни новой пары; это попросту было вопросом могущества — священник обладал властью. А король — со своим собственным правом... Любую прекрасную женщину королевства вначале должны были предложить королю. Если он не заинтересуется, тогда другое дело; в противном случае она обязательно присоединялась к его обширному гарему.

У Кришны было шестнадцать тысяч жен. Любая прекрасная женщина, откуда бы то ни было, была ли она молодой, девственной, замужней или матерью малых детей, — значения не имело, его солдаты обязательно доставляли ее в его дворец, что было не чем иным как тюремным заключением. А владеть шестнадцатью тысячами женщин так уродливо и бесчеловечно — это низводить женщин до скота!

И тем не менее тот человек был столь могуществен, что священник продолжал восхвалять его прославляющими песнями, заявляя, что он — полная инкарнация Бога. Там были и другие боги — они были частичными инкарнациями: часть Бога спустилась на землю, в них. Но в Кришну Бог сошел во всей полноте. Священники восхваляли не Бога, они восхваляли могущество, власть. Что бы ни делал власть имущий, он прав. Все эти шестнадцать тысяч женщин не были за ним замужем; только одна женщина была его женой, она затерялась в толпе.

Мои медитационные семинары проводились обычно в замечательном месте в Саураштре. Это прекрасная долина, окруженная лесами и горячими водными источниками. Эта долина называлась Тулсишьям. Шьям — это еще одно имя Кришны, поскольку его цвет был ни белым, ни черным, а как раз промежуточным, чуть синеватым.

«Шьям» значит темный, но не черный и не белый — как раз посередине. Такой цвет имеет свою красоту. Ведь белый однообразен, белая окраска не бывает так прекрасна; она не обладает глубиной. И то же с черным — он слишком черен, снова однообразие. Как раз посередине — и кожа кажется просвечивающей, обладает глубиной. Потому-то у всех индуистских богов один и тот же цвет, шьям.

Но я был в недоумении, ведь жену Кришны звали Рукмани, а храм в долине Кришны и

одной из его подружек - Тулси. Это странный храм. Во всей Индии... я путешествовал по всей стране, но это странный храм.

В отдалении на холме, за большим деревом, есть маленький храм Рукмани, которая просто наблюдала оттуда, что происходит в долине, — обычный женский ум. Кришна плясал со своей флейтой и подружкой, а замужняя женщина, одинокая, пряталась вдалеке! Вы не увидите из долины храм Рукмани, но из храма Рукмани вам видна долина!

У власти есть собственное определение: это могущество и боязнь. Красота — это вещь, которую нужно отнимать, и вы должны вызывать страх своей властью.

Как раз сегодня я просматривал вырезки из прессы. В одном месте в Северной Индии две дюжины полицейских офицеров вошли в бедную деревню неприкасаемых — беднейших из бедных, шудр, — и изнасиловали женщин тех несчастных, особенно одну молодую девушку. Они волокли ее по дороге, насиловали, и нагнали большого страха на бедных людей своими винтовками. В соседних деревнях услышали вопли, крик, странный шум, так что собрались люди из других деревень.

Увидя, что появляются другие люди, полицейские офицеры сбежали, и некоторые из них забыли забрать с собой винтовки. Вы не можете с винтовкой заниматься женщиной, вот им и пришлось отложить винтовки в сторону. Добравшись до своего полицейского участка, они решили, что те винтовки могут стать доказательством, и поэтому среди ночи они пришли снова и принялись избивать несчастных людей — чьих женщин, чьих дочерей насиловали, — чтобы вызывать страх, и те не сообщали, не рассказывали об этом. Тридцать семей были до того запуганы, что сбежали из деревни.

Теперь эти тридцать семей блуждают безо всякого крова улицами окрестных городов со своими малыми детьми, старыми матерями, старыми отцами, изнасилованными женщинами, изнасилованными девушками. И вся страна молчит. Никто не осудил этого. И я не думаю, что против тех полицейских офицеров будут предприняты какие-либо действия, потому что этот случай не исключительный!

Так было испокон веков — они насиловали женщин, они сжигают целые деревни, а против них не предпринимаются никакие действия. Напротив, их продвигают, потому что они люди могущественные. Кто позаботится о бедном и слабом? Кто позаботится об угнетенном и подавленном?

Поэтому каждое определение выявит вам кое-что об уме определяющего.

«Нет, красота грозна и могущественна, — говорят пылкие. — Как буря, сотрясает она землю под нами и небо над нами».

То, что вы говорите насчет красоты, — это не о красоте, это о вас. То, что вы говорите насчет Бога, это не о Боге, это о вас и вашей психологии. Так что берегитесь сети — не ловитесь в нее. Проследите, что вы говорите и почему вы говорите это, — и вы обнаружите причины внутри себя. Ваше видение не объективно, ваше видение субъективно.

Говорят усталые и утомленные: «Красота подобна нежному шептанию. Она говорит в нашем духе».

Усталые и утомленные... для них красота всего лишь шепот. Она говорит только в глубине их духа. Они не страстны, они не молоды, они не могучи; их определение изменилось.

Это произошло в великом калькутском храме божественной матери Кали... уродливейшая вещь, которая до сих пор существует; прежде было много храмов такого типа. Каждый день животных убивали, и поклоняющимся раздавали их кровь и мясо как прасад, как дар Божий. Из-за того, что они жертвовались божественной матери, их кровь и их мясо освящалось и становилось святым.

Один человек все время интересовался каждым праздником, а в Индии праздников,

пожалуй, больше, чем где бы то ни было в мире. Когда я был преподавателем в университете, я однажды подсчитал и обнаружил, что семь месяцев из двенадцати — праздники! Из оставшихся пяти месяцев с одним вы можете распрощаться, и остается всего лишь четыре месяца. Там столько богов, и каждому богу нужен праздник. Там столько религий, и каждой религии нужны свои праздники.

Этот человек был приверженцем Рамакришны. Он всегда приносил прасад, дар бога из храма Кали. И вдруг он перестал носить прасад. Обычно он брал туда животных, чтобы их убивали, — он был богатым человеком — и вот он прекратил это. Рамакришна спросил: «Что случилось? Прошло столько праздников, а ты не привел никакое животное для жертвы божественной матери Кали. Ты изменил свою религию?»

Тот сказал: «Вам, по крайней мере, я не могу лгать. На самом деле я потерял свои зубы и не могу есть мясо».

Божественная мать и жертвоприношение были просто оправданием. Теперь — из-за того, что он потерял свои зубы, состарился и не в силах есть и переваривать мясо, — вся та прежняя философия забыта. Все те объяснения не были истинными объяснениями, они были надуманными.

Так что осознайте, где вы рационализируете, и никогда больше не рационализировать! В противном случае вам никогда не найти свою подлинную сущность, вы заблудитесь в джунглях лжи.

«Ее голос отступает перед нашим молчанием, как слабый свет, что дрожит в страхе перед тенью».

Это для усталых и утомленных. Красота уже не овладевает, это больше не довлеющая сила, которая притягивает, как магнит. Она становится слабым светом, что дрожит в страхе перед тенью.

Но беспокойные говорят: «Мы слышали, как она кричала в горах. И вместе с ее криками раздавался топот копыт, хлопанье крыльев и львиный рык».

У беспокойных всегда кошмары; для них даже сон не отдых. У них беспокойный день, беспокойная ночь, вся их жизнь не знает опыта расслабления. Для них красота нечто вроде крика в горах.

«И вместе с ее криками раздавался топот копыт... будто это поле брани... хлопанье крыльев и львиный рык».

Странные определения, подумаете вы, но если вы оглянетесь вокруг и спросите у различных людей их определение красоты, вы обнаружите столько же определений, сколько и людей.

Ночью говорят городские стражники: «Красота взойдет с зарею на востоке».

Он ожидает утра, ночной стражник, — для него красота выглядит как конец ночи и начало дня.

В полдень говорят труженики и путники: «Мы видели, как она склонилась над землей из окон заката».

Усталые, работающие целый день, они ждут и ждут — когда же сядет солнце. Для них красота — это закат солнца, значит, они могут возвращаться домой, отдыхать и спать.

Зимой говорят занесенные снегом: «Она придет с весной, шагая по холмам».

Они проецируют свои желания. Когда заснеженно и слишком холодно, они ждут прихода весны, шествующей по холмам.

А в летний зной говорят жнецы: «Мы видели, как она пляшет с осенними листьями, видели хлопья снега в ее волосах».

Халиль Джебран выражает различные точки зрения разных нужд, разных надежд, разных утешений.

Все это сказали вы о красоте.

На деле же говорили вы не о ней, но о своих неутоленных потребностях.

А красота — не потребность, а экстаз.

В этом утверждении он подходит очень близко к определению красоты — со всей возможной объективностью и по-человечески. Красота не потребность, это экстаз.

Это не снаружи вас, это глубоко в вашем существе, когда вы переполнены танцем жизни, когда вы так благословенны, что можете благословить все сущее, вы можете излить свои благословения на все сущее.

В такой миг все становится прекрасным, потому что все *является* прекрасным. Точно так же, как все есть добро, все является прекрасным и все есть истина.

Все, что мы узнаем, — это как не смотреть глазами нужды, не смотреть как нищий, а смотреть с высшего пика своего сознания — вот что он подразумевает под экстазом. Тогда все сущее становится океаном красоты. И это не вопрос вашей нужды, потому что нуждающийся не может видеть истину. Только осуществившийся, удовлетворенный, только тот, кто подошел к своим глубочайшим сокровищам и уже не нищий, а коронованный, император — только он может видеть, что такое красота. Экстаз раскрывает ваши глаза на феномен красоты.

Это не жаждущие уста и не пустая протянутая рука,

Но пламенное сердце и очарованная душа.

Пламенное сердце и очарованная душа...

Это не образ, что вам хотелось бы видеть, и не песня, что вам хотелось бы слышать,

Но образ, который вы видите, даже если сомкнете глаза, и песня, которую вы слышите, даже если закроете уши.

Это не что-то внешнее. Это не что-то, что вы видите своими глазами, слышите своими ушами или касаетесь своими руками — это нечто такое... когда вы сидите в глубокой тишине с закрытыми глазами, с закрытыми ушами, как будто все ваше тело исчезло, только чистое сознание осталось.

В этой чистоте, в этой невинности, в этом экстазе — красота.

Это не смола в складках морщинистой коры и не крыло, сросшееся с когтем,

Но вечноцветущий сад и сонм вечнолетающих ангелов. Это не что-то изменчивое. То, что продолжает меняться, — всего лишь отражение. Луна остается той же, но отражение в озере продолжает меняться

— просто упадет небольшая галька, и отражение разбивается на тысячи осколков.

Порой вы видите красоту в лице, но скоро лицо состарится и красота исчезнет — это было лишь отражением. В цветке, в прекрасной женщине, в прекрасном мужчине, в ребенке, в высоких горах, в молчаливых лесах — все это отражения, которые будут меняться. Но то, что отражается, скрыто внутри вас; оно никогда не изменяется. Это извечный танец вечности.

Народ Орфалеса! Красота есть жизнь, снимающая покров со своего святого лика.

Каждый живет с маской. Никто не делает усилия обнаружить свое изначальное лицо. Маска дешева, не требует усилия. Когда она состарится, вы можете сменить ее; на рынке это доступно.

Но ваше изначальное лицо требует трудного исследования, огромного усилия идти внутрь себя, разрушения всех барьеров, которые создало общество, и достижения того, что не было создано обществом, но досталось вам как дар самого существования, который вы несли от самого своего рождения и который останется, даже когда тело умрет.

В этом чистом и бессмертном пространстве внутри вас — красота, ваша изначальная реальность.

Коль скоро вы узнали это, вы живете, одержимый жизнью, вы живете, пылая. Вы не живете так, как живут толпы, вы начинаете жить как бог. Вы становитесь священным алтарем.

...Красота есть жизнь, снимающая покров со своего святого лика.

Но жизнь — это вы, и покров — это вы.

Никто не препятствует вам — вы можете достичь своего изначального лица прямо в это мгновение. Но, быть может, у вас есть капиталовложения, связанные с вашей маской, быть может, вы стали слишком привязаны к своему фальшивому лицу, быть может, вы опасаетесь, что за ним нет никакого изначального лица, а только скелет, и лучше иметь фальшивое лицо, чем не иметь вовсе никакого... — эти страхи мешают вам. В противном случае, *жизнь — это вы, и покров — это вы.*

Красота есть вечность, глядящаяся в зеркало.

Но вечность — это вы, и зеркало — это вы.

Халиль Джебран старается сказать поэту: «Не высматривай красоту снаружи. Снаружи ты можешь найти прекрасные вещи, но не красоту». И те прекрасные вещи прекрасны лишь потому, что твоя внутренняя красота отражена в них; вот почему люди расходятся в своих мнениях.

Есть миллионы людей, которые не останавливаются ни на миг, чтобы посмотреть на прекрасный солнечный закат, — они не видят ничего в этом. Лишь немногие люди увидят прекрасное в солнечном закате, но красота эта в действительности — отражение, солнечный закат не более чем зеркало. И если вы молчаливо созерцаете закат солнца — без всякого беспокойства от непрестанно снующих и нарушающих образ мыслей — закат солнца прекрасен... прекрасна женщина, прекрасен мужчина.

Вы обращали внимание на то, что та же женщина, которая прекрасна сегодня, может не выглядеть прекрасной завтра, или может даже стать камнем на шее? Сегодня вы умираете, чтобы добиться ее, а завтра будете умирать, чтобы избавиться от нее! Странно... что случилось с красотой?

Красота внутри вас, и когда вы даете женщине свободу быть собой или мужчине свободу быть собой, они действуют как зеркало. Когда же вы начинаете говорить: «Ты должна быть такой, ты должен быть таким», — вы не даете женщине или мужчине быть зеркалом, вы начинаете превращать их в кинофильм.

Зеркало всегда пустое; вот почему оно может отражать беспрерывно, вечно. Фильм же заканчивается на единственном отражении, потому что цепляется за это отражение. Это не зеркало.

Если мы привнесем в свои взаимоотношения с людьми это великое понимание — что позволение необходимо, что другому нужно предоставить полную свободу оставаться всем тем, чем она или он являются, — с каждым мгновением будет возможным все большее и большее открытие красоты.

Когда люди не владеют друг другом, они чувствуют красоту. В тот момент, когда они вступают в брак, все становится трудным, — теперь приходит владение. А вы всегда видите то, что хотите увидеть. Когда женщина была недостижимой для вас, это был вызов, и чем больше вызов, тем прекрасней она была. Но коль скоро она связана — вызова нет, красота исчезла. Величайшие влюбленные те, что никогда не встречаются. Встреча — это трагедия.

Я слышал об одном психоаналитике, который посещал дом сумасшедших. Заведующий показывал ему все вокруг. Один человек рыдал и плакал горячими слезами, держа на своей груди картину. Психоаналитик спросил: «Что произошло с тем человеком? — ведь я его знаю, помню, он был раньше профессором в университете».

Заведующий сказал: «Это очень хороший парень. Видите картину, что он держит? Это портрет женщины, которой он хотел добиться, но не смог. Вот он и сошел с ума». Психоаналитик очень огорчился. В следующей комнате еще один человек пытался биться головой о стену, а двое других удерживали его.

Психоаналитик спросил: «Что произошло с ним?» Заведующий сказал: «Ничего с ним не произошло, он женился на той самой женщине».

Тот, кто не добился ее, все еще думает, что упустил возможность любить прекрасную личность, а тот, кто получил эту возможность, старается убить себя — но ему не позволяют. Он стал такой обузой в доме, что его семья отправила его на попечение в дом сумасшедших, потому что все, что он находит, он пытается тут же применить для самоубийства — до того его замучила та же прекрасная женщина.

Похоже, что в жизни все то, что выглядит для вас прекрасным, прекрасно лишь потому, что не ваше: трава зеленее с другой стороны изгороди. Но это не так, потому что та же проблема и у соседа — когда он смотрит на ваш газон, трава зеленее. Это мираж, который создан дистанцией.

Но это не подлинное переживание красоты. Только человек, подобный Гаутаме Будде, может переживать красоту, потому что он не нуждается и не желает владеть.

Здесь как раз присутствует одна прекрасная японская девушка со своей матерью. Девушка во многих отношениях необыкновенная. Она приходила раньше в американскую коммуну и там стала саньясинкой. Естественно, люди, которые становятся саньясинами, влюбляются в меня.

Когда она пришла домой и рассказала своей матери, что влюбилась в человека, мать — у которой не было собственного опыта ученичества — не смогла понять. Она понимала только один вид любви — ту, которая бывает между мужчиной и женщиной. И, естественно, она принялась мучить ее, — до того, что девушка перестала есть, перестала выходить из дому, только сидела в своей комнате: она лишилась мамы. У нее было одно из моих изображений, она хранила его в своей комнате и медитировала. Мать была в замешательстве. Она хотела выдать ее замуж, но девушка заявила, что супружество не для нее.

Понимая, что так та может умереть, — никогда не выходя из комнаты, все время, сидя в медитации с моим изображением, — мать привела ее сюда. И как только она пришла сюда, с ней стало все в полном порядке — она начала есть и ходит на каждую лекцию и медитации. Мать прислала мне послание: «Я хочу встретиться с вами». Поэтому я осведомился: «В чем проблема?» Она сказала: «Проблема в том, что моя девочка влюблена в вас. И это не та любовь, о которой вы говорите, это любовь, которая бывает между мужчиной и женщиной».

Я сказал: «Завтра приходите ко мне вдвоем. Вы не понимаете бедную девочку, вы убиваете ее. И если она отказывается выходить замуж, то не потому, что хочет замуж за меня» — а таковым был вывод матери.

А девушка просто нашла гораздо более высокую любовь. Брак не может дать этого. Брак — это зависимость, тюремное заключение. Он разрушает всю красоту, всю любовь, всю нежность.

Любить и быть совершенно свободным... человечество все еще не пришло к этой стадии. Но по крайней мере мои люди, надеюсь, должны понимать это. Та девушка наверняка понимает, но у матери только один опыт; она проецирует свой опыт. Так что я увижу их и приложу все усилия, чтобы мать тоже влюбилась в меня!

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

16. ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ ИЗУМЛЕНИЕ И УДИВЛЕНИЕ

6 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просил старый жрец: «Скажи нам о Религии».

И он сказал: «Разве говорил я сегодня о чем-то ином? Не есть ли религия - все дела и помышления,

А также то, что не есть дело и помысел, но изумление и удивление, вечно возникающее в душе, даже когда руки обтесывают камень или трудятся за ткацким станом?

Кто может отделить свою веру от своих поступков или свои убеждения от занятий?

Кто может простереть свое время перед собой, говоря:

«Это для Бога, а это для меня; это для моей души, а вот это — для тела?»

Все ваши часы — крылья, своими взмахами рассекающие пространство.

Лучше бы наг был тот, кто облачается в свою мораль, как в лучшие одежды.

Ветер и солнце не причинят вреда его коже.

И тот, кто в своем поведении следует этике, заточает свою певчую птицу в клетку.

Самая свободная песня не пройдет сквозь железные прутья и проволоку.

И тот, для кого богослужение — окно, которое отворяют и затворяют, еще не бывал в доме своей души, чьи окна — от зари до зари».

Священники, быть может, единственные люди в мире, которые не знают ничего о религии, потому что сделать Бога профессией — это просто невероятно.

Любовь никогда не бывает профессией.

Священники относятся к той же категории, что и проститутки. Наверное, проститутки лучше, чем священники, ведь они торгуют только своим телом, своей страстью — но не своей любовью. А священники торгуют высшей формой любви, известной как Бог. Естественно, они ничего не знают о Боге, хоть они и наполнены знаниями о Боге. Но *знать* о Боге и *знать* Бога — вещи совершенно разные. Относительное знание заимствовано, но есть вещи, которые не могут быть заимствованы. Свою жажду я не могу передать вам, так же, как не могу передать вам свое хорошее самочувствие.

Я не могу пригласить вас в свою сокровенную душу.

Туда идут в абсолютном одиночестве.

Но священники превратили идею Бога в великую профессию; пожалуй, они хуже проституток. Без священников не было бы и проституток — это из-за них существуют проститутки.

Вы поразитесь, узнав, что в Индии, особенно в южной, каждый храм имел проституток — и не одну, а дюжины. Они просто изменили их название — их называли *дэвадаси*, Божьи служанки, и их функцией было привлекать народ к храму. Храм, который имел самых красивых проституток, преуспевал, накапливал много денег.

Они сделали правилом, что любую красивую девушку, рожденную в их городе, нужно было предоставлять богу. Ныне этот бог — мертвая статуя из камня; на самом деле прекрасная девушка предоставлялась священникам. Они использовали этих женщин для своих собственных сексуальных нужд, а потом те становились рекламой, зазывающей клиентов заходить в их храм. Клиенты побогаче могли оставаться там не для поклонения Богу, а для наслаждения

проститутками. Эти священники никогда не думали, что функционируют как сводни, но так оно и было — разными путями повсюду в мире.

Проституция — это побочный продукт вынужденного брака, а вынужденный брак создали священники. Они не называют его вынужденным браком, они называют его устроенным браком — но кто имеет право Устраивать брак? Любовь знает свои собственные пути. Она не нуждается ни в астрономах, ни в священниках, ни в хиромантах; она находит свой собственный путь.

Глупо говорить, что любовь слепа. Эту идею, что любовь слепа, создавали те, кто хочет вести слепых. Страсть слепа; любовь прямо противоположна — ясное восприятие. Чем более вы любящи, тем ясней и глубже ваше восприятие.

Но как только вы создали насильственный институт брака, в стороне — вне — происходит нечто уродливое, потому что мужчина не может оставаться в зависимости, и если брак становится зависимостью, то он хочет какой-то свободы. Эта свобода разрушила миллионы женщин.

Недавно на Западе благодаря движению за женское освобождение стал существовать новый институт — мужская проституция. Если мужчины и женщины равны, то почему только женщины должны быть проститутками? Почему не должно быть также и мужчин-проститутков? В таких городах, как Лондон или Сан-Франциско, вы найдете и мужчин-проститутков тоже. Женщина вырвалась из зависимости, точно так всегда жил мужчина, но это уродливо. А кто ответствен? Ответственны священники.

Мир не нуждается в священниках — они не выполняют никакой функции. Священника определяют как посредника между вами и Богом, но какова необходимость в посреднике? Вы — дети Божьи; разве нужен ребенку посредник для общения с родной матерью или родным отцом? Скорее всего, он не столь красноречив в своей связи, но его немая связь гораздо более прекрасна, невинна, подлинна и искренна, чем у посредника.

Сперва священники создали идею Бога, и это одна из самых ненужных гипотез.

Бог не нужен никому.

Да, каждому нужна божественность, каждому нужно стать божественным — такова дальнейшая эволюция человечества, высший пик сознания.

Но священники не заинтересованы в божественности, потому что божественность — это качество, которое вы должны выращивать в своей душе. Им нужен Бог далеко — на небесах. Коль скоро вы признали эту идею, тогда, конечно, Бог так далеко, что вы никогда не видели его, вы понятия не имеете, что такое этот Бог, — вам требуется кто-то, чтобы дать определение Бога, дать ритуалы, которые поведут вас к Богу; вам требуется кто-то в проводники. Бог поддельный, но проводнику нужен Бог; как иначе эксплуатировать во имя Божье?

Во имя Божье на Земле произошло больше преступлений, чем во имя кого-нибудь другого. Миллионы людей были убиты, сожжены заживо просто ради имени, которое бессодержательно. Но священник нуждается в нем. Без Бога священник, его храм, его ритуалы и его писания, священные писания, — все исчезнет. Это самая странная вещь. Индуисты считают свои Веды написанными Богом, иудеи верят, что их Тора написана Богом, христиане верят, что Библия написана Богом, и точно так же во всех остальных религиях. Но все эти писания до того противоречивы, что, либо Бог безумен, либо это выдумки священников. А разным священникам в разных культурах, в разных обществах приходилось выдумывать разные идеи.

Например, в индийском раю всегда прохладно. В те времена они не знали понятия «воздушное кондиционирование», но описание в точности таково: индуистский рай — с кондиционером, централизованным воздушным кондиционером; из-за того, что Индия так измучена солнечным зноем, священник должен дать идею, обращенную к тем, кто мучается от солнца. Но тибетский священник не может поверить в то, что рай с кондиционером. У

тибетского священника всегда тепло, всегда солнечно, небо безоблачное, без снега... а они говорят об одном и том же рае!

Но они разговаривают с разными людьми и должны учитывать их нужды. Поэтому то, что они определяют, — это не Бог или рай; они просто утешают вас. У индуистов в аду вечный огонь, разумеется, для грешников; огонь жжет их, но не убивает, и они продолжают гореть вечно. Смерть была бы великим благом, однако огонь только жжет, но не убивает. А у тибетцев ад круглый год полон снега, совершенно холоден. Не требуется большого разума, чтобы понять, что эти люди не знают реальности. Они, конечно же, знают народную нужду...

А если тысячелетиями определенная вещь повторяется снова и снова, она становится истиной.

Адольф Гитлер говорил: «Не вижу никакой разницы между истиной и ложью. Единственное различие в том, что истина — это ложь, часто повторяемая веками, а ложь — это новая истина».

Потребуется некоторое время, чтобы это осело в ваших сердцах. Во имя Бога они запугали каждого, а человек, живущий в страхе, — не живет. Страх как раз противоположен свободе.

Человек может жить только в свободе.

Страх сжимает его душу.

Он все время боится что-либо делать, ибо все то, чем вы можете наслаждаться, все то, что вы чувствуете прекрасным, осуждается.

Вчера мы разговаривали о красоте — Альмустафа забыл одну вещь: он забыл то, что говорит о красоте полицейский комиссар Пуны. Тот говорит: «Красота непристойна». Он приказывал нам, моим людям, не быть непристойными внутри ашрама и снаружи ашрама. Наверное, ему незнаком тот факт, что за пять тысяч лет размышлений так и не определили, что же такое непристойность.

Он должен дать определение — что значит быть непристойным? Убивать человека не непристойно, а обнимать человека непристойно; убивать тысячи людей не непристойно — война, мировая война не непристойна! Ни единый священник не заявил, что мировая война непристойна! Но красота непристойна, жизнь непристойна — вы должны жить, скрываясь в темных пещерах. Вы не должны выходить на свет солнца, вы не должны танцевать с ветрами, вы не должны играть с деревьями, вы не должны петь с птицами — все эти вещи непристойны. А полицейский комиссар с винтовкой не непристоен.

Похоже, там смерть: поклоняющиеся, в особенности, люди, которые тяготеют к таким профессиям как священнослужители, полиция, армия, — они на службе у смерти, не на службе у жизни; вся их профессия непристойна, сам их ум непристоен. Но странная история: они называли непристойной красоту... разве цветок розы непристоен из-за того, что обнажен?

Мир видел всевозможных идиотов. В Англии в средневековье леди находились под очень сильным влиянием священников — по той простой причине, что мужчина был свободен, пойти куда угодно, а женщина могла свободно пойти только в церковь; естественно, они становились обусловленными церковью все больше и больше. В средневековье использовалась одежда даже для собак; когда они отправлялись на утреннюю прогулку и брали с собой на прогулку собаку, ее прикрывали прекрасной одеждой. Обнаженная собака непристойна! И не только это, даже ножки стульев — ведь их называли ножками — прикрыты! Ножки нельзя было обнажать, это было непристойно. Бедный стул!

Священники — это самые ядовитые люди на свете, они разделили человечество, они дали людям суеверия, безумные идеи. Вот и здесь старый священник спросил:

Скажи нам о Религии.

Священники не знают, что такое религия. Это вопрос от невежества, потому что я знал

священников и монахов всевозможных религий — они наиболее невежественные люди в том, что касается религии. Они повторяют как попугаи, но религия не была для них переживанием.

Слово религия — очень красиво, но из-за этих священников оно попало в дурную компанию. Слово происходит от корня, который означает «собираться вместе». Но священники сделали как раз противоположное. Они создают раскол в человеке, не единство.

Религия означает создание в человеке органичного единства. Это не имеет с Богом ничего общего, это имеет отношение к вам. Это не имеет ничего общего с поклонением, это имеет нечто общее с трансформацией вашего собственного сознания.

Не должно быть никакого конфликта внутри вас; все, что вы делаете, должно делаться тотально, в вашей целостности. Тогда рубите ли вы дрова или носите воду из колодца — не имеет значения, чем вы занимаетесь, — если вы заняты этим тотально, полно, это и есть религия. Религия делает человека здоровым и цельным.

Но ваши религии сделали человека больным, расколотым и шизофреничным. Для этого есть причины — здорового и цельного человека невозможно поработить и невозможно эксплуатировать. Он имеет свою собственную индивидуальность и свой собственный стиль жизни. Он не христианин, не индуист, не мусульманин. Он просто дитя этой Вселенной, как и всякий другой. Никто не выше и никто не ниже, никто не брамин и никто не шудра. Но священники исчезнут!

Я слышал замечательную историю. Как-то вечером в пивную пришла компания друзей и напилась допьяна. Владелец очень обрадовался, ведь такие люди не приходят каждый день. Когда один из них платил деньги, он сказал: «Надеюсь, вы будете и дальше посещать нас».

Человек сказал: «Молитесь за меня — если мое дело будет процветать, я стану приходить каждый день».

Тот сказал: «Конечно, я буду молиться утром и вечером, чтобы ваше дело процветало». И тут вдруг к нему пришла идея, что неплохо бы справиться, что у него за профессия. И он спросил: «Простите, но я хочу знать, какая у вас профессия?»

Человек сказал: «И не спрашивайте. Я могильщик! Если больше людей умирает, мое дело идет хорошо. Если никто не умирает, я не в состоянии позволить себе зайти в вашу пивную. Так что молитесь за мое дело — и пусть вас не заботит, что за дело у меня».

Есть люди, чье дело — рыть могилы! Естественно, их молитвой будет: «Боже, не забывай меня. Я тоже должен выжить, убивай как можно больше людей!»

Священники молились в своих сердцах, чтобы человек никогда не выбрался из своей болезни, нездоровья, безумия; потому что это те люди, которые приходят в храм, в мечеть, в синагогу, в церковь. Вы редко встретите молодых людей в церквях, но всегда найдете стариков, старух, ибо их смерть приближается, и только священник знает, как помочь им. И священники продолжают претендовать на то, что они знают.

Я посещал очень красивое место в Агре. Агра славится на весь мир благодаря Тадж-Махалу. Но в Агре и вокруг есть небольшая секта индуистов, называемая *Радхасвами*. Вот уже почти сто лет их священнослужители строят нечто, что должно стать лучше Тадж-Махала. Это трудно, но они сделали нижний этаж, и нижний этаж показывает, что, если они продолжат эксплуатировать людей, возможно, однажды они превзойдут Тадж-Махал.

Выстроено это только наполовину, но и так можно увидеть, что это более искусно, более красиво, чем Тадж-Махал.

Они пригласили меня к себе в храм, который предназначался стать *самадхи* (усыпальницей) для их гуру, основавшего религию, и показали мне в прекрасном мраморе карту стадий духовной эволюции. Они сказали: «Это пятнадцать стадий эволюции». Мохаммед и Моисей как раз на четвертой стадии; Иисус немного лучше, на пятой стадии; Махавира еще лучше — шестая

стадия; Кабир и Нанак еще немного лучше — на седьмой стадии, и Гаутама Будда тоже на седьмой стадии. А затем есть пустой промежуток, и на пятнадцатой стадии — последней — их собственный гуру.

Они спросили: «Что вы думаете об этом?»

Я сказал: «Есть шестнадцать стадий, а не пятнадцать».

Они удивились: «Шестнадцать? Но в нашем писании описано только пятнадцать стадий!»

Я сказал: «Так описывается потому, что ваш гуру достиг только пятнадцатой стадии — я живу на шестнадцатой! Ваш гуру пытается войти, но я не допускаю его — он продолжает попытки взобраться на шестнадцатую, а я продолжаю толкать его обратно на пятнадцатую».

Они были сильно шокированы. А когда я пришел туда в следующий раз, они сделали шестнадцать стадий, и их гуру был на шестнадцатой.

Я сказал: «Это не поможет. Ваш гуру смог войти на шестнадцатую, потому что я передвинулся на семнадцатую! Вы не можете держаться наравне со мной, ваш гуру должен быть на одну стадию позади».

Глупые идеи, просто игры ума... Я сказал: «Ваши писания говорят, что есть только пятнадцать, откуда же взялась шестнадцатая? — из-за того, что я упомянул о ней. Я не пребываю ни на какой стадии, я не заключенный. У меня есть крылья, и я летаю в открытом небе, где не остается даже следов, — что уж говорить о стадиях. Разве это какая-то школа? Кто-то в детском саду, кто-то в средней школе, кто-то в высшей школе; кто-то в колледже, окончил университет, кто-то занимается в университетской аспирантуре; кто-то достигает звания доктора философии, а кто-то доктор литературы».

Я сказал: «Не глупите. Уберите этот камень, ваш храм будет замечательным, а этот камень уродлив и демонстрирует ваше внутреннее желание: вы хотите сделать его лучше, чем Тадж-Махал».

Дух состязания — это не путь религии. Религия не состязается, потому что каждый приходит из одного и того же источника и уходит к одному и тому же источнику. Некоторые люди идут медленно, некоторые люди бегут, некоторые люди мчатся — это не имеет значения! Нет ни низшего, ни высшего.

У религии нет ничего общего с вашим так называемым обычным миром; она имеет отношение к вашей душе, к вашему духу. Вы должны быть одним органичным единством... — из такого органичного единства возникает музыка, которая божественна.

И он сказал: «Разве говорил я сегодня о чем-то ином?»

Он говорит священнику: «Вы не слышали меня. О чем еще я говорил целый день? — говоря о любви, говоря о созидании, говоря о сознании, говоря о свободе».

Но ум священника не считает эти вещи религиозными. Он подразумевает разговор о Боге, разговор о небесах и аде, разговор о теории кармы, разговор о реинкарнации, — а все это просто слова, без всякого содержания.

Альмустафа говорит о подлинной религии. Я давал эту книгу, «Пророк», одному из моих коллег по философскому отделению университета — он изучал религию. Он просмотрел содержание и сказал: «Почему вы дали эту книгу мне? Она не о религии. Любовь, свобода, творчество, отношения между родителями и детьми — я не вижу в ней ничего о религии».

Я сказал: «Вы не знаете, что такое религия, а вы обучались почти двадцать лет! Не только вы в темноте, вы распространяли темноту на других людей. Это вопросы подлинно религиозные — а не Бог и ад с небесами».

На его столе я видел одну книгу, которую он читал, — «Небеса и ад» Сведенборга. Вот это «религия». И что же этот парень, Сведенборг, знает о небесах и аде? Выдумки! Итак, первое, что надо помнить: религия — не выдумка, не ловитесь на фиктивные идеи.

Религия это реальность, — ежедневная реальность, ежемоментная реальность, которой вы живете. Вы можете жить вашей жизнью религиозно, вы можете жить вашей жизнью нерелигиозно, но еще раз запомните: определение не должно исходить от священников, определение должно исходить от мистиков.

Если вы спросите священников: «Что значит жить религиозно?» — то они будут говорить: «Ходите в церковь каждое воскресенье». А что такое церковь? — Ротари Клуб на религиозный лад. Она имеет социальную функцию; люди встречаются и болтают, и это хорошо. Что еще делать в воскресенье? А то, что вы ходите туда каждое воскресенье, придает вам престижности.

У индуистов другой подход — ходить в храм в любой день, в любое время. Но священнику тоже нужно спать, поэтому индуистские священнослужители изобрели идею, которой не существует ни в какой другой религии, — что Кришна пробуждается утром, а вечером уходит спать, так что вы не можете прийти ночью. На самом же деле это бедному священнику необходимо поспать, иначе всевозможные идиоты станут ходить посреди ночи в любое время.

Человеческая глупость не знает пределов. Я останавливался в Пенджабе в одном доме у моих друзей, и когда я проходил по комнате, которая была их небольшим храмом, я не мог поверить своим глазам — никогда еще человеческие существа так не огорчали меня. У сикхов в гурудварах не бывает никаких статуй, они поклоняются книге, своей священной книге, *Гуру Грантха Сахиб*. Я не мог поверить тому, что увидел. Книга, *Гуру Грантха Сахиб*, была там, а прямо перед книгой — зубная паста и щетка.

Я сказал: «Никогда в жизни не думал, что зубная паста и щетка имеют какой-нибудь религиозный смысл!»

Тот сказал: «Имеют! *Гуру Грантха Сахиб* будет пробуждаться, и первое дело — почистит рот».

Я сказал: «Ты абсолютный идиот, ведь это же только книга. Если индуист несет пищу своему богу, это, по крайней мере, похоже на какую-то связь — его бог, по крайней мере, подобен статуе человека; хоть бог и не ест никогда, в этом есть определенный смысл. Но книга... за зубной пастой, я думаю, чашка чаю? Потом завтрак, потом чай, потом ужин».

Я спросил своего друга: «Вы хотя бы думали над тем, что делаете?» Но религия — это фикция; у религии, которой учили и которую изобрели священнослужители, нет связи с реальностью. Вот почему этот священник не мог взять в толк, что Халиль Джебран говорит о религии и ни о чем другом.

Не есть ли религия все дела и помышления?..

Это не вопрос поклонения; это вопрос жизни. Все ваши поступки, все ваши мысли должны быть религиозными. Но никогда не спрашивайте священника, потому что, если ваши мысли касаются красоты, истины, любви, он не сочтет их религиозными. Если вы действуете из сострадания, если ваши поступки — не что иное, как благодарность существованию, он не сочтет их религиозными.

А также то, что не есть дело и помысел, но изумление и удивление...

Поступки дальше всего, на самой периферии вашего существа; мысли чуть глубже. Но даже более глубокие области — изумление и удивление. Никакая религия не скажет, что изумление и удивление религиозны, что они добродетельны. Но я говорю вам: нет ничего более религиозного, чем глаза полные изумления, созерцающие прекрасный цветок.

Это настолько невероятно — от земли, у которой нет цвета, нет аромата, нет зелени, происходит дерево с зеленой листвой, которое приносит разноцветные цветы, различные ароматы и плоды. И это чудо, когда вы видите дерево, потому что дерево движется против гравитации — гравитация тянет все вниз. Дерево даже не так зависит от гравитации, как вы; дерево продолжает восходить все выше и выше. Похоже, его судьба — звезды.

В Африке, где леса очень густые, деревья уходят очень высоко, говоря: «Привет!» солнцу, луне. Леса настолько густые, что небольшому деревцу или кустарнику нет никакого шанса увидеть небо, полное звезд, увидеть прекрасный восход и прекрасный закат солнца. Деревья постоянно пребывают религиозными. Даже животные полны изумления, полны любопытства; своим собственным методом они тоже исследуют и разыскивают нечто.

В Швейцарии, на небольшом полустанке, есть статуя собаки. Собака эта принадлежала человеку, который ездил каждое утро на работу в город; он жил в маленькой деревушке. Его собака приходила провожать его каждое утро, а когда он возвращался вечером, собака ждала на платформе, приветствуя его дома.

Но однажды человек ушел и больше не вернулся. Случилось несчастье, он умер. А собака ждала. Поезд пришел, собака заходила в каждое купе со слезами на глазах, высматривая своего хозяина. Все пассажиры ушли, но собака не уходила. Она ждала следующего поезда — возможно, человек пропустил этот поезд.

Она ничего не ела и ничего не пила, просидев на одном месте семь дней кряду. Поначалу начальник станции и персонал пытались прогнать ее прочь, но вскоре они почувствовали, что делают что-то нехорошее. С непрерывно текущими слезами она проверяла каждый поезд днем и ночью. Ни один поезд не прошел без того, чтобы она не зашла в него и не заглянула в каждое купе. А на седьмой день голодная — потому что привыкла есть со своим хозяином — она умерла на том же месте в ожидании.

Разве вы скажете, что эта собака не религиозна? Она знала, что такое любовь, больше, чем человеческие существа. Она знала, что такое дружба, она знала, что такое посвящение. И деревня, и начальник станции поняли, что они были очень жестоки, гоня собаку прочь. Раскаявшись, они поставили памятник собаке, — которая до сих пор ждет, с глазами, устремленными на то самое купе, из которого обычно выходил ее хозяин.

Религия — это нечто столь бескрайнее. Она не ограничена никакой церковью, никаким храмом, никакой мечетью; она не ограничена никаким писанием. Это вопрос вашего сознания. Вы полны изумления, как малое дитя? Есть что-нибудь, что удивляет вас? Если ничто не удивляет вас и ничто не наполняет изумлением, вы мертвы; в противном случае все существование — это ваш храм. Деревья медитируют, птицы молятся, звезды непрерывно движутся вокруг центра, который науке еще не удалось обнаружить; быть может, их движение — не что иное, как молитва.

Как видится мне, религия — это не теология; тут больше поэзии, больше мистицизма, больше невинности, больше изумления, больше удивления.

...вечно возникающее в душе, даже когда руки обтесывают камень или трудятся за ткацким станом?

Можно заниматься чем угодно, но ваше сердце будет пребывать в медитации.

Великий индийский мистик, Кабир, был ткачом. У него были тысячи последователей, и они спрашивали его снова и снова: «Так не подобает, чтоб наш мастер продолжал ткать одежду, каждый базарный день ходить на базар, сидеть на улице и торговать своей одеждой. Мы здесь; мы можем сделать все необходимое для тебя — все, что захочешь».

Кабир рассмеялся и сказал: «Вы не понимаете, потому что можете видеть лишь то, что происходит снаружи. Когда я тку одежду, в глубине своего сердца я знаю, что я тку ее для Бога. В глубине своего сердца я знаю, что должен идти на базар, потому что этот неведомый Бог может прийти в любой маске как покупатель».

Он никогда не обращался к своим покупателям как-нибудь иначе, нежели «Бог». Он обычно говорил: «Так Ты пришел? Семь дней я трудился для Тебя. Помни, это не просто ткань — я вплетал в нее само свое сердце. Заботься о ней. Я делал это с великой любовью, с великой

молитвой. Я понятия не имел, в какой маске Ты собираешься прийти, но Ты приходишь; всякий, кто приходит, является формой Бога. Это моя единственная религия. Я ткач; ткать молчаливо, с молитвой в сердце — вот моя религия».

Так что это не вопрос вашего занятия.

Кто может отделить свою веру от своих поступков или свои убеждения от занятий?

Но вот что происходит по всему миру: ваша вера — это не ваши поступки, ваши убеждения — это не ваши занятия, вы отделены от них; вы заточили своего Бога в храм. Время от времени вы ходите туда, а в остальное время ваше сердце нисколечко не волнует Бог.

Пока все ваши действия не станут вашей верой, вашим доверием, пока все ваши усилия не преисполнятся любовью и молитвой, вы не узнаете, что такое религия. Религия, которая известна вам, фальшива, и священники, которых вы знаете, не знают ничего о подлинной религии.

Ваши Папы, ваши *шанкарачарьи*, ваш Аятоллы Хомейни — это не те люди, которые знают, что такое религия.

Жил когда-то мистик, который был гончаром. Его звали Горакх. Даже после того, как он стал просветленным, он продолжал делать замечательную глиняную посуду. Много раз его ученики говорили: «Так не подобает».

Он отвечал: «Я горшечник. Я могу излить мою любовь, творчество и песню моего сердца только создавая прекрасные горшки, и я так счастлив, когда Бог приходит взять их у меня. Вот почему мне не надо ходить ни в какой храм: сам Бог приходит во многих обличьях в мой дом. А так как горшки созданы для Бога — это уже не просто ремесло. Это становится верой, это становится религией».

Кто может простереть свое время перед собой, говоря: «Это для Бога, а это для меня; это для моей души, а вот это — для тела?»

Ум, который мыслит разделением, — не религиозный ум. Ум, который полагает, что есть нечто мирское и есть нечто священное, не религиозен.

Вы не можете сказать: «Это для Бога, а это для меня», — потому что тот, кто знает Бога, забывает о себе, — он не только забывает все о себе, он не обнаруживает себя вовсе. Либо вы можете существовать, либо Бог может существовать — вы оба не можете существовать вместе; тут невозможно сосуществование. Если есть *вы*, тогда ваш Бог фальшивка. Только ваше исчезновение сделает Бога реальностью, истиной. Вы не можете даже отделить: это для моей души, а это для моего тела; они нераздельны, они сливаются в Боге.

Вы видите простоту этого? Тысячелетиями вы были разделены многими способами — тело отдельно, вы отдельно. Но можете ли вы прожить мгновение без дыхания? Дыхание — это функция тела, не души. Совсем как без души тело не может жить — оно умирает, возвращается к основным элементам жизни: воздух к воздуху, огонь к огню, земля к земле, вода к воде, небо к небу, — таким же образом без тела душа не может оставаться ни одного мгновенья. Их не двое, они сливаются в Боге, Бог мостом соединяет их.

Поэтому не говорите: это для моего тела, а это для моей души — вы одно, единое. Уважайте свое тело точно так же, как вы уважаете свою душу. Ваше тело так же священно, как и ваша душа. В сущем все священно, потому что все бьется пульсом божественного.

Все ваши части — крылья, своими взмахами рассекающие пространство.

Вы движетесь от момента к моменту, от одной стадии сознания к другой стадии сознания. Тело может крепко спать, но оно тоже сознательно. Вам известно, что, если вы спите, а комар начинает надоедать вам, — особенно в Пуне надоедают вам комары и полицейский комиссар, и комары даже немного более джентльмены: прежде чем сосать вашу кровь, они танцуют вокруг вас, они поют вокруг вас, они платят цену и не носят винтовок, — вы продолжаете спать, а ваша

рука отгоняет комара. Тело обладает своим собственным сознанием.

Ученые говорят, что тело имеет миллионы и миллионы живых клеток, и каждая клетка обладает своей собственной жизнью. Вы потеряли способность удивляться, иначе вы бы удивились, прежде всего, своему собственному телу, — как тело превращает хлеб в кровь. Нам еще не удалось открыть фабрику, где хлеб можно превратить в кровь. И не только это, ваше тело отсортировывает то, что ему нужно, от того, что не нужно; ненужное отбрасывается, а то, что необходимо, выполняет разные функции.

Тело продолжает обеспечивать разные свои органы, разные части вашего тела всем тем, в чем есть нужда. Вы едите одну и ту же пищу для всех своих нужд; из одной и той же пищи созданы ваши кости, ваша кровь, ваша кожа, ваши глаза, ваш мозг, и тело прекрасно знает, что необходимо и куда необходимо. Кровь циркулирует, непрерывно доставляя определенные химикалии к определенным частям.

Не только это, тело знает также и приоритеты. Первый приоритет — это ваш мозг — стало быть, если не хватает кислорода, в первую очередь тело отдает кислород мозгу. Другие части выносливее и могут немного подождать, но мозговые клетки не настолько выносливы. Если они не получают кислорода в течение шести минут, они умрут, а коль они умерли, их не оживить.

Это огромная работа разума — сохранять бдительность к различным функциям. Когда у вас рана, тело прекращает обеспечивать определенные части, которые могут жить, и вначале исцеляет рану. Тотчас же белые тельца бросаются прикрывать рану, чтобы она не была открытой. А потом внутри продолжается работа, самая тонкая работа.

Медицина знает, что мы еще не настолько мудры, как тело. Самые выдающиеся врачи заявляли, что мы не можем лечить тело, тело лечится само — мы можем лишь помочь. Наши лекарства самое большее могут быть какой-то помощью, но основное лечение исходит от самого тела.

Удивительно, как это происходит. Это огромная работа. Мне пришлось узнать от одного друга-ученого, который изучал функции тела, что, если бы мы захотели выполнить все эти функции, нам потребовалась бы фабрика в одну квадратную милю со множеством сложных механизмов, компьютеров. И даже тогда мы не можем быть уверены в успехе — а ваши религии осуждали тело и твердили вам, что заботиться о теле нерелигиозно.

Джайнистские монахи не моются, потому что это забота о теле, это материализм. Они не чистят свои зубы. *Гуру Грантха Сахиб* чистит свои зубы, но джайнистские монахи не чистят. Обычно, встречаясь с ними в прошлом, мне приходилось говорить им: «Не обижайтесь, но сядьте как можно дальше, потому что от вас воняет». Обнаженные, бродят дорогами Индии под жарким солнцем, потеют, покрытые грязью, не моя рта, не купаясь, — и им поклоняются из-за таких глупостей! Из-за того, что они отреклись от тела, не заботятся о теле. Они не знают даже, что тело есть, они никогда не удивлялись его чудесам. Поэтому не говорите: «Это для моей души, а это для моего тела», — вы едины.

Сначала внутри себя вы становитесь едиными со своим телом, потом становитесь едиными со своим сущим. В тот день, когда ваш пульс синхронизируется с Вселенной и ее пульсом, вы обрели религию — но не раньше этого.

Лучше бы наг был тот, кто облачается в свою мораль, как в лучшие одежды.

Есть люди, которые полагают, что могут быть моральными, не будучи религиозными. Мораль — это всего лишь тень, которая следует за религиозным человеком, а не наоборот. Невозможно вначале быть моральным, а потом стать религиозным — поэтому-то священники и обучали вас сперва быть моральным! Они ставят телегу перед волами. А если вы никуда не двигаетесь — никакой эволюции, — то и нечему удивляться. Мораль — очень незначительная вещь.

Если ваше сознание поднимается на высоту религии, мораль придет сама по себе. Мораль растет, как листья на деревьях; вы просто поливаете деревья, вы ухаживаете за корнями. Вам не надо вытягивать листья из дерева, так вы уничтожите их; они появятся, когда придет время. Вы не должны волноваться о них. Но все ваши так называемые священники обучают морали, вот отчего люди и становятся лицемерами. Я никогда не сталкивался с моральным и нелицемерным человеком. Только религиозный человек обладает подлинной моралью.

...тот, кто облачается в свою мораль, как в лучшие одежды.

Люди пользуются моралью как декорацией для своего престижа. Халиль Джебран прав, когда говорит: «Лучше бы он был нагим». Хотя бы в своей наготе он был естественным, не лицемером. От существа естественного можно двигаться к существу религиозному, но из лицемерия вы не можете двинуться никуда, это уличный тупик, он не ведет никуда.

Моральная личность никогда не бывает радостной; она всегда печальна. Это естественное следствие стояния на своей голове. Если бы сущее хотело, чтобы вы стояли на голове, оно вырастило бы ноги у вас на голове. Но есть идиоты, которые пытаются улучшить природу.

Я никогда не видел ни одного йогина в целой стране, который проявлял бы сколько-нибудь разума, потому что, стоя на голове, вы расстраиваете всю систему, всю мудрость тела; слишком много крови устремляется к голове из-за гравитации. Так много крови не нужно — она затопляет... Если мозг затоплен кровью, его самые тонкие ткани, создающие разум, разрушены. Звери не были в состоянии создать разум по той простой причине, что они существа горизонтальные, и все их тело получает кровь в одной и той же пропорции.

Вы когда-нибудь наблюдали, зачем вы пользуетесь ночью подушкой? Без подушки вы не сможете спать, потому что поступает слишком много крови, — ваша голова ниже, чем тело, — а кровь продолжает будоражить весь ваш организм, и вы не сможете спать. Вам нужна подушка — держать свою голову чуть повыше, чтобы туда поступала правильная пропорция крови.

Никогда не будьте лицемером; какова бы ни была цена, вы должны платить — лучше уплатить ее. Лицемерие — это дешевка: у вас нечем платить, но вы разрушаете саму свою душу и саму возможность своего роста.

Ветер и солнце не причинят вреда его коже.

Не беспокойтесь. Даже если вы обнажены, ветер, дождь и солнце не прорвут до дыр вашей кожи.

Лицемерие не дает реальности достичь вас, оно становится барьером. Да, оно дает вам престиж, но что вы будете делать с престижем? — в нем нет ничего существенного.

И тот, кто в своем поведении следует этике, заточает свою птицу в клетку.

Слушайте свою природу, а не так называемых священников и проповедников. Они дадут вам прекрасные одеяния морали и этичного поведения, но они разрушат самый центр вашего существа — или, как минимум, не позволят вам достичь собственной сущности. Упустить собственную сущность означает, что вы упустили всю свою жизнь.

Самая свободная песня не пройдет сквозь железные прутья и проволоку.

Самая свободная песня не может исходить из рабства, из тюрьмы; это просто невозможно. Только свобода становится песней, и песня эта — молитва, что исходит из вашей свободы.

И тот, для кого богослужение — окно, которое отворяют и затворяют, еще не бывал в доме своей души, чьи окна — от зари до зари.

Религия не окно; это не воскресное занятие. Не может быть, чтобы из двадцати четырех часов на один час вы становились религиозными, а двадцать три часа занимались всем тем, что нерелигиозно. Вы думаете, час фальшивой религиозности превысит двадцать три часа искренней нечестности? Так что, если в конце вы обнаружите, что все ваше поклонение было напрасным, никто не будет в ответе, кроме вас самих. Ваша молитва, ваша медитация должна

быть *от зари до зари*.

Рассказывают замечательный случай из жизни Гаутамы Будды. Один из его ближайших учеников, Ананда, был также и его хранителем. Он спал обычно в той же комнате. Он следовал за Гаутамой Буддой, как тень, двадцать четыре часа в сутки. Он был озадачен одной вещью — тем, что Будда спал в определенном положении, которое стало известно благодаря Будде как «поза льва». Он оставался всю ночь в одном и том же положении, он не метался и не ворочался.

Ананда наблюдал за ним, много раз поднимаясь среди ночи, но тот был в одной и той же позе. Однажды он спросил: «Меня сейчас очень сильно мучает один вопрос, и я должен задать его. Я и не предполагал задавать такие глупые вопросы, но этот вертится в моем уме: целую ночь ты остаешься в одной и той же позе, ты спишь или нет?»

Будда сказал: «Тело спит, потому что тело устало, но что касается моего сознания, оно не может спать; так что я сплю, и все же часть меня свидетельствует. И я нашел подходящее положение, наиболее успокаивающее положение; поэтому мне не требуется изменять его».

Вы, очевидно, замечали, что действительно меняете свою позу много раз за ночь, если ваш ум беспокоен. Если ваш ум расслаблен, вы изменяете положение реже, но если ум полностью превзойден, вы можете спать в одном положении.

Люди интересовались, как это я высиживаю в одной и той же позе два-три часа каждый день утром и вечером. Я нашел подходящее положение для своих ног, и когда я говорю с вами, я целиком и полностью увлечен этим, а мои ноги прекрасно знают, что нельзя мешать мне — ведь я никогда не мешаю им. Это просто дружеский контракт.

Медитация — это не что-то, что вы делаете, а после переходите к другим вещам. Медитация — это нечто вроде дыхания: что бы вы ни делали — дыхание продолжается.

Люди приходят и спрашивают меня: «Какое время подходит для медитации — утро, вечер, ночь? Как долго нужно медитировать?» Они задают неправильные вопросы.

Это не вопрос подходящего времени. Всякий раз, когда вы медитируете, это подходящее время, а всякий раз, когда вы не медитируете, это неправильное время. И это не вопрос — как долго вы должны медитировать. Медитация должна стать вашим пульсом; даже когда вы спите, медитация продолжается, как подводное течение. Значит... *от зари до зари*...

Я повидал всевозможных так называемых религиозных людей. В моей деревне прямо перед домом была лавка со сладостями. Тот человек был очень: религиозным — так сказать, религиозным; у него в руках постоянно были четки. Чтобы избежать людского взгляда, он сделал мешочек, в мешочке держал свои руки с четками и продолжал повторять: «Рама, рама, рама... — с каждой бусиной. Такая бусина — это средство для счета; иначе вам придется говорить: «Рама один, рама два, рама три...», а это будет трудным и более запутанным, и вы можете сбиться со счета. Там сто восемь бусин, так что если вы обходите один круг, у вас получается имя Божье сто восемь раз. Потом начинается второй круг, и так продолжается.

Если во время этого занятия входит собака и он гонит ее, бусины продолжают, а он забывает «Рама» и издает какие-то звуки, чтобы пришла: его жена и прогнала собаку. Если приходит покупатель, одна рука продолжает ритуал, а он продает конфеты и торгуется о цене. Я удивлялся: «Что это за вид медитации?» Это не медитация; это очень бедная подмена ее.

Тибетцы более разумны. У них нет четок, у них колесо со ста восемью спицами. Они продолжают заниматься своими делами и вращают колесо» Когда колесо замедляется, они вращают его снова, и их работа продолжается. Один лама стоял рядом, и я спросил: «Вы слышали об электричестве?»

Тот спросил: «Почему вы спрашиваете об этом?»

Я сказал: «Излишнее беспокойство! Присоедините ваше колесо к электричеству, и оно будет двигаться, как все вентиляторы движутся. Вам не нужно будет хлопотать. Даже если вы

выйдете, молитва будет продолжаться; даже если вы умрете, молитва будет продолжаться».

Люди обманывали даже сущее, даже свое собственное существо. Но это полнейшее неразумие.

Медитация не означает повторять имя, не означает декламировать мантру; это означает оставаться молчаливым, центрированным, умиротворенным. Тогда вы можете делать все, но ваше внутреннее молчание остается неприкосновенным, ваша безмятежность остается необеспокоенной. И это внутреннее молчание и безмятежность проявляется в ваших глазах, в ваших руках, в том, как вы идете, как сидите — это придает вам грацию, красоту.

Это и было определение Халиля Джебрана: не красота нужна, а экстаз. Если ваш внутренний мир остается молчаливым, вы будете жить экстатично от зари до зари; вся ваша жизнь станет медитацией. Медитация не ритуал. Она должна стать самой вашей жизнью, самым вашим существом; и тогда все, что вы делаете, будет грациозным и красивым.

В этом молчании вы войдете в контакт с молчанием сущего, потому что сущее понимает только один язык, и это язык молчания. Оно не понимает ни санскрита, ни древнееврейского, ни арабского, ни пракрити, ни пали; оно не понимает никакого другого языка, кроме языка молчания. Когда вы ничего не говорите, вас слышно; когда вы говорите что-то, вы просто расточаете свое дыхание.

Когда вы настолько молчаливы, что будто отсутствуете, происходит чудо — я назову это величайшим чудом. Когда вы отсутствуете, вы обретаете присутствие, которое божественно; достичь этого присутствия и значит быть религиозным. А путем к этому присутствию является религия. Его нет в писаниях и его нет в синагогах и *гурудварах* — оно внутри вас.

Да, я говорю вам снова: Царство Божие внутри вас.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

17. ВНУТРИ ВАС СКРЫТЫ ВСЕ ЛЮДИ

6 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Ваша каждодневная жизнь — храм и ваша религия.

Когда бы вы ни вошли в него, берите все свое с собой. Берите плуг и горн, молот и лютню, Те вещи, что вы сделали по необходимости или для удовольствия.

Ибо в мечтаниях вы не можете ни подняться выше своих успехов, ни пасть ниже своих неудач. И берите с собой всех людей:

Ибо, поклоняясь, вы не можете ни взмыть выше их надежд, ни опуститься ниже их отчаяния.

И если бы вы познали Бога, вам не пришлось бы разгадывать загадки.

Посмотрите вокруг, и вы увидите, как Он играет с вашими детьми.

Посмотрите в пространство, и вы увидите, как Он ступает по облакам, простирает руки-молнии и нисходит дождем,

Вы увидите, как Он улыбается в цветах, поднимается и машет руками в деревьях.

В этом одно из несчастий, что подлинная религия была разрушена — не нерелигиозными, а так называемыми религиозными людьми мира... не теми, кто не верит в Бога, а теми, кто верит в Бога, небеса, ад и всю эту чепуху. Подлинная религия не имеет ничего общего с Богом. Это также и не жажда награды после жизни, и не страх наказания в аду.

Подлинная религия знает не прошлое, не будущее, но один этот миг, только настоящее. Подлинной религии нет в храмах, мечетях, синагогах и церквях. Те, кто пытаются отыскать ее там, напрасно теряют свои силы. Ее нужно искать не через что-то созданное человеком, а через нечто созданное всем существованием, включая и самого человека. Вы не можете извять Бога в виде статуи, ведь Бог — это не что иное, как сам источник жизни.

Бог не имеет своего собственного лица, не имеет своих собственных рук, не имеет своих собственных глаз; но если вы молчаливы, безмятежны, любящи, — внезапно ваши руки становятся Божьими руками; ваши глаза начинают видеть совершенно другим образом — они становятся глазами Бога. Все остается тем же — и все же все меняется, потому что изменились вы.

Бог — это путь жизни, стиль жизни — жить в созвучии с сущим.

Бог не личность, а просто определенный способ войти в созвучие с сущим, полюбить все то, что окружает вас. Подлинная религия — не что иное, как любовь, несвязанная, нескованная.

Халиль Джебран говорит: *Ваша каждодневная жизнь — ваш храм...* Фактически, чтобы избежать ее, мы и создали храмы. Храмы — это не места, где живет Бог; это места, которые мы создали, чтобы обманывать самих себя. Бог во всем окружающем пространстве, везде, но для того, чтобы быть настолько поглощенным, одержимым и очарованным Богом, чтобы каждый миг стал затоплен Им, требуется смелость, требуется мужество, требуется безмятежное сердце — открытое, доступное, восприимчивое. Чтобы избежать этого, мы создали всевозможные храмы. Это храмы не для поиска Бога, а для бегства от Бога. Ваши религии — это не религия, а бегство от религии.

Они вроде игрушек — жалкая подмена, мертвая, без жизни, без песни, без танца. Но странно то, что все человечество обманывало себя. Тут должна быть какая-то глубокая

психологическая причина.

Мне вспоминается замечательная история Рабиндраната Тагора. Он говорит:

«Я разыскивал Бога многие, многие жизни. Время от времени я видел Его проблеск около далекой-далекой звезды, и я бросался к той звезде. Но когда я добирался туда, Он пропадал.

Снова я видел Его где-то еще, далеко, но это было всегда далеко, и путешествие на такое расстояние требует времени, а Бог не что-то мертвое — это нечто текущее, постоянно движущееся. К тому времени, как я достигал места, где видел Его, Он уже танцевал где-то еще. Я слышал танец, я слышал музыку; Он играл на флейте, я слышал флейту. Я видел Его, но всегда так далеко.

И все же я не останавливался. Это был Вызов... Во мне возникла твердая решимость найти Его — сколько Он будет убегать от меня? И, разумеется, однажды я достиг прекрасного дома, а табличка на доме гласила: Дом Бога. Я был полон радости, что мое путешествие не было напрасным, я разыскал Его; осталось сделать всего несколько шагов и постучать в дверь.

Танцуя от радости, я взошел по тем мраморным ступеням. Я уже было, собрался постучать в дверь, но моя рука остановилась, словно парализованная из-за внезапно пришедшей ко мне мысли: «Если Он откроет дверь и я встречу Его, что тогда? Всю свою жизнь я исследовал, всю свою жизнь я был в постоянном поиске — я знаю только, как исследовать и как искать. Встретить Бога будет смертью для меня, ведь я — не что иное, как исследование, поиск. Это будет смертью для вызова — а что такое жизнь без вызова?»

Я убрал свою руку назад и снял свои ботинки, ведь кто знает? — Он мог услышать шум на ступенях, открыть дверь и сказать: «Куда ты идешь? Я здесь». Взяв в руки ботинки, я убежал прочь. Я даже не оглянулся — вдруг Он стоит на пороге и наблюдает, и тогда бегство стало бы более трудным и мучительным.

С того времени я разыскиваю Его снова, и я вижу проблеск то здесь, то там. Я знаю, где Он живет, поэтому только этого места я и сторонюсь, продолжая везде исследовать, разыскивать, расспрашивать, разузнавать: «Где есть Бог? Что есть Бог?»

Эта история потрясающе глубока. Вы задумывались когда-нибудь над этим — если вы встретите Бога, что вы скажете Ему? Что вы собираетесь делать с Ним? Он будет уличным тупиком, Он будет вашей могилой, потому что за Ним нет ничего. Вы искали с огромной интенсивностью, с огромной страстью и стремлением, и вся страсть и все стремление исчезнут.

Возможно, это и есть причина, почему каждый продолжает искать Бога, и все же никогда не встречает Его. Возможно, каждый знает дом, где Он обитает, так что они сторонятся только того дома — есть целая Вселенная, чтобы искать и исследовать. Или, возможно, Бог понимает, что Он должен оставаться исследованием, вопросом, поисками и никогда не становится опытом.

Точно, как со своей стороны вы сторонитесь того дома, возможно, и Он тоже живет в том доме, опасаясь, что однажды может постучать какой-то идиот; какой-то полицейский комиссар может дать ордер на обыск, а полицейские офицеры с их винтовками сделают это привычным методом, насильственно, и в доме Бога. Но говорю я вам: они не обнаружат там Его. Не только вы избегаете Его, Он тоже избегает вас, потому что Он тоже опасается. Встреча обернется грандиозным замешательством: и вам нечего сказать, и Ему нечего сказать. Неужели вы будете говорить о погоде?

Разве вас не посещала хоть однажды мысль, что сама идея Бога как личности — вздор? Нигде нет Бога как личности: все храмы, все эти мечети, синагоги и церкви пусты. Изготовленные ушлыми священниками, они не имеют ничего общего с религией. Халиль Джебран прав, когда говорит: *Ваша каждодневная жизнь — ваш храм.*

Признать этот простой факт, — что ваша повседневная жизнь является вашим храмом и

вашей религией, — всего лишь понимание этого простого факта оборачивается великой трансформацией. Вы уже не сможете делать многие вещи, которые делали всегда, потому что повсюду — священная земля, и каждый миг вы имеете дело с Богом.

Вы не сможете обманывать своих клиентов; вы не сможете властвовать над своими детьми, потому что они ближе к Богу, чем вы. Их невинность — это мост, ваши знания — это стена, Китайская стена; вы можете лишь почитать детей. Вы не можете действовать прежним способом, ведь теперь вы всегда внутри храма и каждый из ваших поступков является молитвой. Каждое мгновение вас окружает Бог. Его присутствие будет чувствоваться даже в вашей жене, в вашем муже, в вашем друге, в вашем враге, ведь кроме Него никого другого не существует.

Сделать всю жизнь храмом, всю жизнь религией — это единственный путь настоящего искателя.

Он не пойдет заглядывать в святые книги. Книги есть книги; нет книги святой и нет книги нечестивой. Читайте их, если вы наслаждаетесь их прозой; читайте их, если вы наслаждаетесь их мифологией, но помните: книга не может передать вам вкус религии.

Да, цветок способен сделать это; летящая птица способна сделать это; дерево, восходя высоко и танцуя под солнцем, способно сделать это. Само сущее становится вашей святой книгой: читайте ее, слушайте ее, и шаг за шагом вы осознаете, что окружены энергией, которой вы совершенно не знали.

Почти как рыба, которая не знает ничего об океане, потому что она родилась в океане, она жила в океане, и однажды она умрет в океане. Она была частью океана, просто волной; она не знает ничего об океане. Рыба узнает океан, лишь когда рыбак вытаскивает ее из океана и бросает на прибрежный песок. Тогда она знает, что потеряла свой настоящий дом, которого она никогда не осознавала. Теперь она жаждет, старается всеми возможными путями вернуться назад и прыгнуть в океан. Только вне океана она осознает то, что она потеряла.

Люди осознают только во время смерти, что они теряют, потому что смерть приходит как рыбак, вытаскивая вас из океана жизни. Как только вас вытаскивают из жизни, вы вдруг соображаете: «Боже мой! Я был живым, и я никогда не знал этого. Я мог танцевать, я мог любить, я мог петь — но теперь уже слишком поздно».

Люди осознают только во время своей смерти, что они постоянно были окружены вечной энергией жизни, но никогда не принимали участия в этом. Ваша повседневная жизнь — вот ваш храм и ваша религия. Действуйте осознанно, действуйте сознательно, и многие вещи начнут изменяться.

Человек, который понимает, что вся жизнь — это храм, это религия, не может продолжать убивать животных ради еды, ведь если божественны вы, то и они тоже божественны. Если Бог бьется в вашем сердце, Он бьется и в сердце оленя. Как же вы можете убить оленя? — такого прекрасного и такого величавого... такого быстрого, он движется, как стрела. Разве вы видели когда-нибудь уродливого оленя? Вот почему у оленей нет никакого конкурса красоты, какой смысл? — они все прекрасны. Разве вы видели когда-нибудь льва, который не прекрасен?

Но человек становится уродливым. Каждый ребенок рождается прекрасным, но по мере роста он начинает обучаться методам быть уродливым, быть соперничающим, быть завистливым, быть насильственным. Постепенно он теряет всякий контакт с жизнью, потому что он потерял благоговение перед жизнью.

Если вы спросите меня, я скажу, что религия — это благоговение перед жизнью. А если у вас нет благоговения перед жизнью, вы не можете представить себе все сущее — деревья, птицы и звери — как различное выражение одной и той же энергии. В истоке мы братья и сестры зверям, птицам и деревьям; и если вы начинаете чувствовать такое братство и сестринство, вы получите первую пробу того, что есть религия.

Когда бы вы ни вошли в него, берите все свое с собой.

Берите плуг и горн, молот и лютню,

Те вещи, что вы сделали по необходимости или для удовольствия.

Ибо в мечтаниях вы не можете ни подняться выше своих успехов, ни пасть ниже своих неудач.

Ничего не отбрасывайте как мирское.

Плуг и горн, молот и лютня — с чем бы вы ни работали, относитесь к этому с почтением. Люди не уважают даже других людей; люди так обращаются с другими людьми, словно это вещи.

Вы задумывались когда-нибудь, что ваш слуга — это также и ваш брат, у него такое же звание, как и у вас, он нуждается в чувстве собственного достоинства так же, как оно необходимо вам? Нет, слуга проходит по вашей комнате, а вы даже не обращаете внимания — как будто никто и не проходил. Будто у слуги нет души. Разве вы купили душу слуги?

Как часто случалось, что вы не видели лица своей жены, хоть вы и живете вместе двадцать четыре часа в сутки? Как часто вы не видели лица своего мужа или своей жены? Так могло продолжаться годами.

Вы уже принимаете друг друга как должное: она становится вещью для вас, вы становитесь вещью для нее. Она пользуется вами, как и вы пользуетесь ею. Вы оба разрушаете друг друга; вы отнимаете у других человеческую природу, саму их душу.

Подлинная религия наделяет жизнью и душой даже вещи. Вы можете коснуться этого стула с любовью и почтением: это ничего не будет стоить вам, но принесет в жизнь безмерное прозрение. Религиозный человек — это единственный волшебник в мире: все, к чему он прикасается, оживает. Дело не в том, что он касается; дело в том, что он изливается в это. Он изливает свою собственную жизнь.

Жить религиозной жизнью — не значит отвергать сущее и убегать в горы. Это путь труса и слабака; это путь искалеченного и неспособного; это путь тех, кто не обладает разумом увидеть Бога всюду вокруг себя. Когда вы отвергаете жизнь, вы отвергаете Бога — кого другого вы можете отвергнуть? Когда вы отвергаете вашу жену или вашего мужа, кого, по-вашему, вы отвергаете? И где вы собираетесь искать Бога?

В жизни Гаутамы Будды есть один случай, говорить о котором буддисты стараются избегать; они не обсуждают его. Когда Гаутама Будда стал просветленным... А что такое просветление? — это истинное переживание того, что все сущее божественно, что это храм Божий и что каждый — это либо Бог пробужденный, либо Бог спящий — но в этом нет различия. Тот, кто спит, может проснуться за минуту, просто немного холодной воды надо брызнуть в его глаза. Может быть, он и разозлится сначала, может, и заорет на вас — люди также швыряют своими будильниками.

Меня спрашивают снова и снова: «Почему люди так разгневаны на тебя?» Я говорю: «Это понятно. Когда люди спят, они не желают никакого будильника рядом с собой; а я не обычный будильник. Я пробую все возможности — даже если мне придется бороться с человеком, я подниму его с кровати. Даже если он и разгневадается, об этом нечего беспокоиться. В момент пробуждения он поймет, что его гнев не был справедливым».

В тот миг, когда Гаутама Будда стал просветленным, первое, что он сказал Ананде, было: «Мне хочется пойти в мое королевство. Двенадцать лет прошло с тех пор, как я покинул свой дворец. Я покинул маленького ребенка, которому был всего один день от роду, — моего первого ребенка; сейчас ему, должно исполниться двенадцать лет. И все эти двенадцать лет моя жена, Яшодхара, должно быть, очень сердилась. Она женщина культурная, прекрасная и утонченная — может, она даже и не выразила свой гнев никому, но в своем сердце она несла рану.

Первое, чего я хочу, — это возвратиться и увидеть мою жену, моего ребенка и моего отца. Он должен быть старым, если до сих пор жив. Он, наверное, выплакал свои глаза, ведь я его единственный сын».

Они достигли дворца и вошли туда. Ананда имел привилегию, которую, он испросил перед своим посвящением. Он был старшим двоюродным братом, Гаутамы Будды, поэтому перед тем, как его посвящали, он попросил: «После посвящения я буду учеником, а ты будешь мастером, и на все, что ты скажешь, мне придется говорить да. Тут нет места никакому нет».

Таким образом, прежде чем стать учеником, я хочу прояснить три вещи. Первое: ты никогда не будешь отсылать меня далеко от себя так, как ты, отсылал других людей распространять послание. Даже если я стану просветленным, ты не отошлешь меня распространять послание. Второе: даже если среди ночи я приведу к тебе кого-то, кто хочет задать вопрос, ты не скажешь: «Я устал за целый день от ходьбы, из одного селения к другому селению, не думаешь ли ты, что середина ночи — время неподходящее? Ты не можешь подождать до завтрашнего утра?»

Ты не можешь сказать так, потому что завтра неопределенно. И третье; я буду присутствовать при каждом частном разговоре, с кем бы ты ни беседовал, даже с великим императором, — не имеет значения. Я буду присутствовать там, потому что хочу знать все — не только то, что ты, говоришь массам, но также и то, что ты говоришь наедине, потому что, наедине ты должен говорить большие секреты, более сокровенные истины. Поэтому обещай мне эти три вещи».

Гаутама Будда сказал: «Ты мой старший брат, так что я не могу сказать тебе "нет". Я обещаю; но запомни, только три вещи».

Когда они вошли во дворец, Будда остановился и сказал Ананде: «Хоть у тебя и есть привилегия, присутствовать при каждом разговоре, умоляю тебя, чтобы ты не шел со мной, когда я пойду увидеться со своей женой, по той простой причине, что она женщина очень культурная, и в твоём присутствии она не проявит своего гнева, она не выскажет своих слез. И она придет еще в большее раздражение оттого, что я пришел через двенадцать лет, да еще и привел кого-то с собой, чтобы она не могла выразить, что у нее на сердце. Мне хочется, чтобы она вопила на меня, кричала, оскорбляла меня, чтобы она смогла отвести душу. Я чувствую ответственность».

Ананда понял; он сказал: «Я могу сделать это исключение. Можешь идти — я подожду за дверью».

Разумеется, Яшодхара оказалась очень разгневанной. Она не сердилась за то, что Гаутама Будда оставил дворец, отрекся от царства и ушел в горы медитировать и искать истину. Не это разгневало ее; она кричала: «Ты не *доверял* мне! Ты мог бы рассказать мне об уходе. Неужели ты думаешь, что я препятствовала бы тебе? В моем теле тоже кровь дочери воина, и я могу провожать тебя на поле битвы, не проронив ни единой слезы из своих глаз, зная, что, быть может, никогда не увижу тебя снова...

Если бы ты прямо сказал мне, что собрался на поиски истины, я бы ни за что не рассердилась. Мой гнев не из-за твоего ухода, мой гнев оттого, что ты не доверял мне достаточно, ты не любил меня достаточно».

На самом деле, перед тем, как покинуть дворец, Гаутама Будда зашел в комнату своей жены просто увидеть лицо своего ребенка, которому был всего один день от роду. Но ребенок с матерью были вдвоем под пледом — ночь была прохладной — и он не смог увидеть ребенка. Он побоялся поднимать плед, чтобы посмотреть на ребенка, — боялся, потому что шевелить плед было опасно: если бы его жена проснулась, она подняла бы ненужную суматоху вокруг этого и разбудила бы весь дом.

Тогда бы и отец, который на него надеялся... Гаутама был его единственным сыном, а сам

он уже состарился, — он бы сказал своему сыну: «На тебе ответственность... и сейчас, вместо того, чтобы принять ответственность и сделаться царем, ты собираешься оставить семью; ты собираешься отречься от царства».

Будда сказал: «Я пришел с тяжелым сердцем. Я знаю, я причинил тебе боль, но я знаю также, что у тебя столько любви ко мне, что ты можешь простить меня. Я просто пришел извиниться».

Далее и произошло то, что я хотел подчеркнуть, из-за чего я привел случай с Буддой. Его жена сказала: «Мое прощение тут ни при чем. Ты попросил — этого довольно. Всего один вопрос я хочу задать тебе: ты обнаружил истину; неужели ты не смог бы обнаружить ее здесь, во дворце? Было ли абсолютно необходимо уходить в пещеры в горах? Разве истина недостижима здесь?»

И Будде пришлось признать: «Когда я уходил, я не осознавал этого, но сейчас я знаю: истина достижима всюду; нет нужды уходить в определенное, место искать ее. Но это я могу сказать только сейчас, в то время, когда я отрекался, я был невежествен».

Вам ясно значение этого? Буддисты избегали этой истории, потому что не хотели принять ее значение. Значение ее в том, что любое отречение из невежества, и для тех, что стали просветленными, не бывает отречения, есть только радость.

Любое отречение бессознательно; это как будто бы вы гуляете во сне. Но в миг вашего пробуждения Бог повсюду. Буддисты игнорировали эту историю по той простой причине, что если такая история станет известной всему миру, кто же будет отвергать мир?

За двадцать пять столетий миллионы людей отвергли мир. Увы, они и понятия не имели о собственном заявлении Будды. Это неважно, может, вы и не осознаете того, что вас окружает определенная энергия, которая переживается как Бог, когда вы пробуждаетесь; но даже если вы и не осознаете, энергия есть, так что нет нужды никуда ходить.

Что необходимо — так это двигаться от сна к пробуждению. Это путешествие внутрь; не от этого места к тому месту, не отсюда к Гималаям, но от бессознательного - к сознанию.

Всякий раз, когда вы входите туда, в храм жизни — вся жизнь является храмом, и вам придется нести свои орудия, все то, чем вы занимаетесь. *Если* вы музыкант, у вас будут ваши инструменты; если вы врач, у вас будут ваши инструменты; если вы дровосек, у вас будут ваши инструменты. Всякий раз, когда вы входите туда, берите с собой все свое, все то, что у вас есть.

Берите плуг и горн, молот и лютню,

Те вещи, что вы сделали по необходимости или для удовольствия.

Ибо в мечтаниях...

Когда вы испытываете нечто запредельное... то, что в японском дзэн люди называют «сатори», Халиль Джебран называет «мечтания».

Когда вы становитесь немного осознающими, не полностью сознательными — как поутру вы осознаете, что птицы начали петь и солнце вошло через окошко, а вы переворачиваетесь и натягиваете на себя одеяло, — это и есть «мечтания». Вы проснулись, но вам нужно еще немного времени; вам хочется насладиться этим мгновением покоя — птицы поют, тепло солнечных лучей и свежий воздух, входящий к вам в комнату. Вы пробудились, но не полностью пробудились; вы наполовину пробужденный, наполовину спящий.

Люди часто спрашивают меня: «В чем различие между сатори и самадхи?» Это и есть различие:

Сатори — это полупробуждение-полусон.

Самадхи — это полное сознание.

Но если вы пробуждены наполовину, вам недолго ждать полного пробуждения. Всего лишь небольшой удар посохом мастера по вашей голове - и вы выскочите из постели. Даже в своих

мечтаниях вы не можете ни подняться выше своих успехов...

Чего бы вы ни достигли в жизни, вам никогда не подняться выше этого...

...ни пасть ниже своих неудач.

Так что не тревожьтесь: открывая себя полностью перед жизнью, вы не можете взойти выше своих успехов, и вы не можете упасть ниже своих неудач. И если вы понимаете то, что Бог повсюду — что Бог на высотах и Бог в глубинах, Бог в ваших успехах и Бог в ваших неудачах...

Фактически, это Бог достигает, и это Бог терпит неудачу — почему вы должны тревожиться? Просто оставьте все Ему. Вы оставляете все существу — и вы безмятежны: нет напряжения, нет ответственности, нет бремени, нет тревоги. Если сущее может позаботиться о звездах и горах, реках и океанах, неужели сущее не может позаботиться о вас?

Фактически, вы напрасно живете, мучаясь и опасаясь, чтобы никто не проведал о ваших неудачах, считая, что вы должны демонстрировать миру только свою лучшую часть. Но непрерывно держать лучшую часть на виду — это огромное напряжение. Это возможно, если вы играете в драме — на миг вы можете остаться там навсегда. Вот отчего ваши любовные отношения терпят неудачу, ведь в своих любовных отношениях вы демонстрируете только свои высоты.

Встречаясь со своей возлюбленной на пляже, вы оба сохраняете свои высоты и думаете друг о друге, что нашли личность, которая на самом деле создана для вас. Но эти высоты можно сохранять только на берегу моря. Когда женщина на кухне усталая... мужчину непрерывно изводило на работе начальство, и он приходит домой подавленный, а жена была весь день одна, борясь с одиночеством, — им не удержать своих высот. Они оба взорвутся, они оба выплеснут то, что у них внутри. А коль скоро вы живете с кем-то двадцать четыре часа в сутки, очень трудно продолжать игру. Незначительная вещь может нарушить вашу игру, и реальность может выйти наружу.

Это произошло в деревне... В Индии каждый год историю Рамы инсценируют по всей стране. История о том, как брат Рамы, Лакшмана, был ранен стрелой с вражеской стороны. То была отравленная стрела, и лучшего врача тех дней просили о лечении. Лакшмана лежал на подмостках, умирающий, почти мертвый, в обмороке.

Врач сказал: «Спасти его очень трудно. Есть лекарство, определенная трава, что растет на определенной горе; но расстояние слишком велико, и если за двадцать четыре часа траву не доставить, спасти его нет возможности».

Один из последователей Рамы — вы, очевидно, видели его статую повсюду, бог-обезьяна Хануман, — сказал: «Не беспокойтесь». Он был царем обезьян, великой обезьяной; он сказал: «Я могу достичь горы, но беда в том, что я необразованная обезьяна и не знаю травы, о которой вы говорите. Вы должны дать мне четкие указания, так, чтобы я мог доставить нужную траву; иначе я могу принести что-то, что не окажется нужной травой. Я не врач».

Врач сказал: «Это не проблема. Ту траву легко распознать, по ночам, она пылает, как светляки. Когда ты увидишь ночью траву, что пламенеет светом, она спасет Лакшману».

Хануман отправился, но он был поражен: там оказалась не одна трава, которая светилась, на горе было много таких трав.

Он воскликнул: «Боже мой! Как же мне выбрать? Тот старый идиот дал мне всего один признак, но этот признак подходит к множеству других трав».

Он видел: «Это разные травы, но все они пламенеют», — а времени вернуться и разузнать, снова не было. Обезьяна есть обезьяна: он подумал, что лучше будет забрать всю гору, — «Пусть этот старый дурак выбирает траву, какую захочет».

Так что он принес целую гору. Но на спектакле в маленькой деревне это очень трудный процесс. Гора сделана из картона: есть свечи, трава и веревка, которая наматывается на колесо;

прямо наверху человек, который вращает его, — и Хануман взлетает на веревке.

К тому моменту, когда он возвращался с горой, что-то сломалось и колесо застряло. Это Индия — не Германия. Не удивительно, что оно движется, удивительно, как оно движется так быстро! И вот Хануман висит там, а вся публика смеется: «Вот так диво!» А Рама непрерывно повторяет; то, что ему положено сказать только раз: «Хануман, приходи скорей!» Хануман просто висит там, а люди смеются, они не могут сообразить, что не ладится. Он пришел, гора есть, трава есть, свечение есть — и, кроме Рама, все смотрят на Ханумана. Один Рама смотрит вниз и продолжает твердить: «Хануман...» — он не находит слов, зная что Хануман повис там.

В конце концов, руководитель взобрался на подмости и попытался починить колесо, но ничего не произошло — колесо и не пошевелинулось; поэтому в спешке и напряжении он разрубил веревку, Хануман рухнул виз и вся гора рассыпалась. Естественно, он очень разгневался; он совершенно забыл, что играет роль Ханумана. Рама продолжил: «Хануман, ты спас жизнь моему брату!»

Хануман ответил: «Твой брат! А как же мои ноги?!»

Даже Лакшмана открывает глаза посмотреть, что происходит, и Хануман говорит ему: «Закрой глаза! Тебе не положено открывать глаза — ты без сознания. Скажите мне, кто обрубил веревку, и, пока я не отлуплю его хорошенько, этот спектакль не продолжится».

Пришлось опустить занавес. Кое-как его вытащили, предложили сладости, но он говорит: «Не хочу ничего. Сначала я хочу узнать, кто обрубил веревку!» Руководитель сбежал: тот человек был деревенским борцом, он был опасным человеком и мог на самом деле поколотить!

Все утешали его словами: «Послушай, это руководитель, но он сбежал — утром мы зададим ему хорошую трепку».

Но по прошествии некоторого времени актер, игравший Ханумана, сказал: «Нет, сейчас у меня не получится... я слишком взбудоражен». Он подобрал свой хвост, который висел у него сзади, отшвырнул его прочь и сказал: «Вы можете искать другого Ханумана, а я иду за руководителем. Найду, где он прячется, и пока не изувечу его, не намерен играть эту роль».

Игра возможна, только если все проходит гладко, но как может все проходить гладко двадцать четыре часа в сутки между мужем и женой? Тут или там колесо застревает — и тогда обязательно случаются поломки.

Если вы делаете всю свою жизнь просто игрой — показывая только высоты и не показывая глубин, — скоро вы попадете в беду, потому что невозможно скрыть свою темную сторону. Даже сущее не может скрыть это. Когда осень приходит, листья должны опадать, вам не скрыть этого. А когда придет весна, вырастут новые листья, распустятся цветы. Когда ночь приходит, становится темно — если вы закроете свои глаза, не будет никакой разницы.

Жизнь состоит из них — долин и вершин.

Религии разрушали человека, потому что они заставляли вас всегда быть на вершинах. Долины не для добродетельных, они для грешников; для добродетельных только вершины.

В сущем не бывает разделения.

Каждая вершина имеет свои собственные долины, они всегда существуют вместе. Ни долины не могут существовать без вершин, ни вершины не могут существовать без долин.

Человек, понимая, принимает и то, и другое.

В таком приятии он становится интегрированным, он становится единым.

И берите с собою всех людей:

Ибо, поклоняясь, вы не можете ни взмыть выше их надежд, ни опуститься ниже их отчаяния.

Человек не остров, поэтому никогда не считайте себя феноменом, отделенным от сущего. Внутри вас скрыты все люди, — все люди, что умерли, все люди, что живы, все люди, что могут

появиться в будущем. Вы несете все прошлое с собой, и вы несете все будущее внутри себя.

Вы не одиноки, вы — Вселенная.

В вас есть грешник, и в вас есть святой. И не делайте себя полем битвы, иначе ваша жизнь станет адом. Именно это и есть то, что сделали религии: они сделали вас полем битвы, так что вы сражаетесь с грешниками, которые являются частью вас, и одобряете святых, которые являются частью вас; ставите их в оппозицию друг к другу. В их конфликте вы разрушаетесь, и вся ваша жизнь становится никчемной.

Халиль Джебран прав, говоря: *И берите с собою всех людей...* Помните: то, куда взошел высший человек, это и ваша возможность тоже, и куда упал низший человек — тоже ваша возможность... Все те высоты Гаутамы Будды, Махавиры, Иисуса, Заратустры — они тоже внутри вас. И все великие преступники — Чингисхан, Тамерлан, Надир-шах, Иосиф Сталин, Адольф Гитлер, Рональд Рейган — они тоже внутри вас.

Принимая их обоих, вы никогда не станете полем битвы; примите обоих, и невиданная гармония возникнет внутри вас. Это как в любой школе: у вас есть черная доска, а для письма белый мел. Белый мел по черной доске проявляется ясно, чернота доски становится фоном. Вы можете писать и по, белой доске, но так вы не сможете прочесть. Вы можете писать и черным мелом по белому, но так вы не сможете прочесть.

Человек диалектичен. Высота и глубина, черное и белое — все вместе. Вместо того чтобы создавать конфликт, создавайте гармонию, музыку. Пользуйтесь обоими таким образом, чтобы они не сражались, а становились частью оркестра.

Сделать человека оркестром — это истинная цель религии. Создать музыку из вашей дуальности — это истинная сущность религии.

И если бы вы познали Бога, вам не пришлось бы разгадывать загадки.

Не встречайте Бога философскими вопросами, загадками. Если я спрошу вас: «Что вы собираетесь сделать, когда встретите Бога?» — естественно вы начнете думать, какой вопрос задать: вопросы, на которые вам не удалось найти ответ, должен знать Бог.

Но, как говорит Халиль Джебран, *и если бы вы познали Бога, вам не пришлось бы разгадывать загадки...* потому что Бог есть молчание, и если вы приносите проблемы и вопросы, на них не будет ответа. Мольба никогда еще не получала ответа, потому что Бог не принимает никакого вопроса. Молчание — это единственный язык, который понятен.

Поэтому приходите к Богу, к деревьям, к ручьям, к океану с молчанием в своем сердце, и вы обнаружите сопричастие; вы обнаружите исчезновение своих загадок и своих вопросов.

Бог не решает ваши вопросы.

Но в молчании они растворяются, они тают.

Посмотрите вокруг, и вы увидите, как Он играет с вашими детьми.

Очень странное утверждение, однако, очень верное. Ну кого волнуют дети? Кто смотрит на детей? Я был ребенком, как и вы, были ребенком. И всякий раз, когда гость приходил к нам в дом, отец говорил мне: «Скройся».

Это удивительно: гость приходит в дом, и мне следовало бы приветствовать его, а не скрываться, иначе это оскорбительно для гостя. Мой отец сказал: «Никаких аргументов, он прибудет с минуты на минуту. Скройся куда хочешь: на речку, в лес — отправляйся куда угодно».

Я сказал: «Я бы пошел, если бы знал, что никакого гостя не будет. Я собираюсь оставаться здесь... и позову своих друзей тоже».

Мой отец сказал: «Это очень странно у тебя! Когда никто не приходит, ты не нарушаешь порядок, а когда кто-нибудь приходит, ты создаешь беспорядок. Ты приводишь всевозможных друзей и поднимаешь столько шума, что мы не можем даже поговорить друг с другом».

Я сказал: «Это ваша проблема. Мы же никогда не говорим тебе: «Ты мешаешь нашей игре, потому что из-за тебя мы не можем играть». Всегда ты терпишь от нас неудобства, но ты никогда не думаешь о нас — что мы постоянно терпим неудобства от тебя. Насчет этого должно быть соглашение».

Мой отец сказал: «Перестань говорить об этих делах с контрактами! У тебя со мной столько контрактов, что даже я забываю; ты же никогда не забываешь свои контракты».

Я сказал: «Это же просто: или контракты, или свобода. Разговаривай так громко, как ты сможешь, а мы будем играть так громко, как мы сможем; в противном случае необходим контракт».

Он спросил: «Ладно, что у тебя за контракт?»

Я ответил: «Мой контракт простой: половину времени мы будем играть, и ты должен присоединиться к нам, а половину времени ты можешь обсуждать — мы присоединимся к тебе. Это совершенно справедливо».

Он сказал: «Лучше мне уйти из дому. Управляйся с гостями ты».

Я сказал: «Порядок, можешь идти, — скройся!» Но он не мог, ведь у него было какое-то дело с гостем. И я прекрасно знал, что он не может исчезнуть; то была просто угроза.

Я сказал ему: «Угрозы на меня не действуют. Я хочу простых деловых контрактов. Ты же деловой человек, ты должен понять. Половину времени ты предоставляешь нам, половину времени мы предоставляем тебе». Он сказал: «Знаю я твой контракт: это означает, что ты уничтожишь все время. Половину времени мы должны играть с тобой, а половину времени ты не будешь давать нам говорить; ты будешь вмешиваться, спорить... Говорю тебе, это дело важное!»

Но глаза, полные дел, не могут увидеть, что когда играют дети, присутствует Бог.

Когда деревья в своей невинности стоят в молчании, присутствует Бог. Когда ручей поет свои песни, двигаясь к океану, Бог присутствует, — но глаза полны дел, уши глухи; вот почему вы продолжаете упускать то, что есть каждый миг, доступное тысячами путей.

Если вы poznали Бога... посмотрите вокруг, и вы увидите, как Он играет с вашими детьми.

Вы заглядывали в глаза ребенку? Быть может, вам будет трудно найти подлинного мудреца, но если вы сможете заглянуть в глаза маленького ребенка, у вас будет какое-то представление о глазах мудреца. Глаза мудреца, конечно, более глубоки, более значительны, но у ребенка тоже есть кое-что от этого... если не все, то часть этого.

Посмотрите в пространство, и вы увидите, как Он ступает по облакам...

Бог не личность. Всеми силами Халиль Джебран разрушает идею, что Бог личность. Он хочет, чтобы вы поняли: Бог есть присутствие. Когда дети смеются, Он присутствует. В их смехе такая невинность, невозможно, чтобы Бог не присутствовал там. Вот почему все мудрецы говорили, что, когда вы пробудитесь, вы сможете удивляться, потому что это ваше второе рождение. Вы должны снова стать ребенком: снова то же удивление в ваших глазах; снова то же желание бегать за бабочками, собирать морские ракушки на берегу...

В Японии один великий мудрец, Хотэй, обычно носил на обоих своих плечах большие мешки, полные игрушек и сладостей — вещи, которые нравятся детям. Как только он входил в город, люди просили: «Дай нам какое-то религиозное поучение».

Хотэй говорил: «Подождите, и вы увидите это!» И со всех сторон начинали сходиться дети, когда слух ширился, словно пожар, — прибыл Хотэй, который всегда приходит с удивительными игрушками, замечательными сладостями и раздает их. Там звучал смех, они танцевали, и Хотэй танцевал с детьми.

А вся толпа стояла, ошеломленная: «Этот человек, похоже, безумен — а мы слышали, что он великий мудрец!» Всю свою жизнь он делал только это, а когда люди говорили: «Ты не отвечаешь», — он говорил: «Это не может быть высказано, но я сделал все — я вызвал Его. Он

был здесь, беря конфеты из моих рук. Он был здесь, забавляясь игрушками. Он был здесь, смеющийся, он был здесь, танцующий. Но вы слепы — что я могу поделаться? Вы глухи, вы не способны слышать».

Японские дети до сих пор носят статуэтку только одного будды; это Хотэй. Он никогда не разговаривал, но всегда создавал ситуацию, где вы могли увидеть невинность в действии.

Когда невинность действует, присутствует Бог.

Посмотрите в пространство, и вы увидите, как Он ступает по облакам, простирает руки-молнии и нисходит дождем.

Это всего лишь вопрос перемены позиции. Когда дождь — идите танцевать под дождь. Вы же не из грязи, не исчезнете под дождем в грязной луже; и ваша одежда не так ценна, как радость, которую вы получите, когда облако будет изливаться на вас. Но вы предохраняете себя везде, нося всевозможные зонтики.

Вы увидите, как Он улыбается в цветах, поднимается и машет руками в деревьях.

Это просто вопрос перемены вашей позиции. Вы жили с идеей, что это только деревья, что это только облако, это только дождь.

Нет... это облако — и намного больше, это дождь — и намного больше, это деревья — плюс... А этот «плюс» — если вы можете ухватиться за него — трансформирует всю вашу жизнь в радость, блаженство и благословение.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

18. Я НАЗЫВАЮ ЭТО МЕДИТАЦИЕЙ

7 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом заговорила Альмитра: «Теперь скажи нам о Смерти». И он ответил: «Вам хочется узнать тайну смерти. Но где вы найдете ее, как не в сердце жизни?»

Сова, чьи глаза, плененные ночью, слепы днем, не может снять покров с таинства света.

Если вы подлинно хотите узнать дух смерти, распахните свое сердце перед плотью жизни.

Ибо жизнь и смерть едины, как едины река и море.

В глубине ваших надежд и желаний лежит молчаливое знание запретного;

И как семена, спящие под снегом, ваше сердце видит сны о весне. Верьте снам, ибо в них скрыты врата в вечность.

Ваш страх перед смертью — лишь трепет пастуха, стоящего перед царем, который вскоре возложит на него руку в знак милости.

Разве в трепете пастуха не таится радость оттого, что он будет отмечен царем?

Но разве не трепет беспокоит его всего более? Ибо, что значит умереть, как не встать нагим на ветру и растаять на солнце?

И что значит, перестать дышать, как не освободить дыхание от его беспокойных приливов и отливов, чтобы оно могло подняться, расшириться и безвозбранно искать Бога?

Лишь тогда вы будете петь по-настоящему, когда изопьете из реки молчания.

Лишь когда вы достигли вершины горы, вы начали восхождение.

И лишь тогда вы исполните свой подлинный танец, когда земля потребует к себе вашу плоть.

Смерть — это одна из наиболее таинственных и все же наиболее обманчивых вещей в сущем. Каждый умирает, и все же я говорю вам: никто никогда не умирает. Смерть — это видимость, видимость извне. Вот почему умирает кто-то другой; вы не умираете никогда.

А человек, который умирает, умирает только в глазах тех, кто находится извне, не в своих собственных глазах, — если он осознает; он просто движется от жизни к жизни, в конечном счете, растворяясь во всем существовании.

Но смерть замучила человека. Есть многие, кто избегали даже задавать вопрос, просто из-за страха; они даже не произносят слова «смерть». И так не только обычные люди: человек калибра Зигмунда Фрейда боялся до того, что его друзьям и последователям запрещалось — никому не позволялось говорить о смерти при нем. Трижды случилось так, что неожиданно кто-то заговаривал о смерти — и Зигмунд Фрейд, основатель психоанализа, падал в обморок, лишался сознания. Страх, должно быть, был очень велик.

Мы делаем наши кладбища за городом, чтоб не наталкиваться на кладбище ежедневно по дороге на базар. Это из-за страха.

В детстве я любил ходить на чьи-нибудь похороны, не имело значения, кто умирал. Мой отец и мои дядья беспокоились, они говорили: «Тот человек был посторонним, он ни с какой стороны не приходился нам родственником; зачем тебе тратить свое время, идти на его похороны?»

Я обычно ходил и на похороны нищих. Я сказал: «Я узнал многое, провожая многих людей,

которые умерли. Самая удивительная вещь из тех, что я узнал, — это то, что, даже когда человек на погребальном костре, пришедшие попрощаться с ним даже не присаживаются посмотреть на него. Их спины повернуты к погребальному костру, и они разговаривают о чем угодно, кроме смерти; ведь трудно избежать мысли о том, что, если каждый умирает, рано или поздно дойдет черед и до меня».

Есть знаменитое поэтическое выражение: «Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол; он звонит по тебе». Когда кто-то умирает и звонит Церковный колокол, «никогда не спрашивай, по ком звонит колокол; он звонит по тебе».

Каждая смерть напоминает вам, что вы здесь всего лишь на несколько дней, возможно, завтра не наступит для вас. Конец все ближе и ближе с каждым днем, а после смерти — ничего, кроме неведомого мира, незнакомого — ни друзей, ни семьи, ни общества. Вы не знаете, что будет с вами, потому что вы всегда были в толпе. Смерть сделает вас одинокими.

Поэтому только те, кто знают искусство быть одинокими, пока они живы, остаются сознательными, когда умирают; в противном случае шок настолько велик, что перед смертью девяносто девять процентов людей, а может и больше, лишаются сознания. А умереть бессознательно, это значит - упустить такую великую возможность, потому что смерть открывает вам жизнь в ее полной наготе. Это один из самых значительных вопросов, какие только могут быть поставлены.

И еще кое-что, прежде чем я заговорю о Халиле Джебрane; это поможет вам понять его утверждения.

Смерть не случайность. Это не так, что вдруг однажды, совершенно неожиданно, приходит смерть — и с вами покончено. Нет, смерть растет с вами, бок о бок, словно ваша тень. В день, когда вы были рождены, вы также и начали умирать.

Смерть и жизнь — это два аспекта одной монеты, два колеса одной телеги. Вы становитесь так очарованы жизнью, что никогда не видите того, что смерть тоже растет с вами. Это рост: точно так же, как жизни потребуются семьдесят лет, чтобы подойти к своей кульминации, и смерти потребуются семьдесят лет, чтобы подойти к своей кульминации. Только в кульминации они встречаются. Они всегда двигались вместе, но в крещендо вашей жизни они даже не вместе — они одно.

Те, кто хотят понять жизнь, должны понять и смерть. Те, кто не понимают смерти, никогда не смогут понять и жизни, но нас воспитали с таким огромным страхом смерти. Я видел людей закрывающих двери и уводящих своих детей внутрь, если проходит какая-то похоронная процессия. Я спрашивал: «Что вы делаете? Пусть ваши дети узнают, пусть они познакомятся: это конец... или, быть может, новое начало?»

С одной стороны это конец, с другой — это новое начало. Каждый конец это и начало тоже. А каждое начало подойдет к концу.

Религии сделали людей параноидальными в отношении смерти, того, что после смерти... особенно религии, которые были рождены вне Индии; они очень старые и у них нет той глубины или прозрения, что у религий; рожденных в Индии. Христианству только две тысячи лет, иудаизму только четыре тысячи лет, исламу только четырнадцать столетий; по сравнению с индуизмом... Один великий ученый из этого самого города, Пуны, Локманья Тилак, доказал — и его не могут опровергнуть уже почти столетия, - что индуистским писаниям, по меньшей мере, девяносто тысяч лет. И его доказательство этого настолько убедительно, настолько фактично, настолько исторично, что нет способа опровергнуть его.

Астрономы говорят, что девяносто тысяч лет назад было определенное положение звезд, какого никогда не случалось после, и это положение звезд описано в Риг Веде, самой древней книге на Земле. Невозможно описать его, если не пронаблюдать, а описание такое детальное...

только недавно астрономам удалось описать его, и они были удивлены, что описания совпали в точности. Теперь это стало своеобразным доказательством, которое невозможно опровергнуть, — что индуизму девяносто тысяч лет.

У джайнизма век даже длинней, потому что первый основатель джайнизма, Адинатха, упоминается с великим почтением в Риг Веде. Никто не понимает таких людей, как Адинатха, когда они живут, когда они современники, потому что они всегда впереди своего времени, настолько впереди, что их судьба — быть непонятыми, осуждаемыми. Высокая оценка не для них, во всяком случае, при жизни. Наверное, через триста-четырееста лет их, может быть, и признают правыми, а всю массу человечества неправой.

Если Адинатха, принадлежавший другой религии, основатель другой религии, так почтительно упомянут Риг Ведой, это может означать только одно: он не был современником, он уже стал легендой. Он должен был жить, по меньшей мере, лет пятьсот назад. Возможно, джайнизм — наиболее древняя мировая религия.

Естественно, эти религии глубоко проработали каждую человеческую проблему. Все три религии, рожденные вне Индии, — христианство, иудаизм и ислам — верят только в одну жизнь. Это показывает, что они не исследовали жизнь в ее полноте — перед рождением и после смерти. Их промежуток очень невелик — эта сама жизнь. Их видение в рамках, они смотрят из окошка.

Только недавно несколько художников начали писать картины, не помещая их ни в какие рамки. Сначала их сочли ненормальными — без рамок никогда не было никакой живописи. Но их аргумент чрезвычайно веский, значительный. Они говорят: «Жизнь не имеет рамок, она продолжается и продолжается; как же мы можем помещать в рамки наши картины? Они представляют жизнь, они представляют действительность».

Но религии, которые смотрят только на эту жизнь, очень поверхностны, и для них смерть ужасно страшна — по той простой причине, что со смертью все кончается, после смерти есть только судный день.

Ни какая из этих религий никогда не исследовала того, что было перед жизнью. Неужто жизнь происходит из ничего? Такое невозможно. До жизни... Жизни были с самого начала, — если было какое-нибудь начало, — так или иначе, всегда. И после смерти ничто не кончается; караван жизни продолжается — в различных формах, в различных телах, — пока не достигнет океана, пока не придет к пониманию универсального существования.

Тогда исчезает необходимость иметь маленькое тело с заключенным внутри него сознанием; тогда вы можете жить как чистое сознание, часть целого. Вы будете петть в птицах, вы будете цвести в цветах, вы будете, нисходить в дожде. Вы станете землей, вы станете небом, вы станете звездами, вы станете всем.

Коль скоро такое понимание возникло в вас, вы обрели свободу — свободу от клетки, которую вы меняли миллионы лет. В первый раз вы на собственных крыльях в открытом небе.

Все три религии, рожденные в Индии, — индуизм, джайнизм, буддизм — расходятся во всем, кроме одной вещи. Они спорили по каждому пункту, исключая пункт согласия в том, что жизнь вечна; нет судного дня, а эта небольшая жизнь — не что иное, как всего лишь малое звено в долгой процессии.

Потому на Востоке и не было страха смерти. А когда страха смерти нет, происходит самый удивительный феномен: вы начинаете жить в полноте, потому что смерть — это половина вашего существа.

Если вы боитесь смерти, вы не можете жить полноценно. Ваша жизнь всегда будет в тени смерти; она может прийти в любой миг, и вы беспомощны — с этим ничего не поделаешь. Она приходит, не давая вам никакого уведомления, она приходит, как гость.

Я употребляю слово «гость», потому что это слово использовано древними писаниями Востока; но на санскрите, который является первоначальным языком, материнским языком для всех языков передовых стран, эквивалент слова «гость» — *атитхи*. Его смысл: «тот, кто приходит, не говоря об этом заранее». *Титхи* значит дата, *атитхи* значит «тот, кто приходит внезапно, не говоря вам даже даты».

Гость не имеет этого качества — особенно современный гость, который осведомляется у вас досрочно, застанет он вас или нет. И даже тогда он приезжает и останавливается в отеле. На Востоке непостижимо, чтобы ваш гость останавливался в отеле. Это просто нецивилизованно.

Использовать для смерти слово *атитхи* чрезвычайно показательно. Вы не можете ничего поделаться с этим; вы узнаете это, только когда оно произошло. И лишь те, кто очень удачливы, узнают это, когда оно произошло; большинство людей из-за страха лишаются сознания. У природы есть встроенная система: терпению есть предел; за ним вы попадете в бессознательное, вы не в силах терпеть.

Хирург знает прекрасно, что, если нужно делать операцию, человека нельзя оставлять в сознании: боль будет невыносимая. Следовательно, нужно делать анестезию или давать хлороформ, либо что-то такое, что лишает человека сознания; тогда вы можете часами делать все, что вам угодно, с его телом — резать конечности, удалять ему почки, любые раковые образования. Порой операция может занять шесть часов. Если бы человек оставался в полном сознании и не спал, вы, может быть, и преуспели бы в операции, но человек бы умер: это невыносимо. Потому что природа и создала встроенный механизм: как только что-нибудь становится невыносимым, вы впадаете в бессознательность.

Так было только однажды. Королю Варанаси, в Индии, в этом веке пришлось перенести операцию. Операция должна была занять, по меньшей мере, два часа. Надо было вскрыть ему желудок и удалить какое-то образование, которое могло в любой момент превратиться в рак, но король был очень гордым человеком. Он сказал: «Операцию вы можете делать; но хлороформ или любой вид анестезии мне не нужен. Я тоже хочу наблюдать это».

Доктор сказал: «Так никогда не делается, и если вы умрете, то мы окажемся убийцами».

Он сказал: «Я могу дать расписку, что беру в этом случае ответственность на себя, потому что знаю, что не умру».

Была большая дискуссия между врачами, а врачи были созваны со всего мира — король был очень важной персоной. Они говорили: «Он просит странную вещь, пациенты не просят о таких вещах; но если мы откажемся, он отклонит операцию. Так или иначе, он будет убит. Если не делать операцию, то болезненное образование в его желудке может убить его в любой миг; поэтому лучше пойти на риск и не делать ему анестезии. Самое большее, он может умереть — в любом случае он умрет, но шанс есть: а вдруг он сумеет справиться».

Он был великим мастером медитации. Он сказал: «Я буду просто медитировать. Когда я медитирую, я полностью забываю свое тело, я полностью забываю мир, я становлюсь чистым сознанием; и я не думаю, что ваши инструменты могут коснуться или повредить его».

Операция была проведена. Хирурги дрожали, так как они занимались чем-то, чего быть не должно, но другой альтернативы не было, а король просто ушел в медитацию. Прошло два часа; операция завершилась успешно. Тогда он открыл глаза и сказал: «Даже смерть не помешает мне, потому что я принадлежу вечной жизни. Это не гипотеза для меня, это мой опыт». И он предоставил совершенный пример своего опыта.

Запад очень боится смерти по той простой причине, что это конец пути. После нее только одна вещь может случиться — судный день — и невозможно представить себе, как он может произойти. В один день миллионы и миллионы людей, которые умерли за века, будут подняты Богом из своих могил — они спят. Толпа выйдет очень большая, и половина из них будет

женщин, вопящих. Каждый обязательно будет искать своих родственников, друзей, жен, мужей... Толпа будет такая огромная, а Бог будет выносить приговор каждому индивидуально. Это не сможет произойти за двадцать четыре часа, вне всякого сомнения.

Одни индусы и последователи восточных религий сжигают тела своих умерших, потому что сомнений нет — они перебрались в другое жилище. Теперь эти останки, этот скелет не нужно сохранять. Но мусульмане, христиане и евреи сохраняют тело. Египтяне дошли до максимального абсурда, они не только сохраняли тело, но и клали туда огромное количество пищи, ведь бедняге понадобится пища — а кто знает, когда этот судный день придет. Если умирал король, около пятидесяти-шестидесяти живых людей хоронили вместе с ним — слуг, телохранителей, жен, — потому что такой человек не может оставаться один.

Когда-то я жил около мусульманского кладбища, и однажды мне пришло предупреждение от управляющего, гласившее: «Вы не можете заниматься тут своими медитациями, так как мусульмане сильно раздражены».

Я подумал: «Почему мусульмане должны быть раздраженными?» Я пошел к управляющему и сказал: «Не вижу в этом смысла».

Он сказал: «Я мусульманин, я могу объяснить вам смысл. Место вашей медитации рядом с мусульманским кладбищем, а у вас есть медитация, в которой декламируется мантра: *Хуу! Хуу! Хуу!* — это суфийская мантра, укороченная форма от *Алла-хуу*, — и те мусульмане, которые лежат на кладбище, начали вставать, думая, что судный день наступил».

Я сказал: «Боже мой! Я никогда никого не видел».

Он ответил: «Вы и не увидите... но мусульмане очень раздражаются. Прекратите это! Вы беспокоите их мертвых; скоро весь город наполнится привидениями, а отвечать будете вы. Или поменяйте вашу мантру, или перемените место».

Сотни людей кричат: «Хуу! Хуу!» — и те мертвые думают, что наступил судный день, поэтому они поднимаются из могилы; а если кто-то вышел из могилы, естественно, он не хочет возвращаться туда. Многие могилы пусты... где же люди? Странно, но эта идея всего лишь одной жизни, — она не говорит ничего о том, откуда вы приходите, — это очень ненаучная позиция. Ваше рождение приносит жизнь, но откуда? Ваша смерть отбирает жизнь, но куда она уходит?

Восточные поиски были самыми глубокими, потому что они сосредоточились только на одной вещи. Вот почему на Востоке наука не развивалась, технология не развивалась, ведь всех гениев Востока интересовало только одно: раскрыть тайну жизни и смерти. И они обнаружили, что смерть — это только перемена одежды, тела, жилища — но ничто не умирает: до рождения вы были здесь, после смерти вы будете здесь.

Потому на Востоке смерть не страшна. Заботьтесь о том, чтобы сделать свою жизнь более сознательной, — вы не должны пропасть в заурядной, обыденной жизни, вы должны стать более alertными, более медитативными, чтобы к моменту, когда придет смерть, у вас была более высокая форма жизни.

Каждая смерть должна вести вас к более высокой стадии; окончательная стадия есть Бог, или универсальный дух.

Потом заговорила Альмитра: «Теперь скажи нам о Смерти».

И он ответил: «Вам хочется узнать тайну смерти...»

В этом нет проблемы: Вам хочется узнать тайну смерти. Но где вы найдете ее, как не в сердце жизни?

Она вырастает внутри вас; нет нужды искать смерть. Все, что необходимо, — это искать само сердце вашей жизни, там вы найдете и смерть, тень вашей жизни. Вам не ухватиться за тень, но если вы схватите человека, которому принадлежит эта тень, вы схватите и тень тоже, — прямого способа нет.

Я слышал о пьянице. Его жена устала от него, каждый день была ссора. В конце концов, она заявила: «Будет лучше, — ведь до тебя не доходит, — чтобы у тебя тоже был ключ, и всякий раз, когда ты захочешь вернуться домой, не нужно будет нарушать мой сон. Каждую ночь ты беспокоишь не только меня, ты беспокоишь всех соседей». Так что он получил ключ. Он добрался домой и упорно пытался открыть замок, но его руки дрожали, — он был совершенно пьян, — и ключ не входил в замок.

Полицейский, стоявший на дороге, спросил: «Могу ли я помочь вам?»

Тот сказал: «Будет здорово, если вы сможете просто унять дрожь этого дома. Я никогда не видел, чтобы этот дом дрожал так сильно, и я не мог попасть в замок».

Полисмен рассмеялся и открыл дверь. Человек вошел, но по дороге домой он подрался с другим пьяницей, и тот ударил его, разбив лицо так, что кровь была во многих местах. Он подумал: «Хоть я и получил ключ и могу тихо отправиться спать, утром будут видны эти пятна и начнется скандал». Поэтому он отправился в ванную смазать свои раны и ссадины. Он смотрел в зеркало, замазывал свои раны и ссадины, и был очень счастлив и доволен. Заходя в комнату, он боялся, как бы не потревожить жену, поэтому старался не шуметь, но — пьяный — он зацепил стол, зацепил дверь.

Наконец жена спросила: «Кто это?»

Тут он сообразил — он просто подошел к кровати своей жены и принялся языком лизать ей ногу, что обычно делала ее собака.

Так что жена сказала: «Ладно, ладно».

Она решила, что это была собака. Он проскользнул в кровать, очень довольный помощью полицейского — что бывает очень редко. Если бы тот не придержал дом, не было бы возможности открыть дверь. Все прошло очень гладко, в конце выручила собака.

Утром его жена вышла из ванной с воплями. Она причитала: «Кому помешало мое зеркало?»

— Твое зеркало? Почему кому-то должно мешать твое зеркало? Дай посмотрю. — И тут он увидел, что смазывал не свое лицо, он мазал зеркало, — ведь там он видел лицо, там он видел ссадины.

Люди живут ложью — точно так же бессознательно, как пьяный. Они не знают, кто они есть, они никогда не бывали внутри себя, они никогда не беспокоились о том, что же такое эта жизнь.

Халиль Джебран говорит: *Но где вы найдете ее, как не в сердце жизни?* Весьма значительное утверждение. Смерть не приходит снаружи; она растет внутри вас, одновременно с вашей жизнью.

Сова, чьи глаза, плененные ночью, слепы днем, не может снять покров с таинства света.

Хотя свет и повсюду вокруг, сова не может открыть своих глаз. У неё очень чувствительные глаза, она может открыть их только в темноте: свет слишком ослепляет. Это постоянная проблема, если послушать сов, говорящих с другими птицами, — они никогда не согласны по одному пункту: что есть день, а что есть ночь? Совы говорят: «То, что вы знаете как ночь, есть день, а то, что вы зовете днем, есть ночь». И сова не ошибается, это ее опыт. Хотя свет и повсюду вокруг, это не поможет, пока вы не откроете свои глаза. Вы полны жизни — и полны смерти тоже; но если вы не развернетесь внутрь и не увидите, что вы носили все время, вы будете только обеспокоены: кто-то умер... это вам напомнит вашу собственную смерть, и страх придет. Но никто не умирал — это взгляд извне.

Вы должны стать собой — внутри себя найти секрет жизни.

Раскрыв тайну жизни, вы разгадаете также и загадку смерти, потому что это не две тайны; это одна тайна с двумя аспектами.

Смерть не убивает вас, она служит вам. Она помогает вам избавиться от прежнего обветшалого тела, переселиться в новое, более молодое тело. Тут нечего печалиться и опасаться; вы просто меняете жилище... идете в лучшее жилище. Вся ваша забота должна состоять в том, чтобы жить интенсивно, полно и осознанно — так, чтобы вы могли стать чуткими к великой тайне жизни и смерти. На самом деле неточно говорить «жизни и смерти»; лучше будет сказать тайна «жизнисмерти» — даже без дефиса между ними; они — одно.

Если вы подлинно хотите узнать дух смерти, распахните свое сердце перед плотью жизни.

Если вы действительно хотите узнать, что такое смерть, дух смерти, *распахните свое сердце перед плотью жизни*. Забудьте о смерти, потому что само это слово может не позволить вам увидеть истину. Страх ослепляет; это предрассудок, приобретенный в невежестве, поэтому лучше забыть о смерти — вы просто открываетесь перед жизнью вашего тела. В самом таком понимании жизни вас ждет сюрприз: вы поймете и смерть тоже.

Ибо жизнь и смерть едины, как едины река и море.

В глубине ваших надежд и желаний лежит молчаливое знание запретного...

В глубине ваших надежд и желаний...

Вы можете видеть ясно, как вы наполнены ожиданиями, надеждами, желаниями. Ваши глаза покрыты многими слоями пыли, вам требуется, как следует прочистить ваши глаза. Вот что такое медитация.

Пусть мысли исчезнут, надежды исчезнут, желания исчезнут. Тогда вы обретете ясность, тогда ваши глаза — это совершенные зеркала. Только тогда, в этом безмолвном состоянии вашего видения узнаете вы секрет того, что извне.

И как семена, спящие под снегом, ваше сердце видит сны о весне.

Верьте снам, ибо в них скрыты врата в вечность.

Здесь нужно напомнить, что сны, о которых говорил Халиль Джебран, — это не те сны, о которых Зигмунд Фрейд рассказывал в стольких книгах. Изучая такие сны, Зигмунд Фрейд познал только больных людей. У больных людей больные сны; их сны — это не что иное, как подавленные желания. И величайшая ошибка Зигмунда Фрейда в том, что он полагал, что эти сны представляют собой все сны.

Естественно, люди, у которых есть определенное заболевание, пойдут к соответствующему врачу, только лица такого сорта пойдут к врачу; и врач будет непрерывно контактировать с одним типом людей, имеющим определенное заболевание, он эксперт по этому заболеванию. Он может прийти к выводу, что все человечество страдает одним и тем же заболеванием, поскольку он никогда не сталкивался ни с каким исключением. Это логическое заблуждение, и даже такие люди, как Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг, Альфред Адлер и другие психологи, психоаналитики, аналитические психологи — теперь у них много школ, — трактуют небольшое человеческое меньшинство так, как будто оно — образец всего человечества.

Халиль Джебран говорит о снах тех, у кого нет подавления. Бедный Зигмунд Фрейд никогда не сталкивался с такой личностью — естественно, зачем им ходить к Зигмунду Фрейду? Люди, у которых больные сны, кошмары, делающие вашу жизнь почти безумной, — вот те люди, которые пойдут к Зигмунду Фрейду.

Но бывают такие люди, как Халиль Джебран, который ничего не подавлял: в глубине, *как семена, спящие под снегом, ваше сердце видит сны о весне.*

Верьте снам, ибо в них скрыты врата в вечность.

Все поэты были мечтателями, но они не больны; им не нужны никакие психоаналитики. Их грезы — это их сокровища, они не хотят избавляться от них. Их грезы — это зерна; когда наступит весна, будет множество цветов в их существе. Это вторая категория, которую Зигмунд

Фрейд и другие психоаналитики не заметили. Вот отчего их психология остается очень фрагментарной — это не вся истина.

И есть к тому же третий тип людей, подобных Гаутаме Будде, который не грезит: ни больных грез, ни здоровых грез. Его сон так крепок, так тих, что даже греза не тревожит его.

Психология станет совершенной наукой, если поймет все эти три вида людей: люди, у которых больные грезы, люди у которых здоровые грезы, и люди, у которых нет никаких грез — ушедшие за пределы всех надежд, всех желаний, — они прибыли домой.

Ваш страх перед смертью — лишь трепет пастуха, стоящего перед царем, который вскоре возложит на него руку в знак милости.

Разве в трепете пастуха не таится радость...

Он трепещет, потому что он бедный пастух — просто стоять перед царем для него достаточно, чтобы трепетать. Но, трепеща, он радуется, потому что он удостоен царского благословения, и царь возложит свою руку ему на голову.

Разве в трепете пастуха не таится радость оттого, что он будет отмечен царем?

Но разве не трепет беспокоит его всего более?

Радость скрывается под трепетом, страхом. Страх смерти точно такой же. Те, кто чуток, узнают, что есть страх потерять всех своих друзей, потерять свою любовь, потерять своих детей, потерять мир, который вы любили так сильно, потерять деревья и горы, — и уйти в неведомое пространство одному... поэтому и бывает трепет.

Но есть и великая радость, потому что неведомое — это вызов. Неведомое — это название для приключения — для новой жизни, для новых друзей, для новых возлюбленных, для нового мира, о котором вы не могли даже мечтать.

Ибо, что значит умереть, как не встать нагим на ветру и растаять на солнце? Ваше тело будет таять, будет поглощено землей; все элементы вашего тела уйдут к своим источникам. Только ваше чистое сознание — незримое, но вечное — будет с вами: вы — это оно. Все другое растает.

Не бойтесь этого таянья, потому что хоть это и конец жизни, но это также и начало лучшей жизни. Жизнь непрерывно развивается, и это единственный путь развития.

И что значит, перестать дышать, как не освободить дыхание от его беспокойных приливов и отливов?..

Вы не дышите... Даже медицине не удалось определить смерть. Все, что они знают, — это симптомы: человек прекращает дышать, сердце перестает биться, пульса больше нет. Это симптомы, потому что сознанию не требуется дыхание, не нужны ему также ни удары сердца, ни пульс.

Был один человек, Брахмайоги, который мог умирать на десять минут. Всю свою жизнь он обучался только одной вещи. Раньше он был врачом, но его не удовлетворяло определение смерти — он хорошо разобрался в древней традиции, которая говорит о сознании, а в медицине нет идеи сознания; поэтому он оставил свою профессию и начал тренироваться дышать меньше, меньше, меньше и меньше; и пришел момент, когда дыхание остановилось. Он стал способен обмануть на десять минут любого врача. Он путешествовал по всему миру, по всем большим университетам, медицинским колледжам, и имел сертификаты от выдающихся мировых врачей, удостоверявшие его смерть; потом, через десять минут, постепенно он начинал дышать, возвращался пульс и удары сердца. Человек в одиночку доказал что, то, что вы зовете смертью, только смерть тела, но не существа. И если вы дисциплинируете себя, вы можете обмануть любого врача.

Брахмайоги сослужил великую службу, но таких людей никогда не принимали всерьез; считалось, что они исключения. И даже после его демонстрации медицина продолжает

определять смерть по симптомам. Каждый врач должен обучиться той же дисциплине, через которую прошел Брахмайоги, — это простая дисциплина, только требует времени.

Есть признаки, показывающие, что недалек тот день, когда медицина изменит эту идею смерти. В Америке есть, по крайней мере, десяток мертвых тел самых супербогатых людей, находящихся в глубоко замороженном состоянии, потому что их врачи сказали: «Не более чем через десять лет мы будем в состоянии возобновить ваше дыхание, ваш пульс и удары вашего сердца». Очень дорого обходится хранение этих мертвых тел от разложения, поэтому они глубоко заморожены, будто крепко спят в ожидании момента, когда медицина поможет им снова вернуться к жизни. Не думаю, что это очень разумные люди, ведь десятилетний пробел будет большим разрывом; они не смогут понять ничего из происходящего.

Уже есть разрыв поколений, что и говорить о тех десяти богачах, которые будут возвращены к жизни через десять лет, когда все переменится. Ни они не смогут общаться с другими, ни другие не смогут общаться с ними. Они будут, самое большее, музейными экспонатами.

Но необходимости нет; их понапрасну задержали на десять лет. Если бы они умерли естественно, то ко времени открытия наукой методов лечения их болезни они снова были бы рождены как дети, и им было бы по десять лет, в лучшем теле, более молодом теле, с будущим. Эти старые люди, даже если они вернутся, будут такими дряхлыми, что ими можно только пугать детишек. На что другое они будут годиться?

Но такова страсть к жизни. Они отложили достаточно денег, чтобы об их телах могли позаботиться. Они не могли доверить своим сыновьям, своим семьям заботу об их телах, и они растранили миллионы долларов. Ну что с ними делать? Они будут жить мертвыми, разгуливая повсюду, пугая всех!

Те люди не очень разумны. Можно было бы провести эксперимент точно так же, как они делают эксперименты на живых; методология была бы одной и той же. Поскольку вы стары, лучше, чтобы, подобно змее, сбрасывающей свою прежнюю кожу каждый год, — в каждой жизни, когда ваше тело становится бесполезным и вы не можете танцевать, вы не можете петь, вы не можете играть, — сознание выскальзывало из тела в новое тело, в новое чрево, чтобы снова быть свежим, снова быть молодым.

И что значит, перестать дышать, как не освободить дыхание от его беспокойных приливов и отливов, чтобы оно могло подняться, расшириться и безвозбранно искать Бога?

Прекращение дыхания — это свобода. Дыхание — это связующее звено между вашим телом и душой. В тот миг, когда ваше дыхание прекращается, ваша душа может быть свободной от тела, необремененной, — расшириться, и искать Бога, универсальный дух. Каждая смерть — это возможность; либо вы расширяетесь и становитесь едины с универсумом, либо входите в еще одно тело — если вы еще не выучили урок.

Жизнь — это школа. Вы должны вернуться, если вы не выучили урок. Если вы выучили его, вам не нужно возвращаться ни в какую клетку, ни в какое заключение; вы можете расширить ваше сознание до всего сущего. Это и есть истинный поиск религии: как освободить себя от всех своих оков и позволить себе быть во всем этом безграничном и вечном сущем.

Лишь тогда вы будете петь по-настоящему, когда изопьете из реки, молчания.

Вы можете петь, даже не узнав молчания, но ваша песня будет поверхностной, бессодержательной, бессмысленной.

Если вы испили от реки молчания, я называю это медитацией.

Тогда от вас исходит песня — не ваша. Тогда вы всего лишь средство, а песня поется всей Вселенной. Тогда песня имеет глубину, бездонность, и достигает высоты, которую вы можете набирать все выше и выше — вечно.

Лишь когда вы достигли вершины горы... Помните это выражение:

Лишь когда вы достигли вершины горы, вы начали восхождение.

Люди думают, что когда вы в долине, вы должны взойти на горную вершину; но настоящее восхождение начинается с горной вершины. Когда вы становитесь едиными с Вселенной, тогда начинается ваша настоящая жизнь — ваш настоящий танец, ваша настоящая песня, ваш настоящий экстаз.

И лишь тогда вы исполните свой подлинный танец, когда земля потребует к себе вашу плоть.

Когда ваше тело возвратилось к земле, тогда только вы за пределами тисков гравитации, и ваш настоящий танец начинается.

Все, что есть прекрасного и великого, — внутри вас, — но в заточении. Вы это великолепие в заточении. Выходите из тюрем, и ваше великолепие покажет вам, что вы были спящим Богом; теперь вы пробужденный Бог.

Нет *единственного* Бога — это фашистская идея, концепция нацистов. У каждого существа есть способность стать Богом. Буддизм и джайнизм верят в бесконечное число Богов, нет способа подсчитать их; даже деревья спят только чуть более глубоко, но они тоже мечтают поменять свое тело. Птицы и звери — они тоже мечтают двигаться вперед. Все, что живо, обладает скрытым зерном божественности.

По-моему, только это подлинно демократическая возможность; в противном случае идея Бога опасна, очень опасна. Это Его воля — сотворить мир; почему же Он не сотворил его раньше? Христиане считают, что Бог сотворил мир всего лишь за четыре тысячи лет до Иисуса Христа; это означает, что миру только шесть тысяч лет. Но это же глупо — чем Бог занимался все время перед этим, целую вечность? И что за мотивация была у Него, *что* внезапно Он сотворил весь мир? Как капризный деспот, в любой день Он может уничтожить его. Если Он может создавать совсем без причины, Он может и разрушить без всякой причины, без всякого оправдания.

Вот почему я снова и снова говорю: Фридрих Ницше прав, говоря: «Бог умер, и человек свободен». Если Бог жив, то человек никогда не может быть свободным; тогда он просто кукла, созданная из грязи. Английское слово «human» (человеческое) происходит от «humus» — «humus» означает грязь. Арабское слово «agni» тоже означает «приходящий из грязи». Только санскритское слово человек — «manushya» — не происходит от грязи, оно происходит от сознания; сознание не может быть создано, не может оно быть и уничтожено.

Идея единственного Бога очень опасна. Но каждая религия считает, что есть только единственный Бог, и это, разумеется, *их* Бог.

После Второй мировой войны два генерала — один английский, а другой немецкий — сидели в ресторане и говорили. Немецкий сказал: «Странно, мы были так могущественны и все же потерпели поражение».

Английский генерал засмеялся. Он сказал: «Вы были могущественны, но одна вещь была упущена — это молитва. Мы начинали сражение каждый день молитвой к Богу».

Немецкий сказал: «Вы как дети — мы тоже начинали нашу битву каждый день молитвой».

Английский генерал сказал: «Так-то оно так, но Бог не понимает по-немецки! Он благоволит британскому».

Эта идея единственного Бога очень опасна. Евреи считают древнееврейский Его языком, индусы считают санскрит Его языком, мусульмане считают арабский Его языком. Единственный Бог, единственный язык, единственный пророк, единственное святое писание... Эта идея единственного означает, что только вы правы, а все остальные ошибаются.

Я хочу, чтобы вам все это было предельно ясно: Бог не единствен; везде, где есть жизнь, есть и Бог. Бог проявляет Себя столькими путями, сколько вы можете представить себе, и

каждый движется вверх к пониманию того, что «Я носил в своем чреве зерно бытия Бога».

Вся жизнь божественна и все существа божественны. Никто не создавал их, и никто не может уничтожить их. Мы всегда были здесь, и мы всегда будем здесь; формы могут быть разными — формы несущественны. Существенно только наше сознание.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

19. ПУСТЬ МОИ СЛОВА БУДУТ ЗЕРНАМИ В ВАС

7 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

И вот настал вечер.

И сказала Альмитра, прорицательница: «Да будет благословен этот день, это место и дух твой, что говорил нам».

И ответил он: «Разве это я говорил? Не я ли был и внемлющим?»

Потом он спустился по ступеням храма, и весь народ последовал за ним. Он дошел до своего корабля и встал на палубе.

И, возвысив свой голос, он обратился к народу:

«Народ Орфалеса, ветер велит мне покинуть тебя.

И, хотя я не так спешу, как ветер, все же я должен идти.

Мы, путники, вечно ищущие пустынных дорог, никогда не начинаем день там, где закончили предыдущий; и восход солнца никогда не застает нас там, где нас покинул закат.

Мы в пути даже тогда, когда земля спит.

Мы семена живучего растения, и, как только мы достигаем зрелости, и сердца наши переполняются, ветер подхватывает нас и рассеивает.

Коротки были мои дни среди вас, но еще короче слова, которые я сказал.

Но если мой голос затихнет у вас в ушах и моя любовь изгладится из вашей памяти, я приду вновь.

И с сердцем, более полным, и устами, более воздающими духу, буду я говорить.

Да, я вернусь с приливом,

И, хотя смерть может скрыть меня, и большая тишина может объять меня, все же я вновь буду искать вашего понимания.

И не вотще буду я искать.

Если что-нибудь из сказанного мною есть истина, то эта истина откроется более привычным голосом и словами, более созвучными вашим мыслям.

Я уйду с ветром, народ Орфалеса, но я не кану в пустоту;

Если в этот день не суждено сбыться вашим нуждам и моей любви, то пусть он останется обещанием, пока не настанет другой день.

Меняются нужды человека, но не его любовь, и он неизменно жаждет, чтобы любовь утолила его нужды.

Потому знайте, что я вернусь из большего безмолвия».

Халиль Джебран говорит метафорами; пожалуй, это единственный путь говорить об истине. Через метафору, через притчи можно дать вам косвенный проблеск, но нет прямого пути высказать, что есть истина. Поэтому пока вы слушаете эти слова, помните, каждое слово — метафора.

И вот настал вечер... Садилось солнце и наступало время отъезда Альмустафы. То был не просто вечер снаружи, то был также и вечер, что опустился в сердца тех, что собрались слушать его. Тьма стала опускаться на них.

Присутствие Альмустафы среди них было словно солнце, свет, ставший для них настолько привычным, что они почти забыли о нем. В этом одно из несчастий жизни, что очевидное

кажется самым трудным, а доступное становится почти отсутствующим для ваших глаз; только отъезд пробуждает вас от ваших грез и вашего сна.

И вот настал вечер.

И сказала Альмитра, прорицательница...

Она оказалась той, кто первая признала Альмустафу двенадцать лет назад, когда он прибыл в город Орфалес, и первая задала важные вопросы — о жизни, любви, детях. Естественно, она последней высказывает ему свою благодарность. Эти слова — благодарение. Она сказала:

«Да будет благословен этот день, это место и дух твой, что говорил нам».

В большинстве земель есть древнее поверие, что везде, где останавливается блаженный человек, место становится святым и освященным. И где бы и когда бы благословенный человек ни заговорил, его слова уже больше не обычный язык — они имеют крылья, они священны. Если вы доступны, восприимчивы, те слова возьмут вас к далеким звездам, к неведомым пространствам внутри вас, которые вы несли постоянно многие жизни, но никогда не посещали.

Георгий Гурджиев говорил, что большинство людей рождено императорами, с огромными дворцами, с необъятными сокровищами, но всю свою жизнь они прожили на крыльце, абсолютно не осознавая, что крыльцо — не место, чтобы жить, что они рождены жить во дворце. Но они никогда не добивались своих прав. Они никогда не спрашивали у сущего: «В чем моя судьба? Почему я здесь? Что такое вся эта жизнь?» Они не искатели, они просто соглашались со всем тем, что случайно достается им, и полагают, что это и есть все, что должна предоставить жизнь.

Человек становится искателем в тот миг, когда осознает: это мирское существование не может быть всем, что есть. Жизнь должна содержать гораздо больше, там должны быть сокровища, которые мы не осознавали. В противном случае поднимайтесь каждое утро, ешьте свою пищу, идите к себе на работу, возвращайтесь домой... — двигайтесь, как в кругу, от колыбели к могиле. Вы полагаете, эта рутина может дать вам песню и танец сердца? Если у вас есть хоть немного разума, вы откажетесь жить этой рутинной. Эта рутина — не жизнь, это просто растительное существование. Не прозябайте! Старайтесь жить, и жить как можно полнее. Добивайтесь своих прав.

В Индии есть поговорка: «Даже мать не даст ребенку молока, пока ребенок не закричит». Ребенок должен потребовать. Даже для матери — если ребенок не требует — желание ребенка, голод ребенка ничего не означают. Это существование является матерью нам, и вы должны просить, вы должны требовать, вы должны настаивать на смысле, на значении — зачем вам дано рождение и зачем вас просят продолжать жить, какова цель?

Как только идея цели, смысла и значения возникает у вас, вы становитесь саньясином, искателем истины. В день, когда вы обнаружили свое собственное сокровище, приходит такое удовлетворение, такое блаженство, что везде, где вы находитесь, вы создаете атмосферу, благоухание, которое не от этой земли, которое принадлежит запредельному.

Благословен тот, кто становится дверью к запредельному, к неведомым загадкам и тайнам. И пока вы не стали искателем, вы будете продолжать дышать, прозябать и умереть, даже не осознавая того, чем была вся эта жизнь. Одна великая женщина этого столетия, поэт высшей категории, Гертруда Штайн, умирала. Ее друзья собрались, так как врачи сказали, что это было вопросом всего лишь нескольких часов. Они сидели вокруг ее ложа в глубоком молчании, со слезами на глазах. Женщина покидала их — необычная женщина. Она говорила золотыми словами, она написала вещи, которые почти невозможно передать словами. Внезапно Штайн открыла глаза, посмотрела вокруг и произнесла: «Каков же ответ?»

Это было так странно. Сначала люди задают вопрос, но вопрос задан не был, а она просит ответ. Быть может, она прекрасно понимала, что не хватит времени, чтобы задать вопрос, — вся

ее жизнь прошла, а она не задала вопрос. Хотя бы, перед тем как уйти, в этот вечер жизни она может послушать ответ. Каков же ответ? Все присутствовавшие были сконфужены, ведь они не знали, что за вопрос у нее был, как же давать ответ? Спорить с умирающей женщиной, которую все они любили и чтити, было бы неуважительно, но она все же ждала, чтобы что-то было сказано. Поэтому один из друзей сказал: «Штайн, вы забыли задать вопрос — как же мы можем ответить?»

Она усмехнулась и сказала: «Ладно, тогда каков же вопрос?» — и это было ее последнее слово. Она умерла с этими словами на устах: «Ладно, тогда каков же вопрос?»

Этот небольшой инцидент имеет глубокий смысл. Нам не известен ни вопрос, ни ответ, и все же мы продолжаем движение — не зная, откуда мы пришли, не зная, куда мы идем, не зная, что мы делаем здесь. Это очень странная ситуация, почти безумная.

Альмитра права, когда говорит: «*Да будет благословен этот день...*» потому что мы услышали подлинные вопросы и даже более подлинные ответы, — ответы, которые были не только словами, ответы, которые были живыми, ответы, которые были не просто мыслями, но приходили из самого глубокого истока существа Альмустафы.

Да будет благословен этот день, это место и дух твой, что говорит нам...

И то, что говорит Альмустафа, чрезвычайно важно запомнить. После ответа на столько вопросов, охвативших почти всю жизнь человека, не упустив ничего, Альмустафа все же сказал:

Разве это я говорил?

Не я ли был и внемлющим?

Он говорит: «Я не сказал ни единого слова, говорил сам дух существования. Я тоже был слушателем среди вас, поэтому не говорите: «Ты говорил». Я дал путь сущему самому быть в прямом контакте с вами. Хотя мои уста использовались, мои руки использовались, мои глаза использовались, это были всего лишь инструменты. Я целиком отдал себя духу целого: "Делай любую песню из меня, любую музыку; я полностью и безо всяких условий в твоём распоряжении"».

Вот почему он говорит: «*Разве это я говорил? Не я ли был и внемлющим?*» Люди, подобные Гаутаме Будде, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Кабиру, Нанаку, Аль-Хилладж Мансуру, и тысячи других мистиков согласятся с Альмустафой в том, что все высказанное ими не от них — они тоже были слушателями, не говорящими. А всякий раз, когда кто-то говорящий также и слушатель, тогда только универсальный дух может петь песню. Это не вопрос говорения. Альмустафа не оратор.

Я посещал христианский колледж, где готовят миссионеров. Это самый большой теологический христианский колледж на востоке — шесть лет на подготовку миссионера. Наставник провожал меня по кампусу. Я спросил его: «Вы не скажете мне, в каком теологическом колледже обучался Иисус?» Он посмотрел на меня немного сконфуженно, потому что Иисус не был даже образованным — он не мог читать или писать.

Он сказал: «Никто никогда не задавал мне такого вопроса, хоть мы обучили тысячи миссионеров».

Я сказал: «Обученный миссионер — это лицемер; он не знает, как сдаться и позволить сущему говорить через него. Я посмотрел ваши уроки от начала до конца и посмеялся про себя: это такой абсурд, то, чему вы обучаете своих так называемых будущих миссионеров. Они хорошо образованны: кто-то имеет степень магистра по философии, религии или психологии, кто-то доктор философии, психологии или религии. Эти люди хорошо образованны, и их обучали. Когда же я увидел обучение, я не мог понять, плакать мне или смеяться».

Я спросил наставника: «На последнем уроке мы видели, как этим бедным миссионерам рассказывали, когда следует говорить громко, когда следует воздеть свои руки, когда просто шептать, каким жестом следует сопровождать данное выражение.

Вы что, обучаете актеров? Неужели вы считаете христианство школой драмы?»

Он сказал: «Я очень смущен; я не могу ответить на ваш вопрос».

Я сказал: «Ваше смущение ответило на него. Вам ведь прекрасно известно, что эти миссионеры просто куклы. Они будут говорить слова, которые были сказаны Иисусом; слова будут теми же, и вы прилагаете все усилия, чтобы даже жесты были одними и теми же. Возможно, что жесты могут быть теми же, слова могут быть одними и теми; возможно также, что они могут быть даже лучше, потому что Иисус был бедным сыном плотника, необразованным, некультурным. Но они не будут подлинными. Они могут быть лучше, что касается драматургии, но они не могут быть подлинными. Мне хочется увидеть и последний урок тоже».

Он спросил: «Что вы имеете в виду под последним уроком? Мы обошли весь колледж».

«Я спрашиваю, где вы учите их быть распятыми — потому что пока вы не научите их быть распятыми, обучение не полное».

Он сказал: «Вы чудак! Неужели вы считаете, что все эти люди должны быть распяты? Они пришли сюда выучиться и идти по всему миру проповедовать людям».

Я сказал: «Что могут они проповедовать? Вы бы никогда и не услышали имени Иисуса, если бы он не был распят. Это распятие является центральным и самым существенным фактом в жизни Иисуса. Фактически, без распятия не было бы и христианства».

Я заметил у наставника золотую цепочку с золотым распятием, прикрепленным на ней. Я сказал: «Неужели вы думаете, что так сделали с Иисусом?» — это золотое распятие, маленький крестик на золотой цепочке,

было у него вокруг шеи. — «Разве это распятие? Вы должны быть на кресте, а не крест у вас на шее — к тому же золотой».

Иисус нес тяжелый деревянный крест, до того тяжелый, что трижды он падал, прежде чем достиг места, где крест должны были установить в землю. Он не был стариком, он был всего тридцатитрехлетним молодым человеком, и для него не было непривычным носить дерево — это то, чем он занимался, его отец был плотником. Всю свою жизнь он носил дерево, но крест для него был столь тяжел, что молодой человек, привыкший носить тяжелое дерево, трижды падал на дороге.

«Сколько же раз, — спросил я наставника — падали на дорогу вы? Ведь ваш крест гораздо ценнее».

Никто не может стать Иисусом, претендуя действовать, как Иисус. О нем говорили, что никто и никогда не говорил так, как говорил он. Была какая-то глубокая власть в каждом его жесте; он не проповедовал философию или теологию, он изливал свое собственное сердце, саму свою жизнь. Его слова не были мертвыми словами профессоров, ученых; его слова были живыми, дышащими.

Помните: вы можете выучить прекрасные слова, вы можете обманывать себя, но это не вопрос выученных слов. Это вопрос сдачи существованию и позволения существованию — если оно хочет говорить, оно говорит; если оно хочет оставаться молчаливым, прекрасно. Если оно хочет петь, вы доступны; если оно хочет танцевать, вы предоставляете свое тело, свое сердце, свое существо. Только тогда место, где такой человек сидит, говорит или остается молчаливым, — становится святым местом, становится священным.

Потом он спустился по ступеням храма, и весь народ последовал за ним. Он дошел до своего корабля и встал на палубе.

Такой человек, как Альмустафа, — хоть он собирается к себе домой, в то место, которому он принадлежит, хоть он идет к цели, которую разыскивал всю свою жизнь, хоть он собирается на корабль, которого он ждал двенадцать лет, — и все же, ступив на палубу, он оглядывается

вокруг, на то место, где он провел двенадцать лет, на людей, которые никогда не признавали его, людей, которые всегда превратно понимали его: «Он посторонний, он не принадлежит нам, он чужак. Он создатель грез».

Никто не верил в него, никто не доверял ему, но это не оказывало никакого влияния на его отношение к людям. Он не обижался. Напротив, он покидал это место с глубокой печалью, потому что оставлял всех этих людей в темноте.

Ему не удалось сделать их осознанными, чтобы они могли открыть глаза — и темнота исчезла.

И только в последний день, когда он уезжает, тихое понимание, молчаливое понимание возникло у многих людей — они упустили Божьего посланника, пророка, мессию. Но слишком поздно, он должен уходить.

И, возвысив свой голос, он обратился к народу:

Народ Орфалеса, ветер велит мне покинуть тебя.

Корабль готов, и ветер дует к моей земле.

И хотя я не так спешу, как ветер...

Я не так спешу уйти; хоть я и ожидал двенадцать лет, все же я хочу задержаться еще немного. Быть может, кто-нибудь сможет услышать меня, увидеть меня, понять меня; быть может, кто-нибудь станет искателем, исследователем, странником, ради истины.

И хотя я не так спешу, как ветер, все же я должен идти.

Никто не может остаться здесь навсегда. Даже величайшему придется уйти однажды.

Потому запомните: если вы хотите почувствовать меня, не откладывайте этого. Если вы хотите понять меня, не говорите: «Завтра, ведь сегодня я очень занят», — потому что завтра неопределенно. Никогда не известно — придет оно, не придет оно.

Мы, путники, вечно ищущие пустынных дорог, никогда не начинаем день там, где закончили предыдущий; и восход солнца никогда не застанет нас там, где нас покинул закат. Мы в пути даже тогда, когда земля спит.

Он рассказывает о духовном странствии. Мы не знаем, где наш дом, и ни единое мгновение нельзя тратить впустую. Поэтому даже во время сна искатель исследует, пока он бодрствует, он исследует, исследует во всех направлениях, во всех измерениях, безо всякого предубеждения; он стучится во все двери — никогда не известно, какая дверь именно та.

Мы — семена живучего растения, и, как только мы достигаем зрелости и сердца наши переполняются, ветер подхватывает нас и рассеивает.

Я разговариваю с вами, но будет гораздо лучше сказать, что я просто рассеиваю зерна.

Пусть мои слова будут зернами в вас, так что когда в вашей жизни наступит весна, те зерна начнут прорасти.

Но человека приучили оставаться закрытым, не впускать ничего.

Это и есть причина, по которой весна приходит и уходит, а вы остаетесь, как всегда, мертвыми — ведь у вас нет зерен. Весна не может создать зерна; если у вас есть зерна, весна — огромная помощь. Придут тучи и польется дождь, но вы будете оставаться бесплодными, пока у вас нет зерен.

Быть с Мастером — это не что иное, как предоставить свое сердце, чтобы он мог посеять зерна.

Может, вы и не способны прямо сейчас узнать их, ведь зерно не цветок, а всего лишь возможность; это не плод, а всего лишь возможность. В свое время оно принесет огромный урожай.

Но чтобы предоставить свое сердце, требуется доверие, а нас воспитывали на страхе — не на доверии, не на любви. Поэтому наши сердца так закрыты, никакому зерну не войти туда.

Не в первый раз вы приходите к человеку, подобному мне, — вы древние странники. Возможно, некоторые из вас были с Гаутамой Буддой, некоторые из вас были с Лао-цзы, некоторые, возможно, были с Иисусом. Но вы продолжали упускать возможность, потому что никогда не позволяли своему сердцу быть восприимчивым. Они осыпали вас зернами, но если вы не принимаете их, от их щедрости немного пользы.

Иисус часто говорил: «Когда садовник сеет зерна, некоторые зерна падают на камни — они никогда не вырастут. Некоторые зерна падают на дорогу, где ходят люди, — они будут расти, но умрут, потому что постоянно проходят люди, дорожное движение обязательно убьет их».

Благословенны те немногие зерна, которые нашли подходящую почву, — которые не на камнях и не на дороге, где проходят люди. В нужное время, когда весна позовет их, они станут прекрасными растениями, а когда придут дожди, они запляшут от радости, потому что дожди принесут больше сока, больше жизни для них. Скоро они станут большими деревьями, стоящими под небом, полными цветов, листвы и плодов: они обрели свою судьбу.

Очень немногим людям удалось обрести свою судьбу, и они были бесплодными из-за своего страха. Вам тоже нечего терять, но все же вы продолжаете бояться.

Те, у кого что-то есть, не боятся, потому что принадлежащее вам не может быть отнято. То, что не принадлежит вам, обязательно отнимается; сегодня, завтра или послезавтра смерть придет, и все, что у вас есть, будет отнято. Только то, что ваше, — то, что вы принесли с собой, со своим рождением, — будет оставаться с вами и во время вашей смерти. Но вся семидесяти- или восьмидесятилетняя жизнь была тщетной. Вы могли бы вырасти, созреть, стать центрированным, стать тем, что вы есть в своем потенциале, а не в действительности.

Ваша актуализация — вот все, что подразумевает религия. Не бывает другой религии, кроме приведения в действие, актуализации всего того, что бездействует внутри вас.

И начало — бесстрашие, вера в сущее. Вы рождены сущим, а вы не можете доверять ему. Вы дышите сущим каждый миг, а вы не можете доверять ему. Вы едите сущее, пьете сущее, а вы не можете доверять ему. Кому же вы можете доверять? Люди готовы верить в Бога, которого они никогда не видели — никто еще не видел и никто никогда не увидит.

Я не учу вас верить в Бога, потому что это будет всего лишь верованием, подделкой.

Я хочу, чтобы вы верили в сущее.

Я хочу, чтобы вы были язычниками, верящими в деревья, в океаны, в горы, в звезды, в людей, в самих себя — это реальности. Тут не требуется никакого верования; вы просто должны понять, что реально, а что не реально, — совсем немного проницательности. Доверие реально, подлинно, и никто не может помешать вашему росту. И только во время своего роста вы будете открывать все больше и больше сокровищ сознания, бытия, божественного.

Вы никогда не обнаружите Бога; вы обнаружите лишь божественное.

Это — качество.

Это еще одно наименование любви.

Коротки были мои дни среди вас, но еще короче слова, которые я сказал.

Это кое-что понятное — насчет времени: когда вы несчастны, время кажется идущим очень медленно. Если вы сидите ночью рядом с умирающим, может показаться, что ночь никогда не закончится. Будто это последняя ночь и никакого восхода не будет, потому что каждый миг до того мучителен, что становится в вашем представлении невероятно долгим.

Несчастный человек живет по одной шкале времени, а счастливый живет по другой. И вы знаете это — когда вы счастливы, время проходит быстро. Часы идут так же — их не волнует, несчастны вы или счастливы; часы могут быть одними и теми же, и один человек несчастен, сидя под ними, а другой счастлив. Что могут поделывать бедные часы? Часы продолжают идти в

соответствии со своим собственным механизмом, но несчастный чувствует время проходящим очень медленно, а счастливый чувствует время летящим так быстро.

Когда вы со своим другом, с которым вы повстречались через много лет, часы проходят, как минуты, дни проходят, как часы. Что же говорить о человеке, который не просто счастлив или в хорошем настроении, но который блаженствует? Для него есть другая шкала времени. Для несчастного оно становится долгим, для счастливого оно становится коротким... для блаженного оно останавливается, оно не движется.

Так что когда Альмустафа говорит:

Коротки были мои дни среди вас, но еще короне слова, которые я сказал.

Но если мой голос затихнет у вас в ушах и моя любовь изгладится из вашей памяти, я приду вновь...

Альмустафа представляет почти всех мистиков мира, ведь все они обещали: «Если вы не послушаете и на этот раз, если вы продолжаете забывать то, что вам говорилось, если оно увядает и становится просто воспоминанием или, возможно, вашей грезой, тогда я приду снова».

Это надо понимать как метафору. Ни Будда не может прийти снова, ни Иисус не может прийти снова — хотя оба сказали это; ни Кришна не может прийти снова — он тоже сказал это. Фактически, время всем троим быть здесь.

Но это не вопрос нового прихода Иисуса — именно этого ожидают христиане. Евреи тоже ждут пророка, обещанного в Ветхом Завете. Преступлением Иисуса и стало то, что он объявил себя пророком, которого они ожидают. Евреи поверить не могли, что их пророк родился в бедном доме плотника, необразованного, некультурного. Иисус не совершал никакого преступления, кроме того, что он заявил: «Я — пророк, которого вы ждали. Я пришел».

Он был невинен. Но ему не следовало говорить так, потому что это разрушает надежду людей — а они никогда не смогут простить вам, если вы разрушите их надежду. Они страдали веками, но всегда была далекая надежда, звезда, что придет мессия и избавит их от всего их несчастья.

И вот прибывает этот бедный сын плотника и говорит: «Я — звезда, которую вы ждали, и я избавлю вас от всех ваших несчастий». Его преступление в том, что он разрушил их надежду. Ему не удалось избавить их от несчастья — они до сих пор несчастны, две тысячи лет после Иисуса. Но его должны были распять просто потому, что они хотели спасти свою надежду. То была надежда, которая работала подобно опиуму. Они были готовы страдать, потому что была надежда: вот-вот, еще немного и придет мессия.

Таково же наследие христиан — теперь они ожидают возвращения Христа, он пообещал: «Я вернусь». Теперь если кто-нибудь скажет: «Я - Иисус Христос», — христиане сделают с таким человеком то же самое, что евреи сделали с Иисусом.

Они будут убивать его, распинать его, потому что он делает ту же самую вещь: он разрушает их надежду.

Люди живут в таком несчастье, что надежда требуется им постоянно, они помешаны на надежде. Никто не может избавить кого-то другого от несчастья. Можно рассказать вам, как вам выйти из своего несчастья, но невозможно вытащить вас из вашего несчастья; кроме вас, никто не может быть вашим спасителем.

Но Гаутама Будда говорит то же самое, Кришна говорит то же самое — это нужно понимать как метафору. Никто не приходит снова. Раз человек становится просветленным, он не может прийти снова; нет обратной дороги. Точно так же, как вы, будучи юношей, не можете снова стать ребенком... или можете?

Как бы сильно вы ни пожелали, этого не случится; в противном случае никто не был бы старым, все становились бы молодыми снова и снова — кому хочется умирать? А лучший путь

избежать смерти — это оставаться молодым. Поэтому всякий раз, чувствуя, что стареете, идите обратно, всего несколько миль назад, — и будьте молоды снова.

Но во времени нет возможности возвращаться; вы всегда идете вперед. Коль скоро вы становитесь просветленным, вы не можете родиться снова, потому что это более низкая стадия, которую вы уже прошли.

Тогда каков может быть смысл этого? Смысл в том, что тела этих мистиков могут быть разными, но они отдают свои тела одному и тому же универсальному состоянию. Так что Кришна не может вернуться, Христос не может вернуться, Будда не может вернуться. Но всегда может быть кто-то, кто сдался и доступен универсальному духу. А этот дух — один и тот же.

Поэтому мистик не может вернуться снова, то же тело не может родиться снова, но тот же универсальный дух может снова найти кого-то, кто доступен и открыт.

Смысл именно таков. Если вы понимаете это, тогда для христиан нет смысла ждать Христа, потому что он никогда не придет. Можно встретить людей, которые говорят на том же языке, которые говорят из того же универсального источника жизни, но христиане будут слепыми, потому что другим будет тело, другим будет язык. Индуисты не поверят этому, мусульмане не поверят этому, буддисты не поверят этому; на самом деле они первыми станут отрицать это.

Как раз на днях я видел Кейко и ее мать. Ее мать была очень сердита на меня, потому что хотела, чтобы я велел ее дочери уезжать с ней. А я сказал: «Как я могу кому-нибудь приказывать, что-либо делать? Могу только сказать, что, если она хочет уехать с вами, она должна ехать, а если она хочет оставаться здесь, она должна остаться. Кто я такой, чтобы приказывать ей оставаться здесь или уезжать с вами?»

И тотчас же появился ее буддийский ум, и она сказала: «Значит, вы не Будда».

Я просто наслаждался этим разговором. Я сказал: «Будда — безусловно, не я. Я оставил Будду двадцать пять столетий назад. Я современный человек, почему я должен тянуть воловью телегу?»

Она сказала: «Вы ужасны. Будда не разлучает мать с ее дочерью».

Я сказал ей: «Тогда вы ничего не знаете о Будде: как же насчет его десяти тысяч монахов и монахинь? Он разлучил их с их родителями, мужьями, женами, матерями, отцами. Неужели вы думаете, что все те десять тысяч монахов, которые были у Будды, упали с неба? И он делал так не только тогда, но вот уже двадцать пять столетий непрерывно; сейчас есть миллионы буддийских монахов по всему миру, и буддийские монахины — особенно на Востоке; он до сих пор разрушает семьи. А вы заявляете, что, если бы я действительно был Буддой, я не разрушал бы семью! Будда разрушил семей больше, чем любой другой в целом мире».

Тут она рассердилась еще больше — люди сердятся, когда не могут найти доказательств. Она сказала: «Вы — дьявол».

Я сказал: «Вот это верно».

— А моя дочь любит вас как отца.

Я сказал: «Это я могу понять. Однако я не могу быть вашим мужем, потому что даже дьявол испугался бы вас. Что случилось с вашим мужем? — вы, наверное, уничтожили беднягу».

Он живет отдельно, он не живет с ней. У нее единственный ребенок, и она почти убила эту прекрасную девушку — она отняла всю жизнь у нее.

В первый раз я увидел ее пришедшей в коммуну в Америке — она оставалась там один месяц, а здесь она уже два или три дня. Она не умеет хлопать, она не может присоединиться к вам, когда вы почти в экстатическом состоянии. Она остается как каменный Будда — это и есть обучение ее матери.

В первый раз, когда я сказал: «Можешь оставаться здесь, если хочешь», — она улыбнулась. В первый раз я заметил хоть какое-то движение. Я попросил Гиту помочь ей снова стать живой,

и вот мать уехала — она действительно была драконом... Кейко, ты можешь начинать смеяться со всеми этими людьми. Общайся с ними, танцуй с ними и забудь прошлое — твое прошлое было кошмаром. И пригласи своего отца, потому что я сочувствую и ему. Повидав твою маму, я все время думал о твоём отце — что же сделала эта женщина с отцом? Раз ты начала танцевать, наслаждаться и жить, твоя жизнь возвратится к тебе.

Это было прекрасно — увидеть Кейко, прощающуюся со своей матерью. По японскому обычаю мать стала с ней лицом к лицу — ее последняя попытка, контакт глаза в глаза, — что девушка, которую мучили уже тридцать лет, обязательно испугается, скажет: «Я пойду с тобой». Но она увидела радость, свободу и любовь всех вас и попрощалась по-японски, сложив руки и поклонившись своей матери — таким способом они прощаются. Мать сделала то же, но с большим гневом. Она следовала ритуалу, но она кипела; она поверить не могла, что незнакомый человек мог отнять ее дочь так легко — чего не удалось сделать даже ее отцу.

Так не только с Кейко, так почти с каждым — более или менее. С ней это было чересчур. Родители убивают, потому что только тогда они могут заставить вас повиниться. Они не хотят, чтобы вы смеялись, они не хотят, чтобы вы танцевали, они не хотят, чтобы вы пели. Они хотят, чтобы вы никоим образом не проявляли жизни, а жизнь — это единственный Бог, что есть.

И с сердцем, более полным, и устами, более воздающими духу, буду я говорить.

Да, я вернусь с приливом...

Эти люди всегда возвращаются — как я объяснил, это не то, чего ожидают люди, поэтому никогда не известно, из кого будет говорить универсальный дух. Это одна из причин, почему я хочу, чтобы все религии распались, чтобы каждый освободился от предрассудка, и каждому удалось найти — где он сможет почувствовать универсальный дух, говорящий снова. Слова могут быть другими, жесты могут быть другими, но сущность послания будет той же.

И хотя смерть может скрыть меня, и большая тишина может объять меня, все же я вновь буду искать вашего понимания.

И не вотще буду я искать.

Если что-нибудь из сказанного мною есть истина, то эта истина откроется более зычным голосом и словами, более созвучными вашим мыслям.

Времена меняются. Сейчас нельзя говорить так, как говорил Будда, — он казался бы устаревшим. Нельзя также говорить и как Иисус — это было бы устаревшим.

Всякий раз, когда говорит универсальный дух, это свежо, ново, всегда из этого мгновения, — но послание по сути одно и то же. Это новый Цветок, но аромат тот же. Не смотрите на цветок, старайтесь почувствовать аромат.

Я уйду с ветром, народ Орфалеса, но я не кану в пустоту; Если в этот день не суждено сбыться вашим нуждам и моей любви, то пусть он останется обещанием, пока не настанет другой день.

Обещаю вам, я приду, если этого дня не было достаточно, если ваши нужды не сбылись. Ни моя любовь... я не смог дать вам достаточно, в изобилии, потому что вы не были доступны восприятию этого.

...то пусть он останется обещанием, пока не настанет другой день.

Меняются нужды человека, но не его любовь, и он неизменно жаждет, чтобы любовь утолила его нужды.

Потому знайте, что я вернусь из большего безмолвия.

Все эти обещавшие мистики, казалось, обманули надежды и не исполнили обещания, но вы все еще смотрите на внешнюю структуру. Внешняя структура не может быть той же самой — посмотрите на основы, и вы обнаружите, что все обещания исполнены.

Все эти люди приходят снова и снова. Неустанны их попытки заставить вас понять, помочь

вам вырасти к большему свету, к большей любви, помочь вам танцевать, потому что вы не калеки; помочь вам видеть, потому что вы не слепы; помочь вам чувствовать, потому что внутри у каждого из вас сердце бьется и ожидает, когда любовь прольется на него.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

20. НЕ СУДИТЕ ОБ ОКЕАНЕ ПО ЕГО ПЕНЕ

8 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Туман, что тает на рассвете и оставляет лишь росу в полях, поднимется, соберется в облако и упадет дождем.

И я был подобен туману.

В ночной тиши бродил я по вашим улицам, и дух мой входил в ваши дома,

Биение вашего сердца было в моем сердце, и ваше дыхание — на моем лице, и я знал всех вас.

Да, я знал вашу радость и вашу боль, и, когда вы спали, ваши сны были моими снами.

Часто я был среди вас озером среди гор.

Во мне отражались ваши вершины и пологие склоны, и даже проходящие стада ваших мыслей и желаний.

В мою тишину ручьями сбегал смех ваших детей и реками — страсть ваших юношей.

И, достигнув моей глубины, ручьи и реки все же не переставали петь. Но нечто более сладостное, чем смех, и более великое, чем страсть, пришло ко мне.

То было беспредельное в вас,

Великан, в котором все вы — лишь клетки и мускулы;

Тот, в песне которого ваше пение — всего лишь беззвучный трепет.

Именно в этом великане вы велики.

Глядя на него, я увидел и полюбил вас,

Ибо, каких далей, которых нет в этой великой сфере, может достичь любовь?

Какие видения, ожидания и помыслы может вызвать этот полет?

Этот великан в вас подобен исполинскому дубу, усыпанному яблоневыми цветами.

Его сила связывает вас с землей, его аромат поднимает вас в пространство, и в его несокрушимости вы бессмертны.

Вам сказали, что будь вы цепью — вы слабы, как ваше слабейшее звено.

Но это лишь наполовину истина. Вы и крепки, как ваше крепчайшее звено.

Оценивать вас по самому малому из ваших дел — значит измерять силу океана по хрупкости его пены.

Судить о вас по вашим неудачам — значит возлагать вину на времена года за их непостоянство.

Да, вы подобны океану.

И хотя севшие на мель корабли ждут прилива у ваших берегов, вы, даже если вы океан, не можете торопить свои приливы.

Еще вы подобны временам года,

И, хотя зимой своей вы отрицаете свою весну,

Весна, покоясь в вас, улыбается в дреме и не таит обиды.

Не думайте, что я сказал это, чтобы вы говорили друг другу: «Он воздал нам хвалу. Он видел в нас лишь доброе».

Я лишь называю словами известное вам самим в мыслях.

Но что есть знание, облеченное в слово, как не тень бессловесного знания?

Ваши мысли и мои слова — волны, расходящиеся от запечатанной памяти, что хранит

наши минувшие дни,

И те давние дни, когда земля не знала ни нас, ни саму себя, И те ночи, когда земля пребывала в смятении.

Альмустафа, прежде чем расстаться со своими людьми, дает много важных утверждений. Это почти как когда человек умирает, его последние слова содержат опыт всей его жизни. У него немного времени, но все же времени довольно, чтобы сказать несколько слов, которые запомнятся вместе с грустью, славой и красотой его отъезда.

Это не смерть; он возвращается домой. Но ему нужно высказать несколько вещей, которые не было возможности высказать прежде; не то чтобы он был не готов — некому было выслушать их. Услышав, что он уходит, собрался весь город Орфалес.

Слова, что он сказал во время отъезда, стали зернами в вашем существе почти без вашего ведома, потому что вы не можете продолжать играть в отсрочку. Корабль готов уйти, может, они никогда не увидят Альмустафу снова — кто знает о будущем, что оно принесет? Этот человек был среди них двенадцать лет; они игнорировали его, смеялись над ним, пренебрегали им. Подспудно они чувствуют грусть и сожаление, потому что у них была возможность — весна пришла к ним, но они не были открыты.

Его утверждения просты, но истина всегда проста. То, что вы готовы услышать, это самая простая вещь в мире. Если вы не готовы услышать, это самая сложная вещь в мире; ваш ум делает ее сложной, интерпретирует ее, придает смысл там, где его нет, и таким образом упускает всю суть. Но когда человек умирает или уезжает, и скоро ветры уведут корабль далеко за горизонт... Они сейчас же чувствуют разрыв, который не может быть заполнен. Несмотря на то, что Альмустафа уйдет, его слова будут продолжать звенеть в их ушах и в их сердцах.

Туман, что тает на рассвете и оставляет лишь росу в полях, поднимется, соберется в облако и упадет дождем.

Он говорит: «Не волнуйтесь и не грустите. Туман, который собираете на листьях деревьев и на земле ночью, начинает испаряться с восходом солнца; он поднимается снова, чтоб стать дождевым облаком. Так что если вы упустили на этот раз, не упустите в следующий раз, когда дождь пройдет сквозь все ваши притворства в ваш полный наготы танец — с дождем, солнцем и ветром. И вы поймете больше, чем содержится в любом писании и во всех писаниях. Вы поймете, что вы часть танцующего существования».

И я был подобен туману.

«Хоть сейчас я уйду, скоро я буду дождем снова. Если вы упустили меня на этот раз, не нужно сожаленья. Будьте бдительны, чтобы, когда я снова приду дождем, вы не скрывали себя от меня, раскрыли ваше сердце».

В ночной тиши бродил я по вашим улицам, и дух мой входил в ваши дома.

Биение вашего сердца было в моем сердце, и ваше дыхание — на моем лице, и я знал всех вас.

Человек понимания, человек, который пробужден, понимает тех, кто спит. Но те, что спят, конечно, не смогут понять пробужденного человека. Это естественно.

«Я бродил глубокой ночью вашими улицами, я заходил в ваши дома, я любил вас так сильно, что биение вашего сердца становилось моим биением, и ваше дыхание было на моем лице, и я знал вас всех...»

В следующий раз пусть биение моего сердца станет биением вашего; в следующий раз пусть ваш дух войдет в мой храм; в следующий раз пусть мое дыхание достигнет вашего лица. Так же как я узнал всех вас, в следующий раз вы все должны узнать меня; тогда круг будет завершен.

Да, я знал вашу радость и вашу боль, и, когда вы спали, ваши сны были моими снами.

Все, что я оставляю внутри вас, это мои мечты — глубоко в вашем бессознательном. В нужное время они прорастут и станут явью.

Часто я был среди вас озером среди гор.

Но вы были слишком эгоистичными, вы никогда не смотрели вниз; в противном случае вы бы увидели свое лицо в зеркале озера. Но так не должно быть снова. Если ваша грусть из-за моего отъезда искренна, в следующий раз, как бы ни была высока ваша гора, она будет отражена в зеркале озера. Я приду снова, я снова окружу вас, как озеро. Не оставайтесь эгоистичными — ни склониться, ни глянуть в озеро — потому что я не могу дать вам ничего, кроме отражения вашего подлинного лица. Коль скоро вы увидели свое подлинное лицо, отраженное во мне, вы начнете искать его внутри себя.

Во мне отражались ваши вершины, и пологие склоны, и даже проходящие стада ваших мыслей и желаний... Но вы не осознавали.

В мою тишину ручьями сбегал смех ваших детей и реками — страсть ваших юношей.

И, достигнув моей глубины, ручьи и реки все же не переставали петь.

Многими путями ваши ручьи достигали меня, но вы все же остались непреобразженными — потому что те ручьи были смехом ваших детей на улицах, игра и страсть вашей молодежи была реками.

И, достигнув моей глубины, ручьи и реки все же не переставали петь... Они все еще поют во мне. Я беру смех, невинность ваших детей, цветы вашей юности вместе с собой. В следующий раз пусть движение не будет односторонним, и вы позволите мне петь у вас внутри, танцевать у вас внутри, стать вашим естеством.

Но нечто более сладостное, чем смех, и более великое, чем страсть, пришло ко мне.

Именно ваше присутствие — хоть вы и были спящими — стало более сладостным и более великим, чем любой смех. Не имеет значения то, что вы спали и игнорировали меня; это было естественно, я не в обиде. Я чувствовал еще больше сострадания и любви к вам — тем, кто должны быть королями, а живут, как нищие. Увидев себя в моем зеркале, вы нашли бы ваше царство, Божье Царство.

То было беспредельное в вас;

Великан, в котором все вы — лишь клетки и мускулы;

Тот, в песне которого ваше пение — всего лишь беззвучный трепет,

То было беспредельное в вас... не имеет значения то, что вы не узнали меня. Я беспокоюсь о вас, о том, что вы не узнали беспредельное в себе. Это и есть ваше подлинное Я, ваша подлинная реальность. Без этого знания все ваше знание — хлам.

Великан, в котором все вы — лишь клетки и мускулы... Его великан — это не что иное, как универсальный дух или, другими словами, Бог. В этом безбрежном универсальном духе вы не отличаетесь друг от друга; вы часть единого целого. Это только ваш сон дает вам идею, что вы разделены.

В тот миг, когда вы пробуждаетесь, внезапно происходит огромная революция. Вы в деревьях и деревья в вас; вы в океане и океан в вас; вы в облаках и облака в вас.

Таков великий экстаз всех мистиков — обнаружить себя органичным единством всего сущего. Но знаете ли вы это или нет, это реальность. Вам не нужно создавать это, вам не нужно находить это, вам стоит только пробудиться, и оно ваше — метод настолько прост.

К Гаутаме Будде привели человека. Это был философ и логик, но он был слепым. Вся деревня оказалась не в состоянии убедить его, что есть такая вещь, как свет. Его аргументы были очень четкими. Он говорил: «Если принести свет и поставить передо мной — я хочу коснуться и почувствовать его, или ударить его, как барабан, — я хочу услышать звук света; или дайте мне его поесть, я хочу распробовать, что это такое; или хотя бы дайте почувствовать запах...»

Конечно, никому не удалось — никому никогда не удавалось коснуться света, попробовать свет на вкус, услышать свет, почувствовать запах света. Свет можно только увидеть. Но слепой логик смеялся: «Вы все слепы, а этот свет — не что иное, как ваше воображение».

Деревня была в замешательстве. Свет повсюду, кругом, но как доказать это? Тот человек продолжал разрушать все их доказательства. Фактически, для света нет иного доказательства, кроме ваших глаз. Как нет доказательства для Бога — кроме вашего собственного существования. Логика, которые доказывали Бога, так же глупы, как и те селяне. Бога нужно не доказывать, а переживать, как переживают свет. Поэтому необходимы глаза, а не аргументы.

Когда Будда подошел к деревне, пришли все селяне вместе со слепым человеком. Они подумали: «Мы селяне, мы не сумели доказать свет, но величайший человек нашего времени — а возможно, и всех времен — здесь; он, безусловно, сможет помочь этому слепому человеку».

Но Будда не был настолько неразумным, чтобы приводить доказательства света. Он сказал: «Вы привели его не к тому человеку. Ему не требуется философ, ему требуется врач. Я взял с собой врача, моего личного врача; проводите его к нему. Вопрос не в свете; вопрос в том, что, если вылечить его глаза, ему не понадобится никакой другой аргумент».

Врачу потребовалось шесть месяцев, чтобы вылечить ему глаза. А когда он увидел свет, то сказал: «Боже мой! Я доказывал чепуху всем этим бедным селянам, приводя всевозможные аргументы, которые казались мне совершенно верными. Но свет нельзя ни доказать, ни опровергнуть аргументацией: вы либо видите его, либо не видите».

Будда перебрался в другую деревню за эти шесть месяцев, и он направился за ним, танцуя... ведь слепой человек упускает почти все, что есть прекрасного, — цветы, цвета, солнечные лучи, проходящие сквозь деревья, зелень, — он упускает почти восемьдесят процентов жизни; вот почему вы испытываете столько сострадания к слепому человеку.

Вы не испытываете такого сострадания к глухому человеку, хоть он тоже лишен чувства. И вас не волнует вовсе, если кто-то не может чувствовать запах — бывают люди, которые не имеют обоняния; не обеспокоены вы также и человеком, который не чувствует вкуса. Но когда бы вы ни увидели слепого человека, странное сострадание возникает у вас. Вы, может, и не осознаете, но факт состоит в том, что слепой человек живет всего лишь на двадцать процентов своей жизни. Восемьдесят процентов жизни проходит через глаза.

Он танцевал на солнце, он коснулся стоп Будды и сказал ему: «Если бы вы не повстречали меня, я бы никогда не увидел свет; они всегда брали меня к великим философам, ученым, цитирующим писания, но это не помогало. Вы были первым человеком, который просто отказался говорить, что бы то ни было о свете. Теперь я знаю, а в то время я чувствовал некоторое ошеломление: «Люди говорят, Будда очень сострадателен, но, кажется, это не так. Он отказался даже говорить со мной». Но теперь я знаю ваше сострадание. Только врач был нужен, медицина была нужна, чтобы излечить мои глаза. Раз мои глаза излечены, я могу видеть: свет есть».

Та же ситуация с Богом или божественным — это нельзя доказать аргументами. Атеисты всегда были победителями в том, что касается аргументов; никакому теисту не удавалось дать ответ на все их вопросы, а любые аргументы, созданные ими, атеисты разрушали очень легко. Причина в том, что Бог — это основной свет, и для него вам нужна ясность зрения, вам нужны глаза, которые обращены внутрь. Либо вы знаете Бога, либо вы не знаете — середины не бывает, нет промежуточного пространства.

А все человечество пытается стоять в промежутке. Они не знают Бога, и все же верят, что Бог есть; они слепы, и все же верят, свет есть, — их вера мешает излечению их глаз. Потому я против всех вер; все системы верований были деструктивными и отравляющими.

Никогда ни во что не верьте. Если люди говорят: «Бог есть», — спросите у них, как найти

Его, как увидеть Его. Если люди говорят: «Внутри есть безмолвие», — спросите у них, как достичь этого. Не спорьте о том, существует это или нет, потому что в споре вы всегда будете побеждать. Но ваша победа — это в действительности большая неудача.

Никогда не верьте в Бога — это мешает найти Бога. Искания, поиски... поиски глаза, что может видеть Бога; поиски ясности и осознания, что может плясать от радости, обнаружив, что сущее разумно. Это и есть смысл Бога — что сущее не идиотично, что сущее не лишено разума, что сущее не лишено сознательности. Даже у гор есть свое собственное сознание, у деревьев есть свое собственное сознание; может, у вас разные формы сознания, но это неважно.

Коль скоро вы осознали свое сознание, понемногу вы почувствуете весь окружающий вас океан сознания, и вы тоже будете танцевать! Пока религия не приведет вас к такому экстазу, что вы сможете плясать как безумный, вы не поймете религию вообще.

Именно в этом великане вы велики.

И глядя на него, я увидел и полюбил вас.

Он пользуется словом «великан» избегая слова «Бог», потому что словом «Бог» священники злоупотребляли веками для эксплуатации людей, держа их в слепоте. Но этот «великан» — не что иное, как Бог, — это вся бесконечность существования.

Именно в этом великане вы велики... В противном случае вы страдаете от униженности. Даже величайший человек страдает комплексом неполноценности; даже ваши так называемые могущественные люди — это не что иное, как униженность, скрываемая подспудно.

Жизнь многомерна. Вы видите, что кто-то поэт, и внезапно чувствуете унижение — вы не поэт. Вы видите воина и чувствуете унижение — вы не воин. Вы видите музыканта... И так не только обычные люди — даже величайшие из вас, чьи имена распространены в ваших книгах по истории.

Наполеон Бонапарт постоянно чувствовал комплекс неполноценности. Он был великим императором, и он проиграл только одно сражение — последнее, которое проиграл из-за своего комплекса неполноценности; в других случаях он побеждал всю свою жизнь. Но даже когда он был победоносным, великим завоевателем, его проблема состояла в том, что его рост был всего лишь пять футов пять дюймов; даже его телохранители были более рослыми. Эти бедные телохранители... завидя их, он тотчас же чувствовал свою рану.

Однажды он попытался поправить фото на стене, но не смог дотянуться. Его телохранитель сказал: «Подождите сир, не беспокойтесь. Я выше вас, я могу сделать это».

Тот сказал: «Выше? Замените это слово! Вы можете сказать только "более рослый", но не "выше". Тот коснулся его больного нерва, говоря: "Я выше вас"».

Когда он был маленьким шестимесячным ребенком и принимал солнечную ванну ранним утром, его кормилица пошла в дом и на него прыгнула дикая кошка. Она не повредила ребенку, на самом деле она была настроена игриво — ребенок выглядел прекрасно; она понятия не имела, что вызовет у ребенка огромный страх. Выскочила кормилица, кошка убежала, но страх, который дикая кошка вызвала в нем, — «Я даже меньше кошки» — оставался его пожизненным компаньоном.

Благодаря этому факту он проиграл свое сражение. Как-то английский генерал Нельсон узнал, что Наполеон боится кошек. Он не боялся львов — он мог бороться со львом голыми руками. Но в тот же миг, когда он видел кошку, он ретировался, у него был нервный срыв. Он снова становился шестимесячным ребенком.

Вы будете удивлены, узнав, что Нельсон пришел сражаться против Наполеона с семьюдесятью кошками во главе своей армии. И в тот миг, когда Наполеон увидел семьдесят кошек — а было довольно одной, семьдесят было слишком, — он утратил свою хватку. Он велел своему генералу: «Теперь вы организовывайте сражение; я должен уйти, сейчас я не в силах».

сражаться».

Генерал спросил: «Но в чем же проблема?»

Он сказал: «Проблема? В тех семидесяти кошках».

И из-за того, что он не сражался — он отошел за свои шеренги, избегая кошек, — он потерпел поражение. У Нельсона кишка была тонка, разбить Наполеона, Нельсону не сравниться с великим воином Наполеоном, но те кошки оказались даже большими воинами.

Фактически, психоаналитики пришли к выводу, что люди, которые интересуются властью — или деньгами, политикой, или чем-то в этом роде, — это люди, страдающие от комплекса неполноценности. Они хотят скрыть это, и единственный способ скрыть — достичь могущественного положения, откуда они могут сказать людям: «Я не ниже кого бы то ни было», — и они могут убедить себя, что они не ниже кого бы то ни было. Но все они страдают от униженности.

Даже такой человек, как Адольф Гитлер, не позволял никому спать в своей комнате, потому что кто знает — вдруг ночью его убьют? У него не было друзей, потому что друг означает кого-то очень близкого, а он до того боялся, что кто-то будет так близко и сможет нанести ему удар, что держал каждого как можно подальше. Не было ни одного человека, который обращался бы к нему по имени, — никакой близости. Он не вступал в брак всю свою жизнь просто потому, что посторонняя женщина, спящая в той же комнате... кто знает, какие у нее замыслы? Всего лишь нож, и с ним может быть покончено.

Этот человек вызвал Вторую мировую войну, которая убила не один миллион людей; человек, который так боялся смерти, убил так много людей. На поверхности вы можете и не найти никакой связи, но пойдите чуть глубже, и вы найдете. Убивая людей, он доказывал себе: «Я — бессмертен, все остальные умирают...» — но миллионы людей были убиты, а его страх не прошел.

Он женился всего за три часа до того, как принял яд и умер, потому что враги победили. Странная история: никакой генерал Адольфа Гитлера не мог сказать ему: «На главном фронте мы проиграли». Тот убил бы этого генерала немедленно — застрелил бы его. Как может Адольф Гитлер быть побежденным? — это невозможно.

Так что Германия проигрывала на всех фронтах, но Адольфу Гитлеру, говорили: «Мы побеждаем, мы приближаемся к Москве». На самом же деле армии России, Америки и Британии достигли Берлина, где он скрывался в подземном бункере. Когда бомбы падали на Берлин, его генералы докладывали: «Мы побеждаем по всему миру; вы — величайший завоеватель в мире». Но как долго можно было скрывать действительность? Скоро взрывы бомб и шум стали достигать его скрытого подземного убежища. Теперь не надо было ничего и никому говорить. Все пропало.

В этот момент он и попросил священника и женщину, которая любила его и всегда хотела выйти за него замуж, а он откладывал. Теперь не было времени откладывать, не было также и страха — он уже никогда не будет спать. Женщину привели, священника привели, и немедленно провели церемонию... а прямо снаружи падали бомбы! Здание было разрушено, Германия капитулировала, но генералы Адольфа Гитлера сделали специальную радиостанцию — это было радио, которое привык слушать Адольф Гитлер; они все еще объявляли на этой станции: «Мы побеждаем».

Он вступил в брак, и следующая вещь после бракосочетания беспрецедентна — наверное, никто не сделает такого опять; это было принятие яда и повеление генералам: «Когда мы умрем, облейте мазутом и бензином и сожгите наши тела. Мы не хотим, чтобы наши тела — даже мертвые тела — попали в руки врагов». Вот почему тело Адольфа Гитлера не было обнаружено. Что же это за бракосочетание? Сразу после церемонии — вторая церемония — отравление и

сожжение. Великие вожди человечества... но никто не проанализировал их сердце: там обязательно есть комплекс неполноценности.

У человека, который свободен от комплекса неполноценности, нет желания власти, нет желания господствовать над другими, нет желания убивать других, нет желания поработать других; он полностью удовлетворен собой. Он не чувствует превосходства — он не ниже и не выше. Он — это просто он. Он не сравнивает и не требуется сравнений... Вы художник — и это прекрасно. Вы поэт — и это прекрасно. Жизнь требует разнообразия, и кем бы я ни был, я полностью удовлетворен. Жизнь нуждается и во мне, в противном случае меня бы здесь не было. Сущее никогда ничего не производит напрасно.

Именно в этом великане вы велики...

В тот миг, когда вы осознаете единство с универсумом, вы становитесь велики. Это единственный путь избавиться от униженности и превосходства, потому что больше нет никого для сравнения. Есть только вы: вы - есть целое. Музыкант — это часть вас, поэт — это часть вас и танцор это часть вас. Деревья — это ваши руки, и аромат цветов — это ваш аромат. Вы стали едины, абсолютно едины с океаном жизни.

И, глядя на него, я увидел и полюбил вас.

Я полюбил вас не как отдельные индивидуальности, я полюбил вас, потому что увидел в вас безграничное, я полюбил безграничное в вас. Не имеет значения, вор вы, убийца, нищий или император; я увидел одно и то же безбрежное сущее, проявляющееся в разных формах; видя безбрежность жизни и единство жизни, я полюбил вас. Эта любовь не обращена к индивидуальностям; она обращена к целому, единству. Фактически, человек, который знает: «Я един с целым», — любит себя. Любя вас, он любит себя.

Один из великих европейских философов этого столетия Мартин Бубер написал книгу «Я и Ты». Всю свою жизнь он работал над определенной методологией, называемой «Диалог между Я и Ты». Его книга замечательна. Он пишет великолепно; он один из лучших, кто пользуется словами, — но он не знает ничего, потому что не бывает «Я» и «Ты». «Я» это и есть «Ты». Если бы я писал эту книгу, титул был бы: «Я есть Ты»; не «и». Это «и» показывает его невежество — он не пережил, он не думал над этим. Вопрос не в диалоге.

Меня осуждали повсюду в мире, потому что я не допускал диалога: мои слова — это монолог. Люди, которые осуждали меня за то, что мои слова монолог, считают это критикой. Я не считаю так; это комплимент. Я благодарен всем тем людям, которые говорят, что мои беседы — это монолог. Что же еще делать? — ведь нет никакого другого. Вы есть я, я есть вы. Диалог невозможен, только монолог возможен. Я разговариваю, и я слушаю также. Я разговариваю одним телом, и я слушаю всеми вашими телами — диалог невозможен. Мне досадно высказывать что-то против Мартина Бубера, я люблю этого человека, но когда возникает вопрос истины, нужно высказать это.

Ибо, каких далее этой великой сферы не может достичь любовь?

Раз вы осознаете свою огромность, тогда любовь может охватить любое расстояние, тогда нет расстояний для любви. Самая дальняя звезда, которая еще даже не была открыта физиками, будет достигнута вашей любовью; там, где физика ограничена, любовь — нет. Чувством единства с целым ваша любовь охватила целое — цветы и шипы, без всякого различия. И только человека такой бесконечной любви мы называли: Просветленный, Благословенный, Пробужденный.

Какие видения, ожидания и помыслы может вызывать этот полет?

Полет любви к целому — это окончательный полет. Физики говорят, что свет перемещается быстрее всего, что это предельная скорость — сто восемьдесят миль в секунду. Но я говорю вам: любовь перемещается с такой скоростью, что не потребуется никакого времени добраться от

одной планеты к другой.

Когда я смотрю на вас глазами любви, неужели вы полагаете, что любви нужно время перемещаться и достигать вас? Свет, может быть, и быстрейший феномен в материальном мире, но любовь духовна, она не требует хоть сколько-нибудь времени. При передвижении от одной звезды до другой, быстрота такова, что не проходит никакого времени. Фактически, в тот миг, когда вы осознаете целостность, ваша любовь простирается через все существование; вопрос не в перемещении — она уже там. Однако физики не поймут любви и ее скорости.

Этот великан в вас подобен исполинскому дубу, усыпанному яблоневыми цветами.

Его сила связывает вас с землей, его аромат поднимает вас в пространство, и в его несокрушимости вы бессмертны.

Это дает вам все, к чему вы стремились и желали сотни и тысячи рождений. Это делает вас бессмертными, потому что бессмертно существование. Оставаясь отдельными, вы создаете смертность; но, став одним с этим, вы тоже становитесь бессмертными.

...и в его несокрушимости вы бессмертны.

Вам сказали, что будь вы цепью — вы слабы, как ваше слабейшее звено.

Почти во всех языках существуют пословицы сходного типа. Но Халиль Джебран прав:

Но это лишь половина истины. Вы и крепки, как ваше крепчайшее звено.

Вы — долина и вы — вершина; вы — темная ночь и вы — ясный полдень. В вас дуальности встречаются — не как враги, но как дополняющие, не как оппозиции или противоречия, но в глубокой дружбе, рука об руку они танцуют внутри вас.

Слабейшая ваша часть связана с сильнейшей частью в вас; вы являетесь обеими. И хорошо, что вы — это обе, потому что в вас есть то, что нуждается в слабости, и бывают вещи, на которые способна только сильнейшая часть вас. И вам требуются обе; иначе вы будете монотонны, вы наскучите самому себе. Вы можете стать отрадой самому себе, потому что у вас есть все возможности, весь спектр радуги, все цвета. В согласии, в единстве, — то, что слабее, больше не слабое, а то, что сильнее, больше не сильное — они слились в одном.

Оценивать вас по самому малому из ваших дел — значит измерять силу океана по хрупкости его пены.

Пена очень хрупка, кратковременна; сейчас есть, а через мгновение пропала. Это просто воздушные пузыри. Но не судите об океане по пене — а пена тоже прекрасна. На гребнях волн пену выносит на берег; она выглядит так, будто волна увенчана чистейшими бриллиантами, жемчугом; она выглядит подобно заснеженным горным пикам. Но когда она подходит все ближе и ближе к берегу... вы знаете, это просто пена — не судите об океане по пене. Все ваши поступки просто пена, очень хрупки. Кто-то разгневан — это всего лишь кратковременный феномен, он пришел и он уйдет; кто-то прекрасен — это тоже пена.

Одна из моих саньясинок в Германии — лучшая фотомодель, очень красивая девушка. Я дал ей имя Гайян. Гайян означает песня. Всего несколько дней назад она прислала мне одно из своих фото. Она работает фотомodelью, и фотография вышла замечательная; она стала еще красивее с тех пор, как стала медитировать, потому что все ее молчание теперь лучится от ее прекрасного лица. Но посылая мне фото, она, наверное, вспомнила одну из моих историй.

Король попросил своих советников: «Мне требуется самый короткий совет, который содержит всю мудрость. Я хочу держать его под бриллиантом моего перстня, и обращусь к нему только в самом крайнем случае».

Они трудились упорно, но не сумели найти небольшое предложение, содержащее всю мудрость. Они отправились к мудрецу, мистика, который жил в горах, и попросили его. Не раздумывая ни мгновения, он написал предложение и сказал: «Сложите это — вам не полагается читать — и дайте мне перстень; я установлю это под бриллиант. Скажите королю,

что он не должен смотреть из любопытства, но только когда он будет в таком отчаянии, что выхода нет. Тогда пусть он откроет его, и оно даст ему понимание, дверь, выход из его отчаяния».

Много раз королю было любопытно, его советникам было любопытно... Одним предложением, ни мгновения не раздумывая, мистик написал послание, сложил бумагу и поместил под бриллиант перстня, но запретил королю открывать его из любопытства. Было обещание, и король держался и не открывал.

Как раз через пятнадцать дней его страна подверглась вторжению, и он проиграл битву. Он бежал один на своем коне, спасая жизнь, в горы, и попал в тупик. Внизу была долина глубиной в тысячи футов; упасть туда значило разбиться вдребезги. Он не мог повернуть назад, потому что слышал топот копыт и крики приближающихся врагов. Вдруг он вспомнил свой перстень; ситуация была подходящая — он не может идти вперед, он не может идти назад. Маленькая, тесная горная тропа, враги совсем близко, они преследуют и скоро будут здесь. Прежде чем они появятся, он должен прочесть послание.

Он открыл бриллиант, вынул послание. Там было очень простое послание, всего четыре слова: «И это тоже пройдет». Огромная тишина низошла на него. «Все проходит».

Он ждал, но каким бы это ни показалось странным, звуки погони стали удаляться — они двинулись по другой тропе от перекрестка. Он возвратился, собрал свои войска снова, вступил в бой с врагами и отбил свое королевство. День, когда он вернул свое королевство, был днем великого празднования. Весь город был украшен, сверкали фейерверки, и цветы осыпали короля. У него было очень эгоистичное чувство, что он, наконец, разгромил великого врага, который имеет большое войско, большое королевство. Но тут он вдруг вспомнил: «И это тоже пройдет».

Всего лишь воспоминание, что и это тоже пройдет... и его эго исчезло, его существо стало скромным.

Гайян, очевидно, слыхала мою историю. На своем прекрасном фото — на котором она выглядит так невинно, словно цветок — на обороте она написала: «Бхагван, и это тоже пройдет».

Красота — это пена, но не судите; уродство тоже пена — не судите; воровство тоже пена — не судите. Все ваши поступки — не что иное, как пена, а океан безбрежен. Только те люди, которые не понимают жизни, непрерывно судят — кто хороший, кто плохой, кто злой, кто святой. Человек понимания знает, что убийца, грешник — это просто часть того же существования, что и святой, что и просветленный. Ни просветленный не выше, ни убийца не ниже; они оба заняты своим делом. Все, что существование требует от них, они делают.

На спектакле не судите, что кто-то убийца, а кто-то великий; когда они пойдут за кулисы, они усядутся за одним столом пить чай — убийца и святой. На сцене убийца оказывается осужденным, злом, а святой оказывается божественным; но это лишь пена. Реальная жизнь так огромна, что о ней нельзя судить по малым поступкам.

Человек подлинного понимания не имеет суждения; он просто любит. Святой вы или грешник, ему нет дела до этого; кем бы вы ни были, делайте это в совершенстве, делайте это тотально и интенсивно; чего бы сущее не захотело от вас, примите — не становитесь между. Судить вас...

Оценивать вас по самому малому из ваших дел — значит измерять силу океана по хрупкости его пены.

Судить о вас по вашим неудачам — значит возлагать вину на времена года за их непостоянство.

Иногда весна приходит раньше, иногда чуть позже, иногда дожди приходят, иногда не приходят, а иногда они идут так сильно, что вызывают наводнение. Но не судите: они ничего не

делают сами по себе. Если сущее приносит наводнение, если сущее приносит весну чуть позже, оставьте это сущему. Наверное, это то, что необходимо. Помните одну вещь: сущее мудрее вас, потому что это коллективный разум всего. Разум одного человека не может быть больше, чем коллективный разум всего сущего.

Да, вы подобны океану.

И хотя севшие на мель корабли ждут прилива у ваших берегов, вы, даже если вы океан, не можете торопить свои приливы.

Что можете вы поделать? Вы есть океан, но вы не можете торопить свои приливы; они будут приходить в соответствии с коллективным разумом существования. Этот коллективный разум был известен как Бог.

Еще вы подобны временам года.

И хотя зимой своей вы отрицаете свою весну...

Потому что зима никогда не узнает весну — они никогда не встречаются — своей зимой вы отрицаете свою весну. Своим днем вы отрицаете свою ночь, в своих сновидениях вы отрицаете свой день, днем вы отрицаете свои сны — потому что они никогда не встречаются. Но оба они принадлежат вам.

Весна, покаясь в вас, улыбается в дреме и не таит обиды.

Даже зимой весна спит внутри вас. В своей дреме она ждет своего часа пробуждения и улыбается вашему отрицанию — но не обижается.

Не думайте, что я сказал это, чтобы вы говорили друг другу:

«Он воздал нам хвалу. Он видел в нас лишь доброе».

Я лишь говорю словами известное вам самим в мыслях.

Но что есть знание, облеченное в слово, как не тень бессловесного знания?

Халиль Джебран говорит: «Вы тоже знаете то, что я говорю вам, быть может, не так ясно...»

Даже то, что говорит Гаутама Будда, вам уже известно, но у вас нет подходящих слов, выразить это. В тишине своего сердца вы поймете: «Кажется, то, что он сказал, я слышал прежде, кажется, я знал это прежде», — конечно, не так ясно, не так определенно — просто слабое далекое эхо...

Но что есть знание, облеченное в слово, как не тень бессловесного знания? Если вы молчите, вы мгновенно понимаете мастера, пророка, спасителя — как бы вы его ни называли, — потому что он дает слова вашему молчанию. Он выявляет ваше молчание ясно — через свои слова, через свое присутствие, через свой жест.

Ваши мысли и мои слова — волны, расходящиеся от запечатанной памяти, что хранит наши минувшие дни.

И те давние дни, когда земля не знала ни нас, ни саму себя.

И те ночи, когда земля пребывала в смятении.

— Все, что я говорю вам, — говорит Альмустафа, — вы знаете тоже, но вы не осознаете этого. Вы забыли это; так или иначе, все мы знаем с самого начала, что произойдет с нами.

Вы знали и грезили с самого начала высотами, которых вы достигнете, но вы так сильно заняты заурядной, обыденной жизнью, что продолжаете забывать основную истину своего существа.

Английское слово «грех» мне очень нравится — не в том смысле, которым пользуются христиане, а в его подлинном смысле — до того замечателен подлинный смысл. Грех в своем первоначальном смысле означает забывчивость. Вам видна разница? Грешник — это только тот, кто забыл свою истину: нечего осуждать, ему просто нужно напомнить. Когда вы используете грех для осуждения, тогда дело не в том, чтобы напомнить ему, а в том, чтобы бросить его в пламя ада. Священники, похоже, профессия самых больших ловкачей в мире: они уничтожили замечательное слово с таким значением.

Забывчивость — вот правда о человеке. Это единственная разница между ним и Пробужденным: Пробужденный вспомнил. Потому Гаутама Будда и пользуется все время словом «саммасати», что значит, «правильное воспоминание». Если забывчивость ваш грех, значит, осознание — правильное воспоминание — это ваша добродетель. И тогда вся религия окрашивается в новый цвет — нет ада, нет рая, нет священников — есть только простое понимание: что вы забыли, вы можете вспомнить.

Бывает иногда, что вы говорите: «Я помню, это прямо на устах, но все же не могу сказать; я знаю, что знаю, но где-то потерял». Так случается почти с каждым. Вы стараетесь припомнить имя друга, оно прямо на кончике вашего языка. Вы знаете его, совершенно точно вы знаете его; вы помните даже лицо своего друга, вы помните ваши разговоры с другом, но его имя где-то заблокировано.

Чем больше вы стараетесь, тем труднее это становится, потому что вы становитесь более напряженными, а в напряжении ваш ум становится все более и более узким. В конце концов, расстроившись, вы бросаете эту идею. Вы идете в сад и начинаете поливать свои розы — и вдруг оно здесь, вы вспомнили имя, хоть сейчас вы и не пытались. Из-за того, что вы не пытались, вы расслабились; напряжение исчезло, ум расширился. В противном случае это будет очень узкая улица, и любое небольшое слово могло заблокировать этому имени выход на уста. Теперь ум стал широким и раскованным, он стал сверхскоростной трассой. Теперь забытое слово внезапно само приходит вам на уста.

То же положение с религией и истиной. Разница между святым и грешником невелика, быть может, всего один дюйм. Святой вспомнил, а грешник вспомнит; получив шанс и возможность, он вспомнит это. Потому я и говорю вам, что любой святой, который осуждает грешников, — вообще не святой, потому что он не помнит ничего. Только святой, который почителен и к грешнику, — это настоящий святой — он знает: «Разница небольшая. То, что стало осознавать во мне, будет осознающим в нем, раньше или позже. Если сегодня я святой, завтра и он может стать святым».

Осуждение невозможно, суждение невозможно. Все суждение уродливо, все осуждение уродливо, а ваши религиозные писания полны осуждения, полны суждения.

Избавьтесь от всего, что уродливо. Будьте более человечны, более любящи, более сострадательны, и, возможно, вам удастся создать атмосферу, в которой и другие тоже смогут вспомнить это. Это и есть моя работа здесь — не изменять вас, не формировать из вас какой-то идеал, не давать вам десять заповедей: «Вы должны делать это, не должны делать то». Мне нет дела до этого; это дело священника.

Я не священник. Я просто один из вас. Я вспомнил, поэтому мне известно, что у вас тоже есть способность вспомнить; когда-то я тоже был в такой ситуации — забыл самого себя. Я знаю обе ситуации — забывчивость и воспоминание, вы знаете только одну — забывчивость. Так что дело просто в том, чтобы быть чуть расслабленнее, чуть потише, чуть бдительней, чуть сознательней, и всего за одно мгновение грешник исчезнет и возникнет святой. Забывчивость — грех, а воспоминание — добродетель.

Моя работа — всячески досаждать вам, чтобы напомнить. Даже если вы раздосадованы, я знаю: когда вы вспомните, вы почувствуете сожаление, что досадовали. Я знаю: вспомнив, вы почувствуете благодарность, что человек, на которого вы досадовали, продолжал досаждать, невзирая на ваше раздражение и вашу досаду; он продолжал и продолжал, и вот — это мгновение. Весна — это по рождению, право каждого — вспомнить и расцвести.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

21. СТАТЬ С НОВА НЕВИННЫМ РЕБЕНКОМ

8 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

*Мудрые люди приходили дать вам от своей мудрости. Я пришел взять вашу мудрость.
И вот я нашел большее, чем мудрость.*

*Это пылающий дух в вас, все более разгорающийся,
Пока вы, не замечая его возрастания, сетуете на угасание ваших дней,
Это жизнь, ищущая жизни в телах, которые страшатся могилы.
Здесь нет могил.*

Эти горы и равнины — колыбель и ступени.

Всякий раз, когда вы проходите мимо поля, где покоятся ваши предки, взгляните, и вы увидите самих себя и детей ваших, пляшущих, взявшись за руки.

Истинно, часто вы веселитесь, не ведая того.

Другие приходили к вам, за золотые обещания, ставшие вашей верой, вы дали им лишь богатство, власть и славу.

Я дал вам меньше, чем обещания, но вы были куда щедрее ко мне.

Вы дали мне более сильную жажду жизни.

Воистину, нет большего дара для человека, чем тот, что превращает все его цели в запекшиеся губы, а всю жизнь — в нескудеющий родник.

И в том моя честь и награда, что, когда бы я ни пришел к роднику напиться, я вижу, что чистая вода сама жаждет;

И она пьет меня, пока я пью ее.

Иные из вас считали, что я горд и слишком робок, чтобы принимать дары.

Да, я слишком горд, чтобы принимать плату, но не дары,

И хотя я кормился лесными ягодами среди холмов, когда вы могли посадить меня за стол,

И спал на галерее храма, когда вы с радостью приютили бы меня,

Все же разве не ваша нежная забота о моих днях и ночах делала еду сладкой для моих уст и окутывала мой сон видениями?

Вы даете много, вовсе не ведая о том,

И я благословляю вас за это более всего.

Истинно, доброта, которая смотрится в зеркало, обращается в камень.

И доброе дело, которое упивается собой, порождает проклятие.

Халиль Джебран дает свои наиболее глубокие утверждения. Стало быть, не просто слушайте их: пока вы не сорвете их и не позволите им стать вашей кровью, костью и мозгом, вы не воспримете всего их смысла и их красоты. Первое утверждение такой огромной значимости, что очень трудно найти еще одно утверждение, которое было бы равнозначным. *Мудрые люди приходили дать вам от своей мудрости. Я пришел взять вашу мудрость.*

Обычно ученик думает — и так считалось веками — что мастер дает свою мудрость ему. Это совершенно неверно. Мастер просто отбирает все, что вы считаете мудростью, но это не мудрость, а всего лишь заимствованное знание: оно выглядит как мудрость, но является подделкой, поскольку не коренится в вашем переживании.

Истинный мастер или истинно мудрый человек отбирает все, что у вас есть фальшивого —

а ваша мудрость есть фальшь, ваше знание есть фальшь. Вы ничего не знаете о жизни, вы ничего не знаете о Боге; все, что вы знаете, это только слова безо всякого смысла, пустые, ветхие. Просто из-за того, что они были переданы вам из рук в руки вашими родителями, вашими учителями, вашими священниками, вы сохраняли их, как будто это великие сокровища. Фактически, это они так обременяют, что не дают вам парить свободно в открытом небе существования.

Мастер отбирает все, что у вас есть фальшивого; что же у вас фальшиво? Вся ваша личность дана обществом. Вы вошли в мир невинным, полным удивления, ничего не зная, но стремясь узнать все, и общество наполнило ваши умы всеми видами знания. Но здесь нужно помнить одну вещь: знание важно, когда оно вырастает внутри вас. Оно становится отравляющим, опасным и убийственным, когда навязано вам.

Все, что вы знаете, — поглядите на это. Выросло оно внутри вас? Или было навязано вам? Обусловлено оно внешне, или это разлив вашего собственного существа, весны вашей собственной жизни?

Вам не известно ничего о своем собственном существе. Потому истинно мудрый человек отбирает всю вашу мудрость и оставляет вас снова в том же положении, в котором вы родились, — в удивлении, без знания чего-либо.

Оттуда может начаться ваше подлинное путешествие. Мне вспоминается один из великих мистиков, Бодхидхарма. Около четырнадцати сотен лет тому назад он пришел в Китай. Он был приглашен китайским императором Ву; император даже прибыл к границам своей империи — а его империя была, наверное, величайшей империей в те дни — встречать Бодхидхарму. Он коснулся его стоп, но вопросы, заданные им, вынудили Бодхидхарму воздержаться от входа в его империю.

Его вопросы не были неуместными; все так называемые религиозные люди задают их, и все так называемые религиозные святые отвечают на них. Император спросил: «Я построил тысячи храмов Гаутаме Будде, и тысячи моих ученых непрерывно переводят слова Гаутамы Будды на китайский. Я открыл множество монастырей, и теперь весь Китай находится под огромным влиянием Гаутамы Будды. Какова будет моя награда за все это?»

Бодхидхарма пристально посмотрел на императора и сказал: «Вы попадете в ад».

Император спросил: «Разве я сделал что-нибудь неправильное?»

Бодхидхарма сказал: «Все то, что вы сделали, правильно, но если сделанное само по себе не награда для вас, тогда вы упустили всю суть. Создание прекрасного храма, прекрасной статуи Будды — если это не награда для вас, и вы хотите еще чего-то, значит, вы заняты бизнесом — это не религия. В религии действие само по себе или награда, или наказание.

Я знаю, вы раскрыли огромную сокровищницу для распространения послания Гаутамы Будды, но вы ожидаете еще больших сокровищ в будущей жизни, в раю — как награды; вы торгуетесь с сущим. Я не бизнесмен, вы пригласили не того человека».

Император сказал: «Но я приглашал многих монахов, и они всегда говорили: "Велика будет ваша награда, ибо велика ваша заслуга"».

Бодхидхарма сказал: «Я не войду в ваше царство, я буду оставаться снаружи. В день, когда вы поймете, что каждое действие само по себе награда или наказание, — я в вашем распоряжении, можете приходить».

Он оставался снаружи границ девять лет.

Бодхидхарма был очень странным человеком — но таким прекрасным человеком, прямым и открытым.

Император Ву не мог уснуть всю ночь, а утром он вернулся и сказал: «Простите меня, вы устроили мне такое потрясение, но я нуждался в этом, я жил в иллюзии. Вы разбили мою

иллюзию. Я готов учиться».

Бодхидхарма сказал: «Учиться нечему. Вы должны быть готовы разучиться! Вы уже знаете слишком много, и все, что вы знаете, фальшиво. Если вы хотите быть в контакте со мной, подумайте, как разучиться. Это есть начало мудрости».

Разучивание является началом мудрости. Все ваши священники и Папы продолжают твердить вам: «Учение приносит мудрость». Но такие люди, как Бодхидхарма, или Сократ, или Гаутама Будда, не согласятся с ними, они согласятся с Халилем Джебраном: функция мастера — помочь вам разучиться всему, чтобы вы снова стали невинным ребенком.

Через девять лет, когда Бодхидхарма возвратился в Индию, тысячи людей стали его учениками. Он выбрал четверых из них для финального испытания огнем, потому что из тех четверых один должен был стать его преемником — продолжать работу в Китае.

Была огромная тишина, хоть там сидели тысячи учеников. Все знали, что те четыре человека были достойными, но было очень трудно сказать, кто же был самым достойным... Бодхидхарма спросил первого человека: «Расскажи мне сущность мудрости».

И человек сказал: «Сущность мудрости в том, что царство Божье внутри вас».

Бодхидхарма сказал: «У тебя моя плоть, но плоть — это не очень глубоко. Ты не будешь моим преемником. В том, что ты сказал, есть далекое эхо истины, но это слишком далекое эхо».

Он спросил второго ученика: «Скажи мне ты — что есть сущность мудрости?»

И тот сказал: «Сущность мудрости — это медитация, пребывание в полном молчании».

Бодхидхарма сказал: «У тебя мои кости, но не я. Ты не можешь быть моим преемником».

Он повернулся к третьему человеку и задал тот же вопрос: «Что есть сущность мудрости?»

Третий сказал: «Сущность мудрости — привести свой потенциал к его окончательному проявлению, цветению, принести расцвет своему существу».

Бодхидхарма сказал: «У тебя мой костный мозг, но все же ты не способен быть моим преемником. Ты очень близко, но даже эта близость — дистанция».

Он повернулся к четвертому человеку и задал тот же самый вопрос. И четвертый человек со слезами на глазах припал к стопам Бодхидхармы, не говоря ни единого слова. Бодхидхарма сказал: «Я понимаю твое молчание, но эти тысячи людей не поймут его. Ты должен перевести свое переживание в слова. Говори!»

И человек произнес со слезами: «Я не знаю».

А Бодхидхарма сказал: «Тебе быть моим преемником, потому что тот, кто может сказать: «Не знаю», — уже достиг дверей храма мудрости, уже стоит у дверей. Его невинность, его незнание являются началом знания».

Халиль Джебран говорит:

Мудрые люди приходили дать вам от своей мудрости.

Но и они не были истинно мудрыми, и то, что они дали вам, не было подлинной мудростью; они только продолжали передавать заимствованное знание от одного поколения другому поколению. Это также не было ни их опытом, ни опытом тех, кто давал им это.

Я пришел взять вашу мудрость.

Вот почему настоящего мастера осуждает весь мир — по той простой причине, что он не дает ничего вам — напротив, он продолжает отбирать у вас. Он оставляет вас совершенно нагим, в состоянии невинности, как у ребенка. Только оттуда начинается ваш реальный рост. Только там верное начало.

И вот я нашел большее, чем мудрость.

Что больше, чем мудрость? Невинность больше, чем мудрость, потому что мудрость — это всего лишь коллекция пустых слов.

Нevinность — это трансформация всего вашего существа, как будто вас очистили от всей

грязи, вы попали прямо под ливень. Свежесть невинности, молодость невинности шаг за шагом углубляются и заставляют вас осознать свое бессмертие. Вот почему он сказал:

И вот я нашел большее, чем мудрость.

Мудрости не будет достаточно. Она хороша для ученых, священников, проповедников, Пап, шанкарачарьев и имамов, — но этого недостаточно для настоящего искателя. Настоящий искатель хочет не узнать истину, он хочет стать ею. Он хочет не увидеть Бога, он хочет почувствовать Бога своим собственным существом.

Бог как объект для тех, кто коллекционирует знания, мудрость, писания. Бог как ваша собственная субъективность, как ваша собственная сущность, — больше, чем мудрость... когда искатель сам есть искомое, когда наблюдатель сам есть наблюдаемое, когда вы и Бог не разделены знанием, когда вы не отделены от Бога, но в каждом вашем дыхании — благоухание божественного, и в каждом биении вашего сердца — музыка окончательного.

Мудрость для тех, кто хочет дешевого почета. Настоящий искатель не за почет, не за Нобелевские премии, не за любую награду — здесь или потом. Настоящий искатель хочет не знать, а быть. И различие огромно.

Знать любовь — это одно,

Быть любовью — совершенно другое.

И различие непреодолимо.

Вы можете узнать о любви, сходя в большую библиотеку и разыскав все то, что было сказано о ней. Вы можете собрать все великие утверждения о любви, и все же вы не узнали любовь, все же в вашем сердце нет любви. Ваша голова полна словами о любви, но ваше сердце не удовлетворено знанием о любви. Ваше сердце хочет стать любовью. Не став любовью, что за польза в знании об этом?

Это пылающий дух в вас, все более разгорающийся.

Мудрость — это не то, что вы собираете из писаний и святых книг. Это пламя, это дух, это само ваше существо, которое продолжает восходить все выше и выше. Вы продолжаете становиться не более знающими, но более и более укорененными в земле, центрированными в своем существе. Из этого вырастает окончательный цветок, называемый просветлением. Просветление — это не знание, это бытие.

Пока вы, не замечая его возрастания, сетуете на угасание ваших дней,

Это жизнь, ищущая жизни в телах, которые страшатся могилы.

Чем занимается искатель? Это жизнь в поисках большей жизни, это танец в стремлении стать более совершенным, это молчание в стремлении стать глубже.

В глубине молчания есть беззвучная песня, небесная песня; там есть музыка без инструментов — музыка, которая является частью вашего существа. Это не что-то привнесенное извне, это вырастает изнутри.

Каждое существо беременно Богом. Как ребенок вырастает в материнской утробе, Бог вырастает внутри вашего существа. Очистите себя от всего хлама, который вы накопили, чтобы вашему Богу было достаточно пространства для роста. Потребуется все пространство, доступное для существования,

— меньшее не подойдет.

Здесь нет могил.

Помните — нечего бояться смерти, здесь нет могил.

Эти горы и равнины — колыбель и ступени.

Всякий раз, когда вы проходите мимо поля, где покоятся ваши предки, взгляните, и вы увидите самих себя и детей ваших, пляшущих, взявшись за руки.

Если вы войдете внутрь себя, вы поразитесь — входя внутрь себя, вы вошли в бессмертие

жизни. Вы найдете ваших предков, ваших праотцев, и вы найдете также детей ваших детей пляшущими внутри вас, взявшись за руки. Жизнь простирается по обе стороны — прошлое и будущее — и настоящий момент в вас содержит обе.

Если вы сможете быть прямо здесь и сейчас, безо всякой мысли, беспокойства, полностью стать центрированными — в самом этом центрировании вы обнаружите, что вы только промежуточное звено вечной жизни. Цепочка уходит назад, включая всех ваших праотцев от самого начала, и она уходит вперед, включая тех детей, которые еще не родились — но в зернах есть.

Знать настоящее — это знать прошлое и знать будущее, и тогда вы сможете сказать: Здесь нет могил. Есть только жизнь вечная. Могилы существуют благодаря нашему невежеству, из-за того, что мы никогда не входили внутрь своей собственной жизни. Мы всегда оставались снаружи своей собственной жизни — вот почему могилы существуют; в противном случае могил нет.

Я стал говорить моим людям, что, когда какой-то саньясин оставляет тело, не нужно грустить и жалеть, лучше плясать и праздновать. Празднуйте даже смерть, потому что смерть фальшива; празднуйте то, что друг пошел в будущее, в новое тело — никто не умирает, никто никогда не умирал. В этом смысл: когда Иисуса спросили: «Не скажешь ли ты что-то об Аврааме, старейшем, самом древнем отце человечества?» — Иисус сказал: «Прежде чем был Авраам, был я».

Он не говорит ничего об Аврааме; он говорит: «Даже прежде Авраама», — а Авраам был почти за две тысячи лет до Иисуса — он говорит: «Даже прежде Авраама был я».

Так же можно сказать: позже, чем будут дети моих детей, буду я. Я простираюсь по всему существованию, где же могут быть мои могилы? Могил нет.

Истинно, часто вы веселитесь, не ведая того...

Всякий раз, как вы проходите мимо поля, где покоятся ваши предки, взгляните, и вы увидите самих себя и детей ваших, пляшущих, взявшись за руки.

Истинно, часто вы веселитесь, не ведая того.

Ведь эта глубокая истина, вечность вашей жизни, — знаете вы это или нет — время от времени взрывается вашей радостью, вашим танцем, вашей музыкой. Вы не знаете, что же это хватает вас, чем вы становитесь одержимы. Это жизнь вечная внутри вас.

Художнику не известно — я говорю о подлинном художнике, не технаре, — художнику не известно, кто рисует его руками, так же как не известно поэту, кто пишет его рукой.

Когда Кольридж умер, он оставил около сорока тысяч незавершенных стихотворений. Всю его жизнь его друзья говорили: «Эти стихи так прекрасны, почему ты не завершишь их? И не так много работы! В стихах пропущено всего по одной, две или три строки, они почти завершены. Только добавить еще одну строку, и это станет частью вечной литературы человечества».

Но Кольридж всегда говорил: «Я никогда не писал ничего. Как только мной овладевает вдохновение, что-то изливается из меня. Иногда стихотворение завершается, а иногда, прежде чем стихотворение завершится, вдохновение исчезает, Кольридж здесь. Я пробовал: я могу обманывать весь мир, но я не могу обманывать себя. Составить еще одну строку и завершить стихотворение... Никто не узнает — пока не прочтет человек, у которого тот же поэтический опыт, что и у меня; он один обнаружит, что все эти строки пришли от запредельного, но одна строчка — последняя строчка — написана кем-то другим. Я не хочу обманывать себя или будущее человечество».

Однажды, когда один из величайших индийских поэтов этого столетия Рабиндранат Тагор переводил свои поэмы на английский — за которые ему присудили Нобелевскую премию, — он

был в нерешительности, потому что все остальное переводить легко, но поэзию перевести очень трудно.

У каждого языка свои собственные нюансы, у каждого языка свой собственный необычный вкус, свой собственный напев — никакой другой язык не может уловить его. Пожалуй, можно перевести прозу с одного языка на другой язык почти точно, но поэзия — это другая материя; поэтому он был немного растерян. Он получил хорошее образование в Англии, так что английский не был ему чужим языком, он был почти вторым родным языком для него. Но все же родной язык есть родной язык; нет способа заменить его.

Он отправился в Англию, у него были там друзья, великие поэты. Прежде чем опубликовать те поэмы, он хотел сначала почитать их небольшому собранию поэтов. Йитс, один из великих английских поэтов, созвал на встречу в свой собственный дом всех лондонских поэтов — он уже был поэтом — Нобелевским лауреатом, и Рабиндранат прочитал свои поэмы.

Все были поражены, а также шокированы тем, что, если бы эти поэмы не были переведены, мир никогда не узнал бы о них; а у них совершенно иное измерение, которого никакой английский поэт никогда не касался.

Но Йитс молчал. Он был величайшим поэтом на той встрече.

— Вы не сказали ничего об этом, — промолвил Рабиндранат.

Йитс сказал: «Поэмы великолепны, но в четырех местах... только четыре слова не ваши, там кто-то другой помог вам».

Рабиндранат не мог поверить своим ушам, потому что это было правдой. Из-за своего сомнения он показал их великому христианскому миссионеру, Эндрюсу, — перед самым отъездом в Англию он показал свои поэмы и спросил: «Вы замечаете какие-нибудь грамматические, лингвистические ошибки в них?»

Эндрюс был великим ученым, но он не был поэтом. Он просматривал поэмы, и только в четырех местах он сказал: «Эти слова грамматически неверны. Все остальное абсолютно правильно, что касается грамматики и языка, но эти четыре слова нужно заменить».

Он порекомендовал четыре других слова того же смысла, и Рабиндранат просто заменил те четыре слова. Все стало более грамотным, более правильным в отношении языка — но он не мог обмануть Йитса и его поэтическое чутье. Тот указал точно на те четыре слова во всей книге поэм и сказал: «Эти слова совершенно правильны, что касается грамматики, но тот, кто порекомендовал их, не поэт».

Рабиндранат сказал: «Вы поразили меня! Эти слова порекомендовал мне великий ученый, известный во всем мире, Эндрюс».

Йитс сказал: «Не имеет значения, кто порекомендовал их; он знает язык, он знает грамматику, но ничего не знает о поэзии. Пожалуйста, напишите ваши собственные слова, которые вы поставили первоначально».

Он поставил собственные слова, и Йитс сказал: «Теперь это совершенно — не столь грамотно, но поэзия не грамматика. Прозаическое сочинение должно быть грамотным; полеты поэзии выше грамматики, выше языка. Теперь это совершенно правильно. Это слова поэта».

Что-то неизвестное, когда вы танцуете, может овладеть вами — не что-то наружное, а что-то внутреннее, которое было спящим, но от вашего танца пробудилось. Вы будете удивлены, изумляясь: откуда приходит этот танец, откуда приходит эта песня? Откуда эта тишина и эта радость?.. Беспочинно, это просто переполняет вас.

Такое переполнение происходит время от времени с каждым — но без вашего ведома; иначе эти редкостные моменты могли бы иметь огромную важность. Они могут стать трансформацией всей вашей жизни.

Если вы знаете, откуда вдруг разразилась весна, откуда пришло это благоухание, как облако,

окружая вас, если вы отправились к его корням, его источнику, вы найдете не только всю жизнь, но и жизнь как таковую. Помните: те, что нашли жизнь, нашли жизнь как таковую — не вашу, не мою. Они нашли только чистую жизнь, которая движется от формы к форме, от жизни к жизни, от плана к плану.

Другие приходили к вам; за золотые обещания, ставшие вашей верой, вы дали им лишь богатство, власть и славу.

Я дал вам меньше, чем обещание, но вы были куда щедрее ко мне.

Здесь побывали другие, которые пришли с золотыми обещаниями, и вы отдали им свои великие богатства, власть и славу. *Я дал вам меньше, чем обещание, но вы были куда щедрее ко мне.*

Что же подразумевает Халиль Джебран, говоря, что люди были более щедры к нему? Он подразумевает: «Вы дали мне более глубокую жажду жизни. Пребывая среди вас, я все более и более становился искателем, исследователем. Вы, может, и не знаете, что дали мне этот поиск, это искание, но при виде вас, спящих, желание пробудиться возникло во мне. При виде вашего гнева желание возникло во мне — существует ли какое-то место, где гнев побежден или превратился в сострадание? Глядя на вас и живя с вами, я увидел, что люди просто произрастают, не живут. Каждый из вас напоминал, чтобы я не транжирил свою жизнь, как вы; что я должен разыскать источник жизни, прежде чем смерть постучит в мои двери».

Вы видите красоту этого человека? Никто не давал ему ничего, но он все же говорит: «Я дал вам меньше, чем обещание...» — я не давал вам ничего, — «но вы были куда щедрее ко мне».

Вы не давали мне своих сокровищ, власти, славы, но вы дали мне более сильную жажду жизни. Чем больше я смотрел на вас, тем больше осознавал, что так недолго и пропасть; я должен пойти на великий поиск и рискнуть всем, я должен найти истину жизни. Я не хочу умереть, как все остальные; я хочу умереть, только найдя лучшую жизнь, более глубокую жизнь. Вы дали это мне, хоть и не осознавали этого».

Когда-то, когда я возвратился из университета, завершив свое образование, вся моя семья была озабочена только одной вещью — тем, что мне пора жениться. Мой отец был очень осторожен, потому что он знал меня, и коль скоро я сказал «нет», то не было способа изменить это на «да». Сначала он попытался узнать это от других, поэтому меня расспрашивали мои дяди, расспрашивали его друзья.

Я сказал: «Я вижу: это не ваш вопрос, потому что вы никогда не интересовались моей жизнью. С чего это вдруг вы заинтересовались моей женитьбой? — ведь у вас нет дочерей, поэтому я могу очень легко прийти к выводу, что за всем этим есть чья-то рука».

Они сказали: «Вот это да! Теперь нам понятно, почему твой отец боится спрашивать прямо».

Я сказал: «Передайте моему отцу, что я не отвечу его агентам».

Они спросили: «Ты осуждаешь нас как агентов?»

Я сказал: «Вы и есть агенты».

Тогда мой отец обратился к своему лучшему другу, который был адвокатом Верховного суда, самым известным спорщиком, логиком, правовым экспертом.

Мой отец сказал: «Может быть, тебе удастся убедить его жениться».

Тот сказал: «Не беспокойся, я никогда не проиграл ни одного дела за всю жизнь. Я рожден побеждать. Как только я возьму дело в свои руки, можешь быть уверен, победа за нами — а я беру дело в свои руки. Не беспокойся, я навещу вас в ближайшее воскресенье».

Мой отец сказал мне, что его друг захотел увидеться со мной. Я сказал: «С удовольствием повидаюсь с ним. Мне известно, зачем он хочет видеть меня, но передай ему, что это не будет похоже на обычное дело в Верховном суде. Пусть приходит, как следует подготовленным — он

должен сделать всю свою домашнюю работу».

Мой отец спросил: «Что за домашняя работа?»

Я сказал: «Ты просто скажи ему!»

Поэтому отец позвонил к нему и сказал: «Он предлагает тебе сначала сделать свою домашнюю работу; чтобы ты был готов, он хочет дать тебе время. Если хочешь, перенесем на другое воскресенье, не торопись».

Тот расвирипел; он заявил: «Что за домашняя работа? Я иду сегодня же, я не могу ждать даже до воскресенья: это вызов!» Итак, он пришел.

Я стоял снаружи. Я принял его и коснулся его стоп, потому что он был самым близким другом моего отца. Я провел его внутрь и спросил: «В чем дело? Зачем вы хотите видеть меня?»

Он сказал: «Ничего особенного, это дело простое. Ты прибыл из университета и ты завершил образование. Теперь мы можем найти самую красивую девушку — с лучшим образованием, из лучшей семьи — для тебя. Ты готов жениться или нет?»

Я ответил: «Прежде чем я скажу да или нет, я хочу задать вам вопрос».

Он спросил: «Какой вопрос?»

Я сказал: «Я хочу знать, вы счастливы в своем супружестве? И будьте искренни, ведь это вопрос всей моей жизни. Я знаю вас и знаю вашу жену, так что не обманывайте меня, потому что если вы скажете что-то не так... я звонил и вашей жене тоже».

Он переспросил: «Что? Что ты сказал моей жене?»

Я ответил: «Я рассказал вашей жене, что ее муж придет убеждать меня жениться и я поспорю с ним: если я выиграю, ему придется развестись с вами; если он выиграет спор, я готов жениться... ведь и вы должны рисковать чем-то».

Он вымолвил: «Боже мой, теперь я понимаю, что ты подразумеваешь под домашней работой! Я иду домой!» Мой отец спросил: «Что произошло?»

Он сказал: «Я не хочу связываться с этим делом. Моя жизнь — и так пытка, а этот мальчишка создаст столько проблем — он уже звонил моей жене! Теперь я трепещу, она уже у ворот».

Я сказал: «Я иду с вами».

Он сказал: «Не нужно!»

Я сказал: «Это общественная улица, вы не можете помешать мне. Так просто случится, что вы будете идти впереди, а я позади — совпадение».

Он сказал: «В странное затруднение я поставил себя; никогда бы не подумал, что это может стать проблемой. Я приходил, просто чтобы убедить тебя жениться, и ты готов к разговору, но предлагаешь мне заключить пари. Но я не могу развестись со своей женой! У меня есть дети, а моя жена... может, я и выиграл все дела в Верховном суде, но что касается моей жены, победитель всегда она. Оставь меня в покое — я никогда больше не упомяну о женитьбе».

Я сказал своему отцу: «Послушай его. Он говорит, что никогда не будет упоминать даже слова "женитьба". Вот почему я сказал: "Могу дать вам время. Подготовьтесь полностью: посоветуйтесь со всеми своими книгами законов, посоветуйтесь с вашей женой"».

И я отправился вслед за ним. Много раз он останавливался и говорил: «Я приказываю тебе, вернись». Я отвечал: «Никто не может удалить меня с дороги — это общественное место. Вы остановитесь, я остановлюсь; вы двинетесь, я буду двигаться».

Он сказал: «Ты странный парень; я никогда не думал, что ты так опасен».

Я сказал: «Я просто хочу увидеть сцену, которая произойдет, — просто чтобы преподать вам урок. Вы сами доведены своим супружеством, и, должно быть, думали тысячу и один раз: «Было бы лучше, если б я не женился». Расскажите мне правду, и тогда я смогу вернуться; иначе вам придется держать ответ перед своей женой. Лучше прямо здесь, мы одни».

Он сказал: «Ничего себе, я приходил убеждать тебя, а ты делаешь посмешище из меня и моей жизни».

Я сказал: «Вы хотели разрушить мою жизнь, зная прекрасно, что ваш брак разрушил вашу жизнь; он стал тюрьмой для вас. Если бы вы на самом деле были сострадательным и добрым, вы бы посоветовали мне никогда не жениться».

Он сказал: «Я даже не осознавал, что делаю что-то не то, но теперь понимаю — прости меня, и возвращайся. Это верно — никогда не женись!»

Я сказал: «Вы должны рассказать это и моему отцу, иначе я иду! Я буду не только наблюдать сцену, я буду поддерживать вашу жену; а я прекрасно знаю, что она била вас много раз».

Он произнес: «Ты знаешь слишком много о моей жизни».

Я сказал: «Я очень близок с вашей женой, она любит меня. Она рассказывает мне все, что происходит в доме, — сегодня она побила вас, вы ушли в суд бить кого-то еще... Фактически, слушая ее, я осознал истину поговорки: «За каждым великим человеком стоит женщина». Я знаю, почему он становится великим — потому что жена лупит его, и бедняге приходится бить кого-то еще! Естественно, он становится великим; постоянно получая, он становится знаменитым».

Он сказал: «Я иду с тобой; я скажу твоему отцу: "Не упоминай о женитьбе, он ни за что не женится: он видел слишком много"».

Я видел столько людей — моих родичей, дядьев, отцовских друзей, своих профессоров, но я никогда не находил ни одного, кто был бы счастлив в супружестве. И я благодарен всем тем людям, потому что они спасли меня от брака; иначе я мог бы попасть в тот же колодец. С тех самых пор моя работа состояла в том, чтобы вытянуть, возможно больше людей из колодца — снаружи колодца они столь счастливы!

Как раз сегодня Анандо показывал мне вырезки из прессы. Какая-то газета провела обзор: сколько людей против меня, и сколько людей за меня; шестьдесят процентов мужчин против, сорок процентов за; девяносто процентов женщин против, десять процентов за.

Анандо спросил: «Почему такая разница?»

Я сказал: «Это естественно. Я удивляюсь тем десяти процентам женщин, которые за меня! Девяносто процентов, которые против меня, — это очень просто: они обеспокоены за своих мужей. Если я здесь, рано или поздно их муж может попасть в мою сеть, а если кто-то попадает в мою сеть, я вытаскиваю его из колодца, в то время как их жены упорно пытаются затянуть назад... Во-вторых, женщины больше против меня из-за того, что со мной столько прекрасных женщин; они, очевидно, очень ревнуют и испытывают страх, что их мужья могут заинтересоваться какой-то другой женщиной — ведь Пуна известна прекрасными женщинами. А сорок процентов мужчин, которые за меня, очевидно, измучены своими женщинами и ожидают, чтобы я помог им выбраться из колодца».

Супружество — это одна из великих тюрем, созданных в прошлом. К концу этого столетия все развитые страны отбросят сам этот институт, потому что в Германии и других западных странах население уменьшается. Это прямо противоположно Востоку, где население растет с таким темпом, какого никогда не бывало прежде, и к концу этого столетия Индия окажется впереди всех. Китай был традиционно впереди всех наций, но к концу этого столетия Китай потерпит поражение от Индии — Индия задает больший темп.

Германия беспокоится, потому что каждый месяц ее население уменьшается более чем на пять тысяч. Люди живут дольше: средний возраст мужчин — семьдесят четыре и женщин — семьдесят девять, это в среднем; многим людям перевалило за сто. Так что людей постарше прибывает, а новые дети не приходят — кому же работать? Кому давать образование? Кого

зачислять на военную службу? И растет страх, что Восток увеличится до таких огромных размеров, что скоро его население начнет расселяться в другие страны. Никакой барьер не сможет помешать этому.

В Германию, по меньшей мере, две тысячи иммигрантов въезжает каждый день, и растет страх того, что скоро немцев будет меньшинство, а иммигрантов большинство, в их руках будет правительство. Применяли всевозможную пропаганду, чтобы произвести больше детей, всевозможные стимулы, но ничего не получается. А причина в том, что пока не отменят брак, не будет никакого роста населения, потому что супруги скучают; они больше не интересуются друг другом, а для занятий у них есть вещи поинтересней, чем производить детей.

Это бедные люди производят детей, потому что это их единственное развлечение. Они не могут сходить в кино, это стоит денег; они не могут пойти купить телевизор, это стоит денег. Секс — это единственное доступное развлечение. Это в странах побогаче есть многие вещи — много доступных наркотиков, которые дают вам больше, чем может дать любая сексуальная связь. Хоть наркотики и запрещены, это не имеет значения — подпольно везде можно достать все. Секс — это старейший наркотик, биологический наркотик, но люди нашли лучшие наркотики, чем секс, — зачем же им отступать назад?

Эти страны должны понять простой феномен: отмените брак, и пускай мужчины и женщины передвигаются свободно. Дети должны принадлежать государству, государство должно заботиться о них. Тогда новая женщина сможет повстречать нового мужчину, и, естественно, им захочется любовных отношений, им захочется ребенка — если государство будет заботиться о ребенке.

Итак, две вещи: семья должна исчезнуть, брак должен исчезнуть и государство должно взять заботу о детях. Люди должны быть свободными, не в заключении; иначе западным обществам грозит опасность исчезновения — близится наводнение людей, и вы не в силах помешать, когда это становится наводнением. Когда один человек хочет приехать в Германию, вы можете помешать ему, потому что он хочет визу и все остальное. Но когда тысячи людей переезжают из одной страны в другую страну — кто помешает им?

К концу столетия в этой стране будет почти один миллиард четыреста миллионов людей. Сейчас здесь только девятьсот миллионов людей — количество будет почти удвоено только за эти несколько лет. До конца века немного лет осталось, сейчас восемьдесят седьмой — только тринадцать лет, и Индия почти что удвоит свое население. Такого населения Индии не выдержать; даже и сегодня это трудно.

И естественный финал: когда население становится слишком большим, оно перебирается в страны, где население небольшое. Никакая виза не помешает, никакой паспорт не помешает; вопрос не во всех этих пустяках — никакие границы не в силах помешать. Это вопрос жизни и смерти. И когда такая ситуация возникает, то, естественно, вы должны понять, что многие вещи нужно будет изменить, в противном случае вам придется страдать от последствий.

Но люди продолжают жить бессознательно.

В Америке наркотиками пользуются в колледжах, в университетах, а теперь они попали в начальные школы; малые детишки — восьмилетние, десятилетние — пользуются наркотиками. Прямо сегодня — я поверить не мог, что двенадцатилетние мальчишки совершили тысячи убийств за прошедший год, тысячи изнасилований, сделали тысячи попыток убийства; хоть они и не всегда достигали цели — но тысячи они убили. Тринадцатилетние принесли больше вреда; четырнадцатилетние — на вершине по убийствам, нанесению ущерба жизни людей, изнасилованиям. А все эти великие лидеры — Рональд Рейган и компания — что они делают для этих детей? И как это происходит? Они просто сидят, не зная, что делать.

Ситуация, похоже, из рук вон плоха, и между тем ее можно разрешить так легко. Вопрос в

осознании, знании. Эти спящие люди сами не знают, что они делают. Если вы продолжаете создавать ядерное оружие, чтобы уничтожить все человечество, что же неправильного в том, что ваши дети принимаются убивать людей? Это одно и то же, только они занимаются этим в небольшом масштабе, а вы собираетесь проделать это оптом, в большом масштабе — уничтожив все человечество. Но, кажется, некому даже подумать, почему дети занимаются этим.

Причина в том, что люди боятся сказать правду: они знают, что может быть, когда они скажут правду. Я знаю на своем собственном опыте! Вы говорите правду, чтобы помочь людям, а те люди становятся вашими врагами — таков их глубокий сон, таково их невежество.

Все, что необходимо, — это смешать общежития мальчиков и девочек, и изнасилование исчезнет. Если вы позволите мальчикам и девочкам любовные отношения, это не повредит, ведь только после определенного возраста девушка может забеременеть; до этого проблемы нет. Пусть они играют, пусть они наслаждаются — они не будут насиловать. А по достижении того возраста, когда девушка может забеременеть, таблетки в вашем распоряжении. Каждую школу надо снабдить таблетками, а учитель должен объяснить, как пользоваться таблетками.

В прошлом были таблетки, которые следовало принимать перед любовными отношениями, так что время от времени вы могли попасть в ситуацию, что вы не приняли таблетку, а ваш дружок пришел, ваша подружка пришла. Люди так спят; они полагают, что с ними ничего не произойдет, и время от времени не повредит вступить в любовные отношения без таблетки; так произошли тысячи случайностей по всему миру. Теперь подошли к новой таблетке, которую вы можете принять *после* любовных отношений — это надежнее. И к тому же - пришли к таблетке, которую может принимать мужчина, тогда женщине не требуется принимать ее; если один из двоих принимает таблетку, нет возможности забеременеть...

Изнасилование исчезнет — и вы удивитесь, но с исчезновением изнасилования эти люди — которые убивают людей ножами, и которые калечат людей — тоже исчезнут. Это одна из старейших находок Зигмунда Фрейда, что те люди, которые пользуются оружием для убийства людей, не зная того сами, хотят войти в тело женщины. Не сознавая, они пытаются войти в тело оружием. Но говорить любую истину, которая может избавить человечество, — это вызывать все виды вражды против себя.

Всю свою жизнь я проделывал только одну работу — «как влиять на людей и создавать врагов»! Я думаю, в конце концов, весь мир выстроится в очередь против меня. И все то, что я говорю, они обязательно сделают — но тогда будет слишком поздно.

Я был первым — в коммуне в Америке, — кто рассказал о болезни СПИД; я предостерег коммуну, предложил всей коммуне из пяти тысяч саньясинов пройти через тест... ведь просто из сострадания вы не должны распространять такую болезнь на тех, кого любите. Все средства информации сделали посмешище из этого — телевидение, газеты, радио, все смеялись над этим, говоря, что я вызывал ненужный страх. Сейчас те же самые меры принимаются всеми нациями во всем мире, и никто даже не вспоминает, что я первым принял эти меры, а они смеялись над этим. То же самое происходит со всем остальным.

Я начал говорить в 1951, когда в Индии было только четыреста миллионов людей, и меня побили камнями из-за того, что я предложил людям контролировать рождаемость. У Амритсара мой поезд был задержан на два часа... Толпа людей на железнодорожной платформе не давала мне добраться туда, потому что я собирался говорить о контроле над рождаемостью. Если бы они прислушались ко мне, Индия не произвела бы пятьсот миллионов людей за эти тридцать лет. От четырехсот миллионов она дошла до девятисот миллионов. За следующие семнадцать лет это снова удвоится — а говорить о контроле над рождаемостью нерелигиозно.

Я не понимаю, как мы живем в двадцатом веке, — мы все еще ползем во тьме далекого прошлого; на самой примитивной стадии мы идем ощупью к свету. И если кто-то показывает

нам свет, естественно — мы ведь жили в темноте так долго, и наши глаза не в силах вынести ослепительного света, — они закрываются. Они возвращаются опять в темноту.

Вы дали мне более сильную жажду жизни...

Но те люди не осознают, где и когда они давали это. Просто наблюдая их, Альмустафа узнал, что он живет в толпе мертвых людей, и, прежде чем он сам тоже станет мертвым, нужно успеть найти источник жизни.

Воистину, нет большего дара для человека, чем тот, что превращает все его цели в запекшиеся губы, а всю жизнь — в нескучеющий родник.

И в том моя честь и награда...

Никто не давал ему ничего; но если человек разумен, и без вашего ведома он научится многому от вашего сна, от вашего бессознательного поведения, то он постарается жить другой жизнью. Естественно, такой человек скажет: *И вот в том моя честь и награда...* Вы дали мне много — много больше, чем вы дали тем, кто обещал вам золотые горы в последующей жизни. Я не давал вам никакого обещания... В том,

...что когда бы я ни пришел к роднику напиться, я вижу, что живая вода сама жаждет;

И она пьет меня, пока я пью ее.

Это очень метафорическое, очень символическое выражение. Он говорит: «Как только я подхожу к жаждущей воде, не только я пью ее, это не только моя потребность, это также и потребность жаждущей воды. Когда я пью ее, она пьет меня». Это всегда — отдавать и принимать. Никогда этот феномен не бывает односторонним.

Иные из вас считали, что я горд и слишком робок, чтобы принимать дары.

Да, я слишком горд, чтобы принимать плату, но не дары.

Альмустафа говорит: «Конечно, я горд, и я не приму никакой платы, но это не значит, что я не приму дар — дар исходит от любви. Я не приму платы, потому что я не слуга и не раб вам. Если вы даете от своего изобилия, от своей любви, как друг, я всегда доступен».

И хотя я кормился лесными ягодами среди холмов, когда вы могли усадить меня за стол,

И спал на галерее храма, когда вы с радостью приютили бы меня,

Все же, разве не ваша нежная забота о моих днях и ночах делала еду сладкой для моих уст и окутывала мой сон видениями?

«Я не принял ваших приглашений спать в ваших жилищах, и не принял ваших приглашений есть за вашими столами, потому что я хотел быть индивидуальностью и не хотел чувствовать никаких обязательств — ведь все обязательства оборачиваются цепями. Все обязательства, в конце концов, становятся ожиданиями. Но ваше приглашение сделало мой сон слаще, мои дни прекрасными, наполнило мой сон видениями и грезами».

Вы даете много, не ведая о том,

И я благословляю вас за это более всего.

Истинно, доброта, которая смотрится в зеркало, обращается в камень.

И доброе дело, которое упивается собой, порождает проклятие.

Всякий раз, когда вы делаете что-то доброе, делайте это из любви — не из долга. Я часто ходил во многие клубы поговорить. В одном Ротари Клубе был девиз, который висел как раз передо мной: «Мы служим». Я не приходил толковать с ними о службе, но я сказал: «Теперь я позабыл, зачем пришел. Я собираюсь поговорить об этом девизе, что передо мной золотыми буквами: «Мы служим». Если вы сознаете, что вы служите, то это не служба; служба — очень хитрый способ поработить другую личность. По-моему, долг — это уродливое четырехбуквенное слово — непристойное».

Никогда ничего не делайте, исходя из идеи долга, потому что это принуждение себя; это значит, вы исполняете определенное требование другой стороны; это значит, вы следуете

определенной дисциплине, которой научились у общества.

Действуйте только из любви; лишь тогда ваше действие прекрасно и благословенно.

Истинно, доброта, которая смотрится в зеркало, обращается в камень.

Вы не должны делать что-то за вознаграждение, ради воспоминания, чтобы люди благодарили вас. Вы должны действовать, когда вы наслаждаетесь действием, — и ваша награда совершенна, за пределами своего действия вы не ожидаете ничего. В противном случае самый лучший поступок становится уродливым. Самое прекрасное лицо от непрерывного глядения в зеркало становится камнем.

Всякий раз, когда я вижу женщин, несущих свои сумочки со своими зеркальцами в них, я испытываю сожаление: такое возможно только для уродливой женщины. Действительно красивой женщине не требуется на каждой остановке автобуса открывать сумочку и смотреть на свое лицо, как будто она забыла, кто она такая.

Мулла Насреддин уже полчаса пытался поймать двух мух, которые надоедали ему в комнате. Наконец он поймал их обоих и сказал своей жене: «Я словил их обоих — самца и самку».

Жена спросила: «Мухи — и ты определил их пол?»

Он сказал: «Это было очень просто — муха-самка сидела на зеркале два часа непрерывно, а муха-самец читал газету. Это же простая логика, сделать вывод кто самец, а кто самка». Оба остаются приклеенными — одна к зеркалу, другой к газете.

Это не плохо — посмотреть в зеркальце, но носить зеркальце и через каждые десять-двенадцать минут открывать сумочку и смотреть в зеркало — это выдает некий страх того, что вы не красивы. Красота есть красота, даже в своей полной наготе.

Почему люди так сильно против наготы? Они могут говорить о важных причинах — духовных, моральных и прочих, — но на самом деле суть в том, что в большинстве люди до того уродливы в своей наготе, что не могут стоять нагишом; если же кто-то стоит обнаженным — это вызов. Ваша одежда не только для того, чтобы защитить ваше тело от времен года; она создана еще и так, чтобы ваше тело продолжало выглядеть красиво. Любое общество, которое становится действительно прекрасным, использует все меньше одежд — нет нужды что-то скрывать. Скрывают только уродливую часть.

Странная психология человека, он интересуется теми частями, которые вы скрываете. При виде мусульманской женщины с вуалью на лице все прекращают работать, каждый хочет как-нибудь мельком углядеть — что это за женщина идет мимо? Она может быть уродлива, но вуаль создает иллюзию в умах людей: кто знает, что она прячет под ней?

Всякий раз, когда мусульманин женится, первый вопрос, задаваемый женой своему мужу, таков: перед кем в семье она может убирать свою вуаль. Она не может убрать свою вуаль перед всеми членами семьи — лишь перед несколькими, по велению мужа.

Когда женился Мулла Насреддин, женщина задала тот же вопрос. Он сказал: «Сначала позволь мне увидеть твое лицо, тогда только я смогу решить, перед кем ты должна снимать свою вуаль, а перед кем не должна. Как могу я что-нибудь решить, не видя твоего лица?»

Тут она подняла свою вуаль, и он сказал: «Закрой! Закрой это! Кроме меня, можешь открываться перед кем угодно! Но прости меня: мсти всему миру, я же всего лишь твой несчастный муж — ты совершенно свободна с одним-единственным исключением — это я!»

Не следует быть слишком сильно осведомленным в своих добрых поступках, в противном случае сама эта осведомленность убивает их. Эту историю рассказывают об известном суфийском мистике из Египта, Джуннуне. Бог настолько заинтересовался Джуннуном — так повествует история, — что пришел увидеть его и спросил Джуннуна: «Можешь просить любую власть, и я обещаю, что ты получишь ее».

Джуннун сказал: «Я хочу только одного: везде, где я прохожу, голые деревья должны тотчас же покрыться зелеными листьями и цветами, пересохший колодец должен тотчас же наполниться водой, а бедные люди должны стать богатыми». Так он сказал, и продолжил: «Но есть одно условие: все это должно происходить позади меня, не перед моими глазами. Когда я прохожу, все эти чудеса должны происходить позади меня, чтобы я никогда не узнал, что я делаю, и чтобы никто другой не узнал, кто благословил их. Я хочу оставаться неизвестным.

Если же не можешь устроить такое, тогда дай мне власть творить добро, но я не должен сознавать того, что происходит, и никто не должен знать, что я причина этого. Я должен всегда оставаться в тени».

Я люблю эту историю. Это лишь история, но она несет тот же смысл, что и речь Альмустафы.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

22. ВЕРШИНА САМОМУ СЕБЕ

9 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Некоторые из вас называли меня нелюдимым, опьяненным собственным одиночеством.

И вы говорили: Он держит совет с лесными деревьями, но не с людьми. Одинокое сидит он на вершинах холмов и смотрит на наш город».

Верно то, что я взбирался на холмы и бродил в отдалении.

Как еще было увидеть вас, если не с высоты и не издали?

Как можно быть воистину близко, не будучи далеко?

А другие из вас звали меня, но безмолвно, и говорили:

«Незнакомец, возлюбивший недостойные выси, почему ты живешь среди вершин, где орлы вьют гнезда?»

Почему ищешь ты недостижимое? Какие бури хотел бы ты поймать в свои сети, и за какими призрачными птицами охотишься в небе?

Приди и будь одним из нас. Спустись, насыть свой голод нашим хлебом и утоли жажду нашим вином».

В одиночестве своих душ говорили они эти слова;

Но будь их одиночество глубже, они бы знали, что я искал лишь секрет вашей радости и вашей боли и охотился лишь за вашей большей сущностью, что странствует в небесах.

Но охотник был и добычей;

Ибо многие стрелы покинули мой лук лишь затем, чтобы вонзиться в мою грудь.

И кто летал, тот и ползал;

Ибо когда я расправлял свои крылья под солнцем, их тень на земле была черепахой.

И я, верующий, предавался сомнению; Ибо часто я влагал перст в свою рану, чтобы более поверить в вас и лучше узнать вас.

И вот с этой верой и знанием я говорю:

Вы не заточены в свои тела, и вас не удержат дома и поля.

Все, что есть вы, обитает над горами и странствует с ветром.

Это не тварь, выползающая на солнце погреться или роющая ходы во тьме, чтобы укрыться от опасности,

Но нечто свободное, дух, который объемлет землю и движется в эфире.

Если эти слова туманны, не пытайтесь прояснить их. Смутно и туманно начало всех вещей, но не конец их.

И я буду рад, если вы будете помнить меня как начало. Жизнь и все живое зарождается в тумане, а не в кристалле.

И кто знает, может, кристалл — это рассеивающийся туман?

Именно так все мистики бывали превратно поняты людьми, которые крепко спят, — людьми, которые не знают себя, зато очень стремятся судить других. Каждый мистик обязательно осуждается массами как одинокий и опьяненный своим собственным одиночеством.

Быть одиноким и быть опьяненным своим собственным одиночеством — вот все, что есть медитация.

Быть в мире, но не быть от него.

Быть с людьми, но не позволить им стать частью вас.

Когда Джуннаид, суфийский мистик, шел на встречу со своим мастером в первый раз, его семья и причитала, и испытывала гордость за сына, уходящего на поиски истины.

Весь город собрался попрощаться с ним и принести ему все свои благословения. Они тоже горевали, что он уходит и, скорее всего, уже не вернется снова; так что их радость и их печаль были смешаны воедино. В их глазах были слезы, но те слезы были не от страдания. Была грусть, но была также и радость.

Очень редко кто-то уходит на поиски истины, посвящая всю свою жизнь этому. Джуннаид, естественно, был их гордостью, их славой. Когда он пришел в лес, мастер поглядел на него и сказал: «Ты можешь войти, но оставь всю толпу снаружи».

Джуннаид оглянулся — потому что он был один, толпы не было. Он оглянулся, не было никого. Он сказал: «Я пришел один. Я оставил толпу далеко, на границе моего селения».

Мастер произнес: «Не оглядывайся назад. Закрой глаза и посмотри внутрь — толпа там!»

Джуннаид закрыл глаза и поразился. Все люди, оставленные им позади, — друзья, мать, отец, братья, соседи — все присутствовали там. Хоть сейчас это и была только память, ум был наполнен памятью толпы, которую он оставил позади. Он открыл глаза и попросил прощения, сказав, что он еще совсем новичок на пути и не понимает его языка: «Вы правы, я не один. Моя голова наполнена толпой, которую я оставил позади».

Мастер сказал: «Тогда подожди снаружи ворот — столько, сколько потребуется. В тот день, когда ты почувствуешь, что толпа исчезла из твоего ума, можешь войти. Но помни, тебе не обмануть меня».

Джуннаид ожидал снаружи почти целый год — так трудно избавиться от своих мыслей. Очень легко оставить толпу и уйти в лес, но настоящая проблема — это не толпа снаружи вас; настоящая проблема — это толпа внутри вас, она пойдет с вами в лес. Вы не будете одиноки. Ваши воспоминания будут окружать вас, а для ума они так же реальны, как реальны люди снаружи.

Но Джуннаид был человеком огромного терпения. Он сидел за дверью, где люди оставляют свою обувь и входят увидеть мастера. Не занятый ничем, он обычно чистил обувь людей, оставлявших ее снаружи; это стало его медитацией. Он стал до того концентрированным, так глубоко увлеченным чисткой и полировкой обуви, что постепенно толпа исчезла прочь. И пришел тот благословенный день, когда он заглянул внутрь, и там не было никого — но прежде чем он вступил в храм, мастер уже стоял позади него.

И он произнес: «Поздравляю тебя. Ты был достаточно терпеливым — не только был достаточно терпеливым, но и смог создать свое собственное средство медитации. Только что я осознал, что толпа пропала — весь шум пропал. Теперь я возьму тебя с собой внутрь храма, с великим почтением. Ты достиг отстраненности и научился искусству быть одиноким.

Теперь, даже если ты отправишься на базар, ты будешь оставаться в стороне, потому что коль скоро человек изведет вина одиночества, он не может заблудиться. Вкус его до того сладок, так трансцендентален, что все в мире в сравнении с ним оказывается иллюзорным, галлюцинацией. Но толпе не дано понять этого».

Не будучи в стороне, не будучи опьяненным своим собственным одиночеством, вы не начнете великого паломничества, которое приведет вас к себе самому.

И вы говорили: Он держит, совет с лесными деревьями, но не с людьми..."

В течение тысячелетий замечали, что мистики чувствуют себя ближе к деревьям, горам, рекам, даже к зверям, чем к человеку, потому что человек — это единственное большое животное на земле. Его психология туманна, его ум носит хлам, его чувства притуплены. Если

вы говорите, он слышит, но не слушает.

В словарях оба слова обозначают одно и то же — но не в сущем. Слышание — это простой феномен — просто из-за того, что у вас есть уши, вы слышите. Слушание — это глубокая перемена. Когда вы слышите без всяких мыслей в своем уме, в полном молчании, то слышание становится слушанием; в противном случае вы слышите все, что вам говорится, но ваши мысли вмешиваются в это и интерпретируют согласно своей собственной обусловленности.

Гаутама Будда говорил своим ученикам, что последней вещью ночью и первой утром должна быть медитация. Начинайте день с медитации. Когда солнце встает, поднимайтесь к высотам медитации, безмолвия; а когда солнце садится, двигайтесь глубоко в медитацию, в ваши собственные внутренние глубины, куда даже солнечные лучи не могут проникнуть. Таким образом вы будете знать свои высоты и свои глубины, становиться завершенным.

Так было заведено, и Будде не требовалось повторять это каждый день; обычно после своей вечерней проповеди, когда солнце садилось и опускалась темнота, он говорил не: «Идите медитировать», но: «Теперь время делать последнюю вещь, прежде чем вы уснете... рассеетесь...»

Однажды ночью в собрании оказались вор и проститутка. Все они услышали одни и те же слова: «Сейчас опускается темнота — идите и делайте последнюю вещь перед сном». Все саньясины пошли медитировать, а проститутке вдруг пришло в голову, что этот человек и в самом деле волшебник «Как он раскрыл мою профессию? — что темнота опускается, и мне следует делать последнее дело, прежде чем пойти спать».

А вор подумал: «Боже мой! Я думал, что никто не знает меня здесь, но этот человек, — а там было почти десять тысяч саньясинов, и вор скрывался в толпе, — как ему удалось узнать обо мне? Все верно: темнота опускается, и это время моей профессии. Я сначала занимаюсь этим, а потом иду спать».

На следующий день утром Будда сказал: «Вы слышите одни и те же слова, но интерпретируете их в согласии со своим собственным умом». Это не слушание.

Слушание — это когда ваш ум не интерпретирует, не вмешивается, когда он не стоит на дороге, а дает словам пройти прямо к сердцу; сердце не знает никакой интерпретации. Оно обладает всего одной способностью, и это способность узнавания. Если что-то правильно, оно узнает это как правильное; если что-то неправильно, оно узнает это как неправильное — безо всякого обсуждения, без всякого думания.

Точно так же вы открываете глаза и видите свет, если это свет; это не вопрос решения — вы знаете, вы узнаете. Если темно, это тоже не вопрос рассуждения — опять вы узнаете. У сердца есть встроенная способность узнавать истину, но ум вклинивается, и не дает ничему достичь сердца.

Психологи говорят сегодня, что все, что вы слышите, почти на восемьдесят процентов изменено вашим умом. Процент немалый. А с восьмьюдесятью процентами изменения двадцать остающихся процентов к тому же оказываются в другом контексте. Прежний контекст утерян, смысл не может быть тем же. Потому мистики и чувствуют, что легче разговаривать с деревьями, со зверями или птицами. Святой Франциск, один из наиболее подлинных людей, созданных христианством, разговаривал с животными. Он, бывало, приходил на берег реки, звал рыб: «Послушайте, я здесь...» — и рыбы выпрыгивали из воды поприветствовать его — это наблюдали тысячи людей. Часто он подходил к дереву, брался за дерево, как друг берет руку друга, и говорил с деревом.

Люди считали, что он был немного безумным — бессмысленно обращаться к деревьям. Но современное исследование деревьев уже утверждает, что деревья более восприимчивы, чем вы. Конечно, их восприимчивость имеет другое измерение.

Если дровосек приходит с идеей срубить определенное дерево, с этим деревом происходит нервный припадок. Сейчас уже разработаны механизмы, нечто наподобие кардиографов, которые присоединяются к дереву. И ученые пришли в замешательство, ведь человек не говорил, что собирается рубить определенное дерево, у него была только идея, — но идея каким-то таинственным образом передалась дереву даже без слов. График кардиограммы, который проходил очень ровно, вдруг расстраивается: дерево в испуге! А если садовник приходит с водой к тому же дереву, еще до того, как он достигает этого дерева, кардиограмма становится ровнее, более симметричной — приближается друг! По-видимому, деревья восприимчивы к вашим сокровенным мыслям. Не требуется говорить ничего, они понимают; они слушают тонкие вибрации в вашем уме. Конечно, скоро наука прояснит феномен — как я вижу, каждая мысль — это не что иное, как вибрация, и вы излучаете, распространяете определенные вибрации вокруг себя. Из-за того, что люди тупы, их умы заторможены. У них толстые черепа, и вибрации не достигают их.

Это случилось в Швейцарии после Второй мировой войны. Человеку прострелили голову. Пуля была удалена, но как только пулю удалили, обнаружился странный феномен: человек начал воспринимать ближайшую радиостанцию. Безо всякого приемника он слушал музыку, утренние новости, и у него не было возможности выключить это. Он сходил с ума, с раннего утра и до поздней ночи непрерывно слушая радиовещание.

Он рассказывал своим сиделкам и докторам, но они не верили ему; они подумали: человек сошел с ума. Но он предложил: «Пожалуйста, дайте мне шанс доказать это. Вы можете устроить радио где-то в госпитале, настроить на ближайшую радиостанцию, а я буду говорить, что передается. Вы послушаете радио и увидите, говорю я то же самое или нет».

Совет был совершенно разумным, эксперимент был проведен, и доктора изумились: пуля как-то изменила механизм его уха. Он стал так восприимчив, что мысленные волны.. Они проходят совсем рядом, со всего мира, ото всех радиостанций, и хорошо, что вы не можете услышать их все, иначе вы бы сошли с ума; это защита. Но тот человек просил помощи, он сходил с ума.

Его ухо прооперировали, и хоть он оглох на одно ухо, он был счастлив, что радиостанция выключилась. Это подтолкнуло к догадке, что можно и не носить свой транзистор вблизи ушей, двигаясь по дороге... Быть может, скоро будет можно установить к себе в ухо совсем небольшой механизм, никто и не узнает — совсем как ушная затычка — и можно будет настроиться на определенные станции. Когда вы хотите послушать, можете слушать, а когда хотите прекратить, можете вынуть затычку.

Сейчас существует возможность в любой день сделать ваши уши восприимчивыми. Просто для сбережения вашего здравомыслия природа как-то закрывала их по отношению к тонким вибрациям, проникающим везде. Деревья не имеют никаких ушей; они чувствуют эти вибрации всем своим телом, каждым листиком, каждой веточкой, всем стволом чувствуют это. Не думайте, что деревья мертвы; не думайте, что вы можете рубить их, не нанося им вреда. Даже срывая цветок, вы, не сознавая того, вредите дереву, вы наносите ему рану.

Если мистики держали совет с лесными деревьями, тут нечему удивляться. Мистики всегда знали, что все растущее — живо, а все, что живо, должно каким-то образом воспринимать.

Попытайтесь подружиться с деревом — ходите каждый день говорить с деревом, сидите рядом с деревом, прикасайтесь к дереву таким же образом, как вы прикасаетесь к своему возлюбленному, — и через несколько дней вы увидите, что происходит великая трансформация. Когда вы подходите, — даже если нет ветра, — дерево начинает танцевать. Когда вы подходите, дерево источает для вас свой аромат. Когда вы прикасаетесь к нему, вы чувствуете, что больше нет прежнего чувства холода; оно теплое, оно приветствует вас.

На Востоке, благодаря тому, что мистики разрабатывали каждую тайну тысячелетиями... это было причиной, почему Махавира и Будда говорили, что, пока плод не упадет сам собой, нет никакого права срывать его с дерева, это насилие. Когда он падает сам собой, это дар. Дерево дает вам от изобилия. Не рубите дерево.

Удивительно, но из-за этого переживания Махавиры его последователи даже сегодня не занимаются земледелием. Они оставили земледелие полностью, ведь если вы обрабатываете землю, вам придется рубить деревья, а это будет огромным насилием. Люди смеялись над этим — даже у джайнистских монахов нет доказательств, которые могли бы убедить людей. То, что говорю я, соответствует моему собственному переживанию. Я жил с деревьями, и удивительно: они обладают потрясающей восприимчивостью. Когда я преподавал в университете, там был длинный ряд прекрасных деревьев, называющихся гольмарг. У них были красные цветы, и летом цветов так много, что вам не разглядеть зеленой листвы — оно все красное, словно целое дерево полыхает.

Там была большая аллея, по меньшей мере, двадцать деревьев по обе стороны дороги к колледжу. Я выбрал одно дерево, которое давало самую большую тень, — оно, наверное, было самым старшим деревом — и обычно оставлял свою машину здесь. Я никогда не забывал прикоснуться к дереву и поздороваться с ним, сказать доброе утро ему. Люди думали: «Тот безумный человек говорит доброе утро дереву, и никогда не позаботится сказать доброе утро проректору».

Комната проректора была недалеко от дерева, так что он обычно вставал всякий раз, когда слышал мою машину, подъезжающую к дереву; он смотрел и хихикал про себя: «Этот человек — ненормальный. Удивляюсь, как он преподает студентам. Он здоровается с деревом, желает доброго утра дереву, однако когда я встречаюсь с ним в коридоре, я должен сказать ему доброе утро; иначе он просто уходит молча».

Но случилась странная вещь... из двадцати деревьев девятнадцать погибли от одного заболевания. Единственное дерево, которое выжило, было мое дерево. Даже проректор задумался над этим... когда все деревья погибли, они без листьев и цветов, мертвая древесина — почему это одно дерево продолжает процветать, расти, иметь цветы?

Однажды он сказал мне: «Я не верю, но моя жена сказала мне, что это из-за того, что у дерева есть друг, и точно так же, как человек не может жить без любви, никакое дерево не может жить без любви». Он сказал: «Я не верю этому — все это вздор. Здесь просто совпадение. Что вы думаете об этом?»

Я сказал: «Не могу ничего сказать об этом. Это секрет, мой и дерева».

Когда я увольнялся, мой автомобиль подъехал к университету, и в последний раз я попрощался с деревом. Год спустя я был в этом городе и захотел увидеть дерево — как оно поживает. Когда я подошел туда, оно было мертво. И когда директор услышал мой автомобиль, он поверить не мог, что через целый год... зачем я пришел? Я пошел прямо к моему дереву. Я поздоровался с ним, пожелал ему доброго утра, но не было того, кому услышать, некому было слушать. Я коснулся дерева и не почувствовал никакой вибрации, никакого тепла.

Проректор выглянул из окошка. Он вышел, встал со мной около дерева и сказал: «Простите меня. Я никогда не верил, однако у меня есть сомнения — это факт, что, когда вы уехали, дерево начало умирать. Нам непонятно, как оно выживало в течение девяти лет, когда другие деревья умерли; оно ведь могло не прожить и года. Наверное, я просто подозрительный человек, но в этом что-то есть. Мне пришлось уступить; видя, что дерево умирает с каждым днем, я вспоминал вас: если кто-то и может спасти то дерево, так это вы. Но вас не было в городе».

Целый год я колесил по стране.

Я сказал: «Я тоже крайне опечален, если бы я знал, что это дерево умрет, я бы не уволился.

Просто ради дерева я бы остался в университете — но я не думал, что оно умрет».

Над мистиками смеялись. Но помните, понемногу наука подходит совсем близко к мистицизму, и последними смеяться будут мистики.

Одиноко сидит он на вершинах холмов и смотрит на наш город.

Верно то, что я взбирался на холмы и бродил в отдалении.

Как еще было мне увидеть вас, если не с высоты и не издалека?

Как можно быть воистину близко, не будучи далеко?

— Вы критикуете меня, — говорил Альмустафа, — из-за того, что я ухожу на холм далеко от города, и, сидя, с холма гляжу на долину и на весь город.

Это странно. Если вы хотите познакомиться с городом, вы должны быть в городе, вы должны двигаться его улицами, вы должны встречаться с людьми, живущими там. Альмустафа же говорит, что закон природы иной, чем вы полагаете. Пока вы не на высоте и не на большой дистанции, невозможно увидеть город, увидеть людей и понять людей.

Таково различие между Зигмундом Фрейдом и Гаутамой Буддой: Зигмунд Фрейд пытается понять человека — живя с человеком, в толпе. Гаутама Будда тоже пытается понять человека, но с вершины холма. Определенная дистанция и высота необходимы.

Лишь более высокое может понять то, что ниже.

Зигмунд Фрейд был большим интеллектуалом, но у него были те же проблемы, что он пытался решать для других. У него была та же соревновательность, та же идея «большего, чем вы», то же эго, и как только он обнаруживал кого-то подошедшим очень близко к своему уровню в понимании человеческой души, он гнал того из своей школы.

Карл Густав Юнг был первым предполагаемым преемником Зигмунда Фрейда, но он оказался слишком близко: иногда он спорил с Зигмундом Фрейдом, и спорил *лучше*, чем Зигмунд Фрейд. Этого было достаточно, Зигмунд Фрейд не мог вытерпеть ученика — тот мог быть опасным. После Фрейда — Юнг был молодым, Зигмунд Фрейд состарился — Юнг развернул движение психоанализа в своем собственном направлении, не согласуясь с Зигмундом Фрейдом.

Очень странно то, что люди хотят господствовать, пока живут, и они же хотят господствовать, несмотря на то, что мертвы. Есть медицинский колледж в Англии, основанный одним человеком, очень богатым, который и председательствовал на всех собраниях персонала медицинского колледжа. Он изъявил свою волю так: «Я буду продолжать председательствовать даже после моей смерти, так что мое тело надо сохранить и держать в президентском кресле». Вы будете поражены — он все еще там.

Похоже, безумие не знает пределов. Человек умер, он мертв почти двести лет, из его тела все было удалено. Для его сохранности тело наполнили химикалиями, специальной обработке подверглась его кожа. Тем не менее, он сморщился. Но его не беспокоит это: он продолжает председательствовать на собраниях в кресле президента. Никто не имеет права сидеть там, кроме него, после того как он основал колледж и вложил свои деньги.

Зигмунд Фрейд боялся даже того, что должно было произойти после его смерти, а Карл Густав Юнг, очевидно, имел другие идеи, иногда более значительные. Поэтому Фрейд исключил его из движения психоанализа. Человека, который должен был стать преемником, исключили... и он основал другую школу — аналитической психологии.

Совершенно другой, идущий в совсем ином направлении человек, Альфред Адлер, предполагался, как возможная кандидатура наследовать Зигмунда Фрейда. Но у него тоже были свои собственные идеи, он не соглашался с Зигмундом Фрейдом, что секс — это все. Он сказал, что главным человеческим стимулом является «воля к власти», что он может приносить в жертву секс для достижения более могущественного статуса. И мы знаем, это факт: политики

могут отвергать секс, святые могут отвергать секс, богатые люди не имеют никакого времени для секса. Вместо секса он предложил новую психологию, основанную на «воле к власти». Адлер основал еще одну школу.

Этого не может случиться с Гаутамой Буддой, потому что, то, что ниже, не в силах понять того, что выше. Его высота была такой залитой солнцем горной вершиной и дистанция была так велика, что никто никогда даже не спросил его: «Кто же унаследует у тебя?» Там было много великих интеллектуальных последователей, но высота Будды была такова, что даже просветленные не могли и думать стать его преемниками.

Никто не наследовал Гаутаме Будде, никто не наследовал Махавире. Сам вопрос никогда не возникал, потому что никто не достигал высоты, откуда можно смотреть в самую глубину человеческих существ.

Он прав, когда говорит:

Верно то, что я взбирался на холмы и бродил в отдалении.

Как еще было мне увидеть вас, если не с высоты и не издалека?

Как можно быть воистину близко, не будучи далеко?

Это выглядит как противоречивое выражение, но это не так: вы можете быть рядом, лишь, если вы очень далеко. Дистанция создает магнитное притяжение: вы время от времени приближаетесь, и снова отходите в сторону.

Ваша основная реальность далека от другого, но в определенных точках любви, дружбы, ученичества вы можете подойти очень близко. Это гибкий феномен: удаление, приближение и удаление снова.

Чтобы какая-нибудь связь оставалась всегда свежей, всегда иной, всегда новой, человек должен научиться секрету гибкости. Муж и жена, живущие вместе годами, обязанные терпеть то же лицо, ту же географию, ту же топографию... Как долго вы можете продолжать исследовать одну и ту же женщину или одного и того же мужчину? — если вы не настолько идиотичны, что продолжаете забывать каждый день то, что произошло вчера, если у вас нет никакого механизма памяти. А порой даже у очень разумного человека его механизм памяти может не функционировать, как следует.

Хорошо известно о Томасе Альва Эдисоне, что он сделал тысячу изобретений. Подобных примеров нет во всей истории науки, и никому не удавалось превзойти его в изобретениях. Большинство из всего того, что вы видите, — электричество, кинокамера, магнитофон, радио — все это подписано Томасом Альва Эдисоном.

Но у Эдисона не было памяти; он имел потрясающий разум, но его память была почти нулем. Однажды он работал над чем-то, глубоко увлеченный. Его жена принесла ему завтрак и поставила его совсем рядом, так, чтобы не побеспокоить его, чтобы, как только его работа будет окончена, он нашел бы завтрак. Тем временем зашел друг и увидел его поглощенным. Он не хотел беспокоить его... но увидав завтрак, он подумал: «Пока он работает, я позавтракаю».

Он позавтракал, а когда Эдисон закончил свою работу, он посмотрел на друга и спросил: «Когда ты пришел?»

Друг сказал: «Только что». Эдисон взглянул на пустые тарелки и сказал: «Ты немного опоздал — я уже позавтракал — а то мы могли бы поесть вместе».

Однажды Эдисон собирался на лекцию в другую часть страны в университет. Прощаясь со своей женой, он поцеловал служанку, думая, что это его жена, и махнул жене. Его шофер вмешался как раз вовремя и сказал; «Вы ошибаетесь, путаете... вы поцеловали вашу служанку, а машете своей жене». Эдисон сказал: «Боже мой! Вы должны были напомнить мне раньше. Я так поглощен своей работой, и я видел этих двух женщин в доме столько раз, что не помню, кто есть кто. Это не в первый раз».

Гибкая связь, где вы приближаетесь и удаляетесь, не была развита — в этом одно из несчастий человечества. Мне хочется подействовать будущему представлением о связи гибкой, а не фиксированной и мертвой.

В одной из новелл Рабиндраната, «Аакхари Кавита» — что значит «Последняя Поэма» — это не книга поэзии, это новелла, просто название такое: «Последняя Поэма», — герой новеллы хочет жениться на высококультурной и образованной женщине, которая очень богата и очень красива. Женщина соглашается, но с условием.

Это условие — у нее есть большое озеро прямо рядом с ее дворцом — таково: «Я выстрою еще один дворец для тебя по другую сторону озера, за несколько миль; ты не увидишь из одного дворца другой. Я дам тебе лодку, но мы будем жить в разных домах и никогда не будем приглашать друг друга, мы будем всегда допускать случайность — ты в лодке, я в лодке, — и неожиданно мы встречаемся под деревьями; но *никакого* приглашения. Так наша связь будет оставаться всегда юной, всегда свежей, всегда медовым месяцем — непрерывный медовый месяц».

Мужчина не смог понять. Он сказал: «Что же это за супружество? Если мы не живем вместе, это не супружество».

Женщина сказала: «Тогда все кончено для тебя; я не могу жить с тобой, потому что знаю: совместная жизнь обязательно убьет самое важное между нами. Я не хочу убивать это — даже если ты женишься на ком-то другом, не имеет значения. Я буду помнить тебя в своих грезах, в своих воспоминаниях, — и те золотые мгновения, что были между нами, — но я не допущу фиксированной связи».

Рабиндранат дает вам идею гибкой связи. В действительности связи нет — только любовный роман, который продолжается и продолжается, и вы никогда не ходите в контору по регистрации супружества.

Если вы не далеко, вы не можете быть рядом. Если вы остаетесь всегда далеко, любовь умрет. Если вы остаетесь всегда рядом, любовь умрет. Любовь может выжить только в непрерывно текущей связи — без крепостной зависимости, без цепей, без заключения. Я полюбил эту новеллу очень сильно. Это не новелла, а мечта о будущем человечестве.

А другие из вас звали меня, но безмолвно, и говорили:

«Незнакомец, возлюбивший недоступные выси, почему ты живешь среди вершин, где орлы вьют гнезда?»

Почему ищешь ты недостижимое? Какие бури хотел бы ты поймать в свои сети, и за какими прозрачными птицами охотишься в небе?»

Приди и будь одним из нас. Спустись, насыть свой голод нашим хлебом и утоли жажду нашим вином».

Альмустафа говорит: «Я благодарен за ваши приглашения, но не смог бы последовать им, потому что я знаю нечто большее, чем известно вам. Я среди вас, но я не один из вас — потому что мой поиск иной, потому что мой вызов ведет меня к вершинам, недостижимым вершинам».

Мать Кейко говорила мне: «У вас здесь столько женщин, я не хочу, чтобы моя дочь тоже была одной из них».

Я сказал ей: «Здесь каждый — индивидуальность. Хоть они и живут вместе с другими, тем не менее, каждый одинок — сам поиск является внутренним. Люди приходят сюда медитировать, а в медитации вы одиноки. Вы можете сидеть с тысячами людей, но в тот миг, когда вы закрываете глаза и вступаете в свой собственный мир, вы одни.

Я всеми силами пытаюсь разрушить толпу внутри вас и сделать вас индивидуальностью — вершиной самому себе.

Вы можете совещаться с другими вершинами, можете сидеть с другими вершинами, можете

делиться с другими вершинами, но все же ваша одинокость остается чистой и девственной.

Человек может быть действительно гордым, лишь, если его одиночество девственно. В противном случае он становится рабом, он становится зубчиком колеса. В этом и состоит моя борьба против целого мира.

Все религии сводили людей в толпы — католики, протестанты, индуисты, мусульмане — все это толпы. Мои люди не толпа, каждый обладает своей собственной индивидуальностью. Вот почему я не даю вам никакой дисциплины, не даю вам никакого идеала, не даю вам никаких «должно». Я лишь объясняю вам, как осознавать.

В вашем сознании вы обнаружите свои «должно», вы обнаружите свой идеал, вы обнаружите свой путь, вы обнаружите свою цель и свой источник — но это будет индивидуальным.

Духовное паломничество — это полет от одинокого к одинокому.

Это не феномен толпы.

У религии нет ничего общего с толпами; она, по существу и окончательно, индивидуальна. Но это трудно понять.

Мать Кейко была так наполнена буддизмом — она специалист по чайной церемонии. Но я хочу знать, что за чайную церемонию она совершает, если она так раздражена, даже разговаривая со мной. Я наблюдал за ее руками: она сжимала их в кулаки, контролируя себя, как будто собиралась ударить меня. Она заламывала свои руки...

Я всегда наблюдаю за руками, потому что вы не осознаете, что делаете ими, а они, по существу, выдают вашу сокровенную суть. Ваши слова могут лгать, но ваши руки еще не знают, как лгать. Они более невинные.

Она разговаривала со мной, как будто она весьма культурная, но руки выдавали ее варварский дух.

В одиночестве своих душ говорили они эти слова;

Но будь их одиночество глубже, они бы знали, что я искал лишь секрет вашей радости и вашей боли...

Если бы вы вошли глубже в свое собственное уединение, вы бы обнаружили, что я разыскиваю не только свой источник жизни, радости и боли, но также источник вашей жизни, радости и боли — потому что они не разные.

В источнике мы — одно.

Точно как в океане, все реки становятся одним.

Вы наблюдали одно странное явление? Уже миллионы лет тысячи больших рек вливаются в океан, но им не удавалось забрать соленость у океана; им не удавалось сделать воду сладкой. Океан настолько огромен, что миллионы рек за миллионы лет несколько не изменили его соленость. Он остается тем же самым — все те реки исчезают внутри одного источника.

Мы все — реки, которые движутся с разной скоростью, по разным территориям, но всегда в направлении океана, — где вы станете единым целым, где вы неожиданно узнаете, что реки, которые были отдельны от вас, больше не отделены.

... и охотился лишь за вашей большей сущностью, что странствует в небесах.

Халиль Джебран говорит: «Вы спрашиваете меня: "Зачем ты уходишь на вершины? Что ты разыскиваешь там в одиночестве?"»

И Альмустафа сказал: «...охотился лишь за вашей большей сущностью, что странствует в небесах... потому что и это тоже мое. Разыскивая себя, я разыскивал и вас тоже».

Но охотник был и добычей тоже...

Это очень значительное утверждение. Дж. Кришнамурти всю свою жизнь повторял одно утверждение: «Наблюдатель есть наблюдаемое, познающий есть познаваемое; они не являются

двумя».

Пока вы считаете их двумя, вы в темноте и невежестве. В тот миг, когда вы видите, что охотник также и добыча, что нет дуальности между охотником и добычей, между познающим и познаваемым, между наблюдателем и наблюдаемым, между мною и вами, — дистанция становится иллюзорной, потому что в нашем истинном источнике мы — одно.

Ибо многие стрелы покинули мой лук лишь затем, чтобы вонзиться в мою грудь.

«Я думал о какой-то далекой мишени, но позже обнаружил, что мои стрелы покинули мой лук лишь затем, чтобы вонзиться в мою грудь. Я скитаюсь вдали, просто чтобы достичь своего дома, просто чтобы добраться туда, где я всегда был».

Так что цель поиска — это, по существу, пробуждение. Если ночью во время сна вам снится, что вы в Риме, и если внезапно кто-то разбудит вас, неужели вы скажете ему: «Погоди! Я должен долететь из Рима до Пуны, потому что сейчас я в Риме»? Нет, в момент вашего пробуждения Рим исчезает. Вы находите себя в своей постели, в своей комнате своего дома, вы никогда не уезжали в Рим.

Это и есть наша действительная ситуация. Мы думаем, что мы куда-то ушли, далеко-далеко от самих себя. Нет, абсолютно нет... вам только снится, что вы ушли столь далеко. В момент своего пробуждения вы вдруг обнаруживаете, что всегда были здесь — и всегда будете оставаться здесь.

Здесь и сейчас — единственное существование.

Не бывает другого существования.

И кто летал, тот и ползал; ибо, когда я расправлял свои крылья под солнцем, их тень на земле была черепахой.

Прекрасная метафора: когда мои крылья были под солнцем, далеко в небе, моя тень была просто черепахой на земле. Это была моя тень, каким бы ни было расстояние, она принадлежит мне.

Проблема в том, что вы отождествились с черепахой, тенью, и позабыли «летающего под солнцем», который является вашей реальностью. Момент вашего понимания, что отождествленность со своей тенью — это единственная проблема...

Как-то ранним утром лисица выбралась из своей норы, очень голодная, в поисках завтрака. Солнце восходило, и тень от лисицы сделалась такой длинной, что она подумала: «Боже мой! Кажется, мне потребуется, по крайней мере, целый слон, если не два, на завтрак».

Она принялась разыскивать слонов, но ей не удалось найти ни одного. В полдень солнце оказалось прямо над головой, и она опять проверила тень. Тени не было — тень была прямо под ней, даже меньше ее. Она подумала: «Что произошло? Неужто голод довел меня до такого маленького размера? Сейчас, если я получу только кролика, голод не пройдет».

Это притча Эзопа. Эзоп писал только притчи, но они несут столько смысла, что каждая притча может стать светом для вас, помочь найти самого себя.

С чем вы отождествляетесь?

Отбросьте все отождествление, и вы обнаружите свою реальность.

И я, верующий, предавался сомнению...

Люди обычно разделяют; они говорят, что кто-то верующий, а кто-то сомневающийся. Они не знают, как вы можете верить, если вы не сомневаетесь. Как же вы будете верить, если не сомневаетесь? И как можете вы сомневаться, если не верите? Это две стороны одной и той же монеты.

Каждый верующий подавил свое сомнение верой, и каждый сомневающийся подавил свою веру сомнением. Тут нет разницы. Самое большее, разница в том, что вы стоите на голове, а кто-то стоит на ногах. Но какая же разница?

Я слышал, что первый премьер-министр Индии, пандит Джавахарлал Неру, обычно занимался стойкой на голове каждый день в своем парке на лужайке. Однажды осла, который представлял других ослов, прислали с сообщением: «Нас большинство, а меньшинство управляет нами. Осел в Индии в три раза больше, чем людей, — к тому же большинство из людей только выглядят как люди, но относятся они к ослам».

Ослы были очень сердиты. Они провели национальную конференцию и выбрали самого красноречивого осла, который был способен говорить за них. Осел этот стал красноречивым из-за того, что его хозяин был помешан на газетах; с раннего утра он читал газеты, а осел обычно стоял рядом. Со временем осел тоже начал заглядывать в газету. Постепенно он изучил то, что было в газетах, поскольку его хозяин имел привычку читать не про себя, а вслух. Многие люди читают вслух: если они не слышат это, они не верят своим глазам. Так осел сделался со временем почти что ученым. Его и избрали идти к пандиту Джавахарлалу Неру и сказать ему: «Меньшинство управляет страной, но мы — ослы — в большинстве, это недемократично. Мы требуем свои права!»

Двое полицейских были у ворот — привратники — но они не беспокоились насчет осла. Если бы там был какой-то человек, они бы задержали его, но это был всего лишь осел... и если он получает удовольствие от небольшой прогулки в саду, пускай порадуется — они были уставшими, почти спали, целую ночь, простояв там — только и ждали других, которые займут их место.

Так осел вошел и обнаружил Джавахарлала стоящим на голове. Осел сказал ему: «Доброе утро, сэр». Джавахарлала подскочил: он никогда не слышал, чтобы осел разговаривал. Он посмотрел кругом... кто говорит? Осел сказал: «Пожалуйста, простите меня. Не сердитесь, я — говорящий осел».

Джавахарлал сказал: «Целый день в парламенте — с кем, вы думаете, я имею дело? И если говорящие люди ведут себя как ослы, что странного в говорящем осле? Так что продолжай и скажи, чего ты хочешь».

Осел сказал: «Мы требуем свое основное право, которое предусмотрено конституцией, но никто не обращает внимания на наше большинство».

Джавахарлал сказал: «Кто тебя впустил? Сейчас не время, сначала ты должен записаться на прием. Ты перебиваешь мое упражнение».

Осел сказал: «Я вошел на глазах у двоих привратников, и они не остановили меня. Наверное, они подумали, что осел не нанесет вреда: он не может убить премьер-министра, у него нет огнестрельного оружия. Он всего лишь бедный осел».

Но они и понятия не имели, что я ученый. И если меня не услышат, все ослы будут бастовать — мы перегорим все дороги и весь транспорт, и тогда вы поймете. Я не собираюсь записываться на прием — вам придется записаться на прием, чтобы встретиться со мной. Я ухожу, всего хорошего».

Говорят, что Неру никогда не был потрясен так сильно, как тогда, когда осел заговорил. Но в чем же разница?

Люди способны разговаривать, но если их разговор не исходит из глубокого источника молчания, он точно такой же, как у осла.

Осло можно нагрузить Кораном, Библией, Гитой, Ведами, Торой, и они смогут нести весь этот груз. Вы думаете, это сделает осла великим ученым? Если ваша голова носит внутри только чужие идеи, разница невелика. Груз есть в вашей голове, и груз есть у осла на спине. Фактически, он нагружен меньше вас, потому что спина ограничена, а в вашей голове ограничения нет.

Ученые говорят, что один человеческий мозг может вместить все библиотеки мира — так

велик объем груза, который вы можете нести. Осел не в силах нести все библиотеки мира. Поэтому всего лишь обладание другим телом, умением стоять на двух ногах не приводит ни к какому существенному и фундаментальному отличию.

Единственное различие возникает, когда вы безмолвны; тихий голос слышится изнутри, но это слышно, лишь, когда ум совершенно молчалив и пуст.

Сейчас же ум полон, а ваше сердце пусто.

Должен быть сделан обратный ход.

Ваш ум должен быть пустым — проходом, — а ваше сердце должно быть полным. Ум должен быть просто слугой сердца — тогда это прекрасный механизм. Но он стал хозяином, и это самая уродливая ситуация.

Ибо часто я влагал перст в свою рану, чтобы более поверить в вас и лучше узнать вас.

Он говорит, что вы продолжаете прятать свои раны — но вам не скрыть свои раны от меня. Часто я влагал перст в свою рану, - почувствовать, сколько боли вы переносите, узнать, что за рана у каждого. Но почему там должна быть рана вместо цветка? Рана не ваш удел, ваш удел — весенний расцвет.

И вот с этой верой и знанием я говорю:

Вы не заточены в свои тела, и вас не удержат дома и поля.

Все, что есть вы, обитает над горами и странствует с ветром.

Из своего опыта походов в горы, в леса я могу сказать с уверенностью, что вы не ограничены своими телами. Ваша истинная сущность безбрежна. Она может вмещать все небо внутри себя.

Это не тварь, выползающая на солнце погреться или роющая ходы во тьме, чтобы укрыться от опасности,

Но нечто свободное, дух, который объемлет землю и движется в эфире.

Вы не что иное, как сущность свободы, и если вы не реализовали это, вы зря потратили свою жизнь. На Востоке лучшее слово для окончательного переживания — это *мокша*, и *мокша* означает «абсолютная свобода», свобода ото всех оков — тела, ума, всего того, что ограничивает вас. Мысль, предубеждение, знание — все это накладывает ограничение на вас.

Только невинность может быть столь же безбрежной, как небо, потому что невинность не имеет пределов.

Если эти слова туманны, не пытайтесь прояснить их.

Помните это выражение. Потому что мистики беспомощны, они могут говорить лишь туманными словами. Слова не способны выразить их безбрежное переживание, они слишком малы — потому-то они и вынуждены пользоваться туманными словами, символами, метафорами, поэзией, притчами.

Если эти слова туманны, не пытайтесь прояснить их... Есть мыслители и философы, которые заняты только одной работой — они пытаются сделать слова мистиков ясными, убедительными. Но они уничтожают... они уничтожают тайну. Туманные слова обладают тайной.

Смутно и туманно начало всех вещей, но не конец их,

И я буду рад, если вы будете помнить меня как начало.

Никакой подлинный мистик, никакой подлинно мудрый человек не может сказать: «Я — конец». Он может лишь говорить: «Я — начало», — потому что никто никогда не достигал конца.

Мы живем в бесконечном, вечном сущем.

Конца нет — только рост, и большой рост. Вы все время подходите ближе, ближе и ближе, но никогда не достигаете. Но начало прекрасно, как прекрасно раннее утро, и у мудрости нет

заката.

И я буду рад, если вы будете помнить меня как начало.

Жизнь и все живое зарождается в тумане, а не в кристалле.

И кто знает, может кристалл — это рассеивающийся туман?

Помните вашу тайну.

Это одно из преступлений, которое совершается наукой. Вся программа научного познания — узнать все, и узнать это ясно, кристально ясно. Иными словами, наука — это демистификация сущего. Но демистификацией сущего разрушается вся красота, вся истина, все то, что не материально, — наука хороша для объективного мира.

Религия — это тайна.

Наука демистифицирует.

Избегайте демистификации своих внутренних переживаний. Пусть они остаются тайной, потому что только как тайна они могут дышать, расцветать, расти. Как только вы демистифицировали их, вы убили их.

Вот почему наука до сих пор не пришла к выводу, что у вас есть душа, — потому что они поверят в душу, только когда смогут найти ее — анатомируя вас, разрезая вас на части, ухватив вашу душу и вынув ее. Тогда они скажут: «Да, душа есть».

Это так же глупо, как давать цветок розы ученому. Вы говорите: «Он прекрасен», — а тот скажет: «Я узнаю», — и оторвет все лепестки, разрежет их, проанатомирует и объявит: «Я не нахожу никакой красоты». Уже своим анатомиранием он разрушил красоту, своим анатомиранием он разрушает человеческую душу. Все, что есть прекрасного, все, что есть живого, — за пределами науки.

Где кончается наука, начинается религия.

Альмустафа прав: *Помните меня всегда как начало.*

Это верно насчет самой религии.

Это всегда начало.

Это всегда восход солнца, а не закат.

- Хорошо, Вимал?

- Да, Мастер.

23. ДВЕРИ ТАЙН

9 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Мне хочется, чтобы, вспоминая обо мне, вы помнили: То, что кажется в вас самым слабым и смутным, — самое сильное и ясное.

Разве не ваше дыхание подняло ваши кости и укрепило их?

И разве не сон, которого никто из вас не помнит, построил ваш город и придал облик всему, что в нем есть?

Если бы вы только могли видеть приливы того дыхания, вы перестали бы видеть все другое.

И если бы вы могли слышать шепот того сна, вы не смогли бы слышать иные звуки.

Но вы не видите и не слышите, и это хорошо.

Пелену, что застилает ваши глаза, поднимут руки, которые ее соткали, и глину, что закрывает ваши уши, вынут пальцы, которые ее замешивали.

И тогда вы увидите. И тогда вы услышите.

Но вы не будете жалеть о том, что познали слепоту, и раскаиваться в том, что были глухи.

Ибо в тот день вы узнаете сокровенные цели всех вещей, И вы благословите тьму, как благословляли свет».

Сказав это, он посмотрел вокруг и увидел, что кормчий его корабля стоит у руля и смотрит то на поднятые паруса, то вдаль.

И он сказал:

«Терпелив вожатый моего корабля.

Веет ветер и беспокойны паруса;

Даже руль просит дать ему направление.

Но спокойно ждет вожатый, когда я умолкну.

И моряки, которые слышали хор великого моря, терпеливо слушали меня.

Теперь им не нужно больше ждать. Я готов.

Ручей достиг моря, и вновь великая мать прижимает своего сына к груди».

Мне хочется, чтобы, вспоминая обо мне, вы помнили: То, что кажется в вас самым слабым и смутным, — самое сильное и ясное. Альмустафа говорит свои последние слова людям, среди которых он провел двенадцать лет. Но таково сострадание человека мудрости — несмотря на игнорирование, пренебрежение, осмеяние — а порой и осуждение — он по-прежнему испытывает огромную любовь и огромное сострадание к тем людям, которые всегда дурно обходились с ним.

Когда Аль-Хилладж Мансура, суфийского мистика, убивали фанатики и изуверы, там были тысячи людей; и они поверить не могли, что, когда человека убивают так жестоко — даже Иисуса не убивали таким жестоким способом, — он может оставаться отстраненным. Сначала они рубили его ноги, потом рубили его руки, потом выкалывали его глаза — часть за частью. Но все это время, когда кровь струилась из каждой части его тела, он улыбался. Кто-то спросил: «Почему ты улыбаешься?»

Он сказал: «Я улыбаюсь, потому что вы не знаете, что делаете, вы крепко спите; если бы вы

проснулись, вы поняли бы мою улыбку. Моя улыбка показывает, что вы не убиваете меня; вы убиваете самих себя. Разрушение моего тела меня не уничтожит, но разрушая мое тело, вы разрушаете единственный пример своей будущей славы, своего будущего роста, своей будущей актуализации.

Когда я говорю, что вы уничтожаете именно себя, я подразумеваю вот что: вы устраняете из своего бытия того, кто мог бы пробудить вас, — настолько вы испуганы. Это из-за страха вы убиваете меня, из-за страха: «Этот человек собирается пробудить каждого», — а вы не хотите пробуждаться. Вы так сильно вовлечены в свой сон и в свои грезы, что и знать не хотите об истине».

Альмустафа не держит зла на этих людей, но испытывает лишь глубокое сострадание. И так бывало со всеми мистиками.

Всего три года назад я предсказывал, что, если вы не измените свои прогнившие идеи насчет человеческой энергии, насчет секса, насчет естественного человеческого роста, две трети человечества умрут от СПИДа. Я сказал это на мировой пресс-конференции, но никто не поверил мне. Они не смогли найти нигде никакого признака, подтверждающего мое предсказание — возможно, и умрет немного людей от болезни, но не две трети всего человечества.

Как раз сегодня мой личный врач, доктор Амрито, прислал мне сообщение: «Впервые медицина подтверждает Ваше предсказание, потому что во многих местах Америки заражение достигло семидесяти процентов», — мое предсказание было только шестьдесят шесть процентов. И то же происходит в Африке; возможно, процент там даже больше, просто отсутствует медицинское обследование.

Анандо, один из моих секретарей, тоже принес несколько газетных вырезок показать мне. Я твердил годами, что ваши так называемые религии ответственны — целиком ответственны — за эту разрушительную болезнь, которая захватит весь мир. Быть может, еще до того, как ядерное оружие и Рональд Рейган уничтожат вас, вы будете уже уничтожены этой болезнью.

В тех вырезках были сообщения, что у многих католических священников обнаружили СПИД. Многих католических священников в Америке повыгоняли — они подросту исчезли; церковь будет продолжать платить им жалование, но она хочет скрыть тот факт, что ее священники гомосексуалисты. Это не единичный случай; по всей Америке были дюжины священников, у которых обнаружили СПИД. Два священника, у которых хватило смелости, даже вышли и публично заявили: «Мы страдаем от СПИДа, и мы не считаем, что гомосексуализм противоречит католической религии».

Я согласен с ними. Фактически, католическая религия — и другие религии, — все они за гомосексуализм. Нет религии против гомосексуализма; именно своим непрерывным акцентированием на безбрачии они создали извращенное человечество. Даже не верится, что есть места, где семьдесят процентов людей становятся гомосексуалистами, а их число приближается к такому уровню и в других местах.

Но такова слепота человека и такова его глухота.

Он никогда не будет слушать истину, когда еще есть время что-то исправить. Теперь это уже почти за пределами наших сил; мы можем быть всего лишь беспомощными зрителями.

Вы не поверите этому: несколько дней назад тридцать полицейских офицеров напали на гомосексуальный клуб среди ночи, и все они были в резиновых перчатках. Когда в новостях опубликовали, что все эти тридцать офицеров были в перчатках, глава полицейского департамента отрицал это. Но там были фотографии, и в конце концов ему пришлось забрать назад свое отрицание. Он сказал: «Они надевали перчатки, чтобы защититься от гепатита». Это что-то абсолютно новое; никто никогда не слышал о возможности защититься от гепатита,

надевая перчатки; как помогут перчатки? — гепатит нельзя предупредить перчатками! Конечно, те тридцать полицейских офицеров тоже были связаны с гомосексуализмом, а нападение на гомосексуальный клуб было лишь предлогом попасть туда.

Самое странное, что человек никогда не готов понять истину, когда еще есть время сделать что-то. Со временем он познает ее, но слишком поздно.

Сейчас, в момент отъезда, когда Альмустафа стоит на палубе своего корабля, люди готовы слушать его. Он пробыл среди них двенадцать лет, и никто даже не поинтересовался тем, что этот странный человек носит в сердце; никто не позволил ему быть частью города Орфалеса. Он оставался там двенадцать лет, но он был чужаком.

Когда в Америке мою коммуны саньясинов разрушили, я, находясь три дня в заключении, беседовал с тюремщиком. Он был замечательным человеком, он не был частью заговора. Вначале меня поместила в другую тюрьму, которая являлась частью заговора, но я настоял на суде: «Замените тюрьму! Меня не волнует, отпустят меня на поруки или нет, но я не могу быть в этой тюрьме. У вас в городе есть две тюрьмы, в я выбираю другую, потому что в этой тюрьме мне не дали даже подушки или одеяла; хотя бы чем-нибудь застелить стальную скамью, голую стальную скамью — они не дали ничего». Я просидел целую ночь, а когда просил их, они говорили: «У нас нет никаких подушек, у нас нет никакого одеяла». Я сказал: «Эта тюрьма, по-видимому, часть заговора. Поместите меня в другую тюрьму».

Они не предвидели такого, поэтому им не удалось заранее оказать давление на другого тюремщика; это было неожиданно. Я был переведен в другую тюрьму, и тюремщик сказал мне: «Я знаю, вы не виновны — я слышал весь процесс. Нет никакой причины арестовывать вас, но, к несчастью, вы чужой здесь. Это ваше единственное преступление».

Я спросил его, как только мы подружились больше: «Сколько вы пробыли в Америке? — три поколения, четыре поколения? Сколько Рональд Рейган пробыл в Америке — два поколения, три поколения? — потому что Америке не исполнилось и трехсот лет. Вы такой же чужой, как и я. Фактически, вы еще более чужой, ведь вы пробыли здесь дольше; вы здесь чужие уже целую сотню лет, я же был чужим всего три года. Это простая арифметика».

Он рассмеялся: «Правильно».

Но они уничтожили туземных американцев, загнали их в своеобразные концентрационные лагеря, в тюрьмы, в джунгли — они называют их резервациями. Эти люди имеют право жить только в резервациях — настоящие хозяева Америки; они и есть единственные американцы, а люди, которые претендуют быть американцами... никто из них не американец. Они прибыли из всех стран Европы — кто-то из Испании, кто-то из Португалии, кто-то из Англии, кто-то из Италии, кто-то из Германии. Все они иностранцы.

Поэтому я сказал: «Вы думаете, быть иностранцем двести лет, дает вам определенные привилегии? Я новый иностранец, вы старый иностранец, тут не должно быть никакого антагонизма — мы оба иностранцы. Фактически, это вы захватчики; мы не захватчики. Вы заставили людей отдать свою землю вам, а мы купили землю, мы заплатили назначенную цену».

Он сказал: «Время от времени мы тоже платили».

Я ответил: «Знаю. Вы приобрели весь город Нью-Йорк за тридцать слитков серебра — это вы называете ценой? И это бизнес? Вы заставили тех несчастных людей уйти с земли всего за тридцать серебряных слитков. Такую же цену назначили евреи Иуде за Иисуса Христа; похоже, они заплатили слишком много — лишь за одного человека тридцать серебряников; вам пришлось убить тысячи людей, чтобы освободить ту землю, где теперь Нью-Йорк, а тем, кто был готов уехать, — в особенности вождю — вы заплатили тридцать серебряников. Вы называете это ценой?»

Он сказал: «Я сожалею; это не цена».

Зато быть чужим — это преступление. Если человек чужой другим людям, тогда с кем же вы собираетесь дружить, с кем собираетесь жить по-братски, к кому собираетесь проявлять свою любовь?

Жители Орфалеса говорили Альмустафе снова и снова:

«Ты — чужой, ты не должен находиться здесь, ты не наш. Чем разговаривать с нами, лучше говори с деревьями; чем быть с нами, лучше ступай на горную вершину. Ты не только с какой-то другой земли, ты — человеческое существо совершенно иного сорта. Больше времени ты молчишь, на большинство вопросов не отвечаешь. А когда отвечаешь, твой ответ не приспособлен к традиции, к ортодоксальному, к тому образу жизни, которым мы жили всегда».

Но он совсем не обижался. Никакой мистик никогда не чувствовал обиды; что бы вы ни сделали — даже если бы убили или отравили, — он не рассердится на вас.

Разве не ваше дыхание подняло ваши кости и укрепило их?

А дыхание — это чужой, оно приходит снаружи, из далеких земель. Вы можете даже и не знать, откуда оно приходит, но разве не дыхание укрепляет ваши кости, заставляет циркулировать вашу кровь, устраняет весь яд, всю двуокись углерода, которая, накапливаясь, может убить вас? Разве не дыхание дает вам кислород и жизнь? Но дыхание — это чужой. Гаутама Будда приходит в мир как дыхание, как весна.

И разве не сон, которого никто из вас не помнит, построил ваш город и придал облик всему, что в нем есть?

Помните одну вещь: все, что Зигмунд Фрейд говорит насчет сновидений, — только частичная истина, потому что все прекрасные сооружения в мире...

Тадж-Махал был, очевидно, грезой в уме творческого художника. И император собрал величайших скульпторов и каменотесов со всей Азии — это заняло почти тридцать лет; одна тысяча скульпторов и десять тысяч рабочих трудились тридцать лет непрерывно.

Что же стало наградой мечтателю, чья греза воплотилась в реальность?

Вы, наверное, не знаете, что произошло со всеми теми людьми, которые принимали участие в создании Тадж Махала, самого прекрасного сооружения в мире. В ночь полнолуния он опять становится подобным грезе; видя его в ночь полнолуния, вы сомневаетесь — грезите вы, или это реально?

Император отрубил руки тысяче художников, которые трудились всю свою жизнь, потому что император не желал, чтобы они когда-нибудь создали еще одно сооружение, которое стало бы лучше Тадж Махала — или хотя бы сравнилось с Тадж-Махалом. Это и была награда...

Все то, что вы видите в мире, — научный прогресс, технология, великие сооружения, огромные сады — было однажды только мечтой. Сегодня, когда вы летите по небу на самолете, вы никогда не думаете, что вы летали в грезах двух молодых парней, братьев Райт. А их осуждали... они были не очень опытными, одному было двадцать, другому двадцать два, молодые ребята, но их захватила мечта: если птицы могут летать, должен быть механизм, который заменит крылья птиц. Простая идея... но они были бедны.

Их отец работал в велосипедном магазине, он торговал велосипедами, сдавал их в аренду, и в подвал их дома он набросал велосипедные части, которые пришли в негодность, сломались. Ночью те двое мальчишек пропадали в подвале, пытаясь создать летающую машину из бесполезных частей. Семья считала их ненормальными, весь город смеялся, но они неудержимо продолжали работать.

В день, когда их первая летательная машина была готова, они боялись рассказать кому-нибудь. Они вынесли машину из дому ночью, когда все спали, а утром, с восходом солнца, они опробовали ее в первый раз. Она взлетела не очень высоко — всего на шестьдесят футов высоты, и не очень надолго — всего одну минуту она оставалась в воздухе — но этого было довольно;

принцип был обнаружен. Если машина может подняться на шестьдесят футов, она может подняться и на шесть тысяч футов; если машина может продержаться одну минуту, она продержится часы. Основной принцип был обнаружен.

Тогда они сообщили всему городу — даже их родители пришли посмотреть. Никто не верил этим безумным мальчишкам — целый день они спят, а целую ночь они работают — и кто когда-нибудь слышал, что из бесполезных велосипедных частей можно сделать самолет? Весь город собрался, и снова им удался полет. Тогда со всего мира люди, которые интересовались летательными машинами, помчались туда.

Дом братьев Райт стал почти Меккой. Великие ученые приезжали выразить им свое почтение: «Мы тоже мечтали об этом, но мы никогда не верили в наши мечты так сильно. Вы — исключение. Вы верили в свою мечту, вы доверяли своей мечте; это ваше доверие превратило мечту в действительность».

Альмустафа говорит: «Вы просто игнорировали меня — мечтателя. Когда я говорил вам, что мой корабль должен прибыть, вы смеялись; вы спрашивали у меня: «Когда прибывает твой корабль?» — прошел год, прошло два, прошло одиннадцать лет — «Когда приходит твой корабль?» Но я доверял своей мечте, меня никогда не волновали ваши сомнения, я был абсолютно уверен, что корабль придет. Я не мог бы предсказать дату, но сейчас вы видите, он пришел — и, видя мечту, ставшую реальностью, вы готовы слушать меня, но слишком поздно. Вы будете вспоминать меня — я знаю, — когда я уйду. Поэтому вспоминайте меня как *то, что кажется в вас самым слабым и смутным, — самое сильное и ясное.*

Мечта очень слаба, очень хрупка, но, если вы верите в нее, она может стать действительностью. У вас есть способность и энергия трансформировать мечту в истину.

Если бы вы только могли увидеть приливы того дыхания, вы перестали бы видеть все другое.

И если бы вы могли слышать шепот того сна, вы не смогли бы слышать иные звуки.

Если вы начинаете слышать шепот своей грезы, которая трепещет крыльями в вашем сердце, — вы не услышите никакого иного звука. Это настолько завладеет вами, что вы будете готовы пожертвовать чем угодно. А человек тогда лишь человек, когда он способен мечтать о недостижимом; собаки и кошки тоже грезят, только о пище.

Я слышал, однажды пес и кот поспорили. Кот говорил: «Прошлой ночью мне снилось, что мыши сыпались с неба — столько мышей!»

Пес рассмеялся. Он сказал: «Ты идиот, кот, разве не знаешь, что сыплются всегда кости, а не мыши? Я тоже видел сон прошлой ночью, так что заткнись и никому не рассказывай; истина в том, что я видел своими собственными глазами: кости так и сыпались вокруг. Вот была радость!»

Вы тоже грезите. Но является ли ваша греза чем-то таким, что выводит вас за пределы самих себя? Или вы мечтаете о деньгах, власти, престиже, респектабельности — тогда вы грезите только о костях и мышцах. Те, кто кошки, будут грезить мышцами, те, кто собаки, будут грезить костями. Но вы не человек, если вы не грезите чем-то недостижимым — и ту грезу о недостижимом не игнорируете утром как всего лишь грезу, но она становится вашей истинной жизнью, вашим истинным поиском. Вопрос не в том, обнаружите вы недостижимое или нет. Но, пытаясь обнаружить его, вы будете становиться чем-то подлинным, индивидуальностью.

Помните это: нет необходимости найти недостижимое. Но, приняв вызов, все то, что бездействовало в вас, станет активным, все то, что вы никогда не использовали, дружно заработает внутри вас. Потому что вопрос не в том, чтобы добраться до недостижимого, — вы сами должны быть тотальным и интенсивным, быстрым и сильным.

Я не забочусь, доберетесь вы до недостижимого или нет, но, пытаясь добраться туда, вы

обретете свой потенциал, свое изначальное лицо. Вы придете к цветению.

Но вы не видите и не слышите, и это хорошо.

Альмустафа говорит: «Вы не видите, вы не слышите, но я не осуждаю вас; это хорошо — ведь вы спите. Я не говорю, что вы делаете неправильно, я просто говорю, что вы теряете возможность».

Пелену, что застилает ваши глаза, поднимут руки, которые ее соткали...

Стало быть, не волнуйтесь. Если ваши глаза закрывает пелена, ожидайте! Вы найдете руки, которые уберут ее. Я мог бы сделать это, но вы не позволили мне.

Вспомните меня, когда придет еще один чужак с другой земли, с той, далекой, стороны — не держитесь на расстоянии. Подойдите ближе к нему, позвольте ему удалить пелену, что делает вас слепыми.

...и глину, что закрывает ваши уши, вынут пальцы, которые ее замешивали.

Помните меня всегда как того, кто любил вас, хоть вы не сумели ни увидеть, ни услышать этого, — кто принимал вас такими, как вы есть, потому что моя вера в будущее безгранична. Сегодня вы можете не увидеть, но завтра или послезавтра... У вас есть глаза, поэтому рано или поздно вы обязательно увидите; и у вас есть уши, поэтому рано или поздно вы обязательно услышите.

И тогда вы увидите.

И тогда вы услышите.

Но вы не будете жалеть о том, что познали слепоту.

Вот что такое сострадание.

Это небольшое слово «сострадание» содержит так много...

— Но, — говорит Альмустафа, — вы не будете жалеть о том, что познали слепоту, — никогда не жалеете об этом, никогда не раскаивайтесь в этом, — *...и раскаиваться в том, что были глухи.*

Возможно, это было частью вашего роста; возможно, вы нуждались в этом; возможно, время не пришло, возможно, ваши глаза и уши ожидали прихода весны, — я не осуждаю вас. Я хочу, чтобы вы помнили об этом, и не осуждали себя, потому что как только человек начинает осуждать себя, он теряет уважение и достоинство в своих собственных глазах.

Поэтому когда вы начинаете видеть и слышать и когда вы начинаете движение к далекой звезде в поисках истины, не сетуйте на те дни, которые прошли без всякого роста, без всякого прогресса. Возможно, вы готовились, возможно, вы становились сильнее, возможно, покой был необходим. Это сострадание, не сожаление.

Ибо в тот день вы узнаете сокровенные цели всех вещей,

И вы благословите тьму, как благословляли свет.

В этот день понимания, в этот день рассвета вы будете в состоянии увидеть, что не только свет необходим — тьма тоже существенна.

Вы сможете благословить и свет и тьму. Они не противоположны, они взаимодополняющи; одно не может существовать без другого.

Сказав это, он посмотрел вокруг и увидел, что кормчий его корабля стоит у руля и смотрит: то на поднятые паруса, то вдаль.

И он сказал:

«Терпелив вожатый моего корабля. Ветер дует, и неспокойны паруса;

Даже руль просит дать ему направление;

Но спокойно ждет вожатый, когда я умолкну.

И моряки, которые слышали хор великого моря, терпеливо слушали меня.

Теперь им не нужно больше ждать, я готов.

Ручей достиг моря, и вновь великая мать прижимает своего сына к груди».

Никто не может ничего пережить до того, как подойдет его время, никто не может осуществиться раньше, чем решила его судьба. Понимание этого приносит огромное терпение.

Эти слова — о капитане, который терпелив, сверхтерпелив, — на самом деле о сущности каждого; она сверхтерпелива. Жизнь проходит, но ваша сущность никогда не выказывает нетерпения. Она ожидает и ожидает, до тех пор, пока вы сами не сообразите, что время пришло и теперь должно начаться путешествие. Она ждет до тех пор, пока вы не скажете всего того, что должны сказать; и не сделаете всего того, что должны были сделать; и не прожили всего того, что должны прожить. До того момента, пока вы не почувствуете: «Я готов», — сущее ожидает вас с огромным доверием; не имеет значения, когда вы скажете: «Я готов».

Но если вы не говорите: «Я готов», — реализации не будет. Лишь с вашей готовностью *ручей достиг моря, и вновь великая мать прижимает своего сына к груди.*

Река исчезает в океане, откуда она возникла.

Религия — это поиски вашего изначального источника — откуда вы возникли, она не ведет на поиски чего-то легкого; она ведет на поиск того, что вы оставили позади. Это движение глубже, внутрь вас — где по-прежнему из одного и того же источника пламя света получает свое питание. Вы не найдете его больше нигде.

Те, что смотрят наружу, смотрят напрасно.

Только тот, кто устал высматривать извне, кто устал от непрерывных неудач, закрывает свои глаза и начинает смотреть внутрь. Это и есть начало.

В тот миг, когда вы обнаружили источник внутри себя, откуда жизнь излучается во всех направлениях — к вашему телу, к вашим глазам, к вашим рукам, к вашим ногам, — когда вы обнаружили этот центр, вы обнаружили дверь к божественному, вы пришли к океаническому чувству. С громадной силой вами овладевает решимость: «Я готов», — и ручей может предпринять прыжок, квантовый скачок, оставляя источник и выходя в безбрежный, беспредельный океан.

Эта небольшая книжка Халиля Джебрана гораздо более ценна, чем любое писание какой угодно религии, поэтому не читайте ее просто как поэзию. Читайте ее так, будто это открывает двери тайн для вас — для тех, кто здесь в поисках недостижимого, кто здесь благодаря мечте, кто здесь не из любопытства, а с искренним стремлением, подлинным желанием стать тем, кем вам назначено стать природой...

Только тогда есть блаженство — в момент, когда вы становитесь тем, что стремилось в вашем зерне, жаждало в вашем зерне прорасти, стать деревом, расцвести и наполниться цветами и ароматом... Иначе вам не найти блаженства. А человек, который не нашел блаженства, не жил вообще. Он был рожден — и умер, но он никогда не жил.

Если между своим рождением и своей смертью вы не достигаете пика просветления, вы не оказали почтения своей собственной потенциальности — вы забавлялись игрушками и оставили подлинное сокровище.

Хотя бы мои люди должны быть бдительными. Это и есть тайная школа; это не для всех и каждого, а только для тех, кто готов пожертвовать всем ради обретения истины своей жизни — потому что истина их жизни выше, чем сама жизнь.

Поэтому чем бы вы ни занимались тут — подобно подводному течению, - всегда должна оставаться бдительность: «Расту я или нет?», «Приближаюсь я к своей мечте или нет?»

Достаточно того, что вы подходите, все ближе и ближе к мечте — нет необходимости достигать ее.

Просто приближаясь, все ближе к мечте, вы становитесь своим подлинным Я. Мечта лишь предлог.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

24. МЫ БУДЕМ СНОВА ВМЕСТЕ

10 февраля 1987.

Возлюбленный Мастер,

Прощай народ Орфалеса! Этот день подошел к концу.

Он закрывается перед нами, как водяная лилия перед своим завтрашним днем.

То, что нам было дано здесь, мы сохраним,

И если этого будет мало, мы снова соберемся вместе и вместе протянем руки к дающему.

Не забывайте, что я вернусь к вам.

Еще мгновение, и моя страсть соберет песок и пену для другого тела.

Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня.

Прощай, народ Орфалеса, и юность, что я провел с тобой. Лишь вчера мы встретились во сне.

Вы пели мне в моем одиночестве, и я из ваших страстных стремлений построил башню в небе.

Но вот сон прошел, сновидение закончилось и минула заря. Полдень над нами. Наше полупробуждение превратилось в ясный день, и нам пора расставаться.

Если в сумерках памяти нам суждено встретиться еще раз, мы вновь заговорим, и вы споете мне более проникновенную песнь.

И если в другом сне встретятся наши руки, мы построим другую башню в небе.

Сказав так, он дал знак морякам; те тотчас подняли якорь, корабль отдал швартовы, и они двинулись на восток.

Как из единого сердца, крик вырвался у народа, и поднялся в сумрак, и разнесся над морем, словно могучий глас трубы.

Лишь Альмитра молчала, провожая взглядом корабль, пока он не исчез в тумане.

И, когда народ разошелся, она все еще одиноко стояла на молу, вспоминая в своем сердце его слова:

«Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня».

Прощай, Народ Орфалеса!

Этот день подошел к концу.

Он закрывается перед нами, как водяная лилия перед своим завтрашним днем.

То, что нам было дано здесь, мы сохраним,

И если этого будет мало, мы снова соберемся вместе...

Человек доверия, любви и самоотдачи никогда не теряет надежды. Он хронический оптимист; в противном случае мистики перестали бы разговаривать с вами, ибо, что дали вы им, кроме боли, страдания, осуждения и смерти? Но они продолжают надеяться вопреки всему; их стремление принести вам весну жизни действительно велико — даже всем вам вместе не под силу разрушить его. Вы уничтожили многих мистиков — распинали их, травили, побивали камнями — и все же они умирали с благословением на устах.

Прощай народ Орфалеса! Этот день подошел к концу.

Эта жизнь заканчивается, слепота и глухота безграничны, но сострадание, любовь и доверие мистиков еще сильнее, чем ваши слепота и глухота. Это и есть единственная надежда человечества.

Мистики знают, что они обращаются к стенам, но они продолжают говорить; они знают, что их не слушают, но они продолжают стучать в ваши двери. Им известно, что вы досаждаете, раздражены: зачем эти чужаки надоедают? Но невозможно для этих чужаков, для этих людей из другого мира перестать любить вас. Вы не можете сделать ничего такого, что могло бы убить их любовь, распять их сострадание.

Даже когда Иисуса распинали, он пообещал своим последователям: «Не беспокойтесь. Скоро я буду опять с вами», — как будто распятие было обычным делом. Когда Гаутама Будда умирал, тысячи его учеников плакали и причитали, а он сказал им: «Вытрите свои слезы, потому что как только вам потребуется, я буду с вами. В ваших молитвах, в ваших медитациях вы всегда обнаружите меня среди вас».

Перед уходом Махавира сказал своим ученикам: «Как только пятеро из вас соберутся в медитации, там будет также и шестой — хоть он будет и незрим. Вы, может, и не увидите меня, но я смогу видеть вас — это и есть то, что действительно важно. Я пробыл с вами восемьдесят два года, и вы не увидели меня; я был в материальном теле, а вы все не замечали меня. Так что ваше зрение не важно — важно, чтобы я видел вас.

Но вы будете чувствовать мое присутствие сильнее, потому что я уже не буду ограничен своим телом. Я окружу вас, как облако, я переполню ваши сердца, и вы будете знать, что я пришел, потому что внезапно вся атмосфера станет иной. В тот момент, когда я буду присутствовать среди вас, вы будете отсутствующими. Мое присутствие будет рассеивать ваше присутствие, как свет рассеивает темноту». А это были люди, которые много раз пытались убить его. Одна и та же история в различных контекстах — снова и снова.

Человек оказался упрямым, непреклонным, но мистики более упрямы и более непреклонны, чем вы; что бы вы ни делали, это не помешает им. Они будут продолжать работать ради роста вашего сознания — они по-прежнему работают, а вы по-прежнему занимаетесь теми же глупыми вещами, что и раньше. Это странная история любви и ненависти. Со стороны мистиков это любовь, со стороны масс это ненависть. И этого не изменить.

Возможно, это закон природы: у масс нет ничего иного, чтобы отдать. Они так полны ядом, что могут давать только яд. И мистики тоже беспомощны; они так полны любви и нектара жизни, что могут давать только это.

История взаимоотношений между массами и мистиками никогда не бывала раскрытой ясно. Что же происходило? Зачем вам надо было отравить Сократа? Зачем вам надо было убить Иисуса? Зачем вам надо было замучить Мансура? Не то чтобы вы осознавали, делая это, — если бы вы осознавали, это было бы невозможным. В своем сне, в своей бессознательности вы продолжаете совершать поступки, уродливые, унижительные для человеческой природы, недостойные человека. А из суперсознания мистик продолжает осыпать вас цветами — независимо от того, что приходит в ответ.

Прощай, народ Орфалеса! Этот день подошел к концу.

Я ухожу... мой корабль готов, я готов. Я задержался достаточно долго среди вас, надеясь, что кто-то услышит, кого-то затронет, кто-то осознает, что чужак — это не чужак, а самое сердце ваших сердец; что он не только снаружи вас, но и внутри.

Он закрывается перед нами, как водяная лилия перед своим завтрашним днем.

Он использует прекрасную метафору — водяная лилия раскрывается на солнце. Как только утром восходит солнце, водяная лилия открывает свои лепестки. Когда солнце добирается до середины неба, водяная лилия подходит к своему полному раскрытию, и как только солнце начинает садиться, водяная лилия начинает закрываться. За то время пока солнце садится, лепестки водяной лилии закрываются — «перед своим завтрашним днем», говорит Альмустафа. Но завтра солнце взойдет снова, так что ничего не потеряно, даже если потерял этот день.

Мы будем снова вместе.

Если вам не удалось раскрыться сегодня, не беспокойтесь. Завтра на восходе солнца вы можете открыть свое сердце — вы можете сами стать водяной лилией.

То, что нам было дано здесь, мы сохраним,

И если этого будет мало, мы снова соберемся вместе и вместе протянем руки к дающему.

Тот дающий — сущее. Если этот день не стал днем осуществления, мы встретимся снова и вместе протянем руки к дающему.

Альмустафа говорит: «Все то, что я давал вам, — это не мои слова; все то, что я давал вам, — это не моя собственность. Я был здесь только посланником, передающим послание от окончательного. Но если вы и не услышали его, не беспокойтесь».

Он дает им финальное благословение; он не хочет, чтобы они о чем-либо жалели... Он чувствует глубокую печаль из-за того, что они тоскуют о нем; только *сейчас* они тоскуют о нем.

«Мы вместе протянем руки к дающему в другой день. Мы существа вечности; дни приходят и уходят, мы — всегда здесь. Поэтому все, что уходит, пусть уходит. Если я хотя бы посеял в вас зерна стремления к неведомому, недостижимому — этого довольно. В другой день мы встретимся вместе и протянем наши руки к дающему».

Не забывайте, что я вернусь к вам.

«Вы очень забывчивы, настолько забывчивы, что забыли и сами себя. Я знаю, что скоро я стану поблекшим воспоминанием, вы можете даже усомниться: был ли такой человек, или у меня была только галлюцинация».

И это не простая поэзия. Когда западные ученые начали переводить восточные писания, они пришли в недоумение. Их обусловленность была христианской, а христианство верит, что Бог создал мир только шесть тысяч лет назад. Их христианская обусловленность была сильно потревожена, потому что они натолкнулись на писания, которым десять тысяч — а согласно некоторым — и девяносто тысяч лет.

Если великое писание было создано девяносто тысяч лет назад, цивилизация, очевидно, уже достигла совершеннолетия; в противном случае такое писание не могло бы возникнуть. Человечество должно быть старше, чем писания. И это была такая культура, что даже за девяносто тысяч лет нам не удалось создать еще один язык, столь же совершенный, как санскрит. Вы не сможете найти ни единого пробела, ни единой трещины в нем. Это не происходит в один день; это требует времени — тысяч лет для развития.

Ваша забывчивость такова, что вам может быть навязана любая идиотская обусловленность, а как только обусловленность навязана вам, вы стараетесь понять все в соответствии со своей обусловленностью. Христианские ученые были изумлены, но они кое-как постарались зафиксировать все в пределах шести тысяч лет. С писаниями это было легко, но что делать с городами?

В Мохенджодаро и Хараппе они обнаружили семь пластов. По мере того как раскопки продолжались, это становилось все более и более обескураживающим.

По-видимому, Хараппа и Мохенджодаро перенесли семь бедствий — возможно, землетрясений, возможно, наводнений, — нельзя сказать. Но одна вещь была определена — первому пласту семь тысяч лет; что же сказать о седьмом пласте? Так не бывает, чтобы всего за несколько дней великая культура, великий город мог бы возникнуть, быть разрушенным от какого-то бедствия, а новый город возник сверху. Эти семь пластов показывают, что Хараппа существовал за тысячи лет до этих семи тысяч лет назад — верхнему пласту семь тысяч лет.

Было время, они прекратили раскопки глубже первого пласта. Согласно их обусловленности, больше быть не может; даже этого быть не могло, так как любой ученый-исследователь говорил, что всем этим вещам семь тысяч лет, а это не вписывается в

христианскую конструкцию. Поэтому они прекратили, полагая, что это все.

Но некоторые из раскапывающих чувствовали, что это был не единственный существовавший пласт, и они обнаружили еще один пласт ниже, еще один огромный город; они продолжили раскопки. А седьмой пласт, которому должно быть, по меньшей мере, пятьдесят или шестьдесят тысяч лет, поражает.

Я побывал на том месте. Это поражает, потому что показывает: каким-то образом те люди достигли даже более высоких стандартов технологии, науки, культуры, ведь дороги были так же широки, как дороги Нью-Йорка, а такие широкие дороги не нужны, если у вас нет транспорта, уличного движения.

Варанаси, говорят индуисты, старейший индуистский город, но разница очевидна: автомобилю не пройти в более старую часть, дороги очень тесные — люди просто ходили пешком; свет солнца почти никогда не попадал на те улицы, а по обеим сторонам высокие здания. Дорога до того тесна, что только небольшой рикша может пройти, это всегда одностороннее движение — двое рикш не могут разминуться. Зачем в Хараппа и Мохенджодаро сделаны шестидесятифутовые шоссе — очень прямые, превосходные перекрестки?

Другой поразительной вещью было то, что у них была водопроводная система, недоступная даже сегодня тысячам деревень в Индии. У них было определенное устройство, чтобы вода могла по трубам попадать в каждый дом, у них были снабженные ваннами комнаты.

Всего сто лет назад в Верховном суде Америки было дело, когда кто-то на континенте — в Европе — открыл, что ванную комнату можно соединить со спальней. Это было на самом деле комфортно, и — так или иначе людям было привычно мыться вне дома. Человека, который впервые построил присоединенную ванную комнату в Америке, всего сто лет назад христианский архиепископ Америки потащил в суд. Его осуждала вся Америка: «Он — грязный; у него ванная соединена со спальней». Традиционно ванная комната была в отдалении позади дома.

Сейчас один архитектор пришел к идее, которая превосходит все. Хотя никто не готов заключить с ним контракт, его идея прекрасна. Я видел чертежи и рисунки того, что он сделал из ванной комнаты. Он не присоединяет ванную к спальне, он делает большую ванную комнату, которая включает спальню. Похоже, это будущее — зачем присоединять? И зачем спальне придавать столько значения? Он создал такую замечательную ванную комнату — она кажется почти украшением, — которая может включать в себя спальню; это очень удобно.

Но, конечно, если кто-то попытается сделать так, христианство потащит его опять в суд: «Это заходит слишком далеко! Присоединить — ладно, мы можем забыть о вашей присоединенной ванной; по крайней мере, там разделяют стена и закрытая дверь. Но ванная и спальня вместе...» И он называет это «спальня в ванной», он даже не называет это «ванная в спальне» — важнее ванная комната.

Но в Хараппе и Мохенджодаро они присоединяли ванные комнаты; у них были плавательные бассейны, у них была превосходная дренажная система. Христианство и христианские ученые оказались просто в тупике — что делать с этим?

Идея, что мир был создан только шесть тысяч лет назад, очень слаба. Один епископ пришел к новой идее, объясняющей все. Он сказал: «Бог создал эти города в то же самое время, что и создал мир, и создал он их таким образом, чтобы, открыв их, вы обнаружили, что им семь тысяч лет, пятьдесят тысяч лет... Что невозможно для Бога? Это было сделано для испытания вашей веры». Ум до того изворотлив: есть прямые доказательства, а он по-прежнему держится своей обусловленности. Он никогда не задумается, что, быть может, обусловленность ошибочна.

Мы здесь уже тысячи лет, и мы забыли все. Все мы, время от времени, имеем проблески, но мы просто отталкиваем их в сторону как иллюзии, галлюцинации, сновидения, дневные грезы.

Мы никогда не допускаем, что это лучи, приходящие из-за пределов как напоминание нам.

Альмустафа прав:

Не забывайте, что я вернусь к вам.

Еще мгновение, и моя страсть соберет песок и пену для другого тела. Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня.

Халиль Джебран чрезвычайно естествен и искренен. Он, быть может, и не просветленное существо, но он недалеко — быть может, остался один шаг. Он настолько естественный и искренний, что порой это поражает.

Все такие люди... Даже такой человек, как Иисус, не признавал никаких женщин за апостолов, хоть он и был рожден женщиной. У Иисуса не было почтения к женщинам, даже к своей собственной матери. Однажды он говорил в селении на базаре среди небольшой толпы, и кто-то снаружи крикнул: «Иисус, твоя мать ожидает здесь».

И слова, которые вышли из уст Иисуса... остается надеяться, что они не исходили такими, это унижает Иисуса. Иисус сказал: «Скажите той женщине, — он даже не использует слово мать, — скажите той женщине, что мой отец высоко в небесах. На земле никто не отец мне и никто не мать мне; мой настоящий дом далеко в небе». Это обидно для женщины до крайности.

Его любили и верили ему больше всех женщины — Мария Магдалина, проститутка, одна из самых прекрасных в Иудее, ее сестра Марфа, и еще одна женщина, Мария, но им не позволили быть его апостолами, его вестниками. И самое поразительное то, что, когда он был распят, все его мужчины-апостолы исчезли: никому не хотелось быть там, ведь кто-нибудь мог признать близких последователей Иисуса, и то же стало бы их уделом — распятие.

Зато эти три женщины — мать Иисуса, которую он назвал «та женщина», проститутка, которую осуждала вся Иудея, — Марая Магдалина, и Марфа — не оставили то место. Они не только не покидали того места, они оставались рядом с телом Иисуса, а когда тело было снято с креста, они позаботились о нем: отнесли в пещеру. Но все же у христианства нет почтения к женщинам.

Кажется абсолютно непонятным, как люди, рожденные от женщин — их кровь, их кости, их костный мозг — все от материнского тела, — упорно осуждают женщину.

Гаутама Будда... Очень трудно найти что-нибудь для критики в нем, но если вы вспомните о женщинах... Двадцать лет непрерывно он отказывал инициировать в саньясу женщин; никакая женщина не могла стать учеником. Это странный вид мужской шовинистической позиции, и это становится еще более невероятным для такого человека как Гаутама Будда или Иисус, — и тот же случай с Махавирой. У всех религиозных основателей есть странная болезнь — осуждать женщин.

Должна быть очень основательная причина — почему они осуждают женщин? Вы осуждаете что-то, только если опасаетесь этого. Вы опасаетесь женщины из-за того, что она может по-прежнему очаровать вас, она может по-прежнему стать притягательной для вас. Эти люди опасались, что женское присутствие может разрушить многих, сбить с пути. В любом случае, женщина не равна мужчине, согласно их понятиям. Чудо в том, что в церквах, в храмах, в синагогах — везде вы обнаружите поклоняющимися только женщин.

Я говорю вам, что входить в церковь, храм, синагогу или мечеть противно вашему достоинству. Ведь это те люди, которые осуждали женщину тысячелетиями. Теперь настало время для всех женщин — половины человечества — бойкотировать всех этих религиозных священников, все их писания и все их храмы. Довольно!

Но Альмустафа не осуждает женщину, он говорит:

Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня.

Прощай, народ Орфалеса и юность, что я провел с тобой.

Лишь вчера мы встретились во сне.

Скоро это станет воспоминанием, сном.

Вы пели мне в моем одиночестве, и я из ваших страстных стремлений построил башню в небе.

Но вот сон исчез, сновидение закончилось и минула заря.

Полдень над нами. Наше полупробуждение превратилось в ясный день, и нам пора расставаться.

Если в сумерках памяти нам суждено встретиться еще раз, мы вновь заговорим, и вы споете мне более проникновенную песнь.

Снова та же надежда: если мы встретимся опять, вы споете мне более проникновенную песню. Они не спели ему никакой песни; они обошлись с ним как с изгнанником, наверное, слегка помешанным.

Но таких людей, как Альмустафа, никогда не раздражает ваше бессознательное поведение. Они продолжают ценить вас за то, чего вы никогда не совершали, — в надежде, что, быть может, высокая оценка вас приведет к ценному.

Вы пели мне в моем одиночестве, и я из ваших страстных стремлений построил башню в небе.

Теперь это просто его сострадание, его надежда, его поддержка.

Если в сумерках памяти нам суждено встретиться еще раз, мы вновь заговорим, и вы споете мне более проникновенную песнь.

Будьте готовы... не забывайте меня. Придет день, когда мы снова будем вместе, и тогда ваша песня будет проникновеннее.

И если в другом сне встретятся наши руки, мы построим другую башню в небе.

Сказав так, он дал знак морякам; те тотчас подняли якорь, корабль отдал швартовы, и они двинулись на восток.

Примечательно, что корабль движется к востоку. Восток был веками — а быть может, и всегда — святым, священным источником жизни. Не только солнце восходит на Востоке, Гаутама Будда тоже восходит на Востоке. Восток произвел тысячи мистиков. В сравнении с ним Запад очень беден. Точно так же, как Запад создавал великих ученых, Восток производил великих исследователей своего собственного существа. До сих пор — в своем наиболее упадочном состоянии, в свою самую мрачную эру — Восток тянет искателя, как магнит. Те, что хотят искать истину, те, что хотят познать себя, неожиданно испытывают тяготение к Востоку. И их тяготение не беспочвенно.

Восток несчастный, голодающий, но даже беднейший человек на Востоке грезит золотыми грезами самореализации, даже нищий, который спит на улице, мечтает однажды реализовать себя. От императоров до нищих, все объединены одним поиском. Такого концентрированного усилия никогда не предпринималось нигде больше. Запад продолжает трудиться над вещами, объектами, создавая замечательную технологию — но совершенно забывая о том, кто будет пользоваться этим.

Альберт Эйнштейн умирал в ужасном состоянии, потому что испытывал вину за Хиросиму и Нагасаки. Ведь это Альберт Эйнштейн писал американскому президенту Рузвельту: «Вам не разбить Германию и Японию, если вы не овладеете неким высшим источником энергии для их уничтожения. Вам необходимы атомные бомбы, и я могу создать атомные бомбы. Они представляют собой совершенно иной мир. Ваши обычные бомбы в сравнении с ними хлопушки».

Всего одной бомбы хватило, чтобы уничтожить такой город, как Хиросима, где проживало сто тысяч человек. За секунды. То же с другой бомбой — на Нагасаки.

Рузвельт был чрезвычайно доволен; он немедленно пригласил Альберта Эйнштейна. А причина была в бессознательности самого Альберта Эйнштейна — почему он захотел вручить знание Рузвельту? Он был еврей, а Германия убила почти один миллион евреев. Фактически, если бы он остался в Германии, разрабатывая атомную бомбу, то атомная бомба оказалась бы в руках Адольфа Гитлера и вся история была бы совершенно иной. Но он бежал, хотя ему можно было не опасаться, так как он был абсолютно необходим Адольфу Гитлеру и тот и не притронулся бы к нему.

Эйнштейну было обещано: «Никакого вреда вам не причинят», — но когда он увидел миллионы своих людей исчезающими в дыму, в газовых камерах, он не смог поверить этому человеку и его обещанию. Скорей всего, он подумал: «Как только атомная бомба будет создана, я тоже превращусь в дым в дымоходе газовой камеры. И до того, как немцы изучили всю технологию атомной энергии, лучше бежать со всеми секретами; в противном случае этот человек будет править всем миром».

Письмо Рузвельту — он, может, и не думал об этом — было мстью. Он не думал, что атомную бомбу могут использовать. Он хотел просто создать и поставить в известность весь мир: если Германия и Япония не капитулируют, то атомная бомба будет использована. Угрозы было достаточно; не было необходимости использовать это.

Германия капитулировала раньше, чем узнала о создании атомной бомбы, а Япония собиралась последовать этому, самое большее, через неделю, потому что Япония была не что иное, как тень Германии.

Но тогда человек, который стал президентом Америки, Трумэн, не смог устоять перед искушением воспользоваться атомной бомбой, прекрасно зная, что противник капитулирует и без этого.

Даже его собственные генералы говорили, что это будет совершенно бесполезное уничтожение невинных людей, которые не участвовали в войне: штатских, детей, стариков, старух — зачем уничтожать их? — гибель была верной... Но Трумэн не собирался слушать. Альберт Эйнштейн даже написал письмо, что нет необходимости использовать бомбу. Но было другое время, не то, когда Рузвельт пригласил его немедленно после получения его первого письма. Это было другое время. Теперь власть была в руках другого президента Америки; наверное, письмо Альберта Эйнштейна бросили в корзину для бумаг.

Он умер с глубокой горечью и печалью. Он никогда не думал ясно и сознательно о том, какие могут быть последствия.

Давать власть политикам опасно. Как только они приходят к власти, они совершенно меняются. Когда у них нет власти — они народные слуги, они приходят к вам со словами: «Мы хотим служить вам». Но когда у них есть власть, они забудут, что вы имеете хоть какую-нибудь ценность. Последними словами Альберта Эйнштейна было: «Если будет еще одна жизнь, как говорят восточные люди, мне не хотелось бы быть снова ученым. Лучше стать водопроводчиком, чем физиком».

В прошлом Восток подошел очень близко к созданию всей технология, что существует сегодня, но они остановились — это была сознательность мистиков.

Например, печатная машина впервые появилась в Китае три тысячи лет назад, порох тоже появился в Китае три тысячи лет назад. Но его никогда не использовали. Они слушали Лао-цзы, Чжуан-цзы и Ли-цзы: «Эти вещи уродливы и бесчеловечны, лучше прекратить этот вид научных исследований. Это приведет, в конечном счете, к разрушению всей Земли».

Это было сказано, двадцать пять веков тому назад, и Китай остановился.

Арифметика была открыта в Индии пять тысяч лет назад, а без этой арифметики никакая атомная бомба не может быть создана, никакое ядерное оружие не может быть создано. Вы

можете видеть влияние индийской арифметики в числительных каждого языка; это выявляет источник происхождения арифметики. Например, nine (девять) на санскрите *nog*, eight (восемь) на санскрите *astha*; seven (семь) на санскрите *septa*; three (три) на санскрите *tri*; two (два) на санскрите *dwa* — *dwa* перешло в латынь как *duo*, а из *duo* происходит английское *two*.

Несмотря на то, что они открыли основы всей арифметики, они остановились. Странно — почему эти люди остановились? У них были гении, они открыли то, что Запад открыл только сейчас.

В древней индийской медицине есть подробнейшие описания всех видов хирургии — включая хирургию мозга, — но они остановились. Они сказали: «Все эти вещи выводят человека все больше и больше наружу. Лучше остановиться, пока человек не ушел слишком далеко от самого себя. Основная причина, почему человек здесь, это не создание атомных бомб, не создание ядерного оружия. Основная причина — найти себя».

Это знаменательно, что корабль движется к востоку.

Как из единого сердца, крик вырвался у народа, и поднялся в сумрак, и разнесся над морем, словно могучий глас трубы.

Когда мистики живы, их осуждают. Когда они умирают, им поклоняются.

Если вы обнаружите какого-нибудь мистика, которому поклоняются при жизни, помните — он, должно быть, уже мертв. Может, он еще и дышит, но просто дышать — это не жизнь; может, он и ест, но просто есть — это не жизнь.

Жизнь состоит из всего прекрасного — из песен гор и деревьев, из тишины этих птиц, поющих просто от избытка, из цветов, из танцев, из любви, из медитации...

Жизнь состоит из всех великих сокровищ. Это не только дышать, есть и спать. Святые, которым поклоняются при жизни, — у вас должен быть другой взгляд на них: они, очевидно, уже мертвы. Люди не могут поклоняться им, если они действительно живы. Люди поклоняются им, лишь, когда они умирают, потому что мертвые не могут любить, мертвые не могут танцевать, мертвые не могут петь, мертвые не могут наслаждаться, мертвые не могут смеяться. Мертвые не могут стать моими учениками.

Лишь Альмитра молчала, провожая взглядом корабль, пока он не исчез в тумане.

У Халиля Джебрана огромное почтение к женщине, потому что она является матерью всего. Она ближе к истокам жизни, чем мужчина.

Лишь Альмитра молчала, провожая взглядом корабль, пока он не исчез в тумане. И, когда народ разошелся, она все еще одиноко стояла на молу, вспоминая в своем сердце его слова: Альмустафа произнес:

«Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня».

Если у нас есть хоть немного чувствительности, хоть какой-то разум, — женщину нужно уважать, потому что все ваши мистики рождены из ее чрева. Она мать всех ваших поэтов, всех ваших певцов, всех ваших художников, всех ваших ученых, всех ваших мистиков. Разве не самое странное, что ее осуждали все культуры, повсюду сводили к статусу ниже человеческого? И это делалось ее собственными сыновьями.

Люди все время спрашивают меня: «Почему так много женщин в вашем движении?»

Я отвечаю: «Это естественно, потому что я первый, кто дал женщине более высокий статус, чем мужчине. Она является матерью Махавиры, Гаутамы Будды, Иисуса; ей должны поклоняться».

Движение за женское освобождение требует только равенства, а я говорю, что равенства недостаточно. Женщина гораздо выше мужчины. Никакой мужчина не давал рождение, не носил дитя в своем чреве, не страдал долгими ночами и днями от боли без всякой жалобы, не рожал в потрясающей агонии. Но женщина приняла это все, принесла в жертву все свои желания

удовольствия, комфорта, приняла все страдание, потому что новое рождение, новая жизнь, новый гость приходит к ней.

Это стоит всего того страдания, ведь кто знает — новый гость может оказаться Гаутамой Буддой, Халилем Джебраном, Рабиндранатом, Достоевским, Толстым. Женщина способна молча ожидать, молча страдать ради жизни.

Альмитра радуется, вспоминая то, что он сказал:

Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня.

Та, кто родит его, будет женщиной, и Альмитра чувствует себя всеми женщинами мира. Неважно, кто родит его. Имеет значение то, что это будет женщина. Женщина снова даст рождение посланнику Бога.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.